Сказания Ростова Великого

записанные
Александром Артыновым

Сказания Ростова Великого,

записанные Александром Артыновым

Издание второе дополненное

Белые альвы

Москва 2007

ББК 28.04
С 42

Литературная обработка текстов, комментарии, вступительная статья выполнены академиком Международной Славянской, Петровской и Русской академий наук, профессором, доктором филологических наук ***Юрием Константиновичем Бегуновым***.

Сказания Ростова Великого, записанные Александром Артыновым. Составление, предисловие, комментарии Ю.К. Бегунова. Изд. 2-е дополненное. — М.: Белые альвы, 2007. — 368 с., ил. ISBN 5-7619-0266-4

С 42

Все лучшее и наиболее ценное из произведений русского фольклора находим в записях и литературной обработке А.Я Артынова и прежде всего в Мусин-Пушкинском сборнике второй половины XVII века, сохранившемся в пересказе Артынова 1842 года и в беловой копии этого пересказа 1887-1888 годов. В книге приведены в пересказе на современный язык тексты фольклорных, сказочных повестей забытой у нас, совершенно угасшей местной культурной традиции второй половины XVII века, авторами которых были малоизвестные писатели Алексей Богданович и Ирина Михайловна Мусин-Пушкины.

ББК 28.04

ISBN 5-77619-0266-4

© Бегунов Ю.К., составление, предисловие, коментарий, 2007.
© Пресняков М.А. иллюстрации, 2007.
© Благотворительный Фонд Духовной Культуры, 2007.
© Белые альвы, 2007.

Содержание

Ростов Великий ростовский сказочник
Александр Артынов 5
Предисловие ко 2-му изданию 10
Князь Владимир Яналец и основание Ростова Великого *11*
Князь Мечислав и царевна Мирослава *23*
Князь Буривой и княгиня Рогнеда *33*
Царь-девица Лизиха и Елоус, заморский царь *41*
Князь Трудолюб и княжна Веринка *51*
Волшебница Тихонрава-Шендора 70
Князь Остромир и княжна Белунка *73*
Князь Рудак *78*
Князь Щёк и княжна Векса *92*
Князь Вадим Храбрый и княжна Красозвезда *99*
Князь Рустан и волшебница Мадалея *117*
Князь Куява и княгина Валеснерия *126*
Богатырь Верзило Ушма *130*
Князь Небослав *145*
Михей-Русин, ростовский купец *157*
Великий князь Владимир Святославич и Громобой *163*
Фома, епископ Ростовский *194*
Преподобный Авраамий Ростовский *198*
Князь Мстислав Владимирович *209*
Святой Леонтий, епископ Ростовский, и жрец Кича *211*
Прохор, епископ Ростовский,
и новгородские ушкуйники *218*
Молодой Филя-воевода *222*

Князь Андрей Юрьевич Боголюбский *228*

Князь Олег Святославович Стародубский и волшебник Назор *237*

Епископ Феодор Колугер *243*

О юродивом Фроле,епископе Леоне и о смерти князя Андрея Боголюбского *249*

Боярин Юрий Долгий *254*

Сокольник Богдашка *261*

Убегай Липцов! *265*

Князь Глеб Василькович и царевна Газель *268*

Святой Петр, царевич Ордынский *274*

Князь Иван Андреич Брюхатый и братья Сбродичи *283*

Князь Семен Михайлович Луговской и братья Сбродичи *293*

Князья Юрий и Юда Луговские *301*

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский и юродивый Афанасий Благоверный *314*

Комментарий *321*

Словарик славянских богов, упоминаемых в сказаниях Ростова Великого *346*

Краткий хронограф земли ростовской IX-XVII веков *354*

Словарь древнерусских и диалектных слов и выражений *356*

Ростов Великий и ростовский сказочник Александр Артынов

Между полноводной Волгой и старопрестольной Москвой есть большое овальное озеро, богатое рыбой и илом. В народе его зовут Неро, или Каово, а чаще всего — Ростовским. В его водах в ясную погоду отражаются золотые купола с крестами и разноцветные маковки церквей, башни и стены с зубцами величественного кремля. Это Ростов Великий. Кремль, построенный в XVII веке при митрополите ростовском Ионе Сысоевиче, и сегодня воспринимается как застывшая музыка древнерусской архитектуры. Не только архитектура, но и фрески, живопись, иконы, старинная утварь и книги, которых много хранится в ростовских музее и архиве, — все напоминает о том времени, когда здесь было богатое и могучее Ростовское княжество. Из того времени дошли до нас древние ростовские книги — средоточия народной мудрости и красоты, дошли, благодаря подвигу собирателей, археографов и фольклористов.

Заглянем в «Повесть временных лет». В ней рассказывается, что, приняв власть над Северо-Западной Русью, конунг Рорик Ютландский, или князь Рюрик, стал раздавать в управление своим мужам Русские города. В числе их под 862 годом упомянут и Ростов. Второй раз город упоминается в той же летописи под 907 годом, на этот раз в договоре киевского князя Олега Вещего с греками как город, получающий дань!

А основан «Россов стан» был еще раньше в земле мери, финно-угорского племени, вероятно, в IX или даже VIII веке словенами ильменскими, предприимчивыми и смелыми людьми, создателями и хранителями веча и первого народного государства. Только местное предание и «История российская» В.Н. Татищева сохранили

имя основателя Ростова: князь Владимир Яналец. Ростовцы, считавшие себя младшими братьями новгородцев, издревле возлюбили свободу и дорожили ею, считали городское вече и своих князей своими заступниками. К сожалению, документы не сохранили имен первых ростовских князей, они остались только в преданиях. Лишь с XIII века известно достоверное историческое лицо. Это ростовский князь Константин Всеволодович (1212-1220), сын великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Мономаха. От князя Константина пошли многочисленные ростовские удельные князья: Бахтеяровы, Брюхатые, Буйносовы, Гвоздевы, Голенины, Лобановы, Немые, Приимковы, Темкины, Хохолковы, Щепины и другие. Один из них, князь Александр Борисович Ростовский, в 1470 году «продал» Ростов московскому великому князю Ивану III. Ростовское удельное княжество окончательно перестало существовать, войдя в состав Московского централизованного государства. И все же ростовцы сохранили свои местные культурные традиции, литературу, фольклор. Этот ростовский фольклор был заботливо собран и литературно обработан крестьянином Александром Яковлевичем Артыновым (1813-1896), жителем села Угодичи, находящегося в пяти километрах от Ростова, через озеро.

Сказочник-собиратель принадлежал к роду в прошлом крепостных крестьян, который берет начало от Торопки Голована, слуги ростовского князя Бориса Владимировича. Князь был убит 24 июля 1015 года по наущению князя Святополка Окаянного на берегу реки Альты, близ Переяславля Южного. Торопка прискакал с печальной вестью в Ростов Великий, с тех пор его прозвали «Альтин». Один из Альтиных, Васька Вихорь, в 1613 году участвовал в поимке на реке Яике атамана донских казаков Ивана Мартыновича Заруцкого, принимавшего участие в «смуте» на стороне Лжедмитрия II. Вихорь-Альтин переменил свое прозвище на «(М)артынов».

До наших дней сохранилась, благодаря ростовскому историку-краеведу А.А. Титову, часть творческого наследия Артынова — более 80 рукописных книг, содержащих 50000 листов текста. Весьма разнородный этот материал можно разделить на несколько групп: записи подлинных фольклорных и древних исторических и литературных текстов; пересказы подобных же текстов; переработки и

переделки тех же текстов в целях создания сводных литературных текстов; исторические сочинения (местные ростовские летописцы, сказания о князьях, их родословные и пр.), созданные на основе известного ему местного материала; литературные сочинения (одна-две повести) и несколько десятков стихотворений и поэм, созданных А.Я. Артыновым.

Классифицировать рукописный материал Артынова сравнительно легко, так как ростовский собиратель и книжник отличался высокой порядочностью в отношении используемых им материалов: он всегда указывал в подстрочных примечаниях, в комментариях и предисловиях, откуда взят материал, кто, что и когда послужило источником. Однако имеются и затруднения. До встречи в 1869 году с профессором М.П. Погодиным Артынов не знал, что источники надо цитировать полностью, и не сохранил точных копий бывших в его руках уникальных историко-литературных материалов: Мусин-Пушкинского сборника, Трехлетовского и Хлебниковского летописцев. Сохранился лишь подробный пересказ текста Мусин-Пушкинского сборника, содержащего 120 уникальных сказочных повестей, основанных на местном фольклоре XVII века и старше (рукописи РЫБ, из собрания А.А. Титова, № 4131 и 4132. 1887-1888), а также краткие пересказы Хлебниковского и Трехлетовского летописцев (рукопись РНБ, из собрания А.А. Титова, № 4580. 1878-1879) и некоторых документов.

Сказочные повести Артынова — это в общей сложности несколько сотен неизданных текстов разной ценности. Их необходимо исследовать и ввести в научный оборот, так как они содержат первоклассный материал как для историков фольклора, так и для историков древней русской литературы, а также для этнографов. Однако здесь есть одна особенность. Если эти сказочные повести сочинил Артынов, то они могут рассматриваться только в ряду лубочной литературы XIX века. Но если Артынов не сочинял, а составлял сводные тексты из услышанного и записанного, тогда ценность его наследия возрастает. Установить источники и отслоить хронологически этапы его работы — задачи исследователя. Ведь Артынов, что весьма существенно, не только пользовался указанными тремя литературными сборниками XVII-XVIH веков, но и сам записывал фольклор.

Ведя крестьянский образ жизни, А.Я. Артынов тем не менее не был типичным крестьянином. Он, очевидно, принадлежал к крестьянской интеллигенции России. Взяв на себя роль историка Ростова Великого, Артынов нажил себе довольно много врагов, которые не считали его труды серьезными и закрывали ему дорогу к научной деятельности, к публикациям, признанию. Будучи скромным человеком, Артынов говорил, что пишет для себя, для сына Якова, для внуков Саши, Миши и Сережи. Но втайне хранил надежду, что когда-нибудь его рукописи пригодятся народу. И современники заметили его подвижнический труд еще при жизни собирателя. Село Угодичи сделалось местом паломничества любопытных. Историко-этнографический очерк о селе Угодичи выдержал пять изданий, увидели свет и два предания XV века об архиерейской шапке Иоасафа Оболенского и о попе Георгии Скрынице в «Ярославских епархиальных ведомостях». Однако основные книги Артынова остались в его архиве. Большая часть архива сохранилась благодаря купцу-миллионщику и историку-краеведу А.А. Титову, который с 80-х годов XIX века покупал у Артынова его рукописи по 50 рублей серебром за штуку. Позднее Титов воспользовался богатым материалом Артынова для создания своих научных работ: «Воржская волость. Исторический и статистический очерк», «Ростовская старина. Вып. 1», «Предания о ростовских князьях», «Ростовский уезд Ярославской губернии», «Велесово дворище и легенда о жреце Киче» и др.

После смерти А.А. Титова в 1911 году его большие библиотека и архив, куда входили и рукописи Артынова, были разделены на части и в настоящее время хранятся в Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, в Ростовском музее и в Государственном Историческом музее в Москве.

Александр Яковлевич Артынов работал до последних дней. Когда он ослеп, то диктовал свои труды сыну Якову и внуку Сергею. 17 февраля 1896 года А.Я. Артынов скончался и был похоронен в Угодичах возле Богоявленской церкви. Александра Яковлевича Артынова, чей подвиг как собирателя русского фольклора еще недостаточно оценен и осмыслен, можно по праву назвать достойным продолжателем традиций русской лубочной литературы и народной книги XVII-XVIII веков, подвижником среди собирателей фольклора.

Его сказки помогут читателю открыть окно в исчезнувший духовный мир Древней Руси, узнать о приключениях русских богатырей-князей, совершавших подвиги ради свободы родной земли, во имя торжества добра и справедливости, в честь прекрасных красавиц. Он узнает о деяниях старцев-подвижников вроде Авраамия и простолюдинов вроде Ивашечки-с-Крошечку. Он почувствует мудрость правды, которая пронизывает действия благородных князей и прекрасных княжен, богатырей-поляниц, добрых волшебников и волшебниц. Он узнает о космогоничеких и географических представлениях людей Древней Руси, искавших земной и небесной мудрости, которых объединяет служение нравственной красоте и доброте, олицетворяемой во Святой Руси. Читая артыновские тексты, невольно воодушевляешься высокой нравственной чистотой, которая присуща героям сказочных преданий, поражаешься их возвышенностью, искренностью и глубиной чувств, верностью любви и дружбе, родной земле. Пленяет сочный выразительный язык, в котором чувствуется древнее начало. А.Я. Артынову удалось сохранить в своих текстах немало подлинных фольклорных черт, искони свойственных древнему народному сознанию.

Чрезвычайно необходимо издать все лучшее и наиболее ценное из произведений русского фольклора в записях и литературной обработке А.Я Артынова и прежде всего Мусин-Пушкинский сборник второй половины XVII века, сохранившийся в пересказе Артынова 1842 года и в беловой копии этого пересказа 1887-1888 годов. В ней приведены в пересказе на современный язык тексты 120 полуфольклорных, полулитературных сказочных повестей забытой у нас, совершенно угасшей местной культурной традиции второй половины XVII века, авторами которых были малоизвестные писатели Алексей Богданович и Ирина Михайловна Мусин-Пушкины.

В данной книге представлена лишь небольшая часть сказочных повестей и исторических преданий, сохранившихся в архивах А.Я. Артынова.

Ю. Бегунов, академик

Предисловие ко 2-му изданию

Благодаря деятельности «Благотворительного Фонда Духовной Культуры» (Москва), стало возможным второе издание нашей книги (1-е выходило в 2000г.). В текст книги добавлено только одно сказание «Преподобный Авраамий Ростовский» и комментарии к нему А.Я. Артынова и академика Международной Славянской, Петровской и Русской академии наук, доктора филологических наук, профессора Ю.К. Бегунова.

Счастливого тебе пути, книга!

Князь Владимир Яналец и основание Ростова Великого

Лета от Сотворения мира 5060,
до Рождества Христова 448

Царь Вандал, сын Славянов, имел у себя три сына, по имени Избор, Столпосвет и Владимир. По смерти Вандала стал править всем его царством старший сын его Избор, он был мудрый и справедливый царь, любимый своими подданными и уважаемый соседями.

Второй сын Вандалов Столпосвет не пошел дорогой отца своего и старшего брата, а пошел своей, стал брать, где не клал, и жать, где не сеял, стал промышлять разбоем на реке Мутной до моря Невы. И по своей непобедимой удали он известен был под именем Волхва или Морского Щуда. Для поддержания молвы о Морском Чуде он сделал длинное остроконечное судно с палубой. Он являлся там, где его не ожидали, и устрашал всех. По этому Волхву-Щуду река Мутная названа рекою Волхов.

Младший сын Вандалов Владимир, по предсказанию жрецов оставя свое родительское наследство братьям, пошел с избранными им охотниками отыскивать себе иное царство «на веток солнца», и по долгом странствовании пришел к городу Россов стан.

Изборский князь, по имени Неро, один из потомков Фавела, сына Иафетова, удалился в пределы Мосоха и поселился в городке Россов на берегу озера Каово. И там основал жилище роду своему, окопал место это глубоким рвом и насыпал высокий земляной вал. Все это устроил он на холмистом возвышении, назвал эту крепость Горицы.

Царь Неро имел у себя четырех сыновей и пятую дочь, по имени Светида, которую прозвали Пугой. Она у него была великая красавица, разумна и скромна. Она взяла всем: и ростом, и дородством — словом, была царевна, как говорили, кровь с молоком. Один только был в ней недостаток: она была нелюдима и избегала всякого сообщества с посторонними мужчинами. При случае была дика и груба. Любимое ее занятие — беседовать с бабой Ишней, матерью отца своего, которая поселилась недалеко от места жительства сына своего среди хлебородных полей его. Жилище ее прозвано было Воржище. Там старуха Ишня занималась наукой волхвования и была великая волшебница.

Причина переселения из Избора царя Неро со всем родом и племенем своим в землю мослемов, к потомкам Мосоховым, в страну Гиперборейскую заключалась в следующем.

В Изборе мать царя Неро наукой своей предузнала, что найдет на Изборскую землю великий и непобедимый славянский народ, носящий на себе имена сарматов и алланов, а более известный под именем скифов, потомки Росса-Вандала, и пленит Изборскую землю. А непраздной его супруге Ясени сказала, что родит она дочь Светиду Большое Гнездо, от которой произойдут поколения знаменитых князей и царей. Только рождение ее будет не в Изборе, а на чужбине. И в заключение всего сказала княгине Ясени, что дочь ее будет великая красавица. Такое предсказание и заставило царя Неро переселиться на берега озера Каово.

Младший Вандалов сын Владимир был притчей в народе и дивья всему роду. Он был смел от самых юных лет. Душевные его качества ума и доброты превосходили всех его современников, мужественная красота лица его и стройность стана пленяли всех смотрящих на него. Рождение его знаменовано было великим и несвоевременным разливом реки Мутной и криком новгородского Перуна троекратно: «Слава! Слава! Слава!»

Этот молодой князь Владимир был из первых охотников на зверей, не по летам своим, а по крепости сил и отваге для него никакой зверь не имел исключения. Вследствие этого в одно время привез к отцу своему безмерной величины медведя, укрощенного им, который имел логовище свое на холмистом возвышении, омываемом с одной стороны реками Волховом и Волховцем, где он причинял великий вред туземным жителям.

Удивление князя Вандала не имело границ. Смотря на такую отважность сына, обнявши его, он в избытке радости сказал ему: «Сын мой, тесно для тебя будет царство мое новгородское — ищи себе иного пространства!» Слова родителя глубоко запали в сердце юного князя Владимира. Он стал задумываться не на шутку, где бы ему основать свое царство. В одно время гулял он по берегу реки Волховца и углубился

в чащу леса, растущего на берегу. Там случайно пришел он к небольшому уютному и красивому жилищу, из которого в это время вышел сановитый и маститый старец, который приглашал князя к себе быть у него гостем. Тот не ослушался. Два служителя по слову старца с великим почтением приняли князя Владимира. Беседуя с ним за роскошной трапезой, старец спросил о его дедине-отчине. Узнав, кто он, повел с ним речь иную, согласную с его званием. Продолжая речь свою, сказал: «Тебе, князь, нужен простор, а здесь тебе будет тесно. Мечты твои остановятся на месте Россова стана, а это далеко отсюда, на восток солнца, безвестный путь туда и неведом никому, окроме одного невольного путника. Дед твой Кунигардию основал, а отец твой — Новгород, а ты на месте Россова стана распространишь великий город близ урощича Гориц, там и населишь вместо Малого Великий город. Я назвал тебе прежде Россов стан, о нем там есть предание, что в глубокой древности, в царствование одного из предков твоих, Росса-Вандала, сына Рагуилова, стоял военный стан. Этот Росс променял свое родовое пепелище на голубые очи красавицы скифской, и сам сделался скиф, и твоя судьба не много будет иметь разницы от предка твоего Росса, тебе тоже придется не отыскивать, а избавить от чар такие же голубые очи. Но в чем заключаются чары и кто очаровал эти очи, я об этом умолчу, потому это дело уважаемой мной княгини Ишни, бабы голубых очей. Она тебе скажет, кто чародей, и научит тебя, как избавить эти очи от чар. Найти же тебе эту княгиню Ишню без моей помощи невозможно. Было время, и она была украшением всего Избора, а теперь, я думаю, как и я состарилась, как и я, быть может, превратилась в развалины. Неумолимая судьба навеки разлучила меня с ней. По воле родителя ее она стала княгиней Избора, а я стал пустынником новгородским. Она с отчаяния хотела прекратить жизнь свою, но я остановил ее от этого и уговорил забыть меня и повиноваться родителю своему, избавить его от угрожающей ему неминуемой гибели. На память чистой и не-

порочной нашей любви она отдала верного и любимого своего пса, с которым она была неразлучна и который был неусыпный страж ее. Он и теперь по слову моему найдет то место, где она теперь живет. И когда ты придешь к ней, то только скажи: «Сильдес-Нива возвращает тебе твой подарок», который в настоящее время бывшей моей суженой весьма будет пригоден. Этот пес имеет разум мудреца и известными нам знаками или своим лаем скажет, как избавить голубые очи от чар».

Частые посещения князем Владимиром старца Сильдеса были для него пригодны. Из продолжительной беседы его сказания открыли много будущего. В одно время князь Владимир стал проситься у своих родителей отведать счастья в чистом поле, а там людей посмотреть и себя показать. Они долго не решались на это по причине отсутствия братьев его, Избора и Столпосвета. Но приход их дал ему полную свободу идти на все четыре стороны. И он стал немедленно собираться в путь-дорогу. Пошел проститься со старцем Сильдесом, который повторил ему прежние свои советы и наставления, когда что надо ему делать, и в заключение всего дал ему вожатого — черного пса, который приведет его прямо к княгине Ишне и лаем своим поставит лицом к лицу с ней. Немало времени прошло с тех пор, как князь Владимир выехал из Новагорода, наконец приехал он на место Россова стана, перебрался вплавь через реку Язиху (Ишню), недалеко от Россова стана.

Чудный пес привел князя Владимира к жилищу, где жила княгиня Ишня, к которой он был послан. Взойдя на широкий двор, пес стал громко лаять, на его голос к ним скоро вышла высокая дебелая старуха с признаками бывшей когда-то красоты на лице. Ее радость была велика, когда она увидела перед собой своего любимого пса, который различными своими знаками изъявлял перед нею свою радость.

Когда княгиня Ишня позвала князя Владимира по имени, о котором сообщил лаем своим пес, тогда он догадался, что стоит перед ним княгиня Ишня. Тогда он немедленно обра-

тился к ней, говоря: «Милостивая княгиня, старец Сильдес-Нива имеет тебе через меня челобитье и возвращает тебе твой заветный ему подарок и послал меня к тебе в послухи».

При имени Сильдеса-Нивы княгиня совсем изменилась лицом от радости и, казалось, что она помолодела, долго молчала, наконец стала спрашивать князя о здоровье старца Нивы и где он встретился с ним. Князь рассказал ей о месте его жительства и о его настоящей жизни. Потом сказал о своей дедине-отчине. Княгиня весьма рада была его приходу, а в особенности присланному подарку. Она теперь рассказала князю Владимиру, сколь для нее этот подарок теперь нужен, потому что в осенинах у сына ее, царя Неро, похищена была волшебником Карачуном дочь его, царевна Светида, о которой теперь ни слуху ни духу. Четыре сына царя Неро пошли в разные стороны искать ее, но еще не возвращались. «Теперь посредством присланного с тобой подарка я узнаю, где она находится и как ее от волшебника выручить», — сказала она.

Княгиня спросила у пса, где находится теперь царевна Светида, и получила ответ, что та находится у волшебника Кедрона, который похитил ее у волшебника Карачуна, на горах Алаунских, на самой высокой из них. А чтобы освободить ее, надо достать прежде корень травы льва или крикуна, одно и то же. «От прикосновения того корня я получу свой прежний вид, и Кедрону тогда не удержать в неволе царевну».

Княгиня хорошо знала, где растет эта трава, сообщила о том князю Владимиру, а именно: за рекой Ухтомой, на холмистом возвышении, недалеко от трех вековых дерев, растущих вместе. Она немедленно послала туда князя Владимира, который по сказанному, как по писаному, скоро нашел три дерева, растущих вместе, а потом и то место, где росла трава лев. Корень ее он тут же вырыл и принес княгине, которая прикосновением его к тому чудному псу возвратила ему первобытный вид человека, в котором она к великому своему удивлению увидела перед собой знаменитого и древнего

мудреца Ахитаса, одного из потомков царевича Маона, сына царя Фамы, превращенного во пса волшебником Кедроном. Ему он теперь поклялся заплатить сугубо.

После приветствий княгине Ишне и князю Владимиру старец Ахитас стал благодарить сего последнего за свое освобождение от чар, и потом сказал он, что без корня травы льва нельзя соследить волшебника Кедрона, потому он силой науки своей как себя, так и терем свой со всеми находящимися там людьми и сокровищами, сделал невидимыми. Теперь все это изменится: корень травы льва уяснит знание, позволит видеть невидимое. К этому корню надо еще иметь траву деряску, которую надо тайно положить под возглавие сестры Кедроновой, прекрасной Лотаны, и у сонной спросить, чем покорить брата ее, она во сне все расскажет.

Княгиня с князем Владимиром и старцем Ахитасом пошли к сетующему царю Неро. Беседа их разогнала печаль. Царь и его жена приняли радушно князя Владимира и старца Ахитаса и были вполне утешены обещаниями, что их дочь скоро возвратится к ним. В особенности стали они чествовать князя Владимира как главное действующее лицо в освобождении царевны. Царь Неро полюбил князя еще более, потому что с отцом его, царем Вандалом, были они ратными товарищами и друзьями, когда он царил в Изборе и когда они ходили вместе громить далекие страны.

Настало, наконец, время князю Владимиру, по слову старца Ахитаса, ехать на горы Алаунские отыскивать жилище волшебника Кедрона, имея при себе корень травы льва и траву деряску, ему только недоставало, по соображению старца, для полноты в успехе травы разрыва, или прыгуна. Старец предсказал князю, где и как найти ее, а для указания пути на горы Алаунские дал ему Златой Шар и рассказал все, что надо ему там делать с сестрой волшебника Кедрона.

Князь Владимир, благополучно продолжая путь свой на горы Алаунские, достал прежде травы деряску и прыгун.

Златой Шар катился пред ним, показывая путь. Наконец докатился он до такого места на горах, где было коренное жилище потомков Иафетовых — сарматов и алланов, мужественного и воинственного народа. От них слава о горах Алаунских прошла по лицу всея земли. Там князь Владимир, помимо своего путеводителя, стал спрашивать у туземных жителей гор о жилище Кедроновом, но никто из них не знал о том, о чем их князь спрашивал. Тогда князь положился более на своего путеводителя.

Наконец чрез немалое время Шар прикатился к одной высочайшей и неприступной горе, вершина которой казалась ему под облаками. Подошву этой омывал гремучий ручей, кативший воду свою по камушкам. На самом возвышенном гребне горы той князь видит странного вида здание. Путеводитель его нашел удобный ход на ту гору и покатился вверх по ней, докатился до самого здания, перед которым и остановился. По этому князь узнал, что это должно быть жилище волшебника Кедрона. Он спешился с коня своего богатырского, стреножа его, и отпустил на подножный корм, а сам пошел в тот терем. При вступлении в него он задел нечаянно за находившуюся тут струну, от которой загремела по всему терему громкая музыка. Князь остановился и думает, идти ли ему далее или ожидать какой-либо встречи. Музыка продолжает играть громко, а к нему никто не идет. Наконец он сам решился идти без зову, и чем дальше шел, тем более музыка смолкала и наконец смолкла. А князь взошел в великолепно убранный чертог, в котором увидел стоящую и ожидающую, вероятно, его девицу дивной красоты в златотканой одежде, украшенной крупным жемчугом и разноцветными каменьями, окруженную своей свитой. Князь по рассказам старца Ахитаса понял, что перед ним стоит красавица Лотана, сестра Кедронова. Свалил он пред ней всю вину своего безвременного посещения на истому телесных сил от потери пути по горам. Красавица слушала его, покрылось лицо ее живей-

шим румянцем. Она скромно отвечала ему, что весьма рада такому неожиданному случаю и просила его быть ее гостем.

И тотчас по слову ее отягченный яствами и питиями поставлен был стол, за которым гость не обинулся и сел, и по просьбе его села с ним хозяйка молодая. Шипучий крепкий мед развязал язык двум собеседникам за столом. Тут князь узнал, что красавица, ведущая с ним беседу, действительно сестра Кедрона — Лотана. Она сказала ему, что у нее есть брат, по имени Кедрон, который живет в таком же тереме подле нее и находится теперь в послухах у одной молодой царевны, похищенной где-то, которую он до сих пор не может укротить, а та кичится пред ним уважаемым целомудрием только потому лишь, что имеет при себе корень травы дягиля. «Для нас гордость этой царевны отвратительна, она восхищает и презирает нас тем, что имеет при себе эту негодную траву, против которой бессильна вся наука брата моего, бессильна против нее также и трава повилика, которую он носит для подобных красавиц всегда при себе. Бедный мой брат стыдится теперь приходить к ней, а прежде был он непобедимый герой среди красавиц, досель одни смехи и потехи царили здесь, а теперь все смолкло», — закончила она разговор такими словами.

Пиршество кончилось. Красавица Лотана была весьма весела и смела, а князь наипаче того, помня наставления старца, стал с ней быть и гораздо смел. Время летело стрелой незаметно для двух веселых собеседников, сидевших сначала за столом друг против друга, потом — друг подле друга.

Наступил вечер, за ним и ночь. Князю Владимиру изготовили постелю притворные Усталость и Сон, которых красавица никоим образом не могла отогнать от него. Князь, сидя на белодубовой скамье, лег и тут же заснул крепким сном, а сонный — что мертвый. Хозяйка велела его на той скамейке отнести в свою опочивальню и в ожидании скорого его пробуждения, раздевшись, легла на свою постелю, находясь в

мыслях о пробудившемся князе, пришедшем к ней. В таких мыслях и заснула крепким сном.

Князь видит, что ожидавшая его пробуждения сама заснула и разметалась так, что князь едва-едва не позабыл наставлений старца и едва не разбудил ее для того, чтобы спала она поскромнее, как девица, а не как молодица.

Сонной такой красавице князь положил под возглавие траву деряску, от которой та во сне стала скоро бредить. Красавица говорила, что брата ее победит прыгун-трава, а вид корня льва-травы заставит его раболепствовать тому, кто будет иметь тот корень. После этого она стала рассказывать, как пленилась она своим гостем и как она будет счастлива с ним и поведет с ним речь о мнимом своем целомудрии.

Князь не стал далее слушать, ушел из опочивальни, в ином месте дождался рассвета, а с восходом солнца пошел к терему Кедрона. При входе в терем волшебника князь, как и в тереме сестры его, задел за волшебную струну, от которой весьма громко заиграла музыка во всем тереме, та же самая, что и в тереме красавицы. Эта музыка не заставила долго ждать князя Владимира встречи с кем-то. Он пошел спешно по чертогам волшебника при оглушительном грохоте музыки. Он увидел идущего навстречу ему волшебника, имеющего рост гиганта, принявшего весьма грозный вид, коим он хотел устрашить князя. Жестокая брань и угрозы посыпались от волшебника. Ответы на них князя Владимира раздражали волшебника до бесконечности. Он в сильной ярости взял князя в свои объятия и хотел задушить, как он делал с другими для потехи своей.

Князь же, предупрежденный сестрой волшебника, смело вступил в борьбу с Кедроном. Крепко схватили они друг друга и не уступали ни в чем один другому в искусстве борьбы. Пот градом выступил на челе Кедрона, а тайная сила природы, скрытая в траве прыгун, дала почувствовать могущество свое князю Владимиру, который легко стал помахивать вол-

шебника в разные стороны, как легчайшее перо, и, наконец, бросил гиганта на землю, как овсяный сноп. Озлобленный низложением своим волшебник изрыгал страшные хулы князю и в ярости своей прибег к иному мщению: поверженный, стал делать свои волшебные чары на князя, чтобы с новой силой встать из-под ног князя Владимира.

Вдруг начал тмиться неба свод — все мрачней и мрачней, и князь увидел: издали к ним быстро летят грозные тучи, громы вдали сильно гремели и близились. Князь счел это за волшебные чары, выхватил из сокровенного места корень травы льва и показал его волшебнику. Тот при взгляде на оную затрепетал как осиновый лист и стал раболепно просить князя, чтобы он его пощадил. Князь грозно приказал ему, чтобы он укротил бунтующие стихии и не стращал бы его своим могуществом, которое бессильно против таинств природы, сокрытых Творцом в Его творении, из которых премудрый Соломон извлек и заключил все таинства природы в потребные ему вещи при обыденной его жизни. Трепещущий волшебник Кедрон с клятвою обещал был вечным и покорным рабом его и просил сокрыть от взоров его страшный бич, находящийся в руке его: корень могучего царя зверей.

Князь Владимир положил грозу волшебников в сокровенное место одежды своей и приказал проводить себя туда, где заключена царевна Светида. Волшебник немедленно повел его туда. Великолепная роскошь чертогов, где заключена была царевна, изумила князя Владимира. При входе их в тот покой они увидели сидящую за рукоделием царевну, великая печаль была видна на челе ее. Величественные черты лица ее поразили князя, который спешил сказать ей, что она теперь уже свободна. От такой вести радость на лице ее заступила место печали. Она увидела, в каком почтительном виде был пред князем волшебник Кедрон, стоящий вдали с поникшей головой. Царевна взглянула на князя Владимира — и лицо ее мгновенно покрылось живейшим румянцем. Она с

привычной девичьей скромностью стала благодарить князя за свободу свою, стала просить его, чтобы он отпустил ее к родителям. Князь обещал все сделать по ее желанию и, оборотясь к волшебнику, приказал ему немедленно изготовить великолепную колесницу и самому быть возницей в ней, а сестру его Лотану велел прислать к царевне и быть при ней безотлучно в послухах.

Скоро на помощь для сборов в путь-дорогу к царевне пришла в послухи Лотана, служить той, которую она даже не пускала в терем свой. На великолепной позлащенной колеснице с четверкой белоснежных коней, украшенных сбруей, блестящей златом, величественно восседала юная прекрасная царевна Светида. За ней, а более подле нее, ехал на своем богатырском коне князь Владимир. За колесницей тянулся бесконечный обоз, нагруженный различными драгоценными дарами волшебника Кедрона, которые хранила в пути прекрасная Лотана.

В пути этом князь открылся в любви своей царевне Светиде и получил ее согласие. По приезде в Россов стан царевны Светиды радость родителей ее не имела границ; объятия и лобызания были бесконечны. Когда поутолились радостные восторги, князь Владимир стал просить у родителей Светиды ее себе в супружество, на что и получил их согласие.

На это брачное торжество прибыли из Новагорода и родители его, царь Вандал с царицей своей. В это благополучное бракосочетание князя Владимира с царевной Светидой получили свободу как волшебник Кедрон, так и сестра его Лотана. Первый стал быть всегдашним советником князя Владимира, а последняя стала быть подругой царевне Светиде. По совету Кедронову город Россов стан назван был Ростов.

Мудрость и храбрость первого ростовского князя Владимира привлекла к нему многих сродников его и граждан из Великого Новагорода и его земли, которыми он густо заселил распространенный город Ростов, и стал быть князем ростовским.

Князь Мечислав и царевна Мирослава

Лета от Сотворения мира 5430,
до Рождества Христова 78

Князь Мечислав, сын князя Доброслава, был один из потомков князя Печегда. Он был из числа первых полководцев царя Изатеса-Спандеса, воеводой ростовской дружины в его двухсоттысячной армии, которую царь Изатес привел на берега Босфора Фракийского в помощь царю Фарнаку, преемнику царя Митридата.

Красота телесная и доброта душевная вполне украшали этого молодого князя ростовского. Такие достоинства князя обратили на себя внимание царевны Мирославы, дочери царя Изатеса. Эта единственная дочь Изатеса была из первых красавиц того времени. Честолюбием своего родителя она была обречена в супружество царю Фарнаку, который был весьма преклонных лет для этого брака. Изатес привез с собой дочь свою на берега Босфора.

Здесь царевна имела более случаев видеть молодого князя ростовского среди его непобедимой дружины и более могла видеть его достоинства и совершенно плениться им и полюбить его втайне. С этого времени она стала уклоняться от взоров ненавистного ей царя Фарнака.

В одно время царевна Мирослава со своими подругами от зноя солнечного пожелала искупаться в прозрачных водах Босфора. В это время она была похищена Морским царем, жившим на дне Евксинского понта.

Огорченный такою потерей дочери царь Изатес скорбел и неутешно плакал о ней и сулил великую награду тому, кто возвратит к нему любимую дочь его. Много было охотников помериться силою с похитителем царевны в чистом поле, а не в море, где нет ни пути, ни дороги. При такой непереносной печали царю Изатесу невыносимы стали упреки царя Фарнака за дозволение своей дочери купаться в море. Вследствие чего царь Изатес объявил торжественно во всеуслышание всем: «Избавитель царевны получит руку ее и половину царства!»

В это время князь Мечислав ходил со своими храбрыми дружинами в верховья реки Дуная для усмирения непокорных вассалов. Возвратясь оттоле с победоносным своим корпусом, к величайшему своему прискорбию узнал о похищении царевны Мирославы. Ему показали и место события, куда он часто ходил сетовать.

Раз ходил он по берегу Босфора, погрузясь в глубокую думу о судьбе царевны, и в мыслях своих мечтал о месте пре-

бывания ее и о средствах, какими бы можно было избавить ее от неволи. И в таких мыслях приходил всегда к заключению, что без помощи волшебной науки это сделать никоим образом невозможно. Вдруг видит он идущего к нему навстречу маститого старца, который, увидев его в таком положении, спросил, о чем он так задумался. Узнав причину его думы, сказал: «Если бы я и нашел бы терем Морского царя, да пользы тебе не будет в том: потому волшебная сила Морского царя велика». После этого завязался у них разговор о похищении царевны Мирославы. Князь узнал, что он ведет речь с волшебником. Стал убедительно просить его помочь ему и сказать, как достать ему из моря царевну. На это старец отвечал: «Тебе, князь, прежде надо узнать, с кем ты ведешь речь твою». Князь извинился тем, что у такого маститого старца при случайной встрече спрашивать, кто он, показалось ему неуместным.

После такого разговора старец стал рассказывать о себе, что он одного с ним рода и есть сродич его, по имени Жегуль, зять князя Прототия, сына Печегдова. «Единственная дочь моя Девора находится вместе с Царевной Мирославой, которую похитил у меня тот Морской царь. Он издревле смертельный враг», и при этом сказал ему что наука его может состязаться с наукой царя во всякое время, только не лично, а чрез посредство других. Для этого нужен ему на все готовый человек и при этом самый благоразумный. «И если ты пожелаешь быть им, то наука моя и советы мои к твоим услугам».

Князь Мечислав вдвойне был рад такой встрече, немедленно объявил себя быть готовым во всем повиноваться ему и идти скорее в битву с врагом. «Не спеши так, князь, — сказал ему волшебник. — Прежде всего я должен предупредить тебя, что подвиг этот будет для тебя самый трудный, кроме того, ты будешь иметь дело с самым сильным и хитрым волшебником. Но вот в чем вся суть: тебе надо будет победить самого себя, малейшее опущение со стороны твоей будет стоить тебе жизни».

Князь Мечислав был на все готов, только просил показать путь, где живет Морской царь. Старец с улыбкой сказал ему: «И это не так легко, князь, — дойти до терема Морского царя. Для этого тебе надо иметь следующие вещи: личину Каинаана Кощунника, веретено Ноемы Прекрасной, цевницу Увалову, шатер Иовиша Славного, меч Азаила Хитрого, молот Тувулкана Кузнеца и книгу Адды Всезнающего. Все эти вещи допотопные, они имеют в себе такое достоинство: личина Каинаанова — в ней как поверх воды будешь жить и видеть на дне морском, и всякий образ на себя принимать, где какой тебе будет надобно, она все это для тебя сделает, только имя свое в ней не сказывай, скажешь — тут и смерть твоя приключится, она задушит тебя до смерти; веретено Ноемы Прекрасной — оно все из одного камня самоцветного, на нем она первая в поднебесной стала прясть волну мягкую, уткнешь кого им — завертится тот как веретено до смерти; цевница Увалова сделана из камня самоцветного, сделал ее родной брат ее, игры той всякий заслушается и глубокий сон глаза смежит тому, кому тебе будет надобно; шатер Иовиша Славного шит из девяти кож различных допотопных зверей, всякий терем встанет под ним, в тереме том будет вечна ночь и сон.

Меч Азаила Хитрого — ему в поднебесной товарища нет, от него не лечатся ни травой, ни шепотом. Им славен был вавилонский царь Ниврод, которому подарил его Хус, отец его, а Хусу меч достался от Мосоха, сына Афетова. Доспехи ратные того же Азаила Премудрого Енох унес на небо, оттоле прислал он их в дар Иисусу Навину, в которых тот и теперь лежит в сырой земле.

Молот Тувулкана Ковача — им выкована была земная ось, сила его могучей крепости сокрушает адамант.

Книга Адды Всезнающего — в ней пишутся все деяния того лица, которому читаешь и которому в сладость это будет слушать.

Без этих вещей тебе обойтись нельзя, из них три вещи я достал еще в молодости: личину Каинаанову, книгу Адды,

Всезнающего и молот Тувулкана Ковача. А последние придется тебе самому добывать».

Новое обещание князя Жегулю было сделано, и князь стал просить у него, чтобы он сказал ему, где хранятся эти вещи заветные и как их себе достать. На это Жегуль отвечал ему: «Хранятся эти вещи в глубоком омуте Днепр-реки, в тереме камня самоцветного Зеленея. Тот камень зеленой травы шелковой. Покрыт этот терем красным золотом, в том тереме живет царевна допотопная, дочь Ламеха Двоеженца, по имени Ноема. Красота ее всем смертным на диво, она блудницам всем допотопным мать. И досель она еще не состарилась и может пленить еще всякого. Там она всем русалкам мать, все они ее дочери. Хранит она те вещи веки вечные в ларце адамантовом. Сидит она на нем день и ночь. Трудно у ней эти вещи достать: матерая дева, хитра-мудра, любит с молодцами весело пожить. Надо тебе будет ее с ларца на подклеть увести и там, не спавши с ней, усыпить ее книгой Адды Всезнающего и взять тот ларец адамантовый. И вышедши из терема, с трех раз разбить его Тувулкановым молотом. От четвертого лютая смерть приключится тебе. Возьми из ларца Иовишев шатер, брось его к поднебесью. Под шатром будет терем девичий, в нем она останется век вековать. Булатный меч возьми себе — им ты снесешь голову Морскому царю. Веретено возьми запазуху. А цевницу в ру́ке понеси. А Тувулканов молот тут оставь. Это тебе не служба, а службишка, служба будет впереди».

Тут Жегуль давал князю наставления, как вести себя в тереме Ноемы Прекрасной: «Ты подойдешь к дому Морского царя, который сделан весь из хрусталя, украшен каменьями самоцветными, стоит на трех раках Киян-моря. Клешни у них вместо лестницы, по ним надо входить в терем. Страшно попасть в клешни раку Киян-моря, в них давится бел горюч камень мягче воску белоярова. Заиграй ты тут в цевницу Увалову, ослабнут тут клешни раков Киян-моря. Тогда смело ступай по той живой лестнице. В тереме опять заиграй, услышат

игру твою затворницы, выйдут к тебе из светлицы своей. Тут царевна тебя будет спрашивать о Святой Руси. Кроме правды говори ей, что придумаешь. Придет тут и Морской царь, и ему ту же речь веди, на уходе его уткни его меж крылец веретеном Ноеминым и брось его в муравлен пол. Завертится тогда вкруг да около Морской царь, снеси ты тогда с него буйную голову, одним взмахом не снесешь — тебе от него живу не быть, в бороде его ты тогда запутаешься и завертишься с ним до смерти. Срубленную голову выброс в окно, и с девицами поди вон из терема, что рыба безгласная. Садись с ними в колесницу златокованую, бери в руки вожжи шелковые, путь сюда кони сами ведают. Здесь сними с себя личину и с цевницей положи в колесницу бережно, тут и службы твоей конец».

Князь Мечислав, получив от Жегуля личину Каинаанову, надел на себя и стал быть заветным обожателем Ноемы Прекрасной. Цевницу Увалову хотел достать, книгу Адды Всезнающего в руки взял, а молот Тувулканов на плечо положил.

Простившись с Жегулем, ушел на дно понта Евксинского и по торной тропе, по морскому дну пошел скоро к порогам Днепра-реки. Много он видел там дивных див, каких сродясь не видывал, скоро увидел он терем камня самоцветного с крышей красного золота. У крыльца златокованого поставил он Тувулканов молот.

А по книге Адды Премудрого, взойдя в терем, стал громко читать проказы Ноемы Красавицы. Пред ним все двери в тереме на пяту растворилися. Там видит юную дивную красавицу, которая спешила в цветное платье снаряжаться, но чтения княжева она заслушалась и не успела рубашку белоснежную надеть вполне. Нежданному гостю рада была, Асмодеем веселым называла князя. Она и в одной рубашке теперь не стенится, стала его к белой груди прижимать и слушать о своем житье-бытье веселом.

Стала она тут князя выспрашивать, как девки на Руси парней воймуют «и так ли, как я, не стенят-ся.» На это ей

князь ответил так: «На Руси девки втихомолку на парней посматривают и из-под руки им подмигивают, шепотом речами перекидываются; на беседах любят часто лучину гасить, в потемках их смелость берет, и бывает тут с лови сама не своя, до поту в лице тут девки с парнями натешатся ни дать ни взять, как мы теперь».

Так говорил князь, сидя с красавицей на адамантовом ларце. Трудно ему тут стало книгу читать: красавица стала его крепко обнимать; весело пошла она с ним на подклеть, а там уложила его Ноема спать на свою богато убранную кровать. Минуту еще бы промедлить — тогда прощай Жегуль и вся наука его, забыл он и Мирославу с Деворою. Но, к счастью, у него было не дочитано. В это время и князь Жегуля вспомнил, и стал ей громко читать, как соборный дьячок. Красавица от этого сперва задремала, а потом и заснула крепким сном.

Князь немедленно оставил ее сонную на постели, спешно взял ее адамантовый ларец — и вон из терема. Положил его на сыру землю, ударил Тувулкана новым молотом. От удару этого все русалки сполохались, а ларец ушел в землю на косую сажень и остался цел по-прежнему. Тут князь догадлив стал: кладет ларец на колоду сыродубовую, вполсилы ударяет его Тувулкановым молотом. От удару того все русалки на берег повыскакали, под ларцом колода сыродубовая расщепилась в коренья ножевые, а ларец остался цел по-прежнему. Это князю за беду показалося. Становил он ларец на камень крена горючего, и всей своей силой богатырь ударил по ларцу Тувулкановым молотом, ажно изломилася у молота рукоятка железная. Разлетелся иверками ларец адамантовый. Берет тут князь Иовишев шатер и бросает его к поднебесью. Летит оттоле шатер, что колокол, и покрывает терем с красавицей, под шатром стал уж терем быть. Тут князь берет булатный меч и веретено изумрудное, меч прицепил к своему поясу, а веретено положил за пазуху, а цевницу Увалову в руки взял, спешно пошел по бойкому пути ко дворцу Мор-

ского царя. Скоро завидел он хрустальный дворец, а скорее того пришел к нему. Заиграл он тут на цевнице Уваловой, вековечные раки игры его заслушались, не стали с дворцом назад пятиться, ослабли их клешни страшные. Пошел потом смело князь в царский дворец и там стал играть на цевнице Уваловой. Выходят тут из чертога своего к нему две дивные красавицы, две подруги однодумные, Мирослава с Деворою, ухватясь рука за руку. Видят они тут пред собой столетнего старика, который чудесно на цевнице своей наигрывает и с ноги на ногу подпрыгивает. Тут царевна Мирослава с ним такую речь повела: «По лицу твоему ты нам — дедушко, а по пляске твоей ты нам не дедушко, а добрый молодец. Зачем ты к нам в терем пришел, не сносить тебе будет буйной головушки, по свите твоей русаком прослывешь, не принес ли ты нам весточки от родимого батюшки?»

Ответу от старика царевне нет как нет, а только знай на цевнице наигрывает. Тут царевна спросила у него о дедине-отчине. У старика на это язык прорезался, и он стал царевне такой ответ держать: «Дедины и отчины я не знаю своей, а только знаю, что родила меня матушка на берегу Киян-моря и тут оставила меня век вековать. Вырос я пастухом царя Фаманского, в Герфеме городе, там научился я на цевнице играть и тем себе хлеб добывать. Теперь я стал на цевнице моей горазд цыцарские песни играть. Играю на ней и песни русские». За это слово царевна ухватилася, велит ему сыграть песню русскую. Тут старик царевны не ослушался, заиграл ей песню русскую. Этой песни они заслушались, терем хрустальный ходуном заходил под лад цевнице, раки Киян-моря стали подпрыгивать, от этого проснулся и Морской царь, идет туда же, где сладко цевница играет. На царе одежда и корона вся из золота, что жар горят, украшены каменьями самоцветными; в руке у него жезло изумрудное Соломона, царя премудрого. Седую его трехсаженную бороду три пажа несут; брови у царя что дуброва дремучая, затени-

ли у него глаза ярые; грозно смотрит царь на веселого певца. А грознее того вскричал ему зычным голосом: «Фу, фу! Доселе здесь русского духу слыхом не слыхать, а ныне русский дух воочью совершается и русскими песнями потешается. Отколь ты, детина старая, неуклюжая, ко мне пришел?»

А тот ему такой ответ держал: «Пришел я к тебе, великий царь, из царства Средиземного, которое стоит на Тибет-горе, с которой мужики тибетские светлой месяц руками берут, красно солнышко кочергой достают, а часты звезды ребята хворостиной сшибают на землю; Рарат-гора научила меня русские песни петь, оттого здесь и Русью пахнет».

Вдоволь наслушался Морской царь цевницы Увaловой, стал его сон клонить. Пошел тут царь в опочивальню свою. В это самое время князь Мечислав уткнул его веретеном Ноемы Прекрасной и бросил его тут на муравлено поле.

Завертелся тут вокруг да около Морской царь на одной ноге, не могли удержать бороды его два молодых пажа, обвилась вся борода вокруг него. Тут князь берет свой булатный меч и одним взмахом отсекает царю голову и бросает ее в окно на широкий двор. И берет за руки испуганных такой смертью Морского царя красавиц, и идет с ними молча вон из терема на широкий двор.

Там у крыльца златокованого стоит колесница, златом изукрашена; четыре коня рьяные в нее впряжены. Молча посадил князь обеих красавиц в колесницу, а сам сел вместо кучера, взял в руки вожжи шелковые и стрелой полетел с ними по дну моря Кронийского.

Скоро приехал он на берега Босфора Фракийского. И там по выходе с красавицами из колесницы бросил в нее личину Каинаанову, кони и колесница стали быть невидимыми.

В какое тут изумление пришли красавицы, увидав пред собою вместо столетнего старика молодого и храброго витязя. В нем Мирослава узнала храброго воеводу отца своего князя Мечислава. Зарумянилась и вместе с тем подруга ее.

Тут они стали благодарить его за свободу свою и пошли все трое по берегу Босфора Фракийского.

Первая встреча на пути их — идущий спешно с распростертыми объятиями Жегуль, отец прекрасной Деворы. Свидание отца с дочерью было самое трогательное, а вслед за сим произошло и другое свидание: царевна Мирослава стремительно кинулась в объятия своего родителя, который предупрежден был об этом свидании волшебником Жегулем.

Когда поутишились первые порывы родительской любви, тогда Жегуль первый стал превозносить царю Изатесу до небес подвиги князя Мечислава, а более всего его благоразумие. К этому много присовокупила хорошего о нем и царевна Мирослава, о чудных и беспримерных его подвигах.

Царь Изатес, выслушав от Жегуля и своей дочери такие похвалы князю Мечиславу, сказал дочери:

«Равно ли будет тебе, если я избавителя твоего назову себе сыном, а тебе — мужем?»

Царевна, вся вспыхнув, зарумянилась и молча потупила очи свои долу, была долго безмолвна, потом бросилась со слезами на шею своего родителя и едва слышно сказала, что она не противна воле его и во всем повинуется ему.

Тут Изатес призывает к себе князя Мечислава, которого в это время благодарил Жегуль за спасение своей дочери. Он объявляет ему царское свое слово, всем торжественно объявленное, что «избавитель дочери получит руку ея и половину царства моего». Потом спросил его, нравится ли ему дочь его?

Князь Мечислав от такого предложения сделался безгласен и не верил ушам своим. Едва мог повиноваться язык его благодарить царя Изатеса за его предложение.

Вскоре после этого события совершился и брак царевны Мирославы с князем Мечиславом в виду двухсоттысячной армии на берегах Босфора Фракийского. Немного спустя времени после брака молодые супруги уехали в Ростовскую землю.

Князь Буривой и княгиня Рогнеда

От Рождества Христова 85 лета

По смерти ростовского князя Землесила, сына Зонарова, стал княжить сын его князь Буривой-Вайдевут, который был у ростовцев в великой чести и славе. Одни только жрецы ненавидели его, как и друга его князя Яромира, сына Перея-Тучи, за веру, сим последним исповедуемую. Но беспримерная храбрость князя Буривоя и воинские доблести его притупляли злобу

2 Зак. 2748

жрецов. Юная краснораменская княжна, дочь князя Краснорама, по имени Рогнеда, пленила юное сердце князя Буривоя. Она была сиротой, оставшейся без отца и без матери на руках престарелого князя Чупора, родного брата матери ее, который жил в родовом своем тереме близ реки Сары, недалеко от терема княжны Рогнеды.

Однажды охота завела князя Буривоя к терему князя Чупора. Там он увидел княжну Рогнеду, лихую наездницу и веселую собеседницу. Вскоре брак увенчал их взаимную любовь. Год спустя после этого события князь Буривой с дружинами новгородскими и ростовскими пошел воевать придунайские, римские и греческие владения, покоряя их одно за другим. Наконец после кровопролитных битв пошел он против самого римского кесаря Домитиана, который хотел разгромить и уничтожить своими непобедимыми легионами рати северных варваров, но был ими разбит.

По возвращении своем из такого блистательного похода князь Буривой, обремененный военной добычей и овеянный громкой славой, не нашел в доме своем супруги своей Рогнеды. Ее похитил у него из любимого терема, стоящего на берегу реки Пошни, лютый волшебник Бука Красный. Это известие едва не лишило его чувств. По совету родных и близких Буривой решился искать ее по разным местам, где более жили волшебники, потому что никто не знал места жительства Буки Красного. Первоначальный путь его лежал в Цыцарскую землю, которая издревле славилась своими знаменитыми волхвами.

В один из самых ненастных дней под вечер проезжал он Алаунскими горами. Сильная буря и дождь заставили его искать убежища как от бури, так и от темной ночи. Он находился в дремучем лесу. Сквозь вершины деревьев было едва видно небо. В это время завыл ветер в дремучем бору и вечерний сумрак превратился в темную ночь. Скрип вековых деревьев мог бы устрашить любого, но не князя Буривоя.

Тьма сгустилась вокруг его. Ни зги не было видно впереди, хоть глаза выколи. Дождь лил как из ведра.

Буривой спешит укрыться под ветвями вековой сосны. Вдруг он видит вблизи себя огонь, который то блеснет, то погаснет. В это самое время сильный блеск молнии осветил окрестности. При блеске молнии князь видит перед собой на холмистом возвышении великолепное белокаменное здание, окруженное со всех сторон такой же прекрасной стеной. В его душе затеплилась надежда получить скорый ночлег. Отвага заставляла его гнать прочь от себя всякую мысль о таящейся вблизи опасности. Несмотря на ливень, он поехал на своем коне богатырском ступою бредучей к тому месту, где видел блистающий огонь в окнах того здания. В темноте он переехал по мосту, перекинутому через ручей, который низвергал с шумом с горы свою быструю струю. На берегу этого ручья и стояло прекрасное здание.

Тут князь громко ударяет копьем в свой щит, давая тем знать, что запоздалый путник нуждается в ночлеге. Вдруг прежде ясно видимый огонь совсем погас. Вслед за этим слышит он в тереме великий шум, который, наконец, скоро утихает, и там водворяется мертвая тишина. Такое невнимание к путнику со стороны хозяина дома раздражило витязя. Он идет к воротам твердыни. Дорога к ним заросла бурьяном. Изнутри ворота были крепко заперты. Буря и ливень вывели князя из терпения и заставили его прибегнуть к силе. Удар мощной руки его потряс до основания ворота. А от повторного удара совсем разрушились запоры их. Скрип ржавых петель, на которых повернулись ворота, огласил окрестность. Князь смело въезжает на широкий двор твердыни, сходит с коня своего и, ведя его на поводу, идет к терему. А для предосторожности своей в кромешной темноте ночной он мечом очищает себе путь, помахивая им из стороны в сторону и перед собой. Мертвая тишина стояла во всем тереме, только время от времени слышался рев бури так, что дребезжали стекла в окнах терема. Ливень не переставал и ниспа-

дал с крыши в виде водопада. Буривой закинул поводья коня за седельную луку и пустил его на двор гулять на воле.

Измокший до костей князь Буривой вошел в терем и не увидел там ни одной живой души. В темноте он едва нашел стоящую праздной кровать. Могильная тишина в тереме и усталость клонили его ко сну, и он окончательно расположился на кровати, чтобы провести на ней ночь. Буривой лежал с открытыми глазами и думал о похитителе супруги своей Буке Красном. Он не знал, что терем этот принадлежит деду Буки, волшебнику Черномору, отцу Кащееву. Буривою теперь крепко захотелось сразиться с похитителем Рогнеды. С такими мыслями очи его сами собой закрывались, пока их не смежил сон, и Буривой заснул богатырским сном на мягкой постели. Витязь проспал на ней весь день и опять до темной ночи. Вдруг крепкий сон его прерывает страшный удар грома, от которого весь терем заходил ходуном. Проснувшись, князь видит яркий свет многих погребальных светильников, которые осветили обширную храмину, где лежал он на постели. В отворившиеся сами собой двери видит он бесчисленное множество мертвецов и скелетов в белых саванах, несущих железный гроб, который они поставили посреди той храмины. При появлении их князь встал со своего ложа. В это время гробовая крышка слетела с гроба сама собой и упала с шумом на пол. Князь подошел ко гробу и видит в нем страшного вида мертвеца, лежащего с открытыми глазами. Тогда невидимый голос сказал ему, что это лежит злой волшебник Бука Красный. Его победил волшебник Зонар и за дело наказал его примерным образом. Едва смолк невидимый голос, как вдруг пол под гробом расступился и адское зеленоватое пламя охватило гроб со всех сторон и раскалило его докрасна как уголь. Страшно застонал в гробу волшебник, изрыгая изо рта клубы кровавой пены и проклиная волшебника Зонара. Все это время веселая пляска мертвецов вокруг раскаленного гроба продолжалась, покуль не запел кочет, предвестник раннего утра.

Тут гроб, пламя и мертвецы стали невидимыми, и прежний мрак ночи снова окружил князя.

Немного времени спустя вдруг потолок той храмины расступился и при утреннем свете видит он под облаками летящую и спускающуюся к нему колесницу, влекомую четырьмя белоснежными лебедями. В колеснице сидела покровительница его рода волшебница Добрада. Одежда ее была украшена золотом и самоцветными камнями. Добрада ласково сказала ему: «О, доблестный князь! Покорись судьбе своей. Злодей твой погиб, свет очистился от одного тирана. Ад — вечное жилище его. Там стоны его оглашают неизмеримое пространство. Малую часть наказания его ты видел здесь. Смерть Буки Красного по воле великого Зонара, деда твоего, не лишила его труп чувствительности, заставила его терпеть адские муки за похищенную им супругу твою и за другие подобные злодеяния.

Отселе теперь направь путь свой на юг. В знойных степях Тьмутаракани найдешь ты на высокой и неприступной горе в стальной твердыне злодеем Букой Красным заключенную супругу твою, непокорную воле волшебника Рогнеду. Вход в этот терем стерегут два огромных зиланта. Против них прими от меня эту шипковую лозу из сада великого Зонара. Когда ты махнешь ею пред зилантами, то они, ощутив ее благоухание, погрузятся в глубокий сон. Воля великого Зонара определила тебе мечом твоим пролить кровь супруги твоей Рогнеды и потом снова соединиться с ней». С этими словами волшебница вручает ему чудную шипковую лозу и становится невидимой.

После исчезновения волшебницы Добрады князь Буривой долго стоял в раздумье. Последние слова волшебницы опечалили его. Он никак не мог понять темного смысла ее слов: за что же ему проливать кровь супруги своей? Во избежание этого он принял твердое решение воспротивиться этому и найти способ без пролития крови освободить свою супругу, лишь бы отыскать, где сказано, терем этот.

Немало прошло времени в пути, прежде чем в один знойный летний день князь вступил в Тьмутараканские пределы. Солнце уже начало спускаться к западу, когда он подъехал к высокой кремнистой горе, добраться до которой ему стоило великого труда. Он оставил за собой мрачные ущелья Скалистых гор и безграничную Половецкую степь с ее тлетворным дыханием, в которой не видно было не только пути ратного, но и вообще следов путника. Все там было сожжено и занесено вертячим песком. Рано, на восходе солнца, приметил он на востоке столпообразную высокую гору, на которой стоял стальной терем чародея Буки Красного, цель всех забот и трудов его. Теперь лучи заходящего солнца отражались, как от зеркала, от стен и крыши твердыни. Неприступные стремнины, нависшие кремнистые скалы возвышались над пропастью бездны, и казалось, будто они ежеминутно готовы сорваться и обрушиться в бездну. По узкой тропинке с великим трудом достигает он вершины горы. А на ней стоит великолепный стальной терем, где в заключении томится супруга его. Сторожевые башни возвышаются по углам крепости на неприступных, лысых скалах, с которых нередко низвергали смельчаков, пытавшихся взобраться на вершину горы.

Князь Буривой с сердцем, наполненным воспоминаниями о своей нежной супруге, спешит к стальным воротам терема и скоро сокрушает его крепкие запоры. С обнаженным мечом в одной руке и с шипковой лозой в другой вступает он в темницу Рогнеды. Смело идет широким двором. Мертвые кости хрустят под крепкими его ступнями. Зиланты, почуяв его приход, начали свистать и бить крыльями воздух. Этим они произвели страшный шум и с разверстыми зевами, из которых, как острые копья, торчали смертоносные их жала, летели к нему стремительно, чтобы пожрать его. Кольцами извитые, их стальные хвосты создавали оглушительный звон. К тому же их лапы были вооружены львиными когтями, которыми они были готовы растерзать Буривоя. Но

уханье шипков от сотрясения лозы остановило их на полпути, отчего они оба почти сонными стали немедленно падать на землю. Грохот от падения их тел заполнил пространный двор терема. Князь оставляет в таком положении зилантов и идет дальше. Как чистое зеркало блестит перед ним стальная дверь терема. Он намеревается было ее сокрушить, как она вдруг растворяется сама собой и из нее выходит страшного роста волот, вооруженный с головы до ног в бранные стальные доспехи. Дебельная суковатая палица как перо вращается в руке его, с шумом рассекая воздух. Всклокоченные, как болотный мох, волосья на голове и на подбородке волота, густые, как лес, брови на обезображенном лице его могли на кого угодно, кроме князя Буривоя, навести смертельный страх. Волот быстро взмахнул палицей и задел Буривоя по пернатому шлему, отчего шлем разлетелся на тысячу кусков. От такого удара искры посыпались из глаз князя Буривоя. Между тем палица Волотова надломилась, выпала из руки его и с шумом упала на землю.

Князь стоял неподвижно, как крепкая скала, с обнаженной головой. Он в свою очередь поражает булатным мечом своим широкую грудь волота. Черная шипящая кровь ручьем потекла из глубокой его раны. Застонал волот от нестерпимой боли, обезоруженный, и в сильной ярости своей захотел задушить князя в страшных своих объятьях. С таким намерением он как тигр стремительно бросается на свою добычу. Гибель князя, казалось, была неизбежной. Но он в это самое мгновенье вторым ударом своего меча повергает волота на землю. Обессиленный от истекшей крови исполин громыхнулся о землю и падением тела своего сделал некое углубление, подобно тому, как камень, падая, делает ямку в только что выпавшем снегу. Тут князь с поспешностью вонзает в разверстую пасть чудовища смертоносный меч свой, и вращая им там, сокрушает челюсти его. Грохот ломающихся от булата зубов смешивался в воздухе с жутким предсмертным воем волота, подобным да-

лекому громыханию грома. Тремя потоками черно-багровая кровь его, клубясь кровавой пеной, струилась изо рта его и соединялась в один кипящий ручей, над которым образовывался густой пар в воздухе. Внезапно в воздушном кровавом мареве возникает чудное видение супруги его прекрасной Рогнеды. Буривой подумал вначале, что это мираж, а не его супруга, забыв слова волшебницы Добрады о том, что по воле великого Зонара определено ему мечом пролить кровь супруги своей. Рогнеда, видя пред собой супруга своего, с распростертыми объятиями и радостным криком спешит к нему. Буривой тоже бросается к ней, и вот они уже крепко сжимают друг друга в объятьях, осыпая поцелуями.

Когда прошли первые восторги счастливых супругов, тогда Рогнеда рассказала Буривою о себе следующее.

«Когда лютый волшебник Бука Красный после похищения моего раздражен был моим презрением на любовное его мне предложение, в гневе своем прикасается он ко мне волшебным жезлом своим. Тогда я лишилась всякого человеческого чувства и сознания своего бытия. Вследствие того родилась у меня жажда истреблять все живущее на свете от человека и до скота. Словом, все противное и ненравное мне. Вид твой при первой встрече с тобой был для меня особенно несносен. И я охотно желала твоей гибели, так как не знала, кто ты такой. А только видела в тебе врага моего повелителя Буки Красного. Хвала Перуну! Меч твой, коснувшись моего тела, исцелил меня. Чары пали, и я стала прежней Рогнедой, супругой твоей!»

Князь Буривой и княгиня Рогнеда с тех пор стали жить-поживать и добра наживать, жили счастливо до конца дней своих.

Царь-девица Лизиха и Елоус, заморский царь

От Рождества Христова 305 лета

Князь Шустик, сын князя Тугарина-Закедья, убит был заморским королем Елоусом. Он оставил после себя двоих сыновей — Трислава и Запруда, или, как их иначе прозвали, Сара и Аммия, и дочь Сонильду, или Царь-девицу, так прозвана она была за великую красоту свою и мужество. Военные упражнения и охота были любимыми ее занятиями. После смерти князя

Шустика жили они все трое, братья и сестра, мирно и согласно каждый в своем тереме. Старший брат, Трислав-Сар, имел терем свой в верховьях реки, названной по его имени Сара, на устье реки Копронки, на высоком холму, омываемом этой речкой. Младший брат Запруд, прозванный Аммий-Гарь, имел свой терем на той же реке Саре, где находится поле. Место, омываемое этой рекой, называлося Турово урочище. Сестра их Сонильда имела один терем на крутом берегу реки Гды, недалеко от развалин Огарева терема; другой ее терем стоял недалеко от него, на высокой горе среди вековой дубравы, прозванной Дубовое Чернолесье. Любимая забава княжны — бывать в лесах, посещать тихие заводи Ростовского озера, чтобы стрелять гусей, лебедей и серых утиц. Великое богатство, оставленное ей бабой после деда Тугарина, делало ее в глазах князей ростовских завидной невестой.

Пришло такое неразгаданное время на княжну Царь-девицу, что любимая охота опротивела ей: везде для нее было пусто и ничто не веселило ее. Скучно и невыносимо стало жить в ее родовых теремах, несносно гулять в лесах и посещать тихие заводи. Не стала она смотреть и на быстротекущие струи реки Гды из своего косящатого окна. Не милы стали ей крутоярые берега этой реки. Простая причина была всей этой хандре ее, а именно следующая.

В одно время приехала она к меньшему своему брату Запруду. Там, к удивлению своему, встретила она незнакомого витязя. Черты лица его и видимое мужество обратили взоры ее на него. Дружба брата с незнакомцем скоро и ее сблизила с ним. Князья часто беспечно проводили ночи, охотясь в дремучем лесу, и при ней стали собираться на охоту. Брат пригласил и сестру свою с собою, зная ее страсть к охоте. Она с великим удовольствием на это согласилася. Трое охотников со свитой охотничьей поехали в близлежащий лес. Теперь Царь-девица в присутствии незнакомого витязя непременно хотела показать свои способности и искусство как в охоте, так

и в управлении бурным своим конем. Сбор их был непродолжительным. Охота их была веселая. Она происходила близ терема Запруда, где простирается поле, недалеко от терема князя Язвича. Там охотники разъехались в разные стороны. Утомясь от охоты и от полуденного солнечного зноя, Царь-девица хотела направить путь свой ради утоления жажды к недалеко текущему тут ручью, впадающему в реку Сару. В это самое время великий кабан-тур, имея на своей спине уже несколько воткнутых стрел, спасая свою жизнь от преследовавшего его охотника, стремительно пересек ей путь. Испуганный столь нечаянным явлением страшного животного конь Царь-девицы, закусив свои удила, вихрем полетел с ней по полю прямо к тому месту, где был над омутом безмерной глубины высокий яр берега, стеной нависший над рекой Сарой. Такой быстрый бег испуганного коня к столь опасному месту грозил ей неминуемой гибелью; она должна была низринуться вместе с конем своим в пропасть. Испуганная и едва держащаяся в седле, Царь-девица не имела возможности совладать с бешеным животным и отдалась на произвол судьбы. Малейшее расстояние было между пропастью и стремившимся туда конем с Царь-девицей. Еще одно мгновение — и полетели бы оба в бездну коловорота вод. В это самое время откуль ни возьмись гость брата ее видит явную опасность для всадницы. Сердце его замерло. Он сделал необычный скачок на своем коне и поставил его на пути стремглав несущегося коня с Царь-девицей. Последний, увидев такое неожиданное для себя препятствие, направил путь свой в сторону по пространному полю. Этого только и нужно было витязю. Этот поворот и спас от гибели насмерть перепутанную охотницу. В поле витязь скоро опередил коня Царь-девицы и мощною рукой своей схватил поводья узды коня, которые всадница уже давно выпустила из рук своих. Витязь осадил коня так, что конский хвост рассыпался по земле. Почуяв мощную руку, он сделался послушным. Ви-

тязь немедленно снимает Царь-девицу с коня и сажает ее под сень дерева. Сразу же он дал знать о том князю, брату ее, а сам поспешил скорее к реке за водой. В шеломе своем принес он к почти бесчувственной от испуга охотнице воду.

Спустившись по буераку к реке, близ самого крутояра, с которого чуть было ни низринулась с обрыва Царь-девица, он обомлел: вся кровь прилила к его лицу, когда он увидел, какой опасности подвергалась понравившаяся ему княжна. Холодная вода скоро оросила ее, княжна стала приходить в чувство. Открыв глаза свои, она увидела своего спасителя, заботливо старающегося привести ее в чувство. Царь-девица стала собираться с силами своими, чтобы встать на ноги, но от слабости не могла это сделать, только села, прислонясь спиною к дереву. В это время смертельная бледность ее стала мало-помалу исчезать и заменяться обычным ее румянцем. Горячо стала она благодарить витязя за то, что витязь чудом спас ее. В это самое время пришел туда же и брат ее Гарь с головой, отрубленной им у того самого чудовища, виновника происшедшего. Брат узнал от сестры своей, в какой она была опасности и как была избавлена его другом. При рассказе сестры у брата сердце замерло от переживаний. После этого и брат стал благодарить гостя за спасение сестры своей, но тот старался уклониться от благодарности. Роскошное пиршество было устроено князем Запрудом после удачной охоты и счастливого спасения сестры своей.

Немало прошло времени после события с Царь-девицей. Она все жила в своем тереме и скоро предалась прежней хандре: ничто ей стало не мило. Чтобы разогнать скуку, переселилась она в нагорный терем, и там с ней было все то же. Наконец, она попросила брата приехать к ней поохотиться вместе с его гостем, в ее заповедное Дубовое Чернолесье. Брат дал слово. Надоть было исполнить его, но это было легко сказать, но трудно сделать. Потому непредвиденные общие княжеские дела удержали его в городе немалое вре-

мя. А без него гость затомлел и сильно предался печали. Он сильно заскучал, живя на берегу реки Сары. Ни днем, ни ночью не выходили у него из памяти Царь-девица и ее прекрасный благородный вид. Стал он ниже могучих плеч вешать свою буйную голову. Испугался этого и князь Запруд. Видит: гость его сам не свой. А отчего, какова причина — не ведает. Вот и пытался он его об этом спрашивать. Глубокое молчание и тяжелые вздохи были ему ответом. Из всего этого он заключил, что его друг и гость тоскует по родине, о которой он, очевидно, умалчивает до приезда князя Сар-Трислава. Последнего называет он спасителем своим и другом.

Визит князя Запруда к сестре своей несколько развеселил его. Теперь он принял решение развлечь охотой своего гостя.

Нечаянный приезд двух друзей в нагорный терем Царь-девицы поднял на ноги всех служителей ее. Печальные лица и глубокое молчание на вопросы князя Запруда о сестре своей заставили его поспешить в терем. За ним последовал с видимым страхом и гость его. И в какой же они пришли страх, когда увидели Царь-девицу лежащей в постели.

Она, увидев гостей, едва могла встать на ноги. Но при виде гостя брата на болезненном бледном лице ее заиграл прелестнейший румянец. И она скоро стала почти здоровой, веселой, радостно заблистали глаза ее. Очевидно, она была весьма рада приезду двух мужчин. Последним болезнь ее показалась подозрительной. И витязь, забыв хандру свою, сделался теперь совсем другим человеком, здоровым и веселым. Сообразив, что все это неспроста, Запруд погрузился в раздумья.

Находясь у сестры своей, князь Запруд с гостем своим занялись охотой. Однажды после веселой и удачной охоты, на которой Царь-девица превзошла своим искусством самого брата, он, будучи наедине с ней, стал спрашивать о причине болезни и просил открыться ему чистосердечно. Княжна хранила сперва глубокое молчание, но убеждения брата склонили ее к тому, чтобы рассказать о причине своей болез-

ни чистосердечно. Брат с радостью взялся совершенно исцелить ее. Для этого он пошел от сестры исповедовать и гостя своего о минувшей истоме. И тут открылось то же самое.

Такой случай заставил брата идти к сестре сватом. Дело это скоро поспело к браку, который с великим торжеством и совершен был. Об этом был извещен посланным к нему скоротечей и князь Сар, бывший в то время на войне с чудью и черемисой. И тот желанию сестры своей не изъявил никакого препятствия, но пожелал ей любовь и согласие в супружестве ее.

Через некоторое время князь Сар известил брата своего скоротечей о приходе в отечество свое. Все засуетились в тереме князя Запруда от мала до велика. Брат встретил брата на реке Трубеже, при впадении в Плещеево озеро, спросил о сестре, узнал главное о том, что теперь она живет вместе с супругом своим в его нагорном тереме на реке Копронке. При этом сказал Запруд Триславу, что названый брат их, супруг сестры, называет себя другом Трислава, спасителем жизни его, но кто он такой, хранит об этом глубокое молчание. Очень хотелось князю Сару узнать, кто же такой этот новый их брат. И потому он очень спешил добраться с берегов Трубежа на берега Копронки.

Какое же обуяло удивление князя Запруда, когда он увидел, с каким криком и радостью брат его Трислав бросился в объятия супруга своей сестры, узнавши в нем друга и спасителя своей жизни.

Царь-девица не менее Запруда удивилась, когда брат и супруг как близкие знакомые бросились друг другу в объятия. На вопрос об этом князь Трислав рассказал следующее: «Когда я приехал в Ательеское царство и жил там немалое время, то изучал нравы и обычаи царства того. Случай поблагоприятствовал мне открыть один гнусный поступок жреца против одной юной и прелестной девицы знатного рода. Я избавил красавицу от насилия этого изверга и проводил ее к жениху. Оба

благодарили меня наичувствительнейшим образом, тем более что жених ее тщательно разыскивал повсюду свою невесту, но безуспешно. Нескромность моя в разглашении гнусного поступка верховного жреца публично разозлила его, и он перевернул все наизнанку. И вышло так, что спас девицу от насилия не я, а сам верховный жрец. Нашлось много лжесвидетелей, «видевших» такой подвиг жреца. Это привело к тому, что соглядатай и злейший враг ательского народа во время одной глубокой ночи взял меня с постели, обложил цепями и как государственного преступника вверг меня в мрачную темницу. И скоро осудили лишить меня жизни позорною казнью. На месте позорном только присутствие духа сего молодого друга моего спасло меня от неминуемой смерти. Один геройский дух его мог рассеять бесчисленное множество возмутившегося против меня народа. Глубокое молчание о себе моего спасителя опечалило меня, но прежде нежели он расстался со мной, мы разменялись мечами и назвались братьями на жизнь и на смерть. После этого он скрылся от меня в густой толпе народной. Я разыскивал его во всех сборных и публичных местах города Ателя, но напрасно.

Раздор о престолонаследии Ательского царства заставил меня удалиться оттуда. Дорогой сюда я много прошел земель, народов и царств. Наконец, благополучно возвратился в свое отечество, где к великому своему удовольствию и радости нашел спасителя моей жизни и брата. Здесь не Атель, теперь не уклонишься от меня молчанием, а скажешь нам о своей дедине-отчине». Тот по желанию всех рассказал о себе следующее: «Я — один из потомков Хвалисского царевича Крепкосила, зятя скифского царевича Печегда, и царевича Силослава, по имени Хайсан. Родился я в городе Ателе, остался круглым сиротой без отца и матери. Родного дяди моего, младшего брата моего родителя дети восстали против меня. Старший брат их, по имени Асса, поддерживаемый верховным жрецом, мстящим мне за то, что я освободил тебя.

от поносной казни, приказал умертвить меня и тем очистить себе путь к престолу Ательскому. И исполнил бы он это непременно, если б не спасли меня немногие приближенные отца моего, которые выпроводили меня тайно ночью из дворца родителя и из города. Бегство мое от убийц было истолковано всенародно так, будто бы я изменил отечеству и хотел предать его врагам, что, достойный за это казни, я скрылся к врагам тайно. А сверх того всего хотел изменить веру отцов своих и принять иную, неведомую нам. Добавляли, будто я сам хотел жениться на иноверке-волшебнице и грабить всех словущих людей. Вся эта хитросплетенная на меня клевета принята была за правду, и вследствие такой молвы народной жизнь моя в отечестве всюду оказалась подверженной великой опасности. Потому я немедленно удалился с великой печалью и слезами. Долго я скитался по разным странам и царствам, видел многие города и народы. И все потому, что скрывался от убийц, которым были обещаны великие награды. Убийцы были разосланы повсюду, чтобы отыскать следы мои. Это заставило меня принимать на себя различные виды, где — воина, а где — калики перехожего. Таким образом пришел в землю Муромы и Мещеры, и там не нашел себе приюта. Пришел я, наконец, в землю Мерянскую, в которой живут непобедимые росколаны и славены. Здесь я остановился и стал узнавать, где стоит Великий Ростов. Мне показали путь к нему. Здесь я скоро проведал о моем названом брате и узнал, что он находится в отлучке. Сказали мне и о брате его, который принял меня радушно. Здесь судьба заставила меня забыть свое отечество и избрать иное».

В непродолжительном времени князья Трислав и Запруд собрали великую ростовскую рать и пошли вместе с царевичем Хайсаном добывать ему Ательское царство, выгонять из Хвалисского царства похитителей его престола. Время стрелой летело в военных сборах к походу. Тронулись все сухим путем и водою. Скоро дошли до царства Хвалисского, до стольного

его города Ателя. Почуяли приход похитители престола Хайсанова и ушли поспешно к соседним хвалисам. Царевич Хайсан как законный наследник с помощью князей Трислава и Запруда взошел на прародительский престол. Задарил он дарами как братьев супруги своей, так и всю дружину их, наградив всех щедро, и собрался скоро в обратный путь с ними за супругой своей Царь-девицей, теперь царицей Хвалисской.

В отсутствие их в Ростовской земле как сильный и свирепый ураган налетел и прошел по ней иноземный завоеватель. Это был заморский царь Елоус. Он пришел с несметной своею силой из-за тридесяти земель. Мечом и огнем проложил он здесь путь свой по всей земле Ростовской до самой реки Мери, где взял укрепленный городок и убил князя Шустика. На возвратном пути его чрез Ростов некоторые из близких ему росколан передали в руки его Царь-девицу, объяснив, что она владеет несметными сокровищами. Когда победоносный царь Елоус увидел пред собой молодую и дивную красавицу, он сперва склонял ее ласкою быть его супругою. Отказ от такого лестного, по его понятию, предложения весьма огорчил его. Но он это подавил в себе. Чрез некоторое время он сделал повторное предложение. Новый отказ раздражил победителя. Он переменил любовь свою на мщение, стал пытать ее о сокрытых сокровищах сперва угрозами, а потом и пытками. Но все домогательства его сказать о них остались безуспешными. Сокровища остались неприкосновенными. Упорное ее молчание наконец до того разозлило его, что Елоус приказал Царь-девицу разорвать конями. К хвостам двух сильных и бурных коней привязана была она ногами. Свирепые кони мгновенно разорвали ее, и каждый конь с частью тела пошел свободно рыскать по обширным лугам близ Ростовского озера. Так кончила жизнь свою знаменитая Царь-девица, царица Хвалисская.

Тем временем князья Трислав, Запруд и царь Хайсан весело шли своим обратным путем. Ничего не зная, вступили

они в Ростовскую землю. Пришли они в великий страх, когда нашли страну опустошенной мечом и огнем. И чем дальше шли, тем явнее были опустошения. Оставив в близлежащей окрестности озера свои дружины, они достали языка, от которого узнали в подробности о свирепой расправе царя Елоуса над Царь-девицей. Как братья, так и супруг ее пролили много горючих слез. Внезапно им принесли весть, что тиран сестры их празднует со своими близкими победу свою в Туровом урочище. Братья тут же поклялись отомстить злодею за смерть сестры и опустошение земли Ростовской. Под прикрытием ночи известными им скрытными путями прошли они в Турово урочище. И там, хорошо зная устройство городка, проникли в самую опочивальню, где после веселого пиршества победитель спал, разметавшись, крепким сном. Они тут же вынули свои кинжалы и закололи его. С восходом солнца напали они на его воинство, которого много побили. А других выгнали вон из Ростовской земли. После одержанной такой победы Трислав и Запруд послали охотников отыскать останки своей сестры, обещая за это великие награды. Из всего тела страдалицы нашли только одну правую ногу на берегу небольшой речки.

Скорбный супруг Царь-девицы царь Хайсан передал свое царство Хвалисское братьям покойной супруги своей, а сам близ могилы останков ее основал жилище себе, где скоро и закончил жизнь свою.

Князь Трудолюб и княжна Веринка

От Рождества Христова 319 лета

На возвышенной юго-восточной оконечности Ростовского озера жило одно небогатое семейство от рода князя Дубравы-Хлесь, состоящее из двух пожилых супругов и их единственного сына, по имени Трудолюб, юноши, украшенного всеми хорошими качествами, как душевными, так и телесными, что весьма положительно его отличало от его сверстников-това-

рищей. При всем при том Трудолюб обладал богатырской силой. Мирно текла жизнь этого небогатого семейства, доколе сыну их не улыбнулось счастье.

В одну ночь молодой Трудолюб видит дивный сон, будто введен он был в великолепные княжеские чертоги. Пройдя многие из них, великолепно украшенные, он, наконец, пришел в такой чертог, который намного превосходил все прежние. И видит он там девицу, великую красавицу, какой он отродясь не видывал, одетую в блестящую одежду, отделанную золотом и самоцветными камнями, сидящую на златокованом престоле, окруженную многочисленной прислугой. Она тихим и приятным голосом назвала его по имени, сказав: «Князь, прошу тебя, выкопай перед своей хижиной пруд, за труд этот раскаиваться не будешь!»

Пробудившись от такого чудного сна, Трудолюб долго дивился всему, а наипаче — увиденной им девице. Ее просьба не шла у него с ума.

На следующую ночь привиделся ему тот же сон, в котором красавица сошла со своего престола, взяла его за руки и пошла с ним из чертогов своих в обширный сад, изобилующий разными цветами и плодовыми деревьями. Там показала она ему пруд, какой просила выкопать у себя.

И на третью ночь привиделся ему опять один и тот же сон. Только красавица, попросив его о пруде, посмотрела на него так, что вся кровь бросилась ему в лицо, отчего он и проснулся. Взгляд красавицы во сне волновал его кровь и наяву. Когда проснулись пожилые родители Трудолюба, он не преминул рассказать им сны свои и просил у них совета, как быть. Старичок и старушка по долгом рассуждении между собой посоветовали ему не пренебрегать такими снами и в угоду виденной им царевне выкопать пруд, какой он видел во сне, а затем подождать, что от этого будет.

Трудолюб, по совету родителей, начал копать пруд перед своей хижиной. Берега стал устраивать по образцу виденно-

го во сне пруда. Работа спорилась. В течение некоторого времени он выкопал и отделал пруд совершенно. Осенью пошли дожди, и пруд наполовину наполнился водой. Настала зима, пошли с неба вьюги и метели, которые нанесли к тому пруду сугробы с высокую гору. Весной сугробы растаяли, и пруд наполнился водою, что полная чаша, наравне с берегами. Берега Трудолюб укрепил, посадив деревья дремлющих ив.

В одну ночь Трудолюб видит прежний сон, только незнакомка похорошела много пуще прежнего, пополнела. Она, как и прежде, ласково спросила о пруде, и Трудолюб ей отвечал, что он давно готов, стоит полный водой, наравне с берегами. «Завтра я посмотрю на него», — сказала красавица. Как только сказала — так и проснулся Трудолюб, целый день ждал он на берегу пруда обещанного прихода красавицы, но не мог дождаться, только видел, как прилетела серая утка, которая немалое время плавала на том пруду и улетела с закатом солнца. Трудолюб оставил сторожу свою на пруду, думая, что обманула его красавица.

Настала ночь, и Трудолюб видит во сне идущую ему навстречу красавицу, которая благодарила его за то, что он исполнил ее просьбу и расхваливала работу его. И место жительства его расхвалила, сказав, что с возвышенности видать окрестности на далекое расстояние по Ростовскому озеру и за Великий Ростов. Слушал это Трудолюб и подумал про себя, когда же она была там? А он ее не видел, хотя целый день был настороже и не входил в свою хижину. Незнакомка видит, что он усомнился в ее словах и с улыбкой говорит ему: «Не видел ли ты на пруду серой птицы?» — «Да, — отвечал Трудолюб, — видел». — «Это была я, — промолвила красавица. — Теперь я стану летать к тебе на пруд уж не во сне, а наяву. Мне много надо сказать тебе. Не пугайся, что серая утица станет говорить с тобой». На этот раз на росстанях красавица крепко пожала руку Трудолюбу. От этого он и проснулся, кровь сильно заиграла в нем.

Чрезвычайно взволнованный, в страстном ожидании встречи Трудолюб каждый день сторожил и ждал, не прилетит ли на пруд утка. Так прошло несколько дней. Наконец он дождался: полетав вокруг озера, утка села на воду и подплыла прямо к Трудолюбу, сидевшему на берегу пруда и смотревшему на нее. Подплывшая утка к немалому его удивлению заговорила человеческим голосом, какой он слышал во сне: «Князь, не пугайся меня, а выслушай. Я одна из дочерей волшебницы Всемилы Бикань, которая живет теперь в Холостом тереме на Сохатском болоте. Нас у нее всего пять дочерей: старшую зовут Белункой, вторую — Варкой, третью — Веской, четвертую — Маурой, а меня зовут Веринкой. Всех нас добрая русалка Тихонрава-Шендора обратила в уток и тем самым удалила от сожительства с развратной матерью нашей. Меня более всех ненавидит мать моя, жизнь мне становится в тягость. Выпроси ты меня у нее — раскаиваться не будешь! Многие за меня обещали ей все, чтобы она ни попросила. Я всему научу тебя, и ты будешь делать все, чтобы получить меня. Теперь тебе нужно попасть в наш терем, а это довольно трудно, потому что князь Горесвет запер его булатным замком, а ключи бросил в Годеновское озеро. Без моей помощи достать их оттоле нельзя. Вот тебе уда-херлица. Закинь ее в озеро, и ты вытащишь из него великую щуку. Разрежь брюхо ей, и тут найдешь нужные тебе ключи. Возьми их себе, а щуку пусти обратно в озеро. Посредством этих ключей ты войдешь к нам в терем. Мать моя станет просить тебя попировать с ней и с ее веселыми гостями. Ты не отказывайся, только ничего не пей, а ешь сколько хочешь. Попроси ты меня у нее, и что она станет у тебя взамен просить, все ей обещай».

Тут утка подала Трудолюбу уду, находившуюся у нее в клюве, и скрылась скоро из глаз его. Молодой Трудолюб пошел к Годеновскому озеру с устроенной для рыболовства удой в руке. И как приказала ему чудная утка, так он и сделал. Лишь только он успел закинуть уду в озеро, тотчас

почувствовал, что уду, вероятно, схватила большая рыба. Он немедленно вытягивает из озера уду и находит на крючке великую щуку. Немедленно распарывает он ей брюхо, из которого выпали нужные ему ключи, затем отпускает щуку обратно в озеро. Оттоле пошел Трудолюб по указанному пути к Сохатскому болоту, где стоял Холостой терем. Пришел он туда скоро, прямо подошел к двери, отпер ее ключами, найденными в щуке, и вошел в терем.

В это время шел там веселый пир. Волшебница Бикань увидела вошедшего красивого молодца, весьма удивилась его приходу, потому что после заключения своего туда не видала у себя никакого посетителя. Мать ее волшебница Ахиреза не могла снести такого заключения и померла. Бикань не преминула спросить, как он вошел в терем. Трудолюб ответил, что какая-то старуха встретилась ему недалеко от терема и дала ему ключи, велела отпереть дверь и войти в терем. Волшебница не стала больше его спрашивать, приняла выдуманную сказку за истину, зная, кто была эта старуха. Стала она просить его попировать вместе с ней и ее друзьями. Тот от этого не отказался, садился на указанное место напротив. Веселый тут был пир, турий рог с зеленым вином переходил из рук в руки. Один только Трудолюб не участвовал в этом, сколько волшебница ни просила его отведать из турьего рога. Под конец пиршества он стал просить у нее дочь Веринку, на что та ему сказала: «Принеси ты мне прежде гусли-самогуды, а потом и проси Веринку». Трудолюб обещал ей принести гусли.

Скоро после того вышел он из терема, запер его по-прежнему и, проходя мимо Осоевского озера, увидел, что тут недалеко от берега плавала знакомая ему уточка. Скоро приплыла она к тому месту, где остановился князь и говорит: «Мать моя за меня приказала тебе принести гусли-самогуды, чтобы веселей ей было пировать со старыми своими обожателями. Ладно. Хорошо же, мы все для нее сделаем. Гусли эти находятся у Морского Щуда, который живет в горе под твоей хижиной.

Вход в его пещеру находится у Харина болота. Вот тебе от меня чудная свирель, которую имел при себе князь Горесвет, когда был дружен с моей матерью. Когда на свирели станешь играть, Морское Щудо тебя заслушается и заснет крепким сном. В это время возьми ты стоящие в его подземелье гусли-самогуды и отнеси к моей матери и опять проси меня у нее, что она прикажет тебе делать, обещай ей и приходи снова сюда. Я помогу тебе в нужде, научу, что надо делать».

Трудолюб от Годеновского озера пришел домой к своим старым родителям. Потом спустился под гору, на которой стояла его хижина. Минуя подгорное мокрое кочковатое болото, придерживаясь ближе к реке, держал он путь к Харину болоту. Туда он пришел в глухую полночь и заиграл на чудной свирели. Услыхал ее чудный голос Морское Щудо. Оборотился он в старого старца и вышел из своего подземного терема на Харино болото. И стал он слушать не слыханную им доселе игру. Вдруг игрок перестал играть, старик долго ждал повторения, но, не дождавшись, подошел к Трудолюбу и стал просить, чтобы он поиграл еще на своей свирели. А он отозвался неудобством места: «От холода окоченели у меня руки и не могут двигаться пальцы». Тут старик стал звать его в свой подземный терем. Трудолюб как бы нехотя согласился на это и пошел за ним длинной подземной галереей к его терему. Тут Морское Щудо-старик осветил ему дорогу светильником, чтобы можно было войти в эту подземную галерею. Старик приподнял едва заметную небольшую земляную кочку, а под ней оказалась небольшая подземная западня из железа. Далее виднелась лестница, по которой они и спустились. Не скоро они дошли до жилища Морского Щуда этой галереей. Наконец пришли туда. Великолепие чертогов поразило взор Трудолюба. На стенах чертогов золото, самоцветные камни играли лучами своими, отражая свет многочисленных светильников с благовонным елеем. Служители принесли две златовидные беседы, подернутые бархатом.

Поставив их, они вышли из чертога вон. Старик и Трудолюб сели на них друг против друга. Старик стал просить его сыграть на его свирели. Тот охотно стал играть на цевнице, увидев перед собой на златовидном треножнике гусли-самогуды. Дивной игрой цевницы его старик заслушался. Сон стал дремотой смыкать его очи. А потом заснул он крепким сном, сидя на своей беседе, прислонясь к высокой спинке оной. Игра продолжалась до тех пор, пока старик не стал храпеть на весь чертог, заглушая игру свирели. Тут Трудолюб встал с беседы, взял под мышку гусли-самогуды и спешно пошел в обратный путь. Выйдя из подземелья, закрыл он железной западней и земляной кочкой и был таков.

В назначенный день Трудолюб принес волшебнице Бикань гусли-самогуды. Весьма рада была она этому подарку. Отдавая их волшебнице, просил опять Трудолюб у нее дочь Веринку. Она же на просьбу его отвечала: «Прежде принеси ты мне пояс богини Лады, а потом уж и проси Веринку». Тот обещал и это выполнить, с тем из ее терема и ушел. Теперь не видал он серой утки на Годеновском озере, прождавши целый день до поздней ночи. Не дождавшись, в великой печали пошел он в свою хижину. Отягченный крепкой думою, где достать ему тот пояс, подошел Трудолюб к хижине своей. Вдруг он слышит: на пруду громко крякает утка. Тут он от радости встрепенулся и скоро пошел туда. Там утица подплыла к нему и сказала: «На Годеновском озере мать моя караул поставила, там видеться мне с тобой было никак нельзя. А здесь я нахожусь в безопасности. О месте этом мать моя никогда не проведает. Она велела принести тебе пояс богини Лады, захотела быть вечно юной красавицей посреди стариков. Быть по сему. Надо достать тебе для нее пояс этот. Он находится ныне под Голузинской горой, которая стала быть такой от земли Мадиамской, взятой на Дамасковой дебри. Найти его под той горой без моей помощи нельзя и притом весьма трудно. Я дам тебе светильник, с которым ты взойди на ту гору

и смотри, где она засветится, тут и копай землю. Эта работа стоить будет твоего труда, потому как тут земля горы заморской. Когда ты его там откопаешь, отнеси пояс моей матери, да смотри, не отдавай его ей в руки до тех пор, доколе не даст она тебе меня выбрать из пяти одинаковых утиц, дочерей ее. Они будут плавать в том пруду, который я показывала тебе в саду. Мы все будем походить одна на другую перо в перо. Все утицы, кроме меня, станут тут резвиться и между собой играть, плескаться и нырять в воде. Я же буду от них отдельно только плавать. Тогда ты покажи на меня и проси меня взамен пояса. Тут мать возьмет меня из пруда и тебе отдаст, ты разменяйся с ней: возьми меня под левую подмышку, а пояс отдай ей. Она этому подарку весьма обрадуется и с поспешностью уйдет в свою спальню, чтобы надеть пояс на себя. А ты в это время поспеши выйти вон из терема и запри его по-прежнему. Ключи брось туда же, откуда взял. А меня тогда отпусти на волю. Я далее этого пруда нигде не буду жить».

После такого разговора с утицей Трудолюб получил от нее светильник и по указанному пути поспешил на гору Голузинскую. Взойдя на нее, он долго ходил по ней, держа в руках светильник, который все не загорался. Наконец, когда он шел мимо одного высокого дерева, светильник загорелся. Тут он поставил его на землю и стал копать, где стоял, делая яму колодцем. При всем усилии работа шла медленно. На дворе стояло знойное лето, а земля была крепка, подобно замерзшей зимней. Немало труда ему стоило докопаться до заветного пояса, который обвивал останки каких-то костей. Он его снял и пошел с ним прямо к волшебнице. Радость ее при виде пояса не имела границ. Она простерла к нему руки, чтобы взять пояс. Но Трудолюб удержал его у себя и просил теперь разменяться с ним. Волшебница на это согласилась. «Да, делать нечего, пойди и выбирай ее сам, — сказала она гневно. — Если волшебница превратила всех дочерей моих в утиц, с ними я ничего не могу сделать без воли ее. Узнаешь

ее — бери, не узнаешь — она останется у меня. А пояс тогда отдашь мне без размену, иначе я не решусь на это».

Тогда волшебница, при согласии Трудолюба, повела его в свой сад, где в известном ему пруду плавали пять утиц, ее дочерей. Когда они подошли, утицы стали плескаться в воде и играть между собой и нырять в воду. А одна утица отделилась от них и плавала сама по себе. Ее и стал просить Трудолюб. Волшебница пришла от этого в великое удивление и смущение, была вне себя, имела весьма злобный вид. Она не сказала ему ни слова, только взяла подплывшую к ним утицу и отдала Трудолюбу. Тот взял ее и положил под мышку с левой стороны, а правой рукой отдал Ладин пояс. Когда волшебница получила пояс богини Лады, она повеселела и сказала: «Хитер ты, добрый молодец, да не своим умом. Пообожди немного здесь и посмотри на бабий ум». Сказавши это, она с поспешностью вышла вон из терема. Едва только успели за ней замкнуться двери, как волшебница превратилась в юную дивную красавицу. Надев златотканую ферязь и украсив себя драгоценными камнями, красавица вышла к молодому князю звать его на веселый пир. И если бы он не предупрежден был Веринкой, то не отказался бы от приглашения попировать с такой красавицей. По счастью, Трудолюб был уже далеко. Помня слова Веринки, он выпускает утицу на волю, а сам идет по дороге к Годеновскому озеру. Тут услыхал он из окон терема великую себе брань на разные голоса как от волшебницы Бикань, так и от ее обожателей. Бросив ключи от терема в озеро, князь пошел домой в свою хижину. И всю дорогу думал о том, что же теперь будет из всего этого.

Родители Трудолюба заметили частые и продолжительные его отлучки из дому и стали спрашивать у него, куда он так часто отлучается. Он на это им отвечал весьма уклончиво и просил до поры до времени оставить его в покое. Однако обещал им, что когда придет время, он сам расскажет всю правду-истину. Только не теперь.

В ночь после освобождения Веринки из терема ее матери Трудолюб снова видит во сне великолепные чертоги, украшенные золотом и самоцветными камнями, освещенные множеством светильников. Золото и камни блестели, отражая свет светильников. Ему навстречу шла прекрасная Веринка, одетая с таким великолепием, что это превосходило всякое воображение. Такой он никогда ее не видывал. При встрече ланиты юной красавицы покрылись прелестнейшим румянцем. Потупив долу свои прелестные очи, полные огня, она тихо сказала ему: «Теперь я осталась круглой сиротой. Все оставили меня. Мать променяла меня на свои удовольствия». Тут слезы навернулись на глазах ее и скатились одна за другой на прелестные ее ланиты. Она продолжала: «Сестры мои разлетелись теперь все по своим теремам. Теперь только и осталась у меня одна надежда: это ты. Я в последний раз пришла навестить и поблагодарить тебя за все труды твои ради моей свободы, за которую я предлагаю тебе в награду этот терем, в чертогах которого мы с тобой находимся. Здесь есть многочисленные подвалы, наполненные сокровищами и жизненными припасами на длительное время. Дарю сей терем со всею прислугою, подобающей вашему княжескому достоинству. И за все это я прошу у тебя, как милости, только одного: оставь ты серую утицу жить в покое на пруду твоем, не гони с него сироту бесприютную. Я за это как послушная раба твоя буду исполнять все твои повеления без ропота. Если я буду нужна тебе, произнеси только мое имя — и Веринка явится перед тобой и исполнит все твои приказания».

«Веринка никогда не будет рабой Трудолюба! — с жаром возразил ей князь. — Но полной владычицей его сердца и его супругой. Что мне сей чертог с сокровищами без Веринки? Лучше уж убогая хижина вместе с ней! Если не противен тебе бедный оратай, то будь его суженой».

«Подумал ли ты, Трудолюб, чего желаешь? — спросила Веринка. — Подумал ли ты о том, что я — утка, которой

надо еще многого достигнуть, прежде чем стать твоей суженой: кроме согласия твоих родителей, мне нужно преодолеть великие препятствия, преодолеть которые можно великими жертвами, а я считаю себя недостойной их».

«Кто начал преодолевать препятствия, тому надо и покончить с ними, — отвечал ей растроганный Трудолюб и продолжал, глядя пылающим взором на Веринку: — Тот труд не в труд будет, где Веринка будет наградой. Сердце мое с первого свидания с тобой принадлежит тебе. Располагай мною по своему разумению на жизнь или на смерть. Трудолюб принадлежит Веринке, а Веринка — Трудолюбу».

«Прежде всего надо получить согласие твоих родителей», — сказала Веринка, — а после — сердце, жизнь и рука моя будут твоими».

Трудолюб что-то хотел ответить ей, но от сильного волнения проснулся.

Взволнованный и удивленный увиденным сном, Трудолюб долго еще не мог прийти в себя. Ему представилось, что он видит продолжение сна наяву. Он озирался вокруг и не верил глазам своим. Да и как можно им поверить, когда он видит себя лежащим на богато убранной постели с великолепно украшенным пологом. По стенам спальни были развешаны различные драгоценные одежды, которые по достоинству могли состязаться с царскими. А в дополнение ко всему они видит возле постели почтенных лет богато одетого слугу, ожидающего его пробуждения, со всеми принадлежностями для умывания. Он протирает свои глаза и смотрит на все недоверчиво. И наконец приходит к такому заключению: это все не сон, а явь. Трудолюб вскакивает с постели своей и видит подле нее на позлащенном седалище лежащую перед ним великолепную одежду. С помощью служителя он надевает ее на себя, не видя своей старой.

Утро было еще раннее. Заря только еще стала заниматься. Он вышел из терема освежить себя прохладным утренним

воздухом. Видит на месте ветхой своей хижины великолепный терем с различными при нем службами. Видит многих служителей и великий дивный сад, прилегающий к этому терему. Посреди сада — пруд. Оглядел он окрестности и убедился, что все осталось по-старому, все на своих местах.

Трудолюб был несказанно удивлен неслыханными переменами в своей жизни и по осмотре окрестностей пошел обратно в терем проведать своих родителей. Он стал ходить по богато убранным чертогам, отыскивая их. Пред ним служители в чертогах отворяли двери настежь. Наконец дошел он до спальни родителей и там видит их спящих крепким сном на пышной и богатой постели под теплым медвежьим одеялом, покрытой камкой хрущатой. Он разбудил отца и мать. Они, как и он сперва, стали протирать свои глаза, думая, что все это видят во сне, но сын их, которого они едва узнали в новой одежде, удостоверил их, что это не сон. Старик со старушкой никак не могли понять, что с ними приключилось. Легли они спать на теплой печке, а проснулись на княжеской постели. Они поспешно встали на ноги и спрашивают у сына: «Где мы?» Тот отвечает им: «Вы в своем тереме, но что и как это сталось, я вам расскажу после. А теперь ваши слуги и служительницы пришли одеть вас». Сказав это, он вышел из их спальни.

После роскошного и сытного завтрака Трудолюб стал отдавать приказания старшему домоправителю, у которого на поясе была огромная связка ключей: «Ты покажешь моим родителям все хозяйство терема: кладовые, погреба и конюшни со скотным двором и птичником».

Обозрение это происходило до самого обеда. За обедом Трудолюб рассказал своим родителям всю историю своих снов от начала до настоящего времени, включая все разговоры с дивной красавицей во сне и серой утицей наяву. И потом он стал просить у них дозволения вступить с ней в брак.

Испуганные его просьбой старики долгое время были безгласны. Потом они вскричали оба: «Что ты, сын наш! Что

ты просишь? Волшебница-утка будет твоей суженой? Ты околдован ею, сын наш. Ты погубишь себя, — со слезами говорила ему старуха-мать.

— Полюбил ты во сне волшебницу. А мы утку должны называть своей дочерью? Мыслимое ли это дело?»

— «Не надо мне ничего от утки взамен моего сына, ни ее терема княжеского, ни ее несметных сокровищ, виденных нами», — поддержал отец. «Наша хижина и Трудолюб мне дороже всего, — сказала мать. — Откажись, сын, от колдуньи, а то убьешь нас до смерти!»

В следующую ночь Трудолюб видит свою Веринку, спешащую к нему навстречу в прежде виденных им чертогах, но не в драгоценной одежде, как это бывало прежде, а в простой чистой одежде, приличной хозяйке дома. Красота лица ее и тела проступали еще явственнее, нежели в драгоценном одеянии. Трудолюб не сводил с нее глаз своих, от радости и желанного свидания с ним разрумянилось ее лицо. Тут она с улыбкой сказала ему: «Ты наполовину сделал для меня дело, рассказав обо мне родителям свои. А другую половину я сама сделаю. Теперь я твоя на век, а ты мой. Трудолюб, захочешь ли сослужить мне службу, а не службишки, которые ты раньше выполнял? Теперь надо будет в последний раз съездить за меня за тридевять земель в тридесятое царство к покровительнице моей волшебнице Шендоре, которая живет в днепровских порогах, в Хрустальном тереме. Она снимет с меня одежду серой утицы, которую надела на нас в защиту от развратной нашей матери».

Трудолюб был на все согласен. «Вот тебе товарищ верный в путь-дорогу, — протянула ему Веринка кису серебра и золота. — Эта киса неистощимая. Она принадлежала некогда князю Звенославу, сыну Светидову. С ней ты найдешь друзей и товарищей повсюду. Поезжай ты отселе прямо на полдень. Проедешь ты землю кривичей. Проедешь ты в землю радимичей между землями дреговичей и вятичей. Проедешь ты в землю Северянскую. Приедешь ты, наконец, в землю

Полянскую. Там между двух кремнистых гор течет широко быстрый многоводный Днепр-река со своими гремучими порогами и глубокими омутами, которые преисполнены русалками. Поезжай ты все по крутому его берегу. Наедешь ты там на избушку курную. В ней живет Баба-Яга, Костяная нога. Отвези ты ей мое челобитие и подарочек — кику хрущатую. Она покажет тебе дорогу прямоезжую к Хрустальному терему русалки Шендоры. Эта знаменитая русалка родом из земли Ростовской. Она примет тебя ласково. Отвези ты ей от меня покорное челобитие и на память обо мне ветку белого тополя с кургана Росстани. Она спросит тебя о кургане том. Ты скажи ей, что стоит он среди лесу дремучего, на нем лежит камень с надписанием, по-прежнему занесенный наполовину песками вертячими, обросший весь мхом болотным и травой черной папоротью. Проси ее снять с меня заклятие, а вместе со мной и с сестер моих. Она все это сделает».

Сказав это, Веринка дала Трудолюбу кику и ветку белого тополя. Расставанье было самым трогательным во сне, отчего Трудолюб проснулся.

Поутру Трудолюб пошел к своим родителям и рассказал им про увиденный сон, показал им кису, кику и ветку белого тополя. И просил их отпустить его в далекий путь. На этот раз родители его ему не поперечили, отпустили его в путь-дорогу дальнюю.

Поехал Трудолюб в землю Полянскую на быструю реку — глубокий Днепр. Ехал он туда годину немалую. С кисой нужды никакой не видывал ни в пути, ни в ночлеге, ни в пище: всякий ему друг и брат. Проехал он землю кривичей, проехал он землю радимичей, проехал он землю Северянскую. Приехал он, наконец, в землю Полянскую. Поехал он там по крутому берегу Днепр-реки. Наехал он там на избушку. Стоит избушка на курьих ножках, к нему задом, а к лесу передом. По его слову она его не ослушалась, повернулась к нему передом. Он входит в нее и видит: в переднем

углу сидит Баба-Яга, Костяная нога за прялкою и шерсть прядет. На коннике у дверей серый кот сидит и ей песни поет. А на жердочке ушастая сова сидит и вокруг да около головой своей повертывает да глазами похлопывает. При входе его в избушку серый кот ощетинился, а сова шибко крыльями своими захлопала. Баба-Яга закричала: «Фу-фу! Русского духа доселе было слыхом не слыхать, а ныне русский дух воочию совершается! Волей или неволей ты пришел сюда, добрый молодец? Скажи ты мне всю правду-истину».

На это Трудолюб так ей отвечал: «Глупая ты, старая баба, неразумная! У нас на Святой Руси так не водится. У нас прежде накормят, напоят, в баньке выпарят, а потом уж и спрашивают». Тут Яга-Баба за ум взялась: напоила, накормила его и в печи выпарила. Потом и спросила его опять по-прежнему. На это он ей так отвечал: «Приехал я сюда волею, а вдвое того неволею. Привез я тебе челобитье и подарочек от твоей Веринки, внучки названой: кику камки хрущатой. Теперь скажи ты, как проехать мне к порогам днепровским, к Хрустальному терему Шендоры-русалки?»

«Утешил ты меня, старуху, добрый молодец, — сказал ему весело Яга-Баба, — своим челобитьем и подарочком. За это я тебе поведаю о пути том, мне одной сведанном. Готова тебе постель мягкая. Ложись спать с истомы дорожной, утро вечера мудренее завсегда».

Поутру чем свет Яга-Баба разбудила Трудолюба, спавшего крепким сном, и сказал ему: «Поезжай ты, добрый молодец, дорогой неторной, лугами нетравленными, полянами нераленными. Поезжай ты за моей внучкой, совой полунощницей. Ей одной та дорога сведана. Вот тебе от меня плеть шелку шемаханского. Без нее русалки защекочут тебя до смерти. Много повстречаешь там ты их, на крутом берегу Днепр-реки, близ Хрустального терема, плетью отгоняй их от себя».

Поехал Трудолюб от избушки Яги-Бабы по пути, указанному совой полунощницей. Много было ему крепких застав

3 Зак. 2748

от днепровских русалок. Не миновать бы ему худа на пути том без плети Яги-Бабы. Скоро он подъехал к двум кремнистым горам, между которыми течет широкий Днепр. Горы эти взяли реку в свои объятия, нет ей простору. Ревет она от этого как лютый зверь. Пенистыми волнами своими покрывает Днепр Хрустальный терем русалки Шендоры. Идет в него Трудолюб через ворота волыцеты. Там видит он: сидит старуха старая. А сидит она на беседе дорог рыбей зуб. Подернута беседа рытым бархатом. На клюку старуха опирается. Одета она в парчевый сарафан. А кика на ней — скатка жемчуга с каменьями самоцветными.

Завидела старуха Трудолюба — такую речь с ним повела: «Насилу-то я дождалась тебя, добрый молодец, с моей родимой сторонушки. Все ли она стоит по-прежнему и по-старому?». Тот отвечал ей так: «Все у нас стоит по-старому и по-прежнему. Принес я тебе великое челобитие от твоей названной внучки Веринки и подарок на память о ней — ветку с белого тополя, который растет на кургане Росстани. Еще моху с того камня белогорючего, который лежит на кургане том».

За эти слова старуха ухватилась и стала говорить Трудолюбу: «Умна и разумна моя внучка Веринка. Знала, чем старуху порадовать. Нашла то, чем напомнить о себе. Дорог мне Росстани курган. На нем рассталась с сестрою любимою. Еще ль тот курган на месте том стоит среди долины ровныя?» На это Трудолюб ей отвечал: «Заросла та долина лесом дремучим, и на кургане том роща растет. А под корнем старого дерева лежит бел горюч камень. Порос тот камень мохом болотным, которым Сохатское болото все поросло».

Волшебница русалка Шендора осталась весьма довольна как подарками, так и вестью о родной стороне. И после этого она спросила его о причине его столь далекого пути. Тот ей рассказал все в подробности: и о причине своего приезда, и о сильной любви своей к Веринке, которую назвал своей суженой, и просил снять чары с нее и сестер. Волшебница пох-

валила выбор его себе суженой и многое к тому дополнила. Рассказала ему о превосходных ее душевных качествах. Она была готова для нее все сделать и говорила так: «Если бы я не приняла их под свое покровительство, то все бы дочери Бикань пошли бы по пути своей матери и погибли бы они безвозвратно. Теперь все они находятся в полном цвете лет и могут уже разуметь сами и худо, и добро. Каждая из них найдет себе достойного супруга, кроме одной. Но кто эта одна, я умолчу. Я хочу, чтобы все они помнили меня и знали о любви моей к родине. Украшу я окрестности Ростова великолепными теремами для каждой из сестер. Они дождутся своих суженых. По приезде твоем в Ростов сходи ты на Сохатское болото и выведи их оттоле в свой терем. А мать их запри там по-прежнему. Для входа тебе в терем Холостых возьми мои книги, которые ты брось опять в то же озеро после брачного твоего торжества».

После этих слов волшебница постучала клюкой своей об пол. Вышел оттоле старик удивительного вида: с длинной седой бородой и с одним глазом посреди лба, с козлиными ногами, высоким остроконечным колпаком на голове. Он стоял перед ней раболепно, ожидая от нее приказаний.

«Люцыйден, — сказала ему волшебница, — ступай, принеси мне сюда пять утиных оболочек: четыре с уток, плавающих в пруду Холостого терема на Сохатском болоте, а последнюю с плавающей на пруду возле Трудолюбова терема утицы». Старик снял свой колпак и низко поклонился волшебнице и скрылся под пол, который сомкнулся за ним по-прежнему.

Покуль волшебница расспрашивала вновь и вновь Трудолюба о Ростовской земле и слушала его ответы с великим вниманием, старик успел вернуться, исполнив порученное ему. Он принес пять утиных оболочек, которые волшебница положила под свое седалище. А Трудолюбу она сказала, что чары свои она с дочерей Бикань снимает.

По отъезде Трудолюба на Днепр родители его каждый день утром и вечером кормили на пруду чудную утку пищей

со своего стола. В одно утро видят они идущую к ним от пруда девицу дивной красоты. И стали недоумевать: кто такая красавица? Девица взошла к ним в терем и прямо упала им в ноги. Изумленные старик и старуха поднимают ее и спрашивают, кто она такая и какую до них имеет нужду. Та назвала себя Веринкой и стала просить их, чтобы они не выгоняли ее от себя, а дозволили ей быть у них в послугах. Старик и старуха со слезами радости стали обнимать ее и называть своей дочерью.

С того времени все хозяйство по терему легло на плечи Веринки, которая как птичка-ласточка успевала во всем. Старик со старухой души в ней не чаяли: так ее любили, запрещали и не давали ей ноги мыть, но Веринка этому не повиновалась.

Приезд Трудолюба весьма обрадовал пожилых родителей, а наипаче его суженую.

На вопрос отца с матерью о пути его на Днепр и обратно Трудолюб отвечал: «Для меня этот путь был благополучен. На обратном пути в земле мосхов встретил я старца Микульчища, который еще раньше собирался идти в Великий Ростов. Мы поехали вместе и сдружились. Приятные разговоры скрасили наше путешествие. Узнал я, что уединенная жизнь старца Микульчища у мосхов на берегу реки Москвы была в великом почете и славе. Это и заставило его удалиться оттоле и поискать себе безмолвия в Ростовской области. Он и нашел такое место в дремучем лесу, растущем по высоким горам, где и поселился в небольшой самородной пещерке». Покуль готовились в тереме Трудолюбовом к свадьбе, Трудолюб пошел освобождать из Холостого терема сестер Веринкиных. Ключи у него уже были приготовлены, он отпер дверь терема, где в то время у волшебницы Бикань шел пир горой, гремели гусли-самогуды. Не заходя в терем, Трудолюб прошел в сад к пруду, где четыре красавицы, дочери Бикань, сидели на берегу. Увидев спешащего к ним Трудолюба, красавицы

встали и поклонились ему, а он приветствовал их и рассказал, зачем он пришел к ним. Услышав имя Шендоры, девушки весьма обрадовались и все немедленно пошли вместе с ним вон из сада. Проходя мимо терема матери своей, они заткнули себе уши, чтобы не слышать звона гуслей-самогудов и криков веселых собеседников Бикань. А когда все вышли из терема, Трудолюб запер его по-прежнему, а ключи бросил в Годеновское озеро. Дорогой он рассказал своим спутницам о том, как он под руководством сестры их Веринки устроил возвращение их в первоначальный облик. «Теперь Веринка ожидает нас с нетерпением», — добавил он.

Скоро совершилось великолепное брачное торжество Трудолюба с Веринкой. И после веселого пиршества проводили с песнями новобрачных на подклеть.

Волшебница Тихонрава-Шендора

Волшебница русалка Тихонрава-Шендора, дочь Сидонии Мерековицы, пожелала посетить внучку свою Веринку в первую ночь после брака ее. Летала она силой науки своей на лазуревом облаке, проникла в дом сквозь легко прикрытый потолок подклети, где висела хрустальная лампада-светоч с благовонным елеем. Лампада разливала слабый свет на пурпуровые зана-

вески брачной постели, на которой Трудолюб после трудной своей победы заснул на груди счастливой Веринки. Молодая супруга приподнялась над спящим своим любимым, чтобы облобызать его. Вдруг лазурево-пурпурная завеса распахнулась, и волшебница Шендора предстала пред постелью новобрачных. «Счастлива ли ты, моя Веринка?», — спросила она. И в это самое время привела к Трудолюбу крепкий сон.

«Невыразимо счастлива», — отвечала ей Веринка, скрывая свои краснеющие ланиты на груди своей покровительницы.

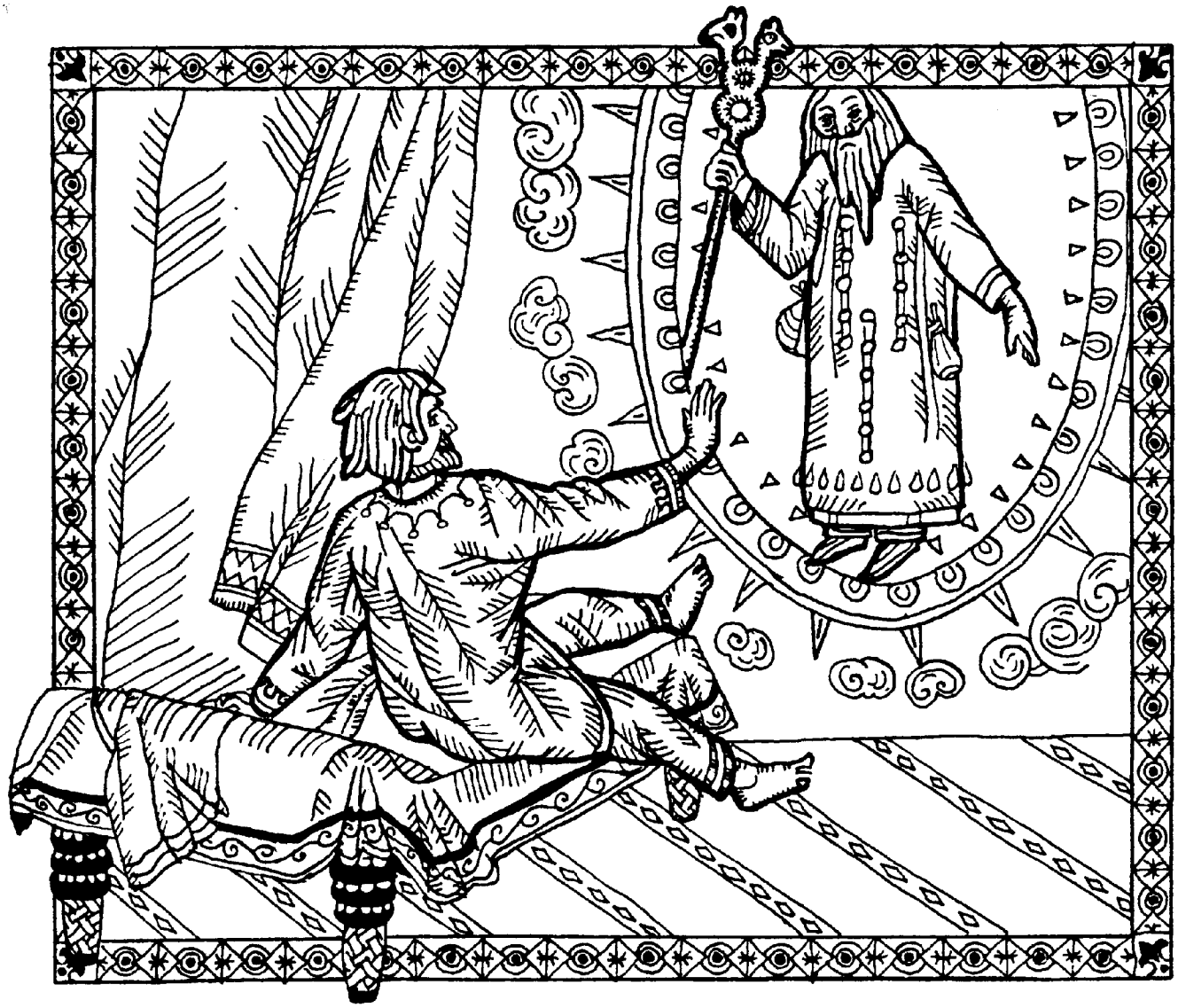
На следующий день во время пиршества у новобрачных среди гостей восседала старая дева с царской сановитостью. Она сказала своим названным внукам: «Дети мои, остается немного времени побыть мне вместе с вами. Я поспешу приготовить для жизни вашей жилища, достойные моей любви к вам».

Тут волшебница Шендора произнесла несколько таинственных и никому не понятных слов заклинания, повторив их трижды свирепым голосом, и топнула об пол ногой. Загремели подземные громы так, что задрожала земля и треснула земная ось. И через некоторое время толпа духов с самим Люцифером во главе предстала пред ней, смиренно ожидая ее повелений.

— Духи земли! — вскричала волшебница. — Мои питомцы просят у меня себе жилищ и приданого вена. И вы каждой из них в приличном и удобном месте в окрестностях Великого Ростова соорудите по терему по образцу Веринкина и наполните его всяким добром для безмятежной и спокойной жизни.

Сказав это, волшебница махнула своим жезлом, и все духи с предводителем своим стали быть невидимы. Из первобытного гранита построены были для каждой дочери Бикани гордые здания, окруженные златоглавыми колоннами смелость и сила соединялись в них. Хрустальные двери вели в роскошные, истинно царские чертоги, которые были ук-

рашены живописью и золотом. Обширный сад мог удивить своей красотой всякого. Цветы и деревья, отягченные плодами, казалось, соперничали друг с другом. Фонтаны били чистыми струями безмерно высоко. Все терема расположены были по нагорным и холмистым местам: построили для старшей из дочерей, княжны Белунки, за реками Устьем и Пурой, второй, княжне Варке, — за Сохатским болотом, между рекой Пошмой и Ленским озером, третьей, княжне Веске, — за рекой Пурой, четвертой, княжне Мауре, — на берегу реки Сахты, для пятой, княжны Веринки, — терем на берегу реки Пошмы.

Князь Остромир и княжна Белунка

От Рождества Христова 323 лета

Кроткая и умная княжна Белунка жила одиноко в своем тереме. Наконец, отдала свою руку и сердце князю Остромиру, сыну Дерахову, внуку Тугарина-Закедье. Неудачный брак, предсказанный волшебницей Шендорой Трудолюбу, выпал на ее долю.

Через год после этого князь Остромир беспокойно спал на отдельном своем ложе вдали от забытой им Белунки.

Тем временем покинутая им Белунка в отдаленной своей спальне заливалась горючими слезами. Душа Остромирова была зла и развратна. Ни красота лица, ни качества доброй души супруги не пленили его. Им овладела жажда богатства. Грубая жестокость и дикая, буйная вспыльчивость помрачили блеск многих истинно рыцарских добродетелей, его украшавших. Таковы были его подлинные душевные качества, когда счастье супружества нежданно излило на него все дары любви, блеска и богатства. Это скорое исполнение всех его желаний вконец испортило его характер. С милой, кроткой Белункой, любовь которой и привела ее в объятия злого человека, князь Остромир стал обходиться грубо, с презрением, как с похищенной им невольницей. Царские сокровища, рассыпанные повсюду щедрой рукой волшебницы Шендоры, пробудили в нем жажду золота. Сотни подвластных ему семейств, живших под сенью его гордого терема, вырубавших дремучие леса, возделывающих пустыни, воспламенили его честолюбие. В надменной его душе родились исполинские замыслы создания великого государства. Он уже мысленно сочетался браком с дочерью могущественного кесаря Римского. И поэтому угрюмо и презрительно смотрел на свою добрую и верную жену. Та, не будучи томима, как он, жаждой славы, не могла отвечать его великим замыслам. Каждый день она переносила новое огорчение, укор. И наконец стала раскаиваться в своем необдуманном выборе, бывшем следствием минутного упоения любовью. А ведь сестры предупреждали ее!

Лежал князь Остромир на своем уединенном ложе, растревоженный мрачными грезами. Внезапно воссиял свет и прервал его беспокойную дремоту. Он вскочил с постели и увидел, что над ним стоял в озарении синеватого сияния злой волшебник Кронверх, потомок Буки Красного. «Первый год твоего брака минул, — сказал волшебник Остромиру сиплым голосом. — Благодаря Перуну ты чувствуешь себя

несчастным. Твой возвышенный дух ощущает всю тяжесть цепей, приковавших тебя к женщине, рожденной в неизвестности, не знающей своего отца. Белунка не подходит тебе, не годится твоему честолюбию. Судьбою тебе предопределена блестящая участь. Три короны готовы украшать твою голову, если ты сделаешься их достойным!»

«Посланник небесный!» — вскричал восхищенный Остромир.

«Знай, — продолжал говорить волшебник, — я осужден жестокостью волшебницы Шендоры. В сем плачевном виде я блуждаю и буду блуждать по подземельям и пропастям, пока мужественный подвиг не уничтожит пагубного волшебства. Того храброго витязя, который освободит меня, я возведу на первый престол Мира и сочетаю его браком с дщерью сильнейшего кесаря, а также уступлю все мои сокровища в вечное владение».

«О, если бы мне суждено было прекратить твои бедствия, мудрый Кронверх», — сказал Остромир.

«Только ты один сумеешь это сделать, благородный и отважный витязь, — перебил его волшебник. — Только ты один имеешь средство уничтожить волшебницу Шендору, освободить меня и самому сделаться счастливейшим из смертных. Но тот, кто хочет служить Кронверху, не должен щадить ничьей крови».

«Дай мне золота и власти, и я умерщвлю для тебя миллионы!» — сказал с жаром Остромир.

«Возьми эту иссохшую ветку, — сказал ему волшебник, — пойди с ней в спальню Белунки и пронзи кинжалом сердце спящей супруги так, чтобы теплая кровь ее обрызгала эту ветку. Новая жизнь разольется по мертвому деревцу. Потом посади его в землю. Оно тогда же зазеленеет и украсится цветами, из которых вызреют прелестные плоды, сияющие пурпуром и золотом. Однако смерть таится в их мякоти. Сорви одно яблоко и пошли его от имени Белунки сестре ее Ве-

ринке и Трудолюбу. Оба они отведают плода и немедленно умрут. Как скоро ты получишь весть об их кончине, привези сюда их тела и положи подле тела своей жены. Сруби ядовитое деревце и расколи его на мелкие части, вырви сердца из трех тел и сожги их на костре из веток ядовитого деревца. Как скоро огонь пожрет последнюю жилочку, гнусная волшебница Шендора умрет в ужасных мучениях. Тогда я буду свободен от чар ее и навеки стану твоим должником».

«Изволь!» — вскричал Остромир, вращая кровожадно сверкающими глазами. Он схватил левой рукой волшебную ветку, а правой — кинжал и пошел в спальню несчастной Белунки. Путь ему освещал страшным своим сиянием волшебник Кронверх. Тихо отворил он дверь спальни. Перед ним лежала женщина, которую безмятежный сон ласково заключил в свои объятия. Под ее золотыми кудрями вздымалась полная белая грудь. Очаровательная улыбка сияла на бледных ланитах ее. Но злодей, злобно скаля зубы, занес кинжал, чтобы со всего маху поразить свою добрую супругу. Но в это самое время невидимая рука вырвала кинжал из руки его. Он увидел, что вместо волшебника Кронверха перед ним стояла волшебница Шендора, устремившая на него грозный взор.

Он задрожал, охваченный ужасом. Глаза его, казалось, только и молили землю, чтобы она поглотила его. «Твой нежный супруг хотел сделаться твоим убийцей, дочь моя», — сказала волшебница Шендора проснувшейся Белунке.

«Остромир, ты ли это? — спросила его рыдающая Белунка, всплеснув руками. — Возможно ли это? И ты хотел меня убить!»

«Хотел», — глухо подтвердил злодей, скрежеща зубами. Он спешно поднял с пола лежащий кинжал и вонзил его себе в сердце, затем упал бездыханный на пол.

Вскоре после этого события зоркие глаза счастливой Веринки из своего нагорного терема на пруде рассмотрели на дороге от Велесова камня и развалин терема княгини Будис-

лавы-Угоды медленно идущую женщину с поникшим взором. Когда она подошла поближе, на такое расстояние, что можно было ее узнать, оказалось, что это сестра ее Белунка. Веринка со слезами выбежала к ней навстречу.

«Последняя моя надежда рухнула, мои страдания достигли высшей степени», — произнесла она и рассказала все о своей жизни с первого дня брака. Веринка и Трудолюб всеми средствами старались ее успокоить, пригласили еще мудрого старца Микульчища. Тот в утешенье Белунки рассказал ей историю своей жизни. И она решила стать отшельницей, как и Микульчище. С несколькими своими близкими Белунка удалилась в пределы Мурома и там на берегу реки Клязьмы, в необитаемых дебрях основала себе жилище, которое местные жители прозвали Марьиной дебрью.

Князь Рудак

От Рождества Христова 452 лета

Князь Рудак, младший сын князя Светида от второго брака, был весьма ограниченного ума — просто дурак. Старшие братья удумали разделить между собою наследие отца своего по его смерти, лишив в этом разделе всего младшего своего брата Рудака, которого они прозвали презрительно Хомяк.

Князь же Рудак о таком разделе нисколько не беспокоился и не сетовал на то, что братья при этом забыли о нем. Княжеством его был лес, а подданными — грибы. А наука его — лазать по деревьям и зорить гнезда, брать птенцов или

яйца. Зимой забавой его была игра с малыми ребятами. Таким своим состоянием он был весьма доволен и не желал лучшего. Но это все не нравилось братьям, и они делали все возможное, чтобы заменить лесные занятия брата другими, более приличными его званию. В ответ на уговоры Рудак-Хомяк делался скучным, плакал и со всеми ссорился.

В одну ночь трем братьям, детям князя Светида, явился отец их в княжеской одежде, который приказал им по очереди по старшинству приходить на одну ночь караулить могилу его, находящуюся в Сарском городке. Князья-братья умные да разумные удумали между собой так: курган-де отца их кому красть? А караулить его ночью на берегу реки и страшно, и бессмысленно, пусть Хомяк сторожит!

Пришла пора исполнить завет отцовский старшему брату князю Громосилу. Тому добре не хотелось идти, да и зачем в такую даль за восемь верст киселя хлебать? Призвал он к себе брата своего Рудака и предложил ему идти на отцовскую могилу взамен себя. А за то посулил ему полчетверика каленых орехов и обещал сказать, где на высоком дереве утиное гнездо с птенцами. За такую награду Хомяк с великой радостью согласился на это, потому что больше всего любил орехи щелкать, а пуще того — хотел утиное гнездо в первый раз зорить!

Вот пришло урочное время. Хомяк с кузовом орехов пошел по дороге на могилу своего отца. Пришел к кургану и сел у подошвы его, погрызывая каленые орехи. В самую полночь видит Рудак: на вершине кургана сидит его отец точно в таком виде, как видал его во сне, вооруженный с головы до ног в доспехи ратные, которые при свете месяца блестели на нем. Князь позвал сына по имени и велел без всякого страха подойти к нему. Тот, не обинуясь, подчинился, подошел. Отец обласкал его и потом спросил: «Почему пришел ты, а не Громосил?»

— «Не знаю», — отвечал Рудак. «Награжу я тебя, — сказал отец. — Это хорошо с твоей стороны, только нехорошо.

со стороны брата твоего. Пусть послужит ему ущербом, укором и раскаянием на всю жизнь, что послал тебя сюда вместо себя. Хотел я ему как старшему сделать достойный подарок на память обо мне — эти ратные доспехи, которые ты видишь теперь на мне. Они теперь твои. Это подарок мне от Максентия Геркулеса, кесаря римского. Крепость у них несокрушимая. Они изработаны в Дамаске-городе, но кем — неизвестно. Они некогда покрывали собой тело великого царя Александра Македонского. Как они мне подарены, так и я дарю их охотно тебе за твое послушание. В них ты будешь непобедимый герой».

Сказав это, князь Светид снял с себя доспехи, положил их у ног Хомяка, так говоря ему: «Пока они не нужны тебе. До времени скрой их в дупле этого дерева, которое было посажено прародителем нашим посреди этого крепкого городка». Хомяк исполнил все по слову отца своего, а потом обуяла его сильная дремота и он скоро заснул крепким сном. Старший брат рано поутру поехал проведать о судьбе брата своего. Он нашел его у подножия отцова кургана спящим крепким сном, от которого едва мог пробудить его. И стал его спрашивать: «Что случилось с тобой, Хомяк, ночью? Не видал ли ты чего на кургане?» Тот при всей ограниченности своего ума не сказал ни слова, что было у него, и свалил все на сон: «Сморил меня сон великий, вот и орехи все остались почти нетронутые».

Приближалась вторая ночь. Должен был идти на отцов курган средний брат, князь Сартак. И тот, как и старший, послал вместо себя Хомяка, дав ему полчетверика орехов каленых, да сверх того обещал показать на высоком дереве гнездо гусиное с яйцами и большую поляну грибов. Как за это не идти караулить у кургана в ночь?

Хомяк, как и в прошлую ночь, пришел к кургану отца своего и сел у подошвы и стал грызть орехи каленые. Затем осмотрел дупло и нашел, что там все цело. В самую полночь

видит он отца своего, сидящего на кургане без доспехов ратных в своей княжеской одежде, перепоясанной золотым поясом, украшенным самоцветными камнями, а на поясе на златой цепи висел меч-кладенец со златой рукояткою. Ножны его были изукрашены красным золотом. Он как и прежде, подозвавши к себе, обласкал малоумного сына. Потом спросил у него, почему опять пришел сюда он, а не брат его Сартак. Тот отозвался незнанием, а потом рассказал ему, за какую корысть он послан сюда. Отец похвалил его за послушание, но негодовал на то, что умные его дети не послушались своего отца, а посылали за себя слабоумного дурака. Потом сказал Хомяку: «Я обещал Сартаку дать мою заветную вещь, но он за ней не пришел, поэтому она достанется тебе за твое послушание. Эта вещь — меч-кладенец, который ты видишь на мне. Его подарил мне восточный царь Константин. Это достояние того же царя Александра Македонского, которому дал его Морское Щудо, когда он опускался в Киянморе узнать глубину морскую. Крепость его несокрушима. По слову волшебницы Добрады, князь Звенислав брал его с собой в пучину морскую, когда он ехал мимо нее. Этот меч более известен под именем Нивродова меча. Придет пора — он принужнится тебе. Теперь же спрячь его тоже в дупло вместе с доспехами. Тут они будут сохранны». После этих слов он снял с себя сказанный меч и передал его сыну своему. А тот, по слову отцову, положил его вместе с доспехами ратными в дупло.

В это время запел петух, и видение исчезло. И напал на Рудака сон, и он крепко уснул, и проспал у кургана до половины дня. А придя домой, ничего не сказал, что с ним было.

Настала третья ночь, в которую надо идти к кургану самому Хомяку. Он не замешкался, пришел туда, грызя каленые орехи. Теперь он шел исполнить приказ родителя на очередной караул. Он хотел жаловаться ему на братьев своих, что обманули его: не показали тех деревьев, где вили гнезда.

утки, а только посмеялись над ним. Придя к кургану, он увидел уже там своего отца, одетого, как и в прошлую ночь. Он подозвал его к себе рукою. В это время Рудак увидел на руке его блестящий золотой перстень с самоцветным камнем. Отец тут говорит: «Ты покорный сын мой. Потому для тебя я сохранил чудную вещь... Это перстень царя Соломона, который дошел до меня от предка моего князя Тучегона. А ему достался от князя Тугарина-Закедье через брата Нечая, которому подарил его один престарелый волхв. Князь Тугарин спас дочь волхва от Морского Щуда на реке Краесветной: зверь схватил ее на берегу той реки и хотел было скрыться, но Тугарин вовремя подоспел. Сила в этом перстне такова: наденешь его на средний палец правой руки — получишь разум мудреца, повернешь адамантовый камень к ладони, тогда чего пожелаешь, то и сделается. Хоромы нужны — будут, витязем захочешь стать — станешь, коня хочешь — конь будет богатырский, яств и питий захочешь — всякие будут, денег пожелаешь или чего бы то ни было — все явится пред тобой». Сказав это, он снял с руки своей перстень и надел ему на руку. Стал отец учить сына, как обращаться с перстнем и как хранить его от чужого глаза: стоит надеть его на тот же палец левой руки — никто его не увидит. В заключение всего наказал отец, как надо жить с братьями и как достать себе суженую, когда придет тому пора. Во время речи этой запел кочет, и князь Светид стал быть невидимым. А на Хомяка нашел сон, и он проспал до половины дня. Проснувшись, он долго любовался подарком отца. Теперь он представил себе, как братья будут делить наследство отца и ему стало не по себе. И порешил князь Рудак прикинуться до времени дураком да посмотреть, что с ним братья будут делать далее. Потом захотелось ему узнать силу своего перстня. Для этого он повернул его камнем к ладони и прижал пальцами, сказавши: «Я желаю иметь порочку с грибами!» Не успел он это промолвить, как увидел у своих ног стоящую порочку с

самыми мягкими и хорошими грибами. Тогда он надел перстень на левую руку и, взял порочку, спешно пошел домой.

Теперь он не стал гневаться на братьев, что они не показали ему гнезд утиных и гусиных. А стал думать, как правильно разделить наследство своего отца. С этими мыслями вернулся он на свой княжий двор.

Князья-братья увидели его с грибами и подняли на смех: «Поздно, брат, с добычей идешь!» — «Запоздал недаром! Отыскивал все на кургане третьего вашего брата, не Хомяка, а князя Рудака, которого вы совсем потеряли». После этого он опять стал говорить глупые речи про то, как он ночью грыз орехи, как грибы собирал и сколько каких гнезд разорил. Братья весьма удивились, услышал в первый раз от дурака такую себе укоризну, какой они отродясь от него не слыхивали. Прикусили свои языки.

После этого Хомяк стал реже ходить за грибами в лес и зорить птичьи гнезда, а стал время от времени говорить братьям о справедливом разделе отцовского наследства.

Немного прошло времени с тех пор, как дети князя Светида разделили по частям наследство родителя своего. Пришел нежданно-негаданно на Ростов народ — чудь белоглазая и обложил со всех сторон город, требуя дани за многие годы. Князья-братья Громосил и Сартак пошли против врагов своих войною, но эта война оказалась им не впрок: оба попали в плен и осуждены были предводителем чуди на смерть. Хомяк узнал о такой незадаче братьев, пожалел их и с наступлением ночи вышел из города подземным входом, устроенном братьями Силоволом и Вихрославом, к Зилантову перевозу. Пошел он к заветному дубу, в дупле которого хранились его доспехи ратные. Там он повернул камень перстня к ладони и пожелал иметь себе оруженосца и двух бранных коней. Тут он увидел идущего к нему оруженосца с двумя конями богатырскими, великолепно убранными богатыми уборами: золото и серебро на них как жар горит, особо у того коня, ко-

торый предназначен для князя. У того коня и стремена были красна золота, и висели на таких же золотых цепях. За оруженосцем шел еще конюх и вел другого коня княжьего.

По приказу Рудака оруженосцы принесли ему сбрую ратную из дупла и вооружили его в доспехи с головы до ног, а в заключение опоясали золотым поясом, на котором висел драгоценный меч-кладенец. С почтением они подвели ему коня, посадили в седло, поставили ноги в стремена, а сами сели на своих коней, и все поскакали.

Лучи восходящего солнца играли на доспехах ратных неизвестного прежде витязя и на сбруе богатырского коня его, летящего стрелою в сопровождении двух мужественных молодых оруженосцев к Зилантову перевозу. Земля дрожала под копытами их. Не спросил он перевозу через реку Ишню, а ускоком коня богатырского перескочил с одного берега на другой. А за ним перескочили реку также и оруженосцы его. Бурным вихрем напустились они на чудь белоглазую и стали их мечом сечь и рубить да конем топтать. Скоро пространное поле нераленое усеяно было телами чуди белоглазой. Прицы, князь их, со страху наутек побежал, но разгневанный Рудак меж крылец его сколол копьем своим долгомерным. Подъехав к лагерю чуди белоглазой, он увидел тут своих братьев, прикованных железными путами к дубовым столбам на голодную смерть. Он немедленно освободил их. Они не узнали своего брата в доспехах ратных, победителя чуди белоглазой. От голода они едва стояли на ногах. Князь брал их за руки, велел накормить-напоить досыта. И повелел он всю добычу чуди белоглазой разделить на три равные части и третью часть Хомяку отдать. Потом стрелой полетел на своем богатырском коне в ту сторону, откуда только что приехал. Убрали оруженосцы в дупло его сбрую ратную, увели коней и сами ушли туда, отколе пришли.

Одновременно пришли три князя на княжий двор. Двое привезли с собой бранную добычу, а третий — порочку гри-

бов. Дома у двух старших братьев завелся горячий разговор о каком-то незнакомом витязе, разбившем наголову чудь белоглазую, который из добычи своей ничего не взял, все им отдал до маковой росинки. Хомяк слушал-слушал и со смехом им говорит: «Ведь это я сам и был, и всю чудь белоглазую побил. И за это дайте мне добычи моей третью часть».

Братья стали ругать и укорять Хомяка, уверяя его, что они одни бились с чудью белоглазой на поле ратном, а он-де в лесу грибы собирал, а теперь у них добычи требует по дурацкому своему уму-разуму. Когда братья делили добычу, Рудак опять стал требовать у братьев урочную долю, но только обруган за это был: «Мы кровь проливали, а ты грибы собирал, а теперь доли требуешь! Не бойсь, хоть дурак, а тут себе на уме!»

Не много прошло времени после боя с чудью, а гонцы муромского князя Позвезда известили всех князей ростовских, что князь хочет выдать замуж дочь свою, а в приданое вено отдает полкняжества. А дочь его звали Всемилою. И урок положили: кто на полном скаку на коне поцелует княжну, сидящую перед окном терема, тот и возьмет ее в жены.

Услышав ту весть, стали съезжаться со всех сторон князья, бояре и сильные богатыри могучие и витязи храбрые, кто на удаль посмотреть, а кто и счастья своего испытать. Собрались и братья Громосил с Сартаком, а вместе с ними стал проситься и Хомяк. Но только посмеялись над ним и побранили, назвав его «настоящим женихом прекрасной княжны Всемилы Муромской», велели ему лучше в лес пойти зорить гнезда птичьи и брать грибы лесные. А сами между тем снарядились в великолепные доспехи воинские и на ретивых конях поскакали в город Муром на зов князя Позвезда людей посмотреть и себя показать.

После отъезда братьев пошел и князь Рудак к своему заветному дуплу и, повернув перстень, приказал оруженосцу привести ему коня богатырского. Коня привели, вооружили.

его витязи, одев в доспехи бранные. Сел он на коня и богатырским скоком поскакал к городу Мурому смотреть Всемилу Прекрасную.

На полпути наехал он на братьев своих. Те, услышав топот коня богатырского, оглянулись узнать, кто так спешно скачет за ними, и к великому своему удивлению увидали, что их догоняет тот самый витязь, который избавил их от смерти и отдал им всю добычу от чуди белоглазой. И одет он был на диво всем, что царский сын, и на коне его тоже был царский убор. Тут он стал спрашивать их, куда они держат путь. Братья сказали, куда едут. «И мой путь туда же», — сказал им незнакомец. А князья-братья стали его благодарить за прежнее, а он только спросил у них: «Дали что-нибудь брату Хомяку?» — «А как же, — отвечали братья, — подарок разделили на три равные части и по жребию каждый получил свою долю».

Скоро оставил князь Рудак братьев своих, потому что богатырский конь его летел ступою бредучей, а кони братьев бежали рысью за ним. Долго сдерживал незнакомец коня своего, беседуя с братьями, наконец это наскучило ему, он простился с ними и поскакал по воле коня своего к городу Мурому, только тут его и видели.

Широкий двор князя Позвезда битком набит был в урочное время князьями, боярами, сильными богатырями могучими и витязями храбрыми. Меж ними и князья-братья поместились. А Хомяк, меньшой их брат, на коне своем сидел, что на вихре. Набросил на свои могучие плечи епанчу сермяжную, а коня прикрыл холстом парусинным, чтобы не видать было красна золота. И стал далеко от них в заднем углу двора княжеского, где стояли обозные клячи приезжих гостей. С их конюхами и приспешниками многие обиды ему там были сказаны, в стояньи много ему было наговорено. Пришла пора-время, стали все князья, бояре и сильные богатыри могучие и витязи храбрые промеж собой речи вести.

по дедине и отчине, кому после кого на ристалище род держать и черед вести, кому после кого к Прекрасной Всемиле челом на скаку коня рьяного останавливать у ее окошечка хрустального.

Немного времени поизойдучи растворилось окошечко косящетое, стеколечки хрустальные, в которое Всемила Прекрасная всем гостям показалась и на все стороны поклонилась. Вслед за этим как дальние раскаты грома прогремела от всех похвала и челобитье великое. От говора народного, от топота конного мать-сыра земля содрогнулася. Стали князья удаль свою показывать. Удаль была неважная, у бояр и хуже того, не повезло и могучим богатырям. Никто не мог желаемого выполнить.

В это время прекрасная княжна Всемила смотрела все в окошечко косящетое, по белые груди в окне показалася, затомила ее тут томила прекрасная, выжидала все себе суженого по слову своего родителя. Как на грех никому тут удачи нет. Скоро опустел и княжий двор от искателей руки молодой княжны, а тесно стало в тереме княжеском от наезжих гостей за дубовыми столами и за скатертями браными, где все пили-ели, проклажалися.

Вдруг затопали клячи обозные, зашумели тут конюхи княжие, кричат они и ругаются, во все стороны бросаются. А в чем шум, большая часть не ведает. Скоро узнали причину смятения: не давали дороги витязю проехать на широкий двор. Не стал он у них пути просить, а захотел показать свою удаль молодецкую, расчистил он себе путь плетью шелковою. А позатем ударил ею коня своего богатырского по крутым бедрам. Богатырский конь на это осерчал, на дыбы поднялся, поскакал через весь обозный табун, мимо всех конюхов, не задел он никого из них копытами и подковами серебряными. И как стрела полетел на княжий двор прямо к девичьему терему, к тому окошечку косящетому, где красавица ждала своего суженого. Тут князь Рудак первый скок дал на коне своем на.

вихре — в полтерема поднялся, другой скок — красавицу за руку взял, третий скок — поцеловал ее в уста сахарные. А та в это время на челе его отпечатала печать красна золота. На челе его она засветилась как луч солнца красного. Тут только витязя и видели! А княжна только успела заветное слово вымолвить: «Тут мой суженый-ряженый!»

Погоня за ним была князей и бояр ражая, но как буйного ветра, так и его догнать не могли. Раздели скоро оруженосцы Хомяка, его доспехи взяли и коня богатырского с собой увели. Пошел пешком на свой княжий двор Хомяк. Долго думал, как ему на лбу скрыть золоту печать от братьев своих. Придумал он завязать чело ширинкой старой, немытой, перемарал ее кровью черна ворона. А лицо замарал сажей котельною. Братьям же сказал, что, когда он разорял гнездо черна ворона, обломился под ним сучок, он упал с дерева и лоб себе поранил. Братья побранили его за этот промысел, потому что находились сильно не в духе. Бранили они Хомяка на чем свет стоит. К тому же и домашние на рубеже их не встретили и на пороге в тереме челом не били. А тут еще в назолу им Хомяк стал у них выспрашивать о пути-дороге в Муром-град и о том, поцеловал ли кто красавицу. Ответа от братьев не последовало, велели ему братья понабраться умаразума и посетовали, отчего он весь на суку не повесился. И запретили ему ходить в лес гнезда зорить.

Когда все разъехались из Мурома, князья, бояре, сильные богатыри могучие и витязи храбрые, остался один князь Позвезд с дочерью, не то с девицею, не то с невестою сговоренной. Сидела она в своем тереме, пригорюнившись, все ждала своего суженого. А суженого и след простыл, ни слуху ни духу о нем, где искать его теперь. Тут князь Позвезд решил в иных землях отыскать того витязя и велел послам искать его среди князей и бояр, среди сильных богатырей и храбрых витязей. И послы по всем княжествам искали и не нашли такого витязя, какого надобно. После этого княжна Всемила пришла

к своему родителю и говорит: «Государь мой, батюшка! Не найти так тебе моего суженого. Пошли ты бирючей-глашатаев во все русские княжества, по всем городам белорусской земли, зови всех к себе к урочному Дню на почетный пир, князей, бояр, богатырей, витязей, всех калик перехожих, всю нищую братию и Божьих детей от малого и до старого. Тогда, быть может, меж них найду я своего суженого».

Послушался князь Позвезд своей дочери, послал бирючей-глашатаев во все княжества русские, во все города белорусские созывать всех к себе на почетный пир. Скоро бирючи оповестили всех от старого до малого всякого чина и звания. Собралося в Муроме-граде видимо-невидимо народу всякого чина и звания.

На этот почетный пир князь Рудак втихомолку от братьев ушел, нарядился в платье нищей братии, замарал ширинку на голове своей кровью алою, а лицо сажею котельною. Согнувшись в бараний рог, с сумой за плечами пришел он в Муром-град на княжий двор и смешался там с толпой нищей братии.

Когда весь люд всякого звания собрался к князю Позвезду на почетный пир, уселись все гости за столы по званию от князя до нищего и стали все хлеба кушати. Тогда княжна Всемила сказала своему родителю: «Ныне я найду своего суженого или останусь навек незамужней вдовой».

А и будет пир в полупира, а и будет стол в полустола. Пошла Всемила Прекрасная искать своего суженого. Обошла она столы княжеские — там его нет как нет, обошла столы боярские — и там нет как нет. Обошла столы богатырские — нет, обошла столы храбрых витязей — нет и средь них. Тут ее резвы ноги едва держат: нигде нет суженого. Пошла она по столам калик перехожих с Божьими детками — и там его нет как нет. Повесила она буйну голову ниже плеч, остались столы последние с нищей братией. Тут ее раздумье взяло, идти ли по этим столам, шумит там добре нищая братия. Наконец, она решила обойти столы нищей братии и запереться.

навек в светлицу девичью. С этими мыслями и пошла, но и здесь не увидала, кого ей надобно. Остался последний стол, за ним у нищих шум идет, крик, брань черная. Тут княжна призадумалась, самой ли идти или посла послать. Не гоже добре пировали тут нищие: большой кусок мяса до руды дообрезывали и зело за него ругалися. Долго она стояла тут, наконец, удумала самой обойти, своим глазом всех осмотреть. Прошла она от переднего конца стола до заднего — нет кого ей надобно. Тут очи ясные ее помутилися, осталось осмотреть только на коннике, где два нищих дрались из-за кости обглоданной. У одного нищего лицо все сажей котельной измазано, голова вся ширинкой кровавой увязана, а свита на нем — живого места нет. Сидит он, согнувшись в бараний рог, шумит из-за кости более всех. Подойдя к нему, стала княжна у него выспрашивать, для чего так голова у него перевязана. «Птичьи гнезда зорил, с дерева упал, на тычок от сучка напоролся, проткнул чело до самых мозгов, оттого так голова у меня и перевязана», — отвечал нищий. Что-то знакомое показалось в нем княжне, и говорит она ему: «Горазда я мыть раны неисцельные, лечу я их травами и шепотом. Давай и тебя я скоро вылечу, покажи ты мне только рану неисцельную». Нищий стал отказываться, ссылаясь на сильную боль. А княжна крепко на своем стоит. Тут задвигались столы нищей братии, посыпалась брань с угрозами на ослушника. Хотят вконец проломить ему голову в угоду княжне-красавице за ее хлеб-соль сытную. Надвинулась на него толпа нищей братии. Засверкали глаза у него, как у витязя, распрямился согнувшийся в бараний рог нищий. Братия вся опешила и напасть на него побоялась. Тут княжна догадлива была, сама сорвала ширинку с перевязкой с головы его. Заблестела золотая печать на челе его, что луч солнечный. Тут княжна бросилась на шею нищего и называла своим суженым. А тот ей в ответ: «За ум ты, моя суженая, ухватилася, что пошла сама искать по нищей братии своего суженого. Теперь дай

ты сроку на мал час мне умыться и снарядиться. Нельзя же мне так перед твоим родителем и боярами показаться. Иди ты теперь в свой девичий терем и жди там меня к себе. Не замедлю я прийти и назвать тебя при всех моей суженой».

В те поры княжна его не ослушалась, ушла в свой терем. Между тем князь Рудак вышел в чисто поле, где посредством перстня своего приказал одному оруженосцу принести его доспехи ратные, а другому привести коня богатырского, убранного по слову его. Все это было исполнено. Оруженосцы умыли его и снарядили в доспехи ратные. И стал он красавцем писаным, какого отродясь никто не видывал.

В великолепном наряде, на богатырском коне, богато убранном, в сопровождении двух оруженосцев въехал Рудак на княжий двор. Затряслася тут мать-сыра земля от топота трех богатырских коней. Затрясся и девичий терем. Тут все побросались смотреть в окошечки, кто приехал на княжий двор.

Выходила тут из своего терема княжна Всемила Прекрасная со своими подругами, брала она витязя за руки белые и вела его к своим родителям. И там пред ними назвала его своим суженым. А князь Позвезд назвал его сыном любимым.

Князь Щёк и княжна Векса

От Рождества Христова 435 лета

В одно время Полянский перевозчик чрез реку Днепр Кий с братом своим Щёком приехал в Великий Ростов к зятю своему князю Громосилу. Эти братья Кий и Щёк по случаю основания старшим братом Кием города Киева и заради особливой знатности и храбрости своей стали быть над многими соседними народами повелителями, бросив промысел перевозчиков, и назвались князьями. В этом звании вознамерились они по примеру северорусских народов — словен — сходить со

своими дружинами в богатую Грецию. Для этого оповестили они о сборе дружин, а сборным местом был новопостроенный город, который старший брат Кий назвал своим именем — Киевом, где на берегу реки Днепра стоял и терем князя Кия на месте Угорском, где был его Сборичев перевоз. Но сбор дружин их оказался недостаточен для такого походу. Для пополнения оных они и прибыли в Великий Ростов пригласить с собой и князя Громосила с его воинами, который для этого стал собирать дружины свои, славившиеся своей непобедимостью.

Доколе князь Громосил приготовлялся к походу в Грецию, князь Кий занимался звероловством в дремучих лесах, окружающих Великий Ростов. В одно время случилось ему быть в Чернолесье, на берегу реки Вексы, вытекающей из Ростовского озера, на урочище, называемом Рыбный притон, близ капища водяного божества. Возлюбил он это место среди ровной долины, окруженной вековыми дубами, поставил свой белый шатер с золотою маковкой. Недалеко от этого места стоял на берегу реки Устья великолепный терем князя Лесогона-Одноуса, сына князя Светида. Близость рек, текущих в окрестности его, давали ему возможность заниматься промыслом речного разбоя, или молодечества. Этот промысел уважался тогда всеми, не исключая и князей: добывать с лезвия себе чужое добро. Отселе грозный князь Одноус со своими удальцами ездил на широкое раздолье матери русских рек Волги, или Ра, далеко по верховью и низовью ее, вверх доходил он Холопьева городка, а вниз — до царства Болгарского. Много было охотников соследить его и открыть его разбойничий притон, но он оставался у всех в безвестности, выезды его на реку Волгу были всегда от слияния трех рек в одну, от урочища, называемого Три Воды, рекою Которостью. Они сопровождались великими опустошениями, набегами. Нередко удалые новгородские ушкуйники бегали от его дружины храбрыя как угорелые. Царство Болгарское знало крепость руки его.

А Брахимов, столичный город их, помнит полон его, где взяты были им с бою царевна Темира Прекрасная, с которой на волнах реки Волги и свадьбу сыграл, и реками Которостью и Устьем пришел в терем свой с добычей брахимовской. С этой царевной Темирой прижил он дочь — дивную красавицу. Она родила ее на волнах реки Вексы, которая вытекает из Ростовского озера, оттого и назвал он дочь свою Вексою. Любимое место княгини Темиры было холмистое, поросшее древами всякими, омываемое речкой Сутолочью, которая течет супротив Вексы-реки, которая потом названа была в честь Полянского князя, брата Кию, Щековицею. Там жила княжна Векса со своей матерью. Неумолимая смерть рано пресекла дни Темиры в цветущей молодости. Князь Одноус долго ее оплакивал и насыпал над ее могилой великой курган. А дочь взял в свой терем на глаза себе.

Молодая княжна Векса осталась на руках своего родителя, который весьма строго смотрел за ее воспитанием и строго взыскивал с пестуниц ее. Пришедшая в совершенный возраст княжна Векса сама стала надзирать за пестуницами своими. Этот возраст прибавил много забот князю Одноусу. Его тяготили мысли, как уберечь дочь свою от недобрых глаз молодцов-витязей. Это заставило его сделать дочь свою совершенной затворницей. Не было никому в терем его ни входу, ни выходу без слова его. Смертная казнь наказаньем была служителям терема за нарушение слова его.

Молодой и храбрый князь Щёк узнал о красавице Вексе, юной затворнице, о которой стоустая молва рассказала ему много диковинного и превозносила до небес красоты ее и дородство роста ее. Князю Щёку хотелось посмотреть ее дивную красоту, но это было не совсем легко исполнить: он узнал о крепкой и неусыпной и неподкупной страже князя Одноуса. Такая строгость надзора за княжной остановила его стремление до приезда отца ее, ушедшего в очередной набег на Волгу.

По приезде князя Одноуса с молодечества князь Щёк советовал брату своему Кию познакомиться с князем Лесогоном и пригласить его в поход на Греки. Такой совет понравился брату его Кию. Он вместе с князем Громосилом пошел из своего белого шатра в терем Одноуса. Князь Щёк, находясь с ними, был соглядатаем как терема, так и жителей его. Князь Одноус принял их радушно и с подобающей честию; роскошное пиршество заключило союз будущих победителей Греческого царства.

Князь Щёк хорошо знал науку волхвования и во время пиршества принял на себя вид дивного бело-рунного как снег с позлащенными рогами козла. Науке этой он научился вместе с братом своим Кием, когда он был еще перевозчиком, от одной престарелой русалки, живущей в днепровских порогах.

Князь Кий, хотя и знал, кто такой дивный козел, не обращал на это никакого внимания, полагая, что брат по молодости своей вздумал пошутить над ростовцами своей наукой. Не стал воспрещать он брату своему и посещение терема князя Одноуса, где служители во время пиршества князей ласкали козла всячески, на что тот изъявлял свою радость, блеял и прыгал и резвился различно пред ними.

Частые приходы козла в терем князя Одноуса обратили внимание и самого князя. А когда он узнал, что козел принадлежит Кию, то этого козла представил отец для потехи затворнице своей дочери, которая с дозволения батюшки занималась с козликом игрою, убивая тем скуку одиночества своего, становившегося ей в тягость. Такое неповинное занятие с козлом весьма ей полюбилось. И козел стал быть любимцем ее; ласковость и сметливость и послушание его были изумительны: он исполнял немедленно и с точностью все ее приказания.

В одно время златорогий козел занимал собой красавицу Вексу и подруг ее, исполняя различные поручения их в присутствии князя Одноуса, глядя на которые, и он смеял-

ся, удивляясь его шалости и понятливости. Время незаметно завечерело, и козел по обычаю своему был готов идти на Рыбный притон, в белый шатер, но опоздал. Наступающий сумрак и накрапывающий дождь расположили всех удержать козла до утра, и даже сам князь Одноус пожалел отпустить его в такую погоду.

Княжна Векса, услышав такое расположение своего родителя к козлу, весьма этому обрадовалась: ей хотелось оставить его при себе, а не на руках конюхов. Не желая выказывать свое желание, она и тут в очах родителя пожелала ему выказать способности козла, обратясь к нему: «Где ты хочешь ночевать: в моей светлице или в конюшне?» Тот услышал это, заблеял радостно и побежал по пути к девичьему терему. Князь Одноус посмеялся на сметливость козла и велел заняться им своей дочери.

Ночью, когда в светлице княжны покоились все глубоким сном, князь Щёк посредством науки своей усыпил их непробудно, потом принял на себя настоящий свой вид и спящую княжну Вексу стал целовать и обнимать, отчего она скоро пригнулась и при тусклом свете, разливаемом ночной светочей, увидела пред собой стоящего прекрасного молодого витязя, великолепно одетого. Векса испугалась, хотела только кричать подруг своих, спавших подле ее спальни, но тот постарался успокоить ее и сказал, кто он, и открылся в любви своей.

Взволнованная кровь красавицы распалилась вся огнем неугасимым, когда княжна узнала, кто ведет с ней речи. Недолго она слушала любовных его признаний, скоро и сама стала отвечать ему таким же любовным признанием. Теперь она боялась разбудить спавших сенных девок слухом от горячих его поцелуев. Но когда была она в этом успокоена им, не боялась уже более ничего, особенно подле такого молодца, о каком она много ночей мечтала. Теперь мечта ее воочию совершилась. Поутру сенные девки дивились, видя постель ее, изголовье добре измятое, и все на постеле не по-прежнему.

С тех пор козел златорогий почти не выходил из светлицы княжны Вексы, забыл он дорогу к белому шатру. Днем ходил везде неотлучно с княжной, а ночью сторожил двери ее опочивальни, чтобы сенные девки, бредившие во сне, не разбудили ее. Теперь она долго поутру не вставала, как будто от истомы какой, и каждую ночь добре умнет от истомы постелю с изголовьем. Под рукой сенные девки стали шепотом меж собой поговаривать не пустил ли, дескать, князь Одноус козла в огород, что постель у красавицы не стала походить на прежнюю девичью.

Князь Одноус, обольщенный князем Кием корыстями греческими, забыл свое молодечество на Волге-реке и променял известное на безвестное, стал собираться с князем Громосилом в Цареградский поход. Стали отец и дочь позадумываться. Один думал, как оставить дочь на безвестную отлучку, а другая думала, как ей будет расстаться со своим ладою, златорогим козлом. Об этом она даже и с отцом речи вела.

Не стало в один день на Рыбном притоне белого шатра, не стало там и козла златорогого, не стало в ту ночь княжны Вексы в ее тереме.

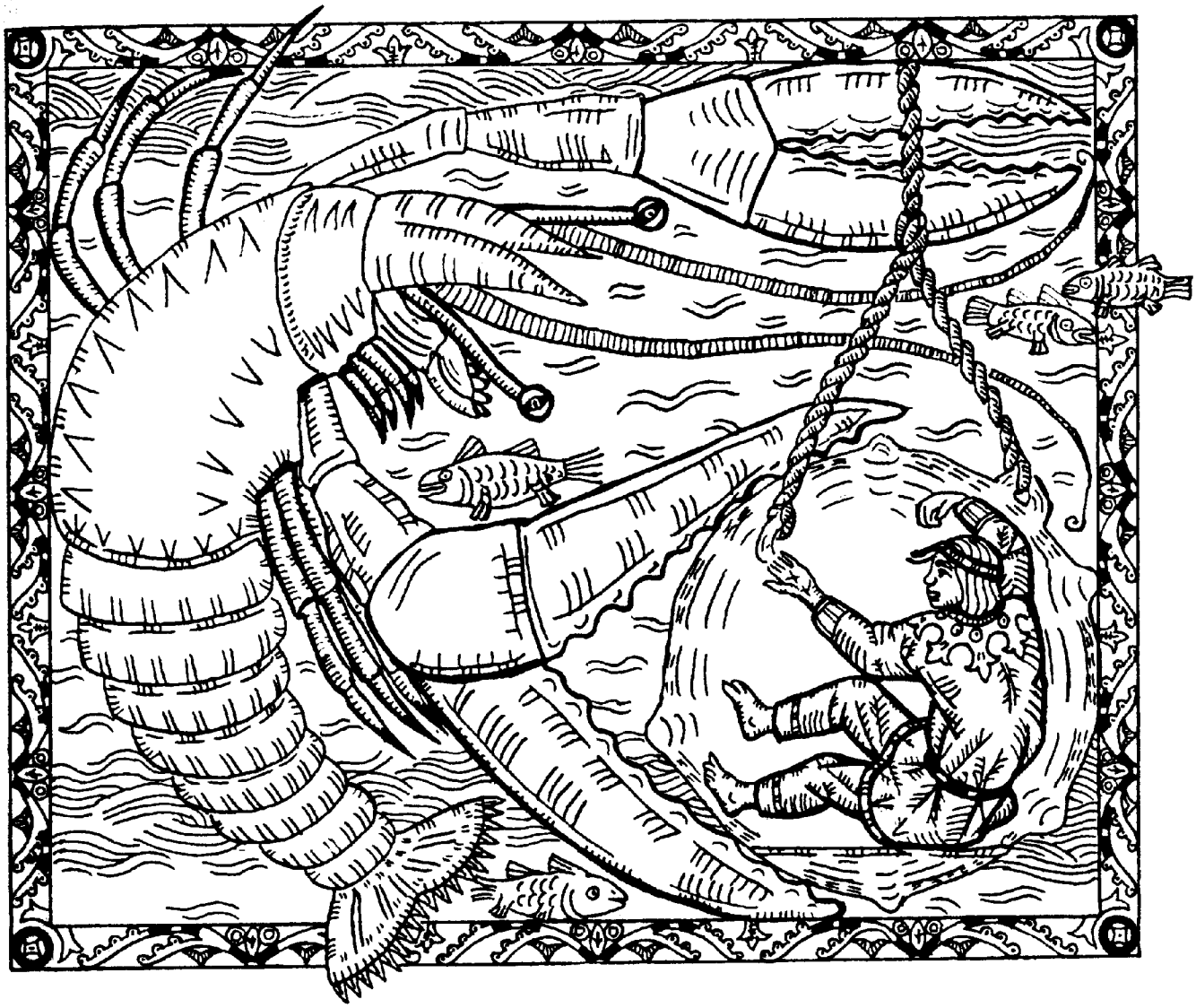
Ночь, предшествующая выходу дружины, ростовский князь Одноус провел всю в сборах до самого белого дня. Часто выходил он из терема на широкий двор, садился там на привалине, приказывал всему своему люду, как хранить без него дочь его, сулил им награду за неусыпный глаз, и казни сулил, если пустят козла в огород. Тут пришло ему на ум: если там убьют его, что будет с его дочерью? Он стал уже отыскивать в уме своем благовидной причины отказаться от этого похода и от обольстительной будущности с великими корыстями. С этими мыслями и зашел он к своей дочери. Светлица ее была пуста. На призывный голос его покорная дочь не откликнулась. Ужас обуял его, стал искать ее по всему терему: нигде нет ее и никто ее не видывал ни входящую, ни выходящую из терема; под вечер видели, как она с подру-

гой своей по берегу реки Вексы прогуливалась, и не видели, пришла ль она в терем тогда.

Все было обыскано вокруг ее терема и до Рыбного притона. Гонцы всюду спешно скакали по всем путям и дорогам, но нигде пропавшей и следа не нашли.

Князь Одноус вместо похода вздумал осмотреть дружину ростовскую и обоз ее, но и этот труд напрасен был, княжна точно в воду канула.

Вместо князя Одноуса, отца своего, под стенами Цареградскими дочь его Векса с супругом своим князем Щёком билася с греками плечо о плечо; слыла она там за меньшего брата его, князя Хорева.

Князь Вадим Храбрый и княжна Красозвезда

От Рождества Христова 533 лета

Ростовский князь Гремислав, сын князя Вихреслава, наслышан был о дивной красоте и мудрости муромской княжны Красозвезды, от рода ростовского князя Рудака, на которой он вознамерился жениться. Для этого снарядил он знаменитого и храброго богатыря Вадима, который на войне заменял собой один целое воинство, и послал его в землю Муромскую до-

стать для него супротивницу, волей не дадут — силой взять, в полон полонить, привести к нему княжну Красозвезду. Для этого он строго наказал: сперва велел Вадиму речь вести о добром деле, о сватанье.

Вадим этого не ослушался. Он берет себе в товарищи молодца и казака старого Чуфаря Дикуна Удалого, отправляется с ним в путь-дорогу. Богатырские кони их — что звери лютые. Едут они путем-дорогою неторною, полями нераленными, лесами дремучими. А едут они ступою бредучею, а меж собою в пути речи ведут мудрые с утра до вечера. В меженный день наехали они на три дерева стоячие. А тем деревьям веку нет: первым был кряковистый дуб, вторым — гибкий вяз, а третьим — белый клен. Тут под каждым деревом стоят по калике перехожему, поют они все песни дивные и сказывают сказки дивные, и все заморские. Смотря на них, молодой Вадим диву дался. А Чуфарь-старик много их видывал, много песен и сказок слыхивал, на калик осерчал. Тут старый калика перехожий стал бить челом о сыру землю Вадиму Сильному. А сам ему таку речь говорит: «Хочешь, Вадим, тебе сказку скажу, хошь, молодой, тебе песню спою дивную, в том наша и служба стоит. За это и хлебом, и солью все чествуют нас, и золотой казной жалуют. Время от пути-дороги Вадиму и роздых дать, время молодому в дороге и хлеба-соли кушати и наших сказок послушати. Помня хлеб-соль твоего батюшки, за его хлеб-соль великую и за его золоту казну мы — слуги твои верные, вековечные».

Люба эта речь была Вадиму Сильному. «Исполать тебе, калика перехожий, — говорит ему молодой Вадим. — Горазд ты, калика, речи вести, так ли горазд сказки сказывать, их-то я теперь и послушаю, добре я охоч сказки слушати. А твоих сказок я еще не слыхивал». Сказавши это, Вадим слезает со своего коня богатырского на землю и садится сказки слушати. Насупясь, слезает с коня своего Чуфарь, пожилой молодец. Посылал он в селах всех калик перехожих

к семи чертям. А Вадиму таку речь говорит: «Не добро нам здесь отдых брать, добро только хлеба кушати, не добро нам здесь службу княжую тратити. А стара моя кость покой здесь будет ведати». Ложится тот Чуфарь на сыру землю плахою и скоро засыпает богатырским сном.

Тут Вадим Сильный сказал калике перехожему: «Не хочу я хлеба-соли кушати, а хочу я песню твою слушати: срочная работа не уйдет от меня, добрый конь не выдаст меня». Тут калика перехожий сказал Вадиму Сильному: «Хошь, Вадим, я спою тебе песню про Мастрюка Мастрюковича, молодого князя Темрюковича да про борца его сопротивника Ивашечку-с-Крошечку, как посрамил черкашенина пред очи самого грозного царя Ивана Васильевича?» И Вадим велел ему эту песню спеть. Калика начал ее так:

Как у нас на Святой Руси,
На Святой Руси, в каменной Москве,
А и женится православный царь,
Православный царь Иван Васильевич.
Он берет не у нас на Руси,
А берет во Турецкой земле
Молоду княжну Марью Темрюковну.
А за ней три посла пришли,
А и триста татаринов,
Полтораста черкешенов,
Пятьсот донских казаков,
Удалых добрых молодцев.
А еще с ней посол пришел
Мастрюк-то Мастрюкович,
Молодой князь Темрюкович.
Он по палатам похаживает,
Дорогих гостей потчует:
«А вы кушайте, дороги гости,
А и триста татаринов,

Полтораста черкешенов,
Пятьсот донских казаков,
Удалых добрых молодцев!»
А те ему в ответ говорят:
«А что ты сам, князь, не пьешь-не кушаешь,
А и белу лебедь не рушаешь?
Не на нас ли ты думу думаешь,
Что на царство Московское,
На царя православного,
На Ивана Васильевича?»
Отвечал им тут Мастрюк Мастрюкович,
Молодой князь Темрюкович:
«Не на вас-то я думу думаю,
Не на царство Московское,
На царя православного,
На Ивана Васильевича.
Уж я семь городов прошел,
По себе борца не нашел!»
Как идет тут Ивашечка-с-Крошечку,
Он на ножку припадывает,
На язык пришептывает.
Он стал с Мастрюком боротися.
Он и перву пошибку пошиб —
С Мастрюка долой шляпу сшиб.
А другую пошибку пошиб —
С Мастрюка цветно платье сшиб.
А и третью пошибку пошиб —
Мастрюка с ног долой сшиб.
Тут Мастрюк со стыда побежал,
Очи ясные ладонью зажал.
Увидала это Марья Темрюковна
С высока нова терема,
Взговорит она Ивашечке-с-Крошечку:
«Ты — мужик, ты — мужицкой сын,

Ты — крапивныя семена,
Не за свой ты кус примаешься,
Этим кусом ты подавишься!»

Скончал первый калика и перевел дух. Солнце еще высоко в небе стоит. Время и сказки послушати. Выступает тут второй калика и начинает вести речь с Вадимом о князе Светиде, отце богатыря Светогора.

«Князь Светид, сын Тучегонов, с самых юных лет был столько храбр, сколько и предприимчив и любознателен. Однажды он испросил дозволения у своего родителя в чистом поле погулять, людей посмотреть и себя показать. Главная же его охота была — испробовать три вещи: первое — узнать, далеко ли конец земли или света; второе — узнать высоту небесную, сколь высоко небо от земли; третье — узнать глубину морскую. Получив дозволение от родителя, он поехал в неведомый путь один-одинешенек. По долгом своем странствовании по белу свету много он видел невиданного, наконец, приехал в Великую степь одного вертячего перекатного песку, которую называют Ливийскою. Доехал он до горы Поднебесной, где живут народы масаманские. Там пришел он на горы Горамантовы, прошел он землю Негрицкую, которая вся изусеяна озерами великими и малыми, перешел он горы Гделефинские, пришел он в землю Ефиопскую, где живут ефиопы, люди черные, как крыло птицы ворона. Там шел он путем-дорогою, видит — по одну сторону киян-море Атланское, а по другую — киян-море Маримаруфское, а промеж этими окиянами и конец земли. А на том конце земном стоят палаты белокаменные, о которых нельзя ни в сказке сказать, ни пером описать: за кровлю их позлащенную задевают облака ходячие, а окон у них — счету нет, каждое окно боле ворот наших и боле ворот стовратных Фив. Все они были со стеклами хрустальными, а деланы они в Веницейской земле Тувулканом, премудрым ковачом, они всякими узорочьями изукрашены в Цыцарской земле.

Долго смотря, дивился на эти палаты белокаменные: такого дива он сродясь не видывал. Думает он тут думу крепкую: дальше идти — пути нет, палаты эти стоят по конец земли; в палаты идти без зову — следу нет, хозяина стенится. Но потом сказал сам себе: «Смелость города берет, пойду в палаты непрошенный, нежданный гость лучше жданова, худо будет — поправимся, за обиду свою стеной постою!»

С такими мыслями он пошел в палаты белокаменные по лестнице вольящетой, перила у лестницы красна золота. Входит он в чертоги царские, видит он в них — там девица в цветном платье одна-одинешенька, ростом та девица была три сажени мерные, красива она лицом и румяна она, что маков цвет, груди белые, что копны сена обыденного, в половину прикрыты они сорочкой белоснежною, ферязь на ней златотканая, что жар горит.

Лишь только завидела она князя Светида, вошедшего к ней, как закричала зычным голосом: «Фу, фу! Досель русского духу было слыхом не слыхать, а ныне русский дух воочью совершается!» С этими словами встала она с беседы адамантовой и с князем таку речь повела: «Долго я ждала тебя, добрый молодец, таких девки не жалуют, скучно мне было ждать тебя, сидеть одной-одинешенькой. Я уж девица на возрасте, по-вашему, по-русскому, на выданье, захотела и я на выданье: не густой волос — почету ему нет, девичье житье мне опротивело, то ли дело молодкой быть, по-вашему, по-русскому, бабою, и робят родить. Тебя стениться мне нечего, сам ты видишь, что я правду говорю. Будь ты теперь мой суженый, а я тебе буду ряженая, заживем мы с тобой припеваючи, наношу я тобе ребят семью немалую, и буду водиться с ними, что курица с цыплятами. Заупрямишься, то я тебя в бараний рог согну иль в ступе пестом истолку, охоту у девки молодицей быть не оставливай. Теперь я жду от тебя слова приветливого, как говорят у вас парни девкам на беседе, когда гасят лучину, от этих слов кипит вся кровь

девичья, от них она тает, что на огне ярый воск, на то она и девкою слывет!»

На это князь Светид, насупившись, сдвинул свои брови черные и на речи красавицы отвечал ей так: «Глупая ты девка, неразумная, мяса много да волчья сыть, у нас на Руси так девки не делают и не так молодцев воймуют. Пришел молодец — девка души не слышит в нем, накормит его пряженым, напоит его сытою с зеленым вином и сама его в бане выпарит. А коль не в бане, то на перине пуховой своей с собой спать укладет, ляжет с ним красной девушкой с вечера, а поутру проснется молодушкой».

Тут красавица за ум хватилася, стала вокруг князя увиватися, наварила ему всего и нажарила, и братины с сытой и зеленым вином на стол поставила, после обеда баню истопила, камни на каменке там докрасна накалила и сама князя мыла и парила цыцарским мылом, смыла всю дорожну пыль. И добре веселая из бани в палаты пришла, и точно молодица с князем речи повела, на како время ему сделать зыбку приказывала, не с привыку от бани истому свою сказывала. А после турья рога зелена вина созналася, что без истомы нельзя молодкой быть, а пьяная баба вся чужая.

Скоро князь увидел, что от бабы баласами не отделаешься: не отпустит она его от себя в чисто поле гулять, придется, знать, с нею век вековать, как с подушкой. Стал князь думати думу. Придумать надо, как бабу обмануть: «И тягу дам от нее, силой теперь с ней не совладеть: баба матерая, сбесится, теперь же она на снос пошла, надо покуль с ней поласковей быть, пенять не на кого — сам виноват, сам хотел конец земли узнать».

На взносе бабы здесь ходят не по-нашему: не сорок недель, а сорок лун. Породила она его Святогорушком, году Святогорушко не исполнилось — стал ратиться ростом в сажень мерную, голова стала быть с пивной котел, промеж глаз ляжет калена стрела пяти четвертей. Не по-нашему его мать

поила: по целому котлу вливала ему в златокованый рог; для того паслись полтретья сорока дойных коров.

На десятом году стал Святогорушко силу свою мерити. Берет он в руки бел горюч камень с копну сена обыденного и бросает его вверх выше облака ходячего. Мало времени произойдучи, берет он в руки гору кремнистую, о которую облака разбивалися, и бросает ее в киян-море. Там горе той и век вековать.

Прошло с тех пор много времени, как князь Светид узнал, где конец земли. Стал он опять думу думати, как бы ему узнать глубину киян-моря. Стал об этом говорить своей молодой жене так: «О, гой еси, ты моя лада милая! Узнал я теперь, где конец земли. Как бы узнать мне глубину киян-моря?» А та ему в ответ говорит: «Хотел это узнать Искендер, македонской царь, да морского дна не видал. Таких нахалов отец мой не жалует. Помню, я еще ребенком была, когда это было».

Неотступные просьбы князя Светида склонили, наконец, молодую княгиню дать ему волю и путь показать, где самая глубина киян-моря. Хрустальный пузырь Искендера-царя хранился в подвалах палат белокаменных, который и нашла она, посадила в него супруга милого, покрыла пузырь крышкой плотно-наплотно, чтобы не прошла в пузырь вода киян-моря, привязала к пузырю бесконечную вервь и отнесла его на киян-море. Три дня и три ночи она спускала его в киян-море. На четвертый день была весть подана, чтобы скорее назад его вытащить. Скоро-то княгиня назад его из киян-моря вытащила. От испугу он едва жив из пузыря вышел, не вышел, а выняла его молодая жена и отнесла его в палаты белокаменные, и там стала его спрашивать, дошел ли он до дна киян-моря и что видел на дне. От страху у него два дня языку не было. А на третий день он стал рассказывать: «Спускала ты меня, ладо, в киян-море добре хорошо, видел я там дива дивные, видел я чуда чудные, всяких рыб и морских зверей, видел я тех трех китов, на которых земля стоит,

мерой те киты пол-третья ста верст, пошевелятся они — вся земля ходуном идет, города на земле, как воробьи, запрыгают. Вдруг почуял я, что в киян-море я более не спускаюся. Смотрю — ан пузырь мой держит в клешнях своих рак Чудо морское, у которого каждая клешня величиной по две версты мерных. Проговорил тут рак зычным голосом: «Кабы ты не зять был киян-морю, сдавил бы я тебя в клешнях моих тоньше блина овсяного! Ступай назад к молодой жене, рано еще знать вам, народу Руси Святой, глубину киян-моря! Не послушаешься теперь — живу не быть, не печаль молоду жену, не делай сирым чада милого, млада детища Святогора, богатыря белорусского!» С тем я и назад пошел, закаялся знать глубину киян-моря.

Тут стала молода жена журить-бранить своего лада милого, что пускался он на верну смерть, не пожалел он оставить вдовой молоду жену и сиротой сына своего.

Прошло с тех пор время немалое, как князь Светид спускался в киян-море, стал он опять таку думу думати, как бы ему узнать высоту поднебесную, высоко ль от земли стоит солнце красное и высоко ль светел месяц с частыми звездами. Стал он опять говорить своей ладе, молодой жене, так: «Гой еси ты, моя лада милая, узнал я, где конец земли, узнал я глубину киян-моря, теперь с ума нейдет узнать высоту поднебесную, высоко ль поставлено солнце красное, и высоко ль светел месяц с частыми звездами. Знаю я, что без тебя мне начала нет».

Тут лада его стала уговаривать: «Не за дело ты, мой лада, принимаешься, не по летам ты теперь ребятишься! Чего ты в уме-разуме набираешься? Тебе ли узнать высоту поднебесную? Много было на это охотников, все они потеряли свои буйны головы, всех красно солнышко в уголь сожгло!»

Такие и подобные им разговоры молодой княгини охоты у князя Светида не убавили; о чем он думал день и ночь — стал неотступно просить свою ладу милую, чтобы ему не перечила. Она, снисходя неотступным его просьбам, соглашалася с

его желанием. Стала его в нову путь-дорогу снаряжать, велела сыну своему Святогорушку, которому наступила семнадцатая весна, наловить полтретья ста гусей и лебедей, залетных птиц, другие полтретья ста сизых орлов, птицы заоблачной. Тот скоро исполнил заказ своей матери, наловил гусей и лебедей на тихих заводях киян-моря. А на высоких Ефиопских горах наловил сизых орлов, птиц заоблачных. И принес их всех зараз к своей матушке и дал каждое стадо особо.

Когда все было готово, тогда княгиня сделала две колесницы бесколесные с сиденьем из дорого рыбья зуба. К первой колеснице привязала гусей и лебедей и поставила в нее три чана мерные по сороку ведр, и насыпала в них полным-полно гороху моченого: то пища в пути гусям и лебедям. В другую колесницу привязала сизых орлов и поставила три чана мерные по сороку ведр с солониной волов украинских: то пища орлам сизым. Тут стала она ладе своему наказывать: «Садись, мой лада милый, в колесницу первую, они донесут тебя до облаков ходячих, дальше им пути нет: до тех облаков им корм в колеснице стоит. Не жалей его, досыта корми. А там пересядь в колесницу с сизыми орлами. Они пронесут тебя по всей поднебесной высоте до самого неба синего, дальше им пути нет. Корм им в их колеснице стоит, не жалей его, корми их досыта, на них обратно и возвратись ко мне».

Садился князь Светид в колесницу гусей и лебедей. А с орлами колесница сзади пошла. Скоро долетел он до ходячих облаков, до тех мест, где ходят тучи громовые, далее этого пути им не было. Сели они на туче громовой себе роздых взять, а князь пересел на колесницу сизых орлов. Они полетели с ним в высоту поднебесную, по пути к красну солнышку. Летел он туда три дня и три ночи. На четвертый меженный день он уж был на полпути, вдруг начал тмиться солнца свет, мрачнея и мрачнея, и стало быть темно пополудни, как в осеннюю ночь. «Что за чудо, — тут князь думает, — отчего померк свет красна солнышка, тучи громовые

далеко снизу идут?» Стал он тут вверх присматриваться, не туча ль над тучей идет. И видит, что не туча громовая то была, а летела прямо на него от красна солнышка Рок, птица вековечная. Она пурпуро-златовидными перьями вся была изукрашена. Эта птица всем птицам отец, она же и Строфил называется. Каждое крыло у ней полторы версты мерные. Умеет та птица по-человечески говорить. Стала она с князем таку речь вести: «Стой, не лети больше вверх, ниже тебя взлетел Искендер, македонский царь, рано захотел узнать ты высоту поднебесную, не тебе со мной силой мериться. Хошь, подниму когтями твой Великий Ростов, хошь, тебя я клювом проглочу? Хошь, за один прием выпью все твое Ростовское озеро? В когти взять тебя не стоит труда, для пищи ты мне — что пшеничное зернышко, ступай скорей в обратный путь да на матери-сырой земле ты не хвастайся, что пролетел всю высоту поднебесную до самого красна солнышка!»

С тем князь Светид и назад пошел к своей ладе милой. А порожни чаны из колесницы все выкидывал. Они у него в разные места попадали: первый чан упал на горы Ефиопские, второй чан упал на широкую степь Ливийскую, третий чан упал на каменистую Аравию, четвертый чан упал на землю Гессемскую, пятый чан упал в Евксинский понт, а шестой — на грозную тучу громовую, которая шла на Святую Русь, где он с громом упал на землю Белорусскую, на берегу Ухтомы, живет там народ базилики ахейские.

Недолго после этого князь Светид со своей ладой жил. Стал он скучать о святой Белорусской земле, пища и сон ему на ум нейдут. Стал он проситься у своей лады, княгини молодой, побывать ему на Святой Руси, перевидеться со своим родом-племенем, показать им свое чадо милое, Святогорушка-богатыря, росту с двумя локтями три сажени мерныя. А лада его ему в ответ говорит: «Здесь будешь ты жить со мной в веки вечные, на Русь пойдешь свой век

коротать. Оставишь ты меня молодой вдовой век вековать. А вдовья жизнь не добре красна».

В те поры князь Светид своей лады ослушался, не верил он тогда ни в сон, ни в чох, стал он в путь-дорогу снаряжаться, берет он с собой чадо милое, Святогора-богатыря, показать его всем на Святой Руси, какие есть люди, которые живут по конец земли.

Приехал князь Светид на Святую Русь, а сын его Святогорушко пеший шел. Там родители Светида преставились, вся дружина его храбрая состарилась, и много ее преставилось, полегли они костьми в чужой земле. Дрогнуло тут сердце князя Светида, обуяла его кручина рьяная, отчего он едва не преставился.

Богатырь Святогор, сын Светида, получил себе в наследие терем своего родителя, стоящий в дремучем лесу на берегу реки Улеймы. Святогор был сильный и храбрый богатырь земли Русской, наполнил своими подвигами всю землю Русскую до моря Синего».

Тут второй калика скончил сказку свою. А солнце стало клониться к западу. Калика уже давно сказывать перестал, а Вадим все еще слушает. Чуфарь-богатырь спит еще крепким сном и только с боку на бок поворачивается и богатырски похрапывает. А Вадим не может песней да сказок от калик наслушаться. Выступает тут третий калика и начинает вести речь с Вадимом о книге Голубиной.

«Как среди света белого, среди мира подвселенного, что во граде Кунигардии, выпадала книга Голубиная, ни мала, ни велика, книга сорока локтей, поперек ее двадцать локтей, кому честь — не прочесть ее, кому держать — не сдержать ее. К той книге Голубиной собираются сорок царей со царевичами, сорок королей с королевичами, сорок князей с княжатами, сорок попов со дьяконы.

Как возговорил тут старший изо всех: «Скажи ты нам, царь Давыд Евсеевич, скажи ты нам, премудрый царь, скажи

ты нам, отчего свет зачался, скажи ты нам, отчего солнце — красное, скажи ты нам, отчего светел месяц, скажи ты нам, отчего часты звезды?»

Что им ответил премудрый царь: «Я расскажу то по памяти, как по книге писаной. Белой свет зачался от Святого Духа, красное солнце от лица Божия, светлый месяц от одежды Его, а часты звезды — от риз Его».

Как возговорил тут подрушной царь: «Гой еси, ты премудрый царь Давыд Евсеевич, скажи ты нам, отчего цари пошли, скажи ты нам, отчего короли пошли? Скажи ты нам, отчего князья пошли, скажи ты нам, отчего бояре пошли, скажи ты нам, отчего попы пошли, скажи ты нам, отчего християне пошли, скажи ты нам, отчего тати пошли, скажи ты нам, отчего разбойники пошли, скажи ты нам, отчего нищета пошла?»

Что им ответил премудрый царь Давыд Евсеевич: «Скажу я вам по памяти, как по грамоте. Цари пошли от солнышка, короли пошли от светлого месяца, князья пошли от утренния, а бояре от вечернея зари, попы пошли от четья Божия, християне — от частых звезд, тати пошли от туга лука, разбойники пошли от темной ночи, нищета пошла от самого Христа».

Как возговорил тут всем королям король: «Гой еси, ты премудрый царь Давыд Евсеевич, скажи ты нам, кто царь всем царям, скажи ты нам, какой город всем городам отец, скажи ты нам, какое море всем морям отец, скажи ты нам, какая река всем рекам отец, скажи ты нам, какая гора всем горам отец, скажи ты нам, какой зверь всем зверям отец, скажи ты нам, какая рыба всем рыбам отец, скажи ты нам, какая птица всем птицам отец, скажи ты нам, какая трава всем травам отец?».

Что отвечал ему премудрый царь Давыд Евсеевич: «Я расскажу вам по памяти, как по писаному. Белорусской царь всем царям отец, Русалим-город всем городам отец, стоит он среди свету белого, в нем есть и пуп земной, оттого Русалим-город всем городам отец. Киян-море всем морям отец, из него вышла церковь Касандрейская. А за ней церковь

папы римского, оттого киян-море всем морям отец. Ердан-река всем рекам отец, на ней крестился сам Иисус Христос со ангелы, со архангелы, со двенадцатью апостолы, оттого Ердан-река всем рекам отец. Фавор-гора всем горам отец, на ней преобразился сам Иисус Христос, оттого Фавор-гора всем гора отец. Кипарист-дерево всем древам отец, на нем распялся сам Иисус Христос, оттого кипарист-дерево всем древам отец. Ендар-зверь всем зверям отец, живет он под старым дубом Мавританским, питается он Святым Духом, оттого Ендар всем зверям отец. Кит-рыба всем рыбам отец, на нем лежит мать-сыра земля, Святая Русь православная, потому кит-рыба всем рыбам отец. Строфил Рок Строфокалим всем птицам отец, она в синем море детей взводит, под горючим камушком. Когда Строфил-птица тронется, тогда киян-море колеблется, весь неверный мир водой заливается, оттого Строфил-птица всем птицам отец. Плакун-трава всем травам отец. Когда Христос на кресте на распятии был, тогда Дева — Мать Пречистая, плакала, сильно рыдала, на сыру землю слезы роняла, от той слезы от пречистенской вырастала та плакун-трава, оттого плакун-трава всем травам отец.

Кривда правду одолеть хочет, кривда пошла по свету, а правда пошла на небо, старым людям на сказанье, младым на наученье. Славен Бог и прославен Бог, велико имя Его!»

С последним словом третьего калики перехожего проснулся ото сна богатырского Чуфарь-старик, видит — красно солнце на закате, а Вадим все еще тех калик слушает песни и сказки чудные. Тут Чуфарю за беду стало, что проспал он меженный день до вечера. На это он огорчается и сквозь зубы на калик ворчит, а Вадима уговаривает, чтобы ехать скорее, куда посланы.

Тут Вадим сказал каликам перехожим таковы слова: «Послушал бы я и еще вас, заставил бы я вас еще песен попеть или сказать сказок, да спешно дело на руках лежит: послан я наскоро в Муром-град, назад поеду — послушаю еще вас».

Тут старший калика Вадиму в ответ говорит: «Не худо нам, каликам, ведати, зачем послан Вадим в Муром-град? Худа для Вадима калики не удумают, они тайну чужую крепко хранят».

Говорит тут им Вадим таково слово: «Послан я наскоро в Муром-град за добрым делом: за сватаньем, сватом сватать княжну Красозвезду прекрасному молодому нашему князю Гремиславу, волей не дадут, я силой возьму!»

За это слово старший калика крепко ухватывается и говорит Вадиму таково слово: «Не сосватать тебе Красозвезды прекрасной, не полонить тебе ее князю Ростовскому без меня, калики перехожего, в очах ты, добрый молодец, завираешься, княжна Красозвезда хитра и мудра на диво всем. Знает она науку звездную, с чего ясны звезды зарождаются. Знает, где красно солнце и светел месяц в теремах живут, знает она все мудрости заморские. Довольны мы были твоим родителем, тем ли Яном Крепкодумычем, его хлебом-солью боярскою, за то скажу я тебе слово заветное, как взять тебе в полон Красозвезду прекрасную. Как приедешь ты в землю Муромску и к тому терему девичьему, он стоит на особице, выйдет к тебе княжна Красозвезда прекрасная со всеми своими подругами — подложная это красавица, не та, котора тебе надобна, станет она тебя к себе в терем звать. Настоящая Красозвезда стоит поодаль от них, на тебя посматривает, то старуха старая, согнутая в бараний рог, на клюку та старуха опершися стоит; бери ты ту старуху за руку правую и веди ее в терем девичий. И в это самое время сними ты с руки ее золотой перстень с камнем самоцветным. Это наследие ее предка князя Рудака-Хомяка. Перстень этот известен под именем Соломонова, о нем целу седмицу надо сказывать, о его достоинстве и какие заключены в нем таинства природы. Когда ты будешь у нее тот перстень снимать, она тогда будет в беспамятстве. А когда ты снимешь его, она образумится, спросит у тебя, зачем ты снял с руки ее перстень. А ты скажи,

ей в ответ: «Это моему князю обручальный знак!» Приведя ее в терем, посади на место большее. А когда ты будешь брать старуху, чтобы в терем вести, тут все подруги княжны над тобой будут смеятися, что выбрал такую спутницу и с кем хочешь в терем идти. А ты в ответ им скажи, что ты любишь бить челом прежде старому, а не малому, такой, дескать, обычай мой. В тереме она примет свой вид и станет сажать тебя за стол напротив себя хлеба кушати. Не садись там на место большее. А сядь ты там на оконнике. Тебя станут все просить сесть на место большее, а ты скажи им в ответ: не гоже-де слуге со своей княгиней за одним столом сидеть. После этого княжна будет просить тебя на гуслях поиграть. Ты ее не ослушайся, а садись играть. Станешь их настраивать, и порви у них все струны большие. А малыми потешь княжну. Не оборвешь большие струны, станешь на них играть, придут мурзы-улановья, убьют тебя до смерти. А на меньших станешь играть, сбегутся на двор ребята малые и станут тут шаром играть и громко кричать. Тут княжна увидит, что все хитрости ее порушились и вся мудрая ее наука пошла на ветер. Станет у тебя княжна спрашивать, кто научил тебя такому уму-разуму. Скажи ей, что учил тебя этому молодой Ростовский князь, твой суженый. После этого веди ее вон из терема и поезжай с ней прямо в Ростов, ничему она не поперечит тут».

Выслушал все это Вадим от калики перехожего, большое ему спасибо сказал, велел им в свой терем идти и за хлебом-солью его возврату дожидать.

Когда Вадим с Чуфарем приехали в Муром-град и прямо к девичьему терему, то с Вадимом все было то, что калика ему показывал. Старуху как в терем повел, много смеялись над ним, за перстень старухе ответ держал, на оконнике стал хлеба кушать, на гуслях стал играть, чуть не все струны настроивши порвал. С княжной вышел скоро вон из терема и сквозь малых ребят, шаром играющих, дошел до своих бо-

гатырских коней, на заводного коня сажал Красозвезду прекрасную. Скоро Вадим поехал с Красозвездой прекрасной в Великий Ростов, к Гремиславу, князю ласковому. Сдал он ему свою отповедь служебную, сдал он ему с рук на руки и княжну Красозвезду. Скоро после этого и свадьба была. После веселых свадебных пиров княжих молодой Вадим ушел в свой дом, родительское наследство, слушать сказки калик перехожих. Мало время произойдучи, молодая княгиня Красозвезда прекрасная зовет к себе в терем Вадима Сильного. Там стала она над ним надсмехатися, над его умом-разумом, над его силой богатырскую, когда он был у нее в девичьем тереме, когда она жила в городе Муроме, когда он там добывал ее, сиротой как он там прикидывался, дабы выйти от девок победителем.

«Страшны нам витязи в вороненой стали, а в цветном платье мы не боимся их. Тогда и мы сиротой прикидываемся, боимся слово сказать, надо же вам глаза отвести. А там редкая из нас не будет в людях ангел, не жена, дома с мужем сатана. Хитер и силен ты был у меня в девичьем тереме с девками. Теперь посмотрим, как ты выйдешь сух из моих бабьих рук. За Муром я на тебя огневалась, нашла на тебя сопротивника, с которым коли ты будешь силой мериться, победишь его — честь и слава тебе. А тебя победит — будешь годен куда слуга вечный ему, победителю три города с пригородками даны будут на корм — на том у меня с им полажено».

Сказавши это, она послала в княжий сад. «На зеленом лугу, — сказала ему княгиня, — стоит бел шатер, там и богатырь тот живет. Подойдя к шатру, только в щит три раза ударь, богатырь тогда выйдет к тебе, с тобой силой мериться. Тогда и я приду посмотреть на вас, кто из вас победителем останется». Вадим с удивлением слушал слова княгини о ее богатыре. Он всех их наперечет знал. А о новом любимце княгинином он слыхом не слыхивал. Похвала княгинина своему витязю ему назолой была: не поймавши птицу, ощи-

пала перо, а его своему богатырю навеки в рабы отдала, победителю щедрую награду на корм дает.

Раздосадованный Вадим крепко стучит три раза в свой трирогий щит, вызывая сопротивника силами мериться, лицом чтобы в грязь не удариться. Распахнулись тут полы шатра белого, выходила тут ему навстречу молодая княжна, младшая сестра княгини Красозвезды, как сестра ее, красавица, со своими подругами. И просила его в свой белый шатер. При виде такого богатыря на Вадима столбняк нашел: стоит как придорожный столб, опустились его руки богатырские, выпало из рук копье долгомерное, повис на перевязи своей крепкий щит. Смотрит он на названого богатыря не мигаючи. Тут где ни возьмись княгиня Красозвезда. Засмеялась, увидев его изумление: «Долой доспехи вороненые — мы боимся их». Подруги княжны снимают их с Вадима, все еще на одном месте стоящего. Не скоро Вадим образумился. Веселая княгиня Красозвезда много смеялась над его храбростью потерянной: «Попробуй, Вадим, теперь сухим выйти из бабьих рук, вышел ты сух из девичьих, да и то в Муроме». В Ростове же была оживленная беседа, что Вадим в сестре княгини Красозвезды нашел свою суженую. Не вышел Вадим сух из бабьих рук.

Князь Рустан и волшебница Мадалея

От Рождества Христова 545 лета

Князь Рустан, сын князя Дитраря, внук князя Вихреслава, вступал в брак с княжной Велеумой. Однако брачное веселье и всенародное торжество омрачилось вдруг нежданным горестным событием: по совершении в храме брачного обряда юная чета новобрачных возвращалась в торжественной колеснице в княжеский терем. В это самое время день внезап-

но превратился в ночь. Страшное огневидное облако с громом и молниею неслось прямо на их колесницу. Устрашенная таким явлением юная княжна прижалась к своему супругу князю Рустану. Вдруг страшный громовой удар разразился над ними, и из того страшного облака спустилась на колесницу древняя старуха, одетая в великолепные одежды, украшенные золотом и драгоценными каменьями. Она силою выхватила находящуюся в объятиях супруга в беспамятстве княгиню Велеуму и вместе с нею на том же облаке скрылась из глаз изумленного Рустана и всего народа.

От того князь Рустан впал в великое отчаяние, а народ весь пришел в великий страх. Придя в себя, князь Рустан горевал, не зная, что ему делать в таком случае и где ему отыскивать свою супругу, куда, в которую сторону направить свой путь.

Узнав об этом похищении, князь Гремислав проливал горючие слезы по юной княгине, и другие люди тоже пришли в великую туту, вследствие чего веселое брачное торжество превратилось в сетование.

Когда прошли первые дни печали, князь Рустан, наконец, собрался в путь-дорогу — отыскивать свою супругу за пределами Ростовской земли. Первый путь его был на север, по направлению движения волшебного облака, в Заволочье, в Белозерскую землю. Долго он ездил там по дремучим и непроходимым лесам, пока, наконец, ни наехал на курную избу, из которой вышел ему навстречу маститый старец. Он радушно принял князя под свой кров и в продолжении роздыха князя от трудов путных в хижине вел разговор с ним. Такой ласковый прием в столь диком месте весьма обрадовал князя, потому как утомленные конь и всадник нуждались в роздыхе и в пище. Князь стал просить старца, чтобы тот приютил его от настоящей темной и бурной ночи.

Когда князь подкрепился довольно пищею и питьем разнообразным, которых он не ожидал встретить в таком диком и

пустом месте, тогда старец стал его спрашивать: «Куда ты путь свой держишь? Я живу здесь около сорока лет, а тебя первого здесь вижу. Дикость места сего, где я поселился, — главная тому причина». Князь рассказал ему подробно о причине своего приезда в эти необитаемые места. Старец слушал его со вниманием. Наконец, когда князь окончил свой рассказ, старец сказал ему: «Сын мой, в молодости своей я сам страдал подобно тебе. Ты видишь перед собой одного из потомков урало-чудского народа князя Субиза, друга Астарота и Круда, победителя императора Никифора в ущельях Гема, которого я там лишил жизни и из черепа его сделал златокованую чашу, из которой на пиру с друзьями пил круговую чашу крепкого вина. А убил я его за то, что он разлучил меня с возлюбленною моей невестою, своею племянницею. Ее он услал в одежде мужчины в далекую страну и там заточил в башне, где она тщетно дожидалась меня, чтобы я освободил ее из неволи. Там она от горести кончила жизнь свою. Подруга, сопровождавшая ее из привязанности к ней, по смерти красавицы возвратилась в свое отечество и была мне печальной вестницей. От нее я узнал о месте кончины возлюбленной. В пылу моего мщения извергу-дяде мстил я жестоко. Сначала поразил его войско своими храбрыми дружинами. Затем взял приступом окрестности Царьградские. Потом овладел знаменитым городом Адрианополем, где он скрылся. От гнева моего он бежал в ущелья Гема. Там он хотел сохранить жизнь свою, облачившись в одежду пастыря, но не преуспел в этом. Удар моего меча прервал нить жизни его. Исполнение мщения не принесло душе отдохновения. В печали по своей возлюбленной сокрылся я тайно во время темной ночи от своих друзей в дальние страны. Долго скитался бесприютным странником по различным странам, переходя с места на место, от одних народов к другим, покуда ни пришел сюда. Добрый старец-дровосек отогнал прочь мои мрачные мысли и уговорил меня остаться здесь навсегда. Сначала скучал я здесь, вспоминал о былом, но время и муд-

рые речи дровосека, наконец, примирили меня с пустынною жизнью, которую я теперь ни на какую другую не променяю, а хижину — на чертоги царей, полные лести и зависти».

Рано поутру старец Субиз разбудил князя Рустана, и тот, пробудившись от крепкого сна, весьма удивился, увидев перед собою вместо скромного пустынника величественного старца в одежде мудреца. Волшебник держал в своих руках волшебный жезл. «Сын мой, — сказал он ласково, — вчера ты видел меня урало-чудским князем Субизом. А ныне видишь меня преемником науки и наследником сокровищ пресловутого в древности волшебника Жегуля. Счастливая звезда привела тебя ко мне. С лишком двадцать лет занимался я наукою своей молодости, а именно: обузданием власти злых волшебников. Эта наука порой казалась мне бесполезной. Но тут явился ты, и я посредством волшебства узнал, кто была похитительницей твоей супруги и где она теперь находится. Это дело рук злой волшебницы Мадалеи, происходящей из племени древней волшебницы Сидонии Мерековицы. Живет же она в великолепном своем тереме в пространной Ростовской земле, в окрестностях города Ростова, в дремучем лесу, на высоком холме. А супруга твоя содержится в другом месте: в крепком тереме на берегах рек Власки и Томарки. Без моей помощи эти места тебе найти никак невозможно. Они ограждены волшебною силою. Сестра моя покажет тебе путь, где живет волшебница Мадалея и где заключена супруга твоя. Сия лоза моя цареградская прикосновением принесет волшебнице нестерпимую боль». Тут показал он в руке своей сухую ветвь и продолжал говорить так: «Когда ты подъедешь к жилищу ее, то она выйдет к тебе навстречу с толпой прекраснейших юных девиц. Они с распростертыми объятиями бросятся к тебе и станут тебя ласкать и обнимать. Тут погибель твоя неизбежная! Если ты не отгонишь от себя их этой лозою, они защекотят тебя до смерти. Прогнавши их, поди прямо в терем волшебницы. Там встретит она тебя беспримерной юной красавицей в златотканой одежде, как цари-

ца, с длинным шлейфом. Этим длинным шлейфом она прикрывает длинный свой волшебный хвост. Тот хвост устроил я ей волшебством своим в наказание за любовные шалости ее. Тот шлейф она придумала, чтобы прикрыть свой хвост. Это самая настырная злодейка твоя и похитительница супруги твоей. Тогда она имела свою настоящую внешность: лицо скаредной и злой старухи. Не сумела она своей волшебной наукою остаться навсегда и вне терема красавицей.

Итак, помни: будет она тебя ласкать и развлекать. Тут нужна вся крепость души твоей, чтобы не заслушаться лестных слов прелестницы. Помни, все речи ее и движения будут направлены к тому, чтобы очаровать тебя и склонить тебя к любви своими прелестями, чтобы разделил ты с нею ложе ее. Ты делай вид, что не прочь пойти на это и исполнить все ее желания. В заключение всего она предложит тебе, чтобы ты проводил ее до спальни. Ты не ослушайся, веди ее туда и делай вид, что это тебе весьма приятно и что ты удовлетворишь ее желание. Но в спальню не входи. Оттоле уже живой не выйдешь. В самых дверях спальни поотстань, а сам, будто бы нечаянно, наступи на длинный шлейф ее. Она оглянется на тебя, а ты извинись перед ней в своей неловкости и неожиданно схвати ее обеими руками за волшебный хвост, находящийся под ферязью. В нем состоит вся сила ее и могущество. Тогда собери всю силу свою воедино и крепко держи хвост в руках своих. Она тотчас превратится в птицу сороку. У тебя вместо ферязи и шлейфа останется в руках хвост сороки. Выпустишь из рук — тебе живу не быть. То же будет и супруге твоей. Сорока же всеми средствами будет, стараться высвободить свой хвост из рук твоих. Когда же она выбьется из сил, то станет просить тебя всячески освободить ее. Она будет клятвенно обещать сделать все, что ты пожелаешь, даже возвратить тебе супругу твою. Не верь ничему, обманет тебя. Спроси у нее сперва, как освободить тебе от чар супругу свою. Она тебе скажет. Потом требуй с руки ее перстень, за что обещай даровать ей жизнь.

Перстень этот есть достояние знаменитого витязя Светозара и князя Яслава. Она похитила его у дочери князя Светида, сына князя Рудака. Этот перстень был собственностью знаменитого царя Сезостриса. Она этому воспротивится. Ты скажи ей, что с нее мертвой силой снимешь перстень этот, и начинай бить ее моей Вайей. Это сделает ее покорной тебе. Когда ты получишь от нее этот перстень, возьми его себе в рот, вырви у сороки хвост и выброси его в окно. Тем вся волшебная сила ее и кончится, и ты будешь тогда в безопасности. Когда волшебница примет настоящий свой вид, тогда ты надень ее перстень себе на руку. Тогда она станет просить даровать ей жизнь. Ты будь господин слову своему, даруй ей жизнь, не убивай ее, а только посади в небольшой серебряный сосуд с водой, стоящий в углу ее спальни: в нем она каждодневно мылась. Крышку сосуда запечатай перстнем с руки твоей и зарой тот сосуд с волшебницей в землю вместе с шаром моим на том месте, где шар мой остановится. Потом пойди без опаски выручать супругу твою. А главное, не забудь выполнить все то, что мной тебе сказано».

Князь Рустан очень благодарил старца Субиза, получив от него лозу Вайю и шар. Скоро собрался он в обратный путь в Ростовскую землю, простившись с гостеприимным старцем, взял он его златой шар и бросил на землю. Покатился тот шар по дороге, а князь поехал следом за ним. Скоро тот шар привел его в пределы Ростова Великого, к великолепному терему, окруженному дремучим лесом. Все, что было ему старцем Субизом сказано, свершилось. Толпа юных красавиц с радостным криком и с распростертыми объятиями спешила его встретить. Но он не допустил их до себя. Лозой волшебной прогнал их всех прочь, отчего они все с криком разбежались в разные стороны. Князь немедленно пошел в терем. Там среди великолепно украшенного чертога встретила его юная красавица, одетая в богатое златотканое одеяние, украшенное самоцветными каменьями. Красота ее и великолепие одежды поразили князя

Рустана. Ему немалого труда стоило совладать с собою, смотря на такую юную и прелестную красавицу. Улыбка невинности блистала на устах ее. И он едва мог поверить словам старца, что перед ним заклятый враг его. Любезное обращение ее с ним едва не истребило из памяти его слова старца, когда она рассказывала о юной и одинокой жизни своей: «Я — одна из потомков князя Сельника из рода князя Шустика. Я осталась сиротой после смерти своих родителей. Досель ты первый посетил мой сиротский терем. Хозяйством моим заведовал мой дядя, брат матери моей, от рода князя Авдокия Римского. Придя в совершенный возраст, я стала чувствовать свое одиночество и жестокую руку моего попечителя. Последний довел меня до того, что я из страха быть гонимой им отдала ему руку, но не сердце, потому оно только теперь стало биться для истинной любви. В первый день нашего брака торжество было совершено в родовом его тереме. Но злое или благодетельное существо тотчас по совершении брачного обряда сокрыло от глаз моих моего притеснителя, или супруга. Его увлекли с собой вместе со многими моими сокровищами напавшие в это время на нас разбойники. С тех пор я о ненавистном мне супруге не имею никакого известия и не знаю доднесь, жив ли он».

Правдоподобный рассказ такой юной вдовы расположил к ней Рустана. Между ними пошел веселый и оживленный разговор о тяжести вдовства. Другие подруги молодой вдовы, а не те, которых он прогнал, стали по одной оставлять разговорившуюся допоздна парочку. Наконец, они остались совсем одни. Тут на хозяйку дома напал страх оттого, что они остались вдвоем в таком большом чертоге, и она стала просить князя проводить ее до спальни. Это показалось князю подозрительным. Только теперь Рустану пришли на ум слова старца. Не подав ни малейшего вида, что он очнулся, Рустан весело уговаривал целомудренную вдову приказать ему охранять двери ее спальни во время ночное неусыпно. Вдова, смеясь, небрежно отвечала ему, что когда-нибудь со временем дозволит ему

это, если будет уверена в его благоразумии. Теперь же она боится в своей спальне одного только ненавистного ей супруга.

Мало-помалу сопротивление красавицы Рустану стало слабеть: теперь она уже мысленно была согласна на его неусыпную ночную стражу у дверей спальни и уже весело шла показывать ему место, где ему должно стоять. Близ самой спальни князь было уже наступил по неосторожности на длинный шлейф ее платья и сразу же почувствовал под ногой упругий хвост юной целомудренной девы. Она внезапно остановилась, почувствовав боль. Однако, с веселым видом оглянувшись назад, заметила ему, что он своей неосторожностью может замарать и замять ее одежду. Хитрец поспешил извиниться, пробормотав, что он ранее не видел нигде подобного рода одежды и умолял ее успокоиться: такого более не повторится! При самом входе в опочивальню юной вдовы Рустан схватил-таки крепко обеими руками находящийся под ее одеждою длинный воловий хвост. Так разум одержал верх над страстью. В то же самое время красавица в драгоценной одежде с длинным шлейфом превратилась в великую сороку. Длинный хвост ее был в руках князя, который она старалась высвободить. Тщетно! Но сколь князь ни был силен, он едва только мог удерживать хвост в своих руках. Наконец сорока выбилась из сил, перестала защищать себя клювом острого носа своего и взмахом крыл своих. Стала она умолять князя, чтобы он освободил ей хвост, за что клятвенно сулила ему великие сокровища и возвращение супруги его. При этом князь стал ее спрашивать, как ему избавить супругу свою от ее чар. Волшебница отвечала ему, что терем ее покажет ему шар, а двери терема он отворит прикосновением перстня Сезострисова. Но перстень этот может доставить сюда одна служительница ее от престарелой волшебницы. «Пусти хвост мой, витязь, — взмолилась сорока. — Покуль хвост мой у тебя в руках, я не могу послать к престарелой волшебнице за перстнем, а без него твоя супруга погибнет. Не веришь?» — «Ах так! — воскликнул князь. —

Если получению перстня препятствует хвост твой, то я оторву его у тебя, чтобы дать тебе, сорока, полную свободу ведаться с той волшебницей!» С этими словами Рустан вырвал у сороки хвост и бросил его в окно на двор. Тут, к его удивлению, вместо сороки перед ним оказалась отвратительная старуха с поникшей головой, стоящая в великом страхе. Он приказал ей снять с руки перстень и отдать ему. Волшебница молча крепко противится этому, пряча от него руку за спину. После удара Вайи, не дожидаясь другого, волшебница подала князю перстень и стала умолять его даровать ей жизнь, не убивать ее. Князь, взяв перстень, положил его себе в рот и приказал волшебнице взойти в стоящий тут среброкованый большой сосуд, ничем не занятый. Ни слезы ее, ни моления не смягчили князя. Не дожидаясь нового удара Вайей, волшебница медленно взошла в сосуд, который князь тут же покрыл крышкой, вынул перстень изо рта и запечатал им тот сосуд. Потом надел перстень на руку, закопал сосуд тот в землю. Долго на том месте видели сидящую сороку, громко кричащую.

После этого князь Рустан поехал за своим шаром в Заозерье, к тому волшебному терему, где томилась его возлюбленная супруга. Путь его туда был короток. Богатырский конь быстро домчал его. Нашедши брод в реках Власке и Томарке, он подъехал к терему, который стоял на высокой горе. Прикосновение перстня открыло ему свободный вход в терем. Все там перед ним стали к земле кланяться. А в отдаленном чертоге терема он нашел плачущей заключенную в неволе супругу свою. Велеума, увидав Рустана, с криком радости бросилась к нему и упала в его объятия. После такого радостного свидания супруги скоро вышли из терема. По выходе их тот терем с великим шумом разрушился и на его месте остался один только великий камень.

Говорят, в древности, во времена язычества, здесь стояла кумирня богини Лады, которая сгорела от удара молнии вместе с пораженным ею же жрецом.

Князь Куява и княгина Валеснерия

От Рождества Христова 552 лета

Князья братья Трубадур и Куява, дети князя Диомида, по смерти отца своего жили между собой мирно, хотя нравы их далеко были не мирные. Князь Трубадур был злым, мстительным и развратным, а на лицо выглядел почти уродом. Напротив того, брат его князь Куява был детина статный, высокий, красивый лицом. Ну, словом, кровь с молоком; так все про

него говорили, прибавляя к его портрету новые штрихи: храбр и благоразумен к тому же.

Старший брат Трубадур взошел на престол сразу по смерти отца своего, а младший брат стал воеводой всей рати брата своего. В одно время надумал он побывать на пепелище своих предков в городе Стугне, где княжил князь Тразий, сын князя Мадиуса, у которого была дочь — дивная красавица, по имени Валеснерия.

Приход князя Куявы в небольшой город наделал много шуму, в особенности между сенными девками княжны Валеснерии, которые успели его увидеть прежде княжны и передать ей, как красив сродич ее князь Куява.

Княжна Валеснерия имела нравственность не совсем целомудренную. Хотя и неясные, но все же ходили слухи о том, что она в самом юном возрасте будто бы уже была матерью. Мать ее весьма ей благоволила и все скрывала. И все люди кругом говорили, будто бы княжна уже в пятнадцать лет была ничем не глупее своей матери: хитра и своенравна хоть куда! Однако князь Тразий серьезно недолюбливал дочь свою за ее ветреность и непостоянный нрав. Напротив, мать ее во всем потворствовала своей дочери, потому что дочь знала за матерью кое-какие грешки, о которых они иногда и шушукались между собой без стеснения.

Итак, юная и опытная княжна Валеснерия с первого же взгляда полюбила князя Куяву и старалась всячески завлечь его в свои сети, что ей и удалось весьма скоро. А князь Куява влюбился в нее страстно. Он стал просить у князя Тразия дочь его себе в супружество.

Получив от него просимое, он скоро устроил брак по обоюдному страстному желанию влюбленных.

Княгиня Валеснерия скоро окружила себя многочисленным семейством. Однажды молодая и красивая княгиня Валеснерия прибыла со своим супругом и с детьми своими в город Ростов. Князю Трубадуру не казался в тягость при-

езд своего брата, в особенности с женой, такой красавицей и, прямо сказать, чересчур веселой женщиной. Скоро она привлекла к себе внимание князя Трубадура потому более, что стала тяготиться супругом своим, который с утра до вечера был всегда на охоте, а с вечера до утра спал непробудным сном.

В это время скуку княгини Валеснерии сумел развеять ловкий князь Трубадур. Все сенные девки недоумевали, почему княгиня предпочла красивому мужчине урода. Влюбленный в свою супругу князь Куява был глух к подобным вестям, доходящим порой до ушей его.

В одно прекрасное время княгиня Валеснерия пошла в баню вместе с князем Трубадуром. Именно в это время шел с охоты мимо бани князь Куява. Валеснерия отворила предбанник и громко закричала ему, стоя в дверях нагая, и стала так жаловаться ему: «Ко мне в баню пришел какой-то чужой мужчина. Поди и выгони его!»

Князь в гневе бежит наказать нахальника и только подбегает близко к княгине, как та со смехом окатывает его с головы до ног из ведра холодною водою, говоря так: «Вот тебе и чужой мужчина!» Князь Куява нисколько не рассердился на жену свою за эти проделки и ушел. Во время мытья своего в бане она много смеялась над князем Трубадуром, особенно над тем, как он испугался, когда к бане побежал брат его.

В непродолжительном времени после этого князь Куява неожиданно возвратился с охоты, а у княгини его в спальне в тот момент находился брат его Трубадур. Выйти оттуда было некуда: окно было высоко, двери — одни. Неожиданная встреча братьев ничего хорошего не сулила: не обошлась бы она без серьезной ссоры. Княгиня и тут не потеряла присутствия духа. Одежду князя Трубадура она быстро бросила под кровать, а самому велела спрятаться за картину, находящуюся тут и изображающую обнаженную Венеру, лежащую на постели и держащую в своих объятиях Марса.

При входе князя Куявы в спальню княгиня будто бы ото сна пробудилася и в одной рубашке соскочила с постели и бросилась обнимать и целовать своего мужа. Потом стала она сказывать сон свой, в котором князь Куява якобы выглядел худым стрелком из лука. А чтобы сон не был верен, Валеснерия просила его показать свое искусство и прострелить у лежащей Венеры то место, которое она ему указала.

Князь Куява натянул лук и стал целиться в показанное место, захотел прострелить его. В это самое время княгиня подшибла ему руку и стрела полетела кверху, ударилась в стену выше картины и впилась весьма глубоко. А княгиня со смехом говорила ему, что сон ее в руку, то есть справедлив. Потом просила она его удалиться на время, пока она будет одеваться.

По уходе князя Куявы из опочивальни княгиня велела выйти князю Трубадуру из засады и много смеялась над его великим страхом, когда он, сидя за картиною, дрожал как банный лист и думал, что брат его убьет стрелою.

Такие бабьи увертки показались княгине Валеснерии неудовлетворительными, и она придумала новое злодейство, чтобы навсегда освободиться от князя Куявы и выйти замуж за князя Трубадура. Улучив момент, когда князь Куява спал, она велела своему любовнику влить расплавленное олово в ухо сонному брату. Брат так и сделал.

Никто не мог постигнуть, отчего помер князь Куява. Скорбная супруга крепко плакала и убивалась над умершим князем Куявой, так что, смотря на нее, многие плакали и ее жалели.

Ради домашней экономии устроила княгиня Валеснерия одно пиршество сразу: тризну по умершему супругу и брачное торжество с князем Трубадуром.

Богатырь Верзило Ушма

1.

Ростовский богатырь Верзило Ушма, сын Ростовского наместника князя Святослава, по имени Волчий Зуб, который был любимый богатырь князя Святослава, сына князя Гремислава, имел свой родовой терем на берегу реки Пуры среди поляны, окруженной со всех сторон вековым девственным лесом. Здесь Верзило провел молодость свою беззаботно. Возмужав, он подружился со знаменитым ростовским богатырем Бурей. Он стал единственным и верным другом Ушмы. Их будущие

супруги были родные сестры — дочери заморского гостя Яна. Нечаянный случай привел Ушму к неожиданной женитьбе на одной из дочерей его. Однажды поехал Ушма в Цыцарскую землю. Немалое время прошло в пути безо всякого приключения. Наконец наехал он на такое место, отколе идут в разные стороны три дороги. Великий камень лежал там на распутье, на нем было написано: «Кто поедет отселе на восток солнца, тот сам будет сыт, а конь его голоден. А кто поедет на запад солнца, тот будет голоден, а конь его сыт. А кто поедет прямо на полдень, у того конь будет цел, а сам будет мертв».

Прочитав все эти три надписи, Верзило, нисколько не задумываясь, поехал прямо на полдень. И ехал он по тому пути немалое время безо всякого приключения, не видавши ни худого, ни хорошего. Наконец въехал он в дремучий лес, где услышал вдруг жалобный голос просящего о помощи. Он стрелой полетел в ту сторону. Там видит он шайку разбойников. С неистовой яростью напали они на купеческий обоз, разграбили его, потом стали ругаться над самим хозяином обоза. Несколько работников обозных лежали поверженными от тех разбойников на земле. Увидевши такое злодейство, Ушма обнажил свой меч, спеша на помочь истязуемому. Такое неожиданное появление витязя смутило и устрашило разбойников. И еще более устрашило их, что атаман их пал от руки Ушмы. Они все разбежались в разные стороны. Многие пали от руки его. Избавленный таким образом от разбойников хозяин обоза, который оказался маститым старцем, долго не верил ни ушам, ни глазам своим, слыша от витязя такую речь: «Теперь свободно можешь продолжать свой путь». Наконец, едва придя в себя, он стал благодарить Ушму за избавление от смерти и спасение всего имущества, предлагая ему за это великие дары. Но Ушма ото всего отказался, только спросил у него, кто он и куда путь держит. На что старец отвечал ему, что он — заморский гость и едет из

Цыцарской земли в Великий Новгород. Там он имеет постоянное жительство, куда везет он и дочь свою, по имени Чистозору. А оттоле хотел увезти ее в Великий Ростов к сестре ее, супруге ростовского богатыря Бури. «Но прежде разбойников, — говорит он, — напал на меня какой-то волшебник, сидящий на огнедышащем змие, похитил у меня дочь мою. Не успела пройти одна беда, как налетела другая — это разбойники. Ты избавил меня от них, — продолжал заморский гость, — возьми себе половину обоза».

«Чужого не надобно, — отвечал Ушма, отказываясь от его даров. — Лучше скажи мне, где живет этот волшебник?»

«Он живет в этом же лесу, недалеко отселе», — отвечал заморский гость.

Тогда Ушма велел ему показать дорогу к жилищу волшебника. Старик весьма удивился этому поспешеству и стал рассказывать, что слышал о лютости того волшебника, и не советовал ему пускаться на явную погибель в ту сторонку, где, вероятно, уже погибла и дочь его. Заморский гость наотрез отказался показать богатырю путь туда, но когда Ушма потребовал этого настоятельно, тогда старец точно что-то вспомнил и пошел к своей колеснице. И там из сокровенного места взял небольшую коробочку, из которой вынул золотой перстень с великим адамантовым камнем с неизвестным на нем изваянием. И, подавая его Ушме, сказал: «Ото всех даров моих ты отказался, а от этого ты отказаться не сможешь, да и не должен. Ты идешь к лютому волшебнику. Выслушай теперь меня о нем. В Греции наехал я в чистом поле на умирающего богатыря и тот сказал мне о себе, что он один из потомков ростовского князя Святополка, сына Святославова, который, как мне помнится, говорил ему, что на камне что-то изваяно. Потому на этот камень никакая волшебная сила без страха и покорности смотреть не может. Как мне богатырь подарил этот перстень за то, чтобы я предал земле тело его, так и я за спасение жизни моей дарю

его тебе». Ушма хотел купить у него перстень за достойную цену. На это гость отвечал ему: «Мне в Цареграде давали за него такую цену, которая превысит весь находящийся здесь мой обоз, и то я не согласился взять. А теперь, видя в тебе такие благородные чувства, от чистого сердца дарю его тебе за то, что ты сделал для меня».

После этого Ушма не смог уже уклониться от подарка заморского гостя, поблагодарил его и надел на палец этот перстень и в сопровождении старца пошел к волшебному терему. Шли они по едва заметной тропинке в дремучем и непроходимом лесу. Наконец вышли на просторную и ровную поляну, посреди которой возвышалась высокая гора, а на вершине ее стояло величественное здание — жилище волшебника. Лишь только вступили они на эту поляну, как услышали со всех сторон рев разнородных чудовищ, которые в бесчисленном множестве устремились навстречу им, чтобы преградить путь к терему. Чудовища готовы были растерзать их на части. Тут Ушма захотел испробовать над ними силу перстня своего, как об этом сказывал заморский гость. Блеск камня, находящегося в перстне, тот же час укротил их ярость. Все они, потупив взор, стояли смирно по обе стороны пути их, кроткие, смирные и ласковые. Спокойно продолжили они свой путь и близ терема волшебникова увидели спешащего к ним великого и страшного волота с огромной железной палицей, который стал бранить их и поносить всячески за нарушение сна его, угрожая наказать их примерным образом, а в особенности Верзилу Ушму. И, вращая, как пером, неимоверной тяжести палицей над головой Ушмы, он готов был поразить его оною, но тут блеск камня адаманта, находящегося в перстне, поразил волота и заставил его трепетать. Палица выпала из рук его на землю, великан встал перед ним на колени и проговорил умоляющим голосом: «О, Соломон, Соломон, сын Грома, пощади жизнь мою! О, Черномор, Черномор! Против кого ты послал меня? О, Соломон,

сколь ты велик и сколь крепка твоя рука! Трепещи и ты, Черномор, или скройся скорее в недрах земных!»

Ушма велел волоту скрыться немедленно с глаз. И тот встал и убежал от них поспешно в лес, скрылся там. Ушма и заморский гость, когда подошли близко к жилищу Черномору, то увидели, что вход в него охраняют два такие же волота. А впереди них прикованы два великих льва на орлиных тяжелых цепях. Но блеск камня адаманта заставил и их скоро уйти в свои логовища. Таким образом сделался свободным вход в жилище волшебника. А волоты, прокричав то же самое, что и первый, убежали вслед за ним и скрылись в лесу.

Великолепно позлащенное крыльцо вело в чертоги волшебника. Но там они не нашли ни одной живой души. Тогда они вышли в огромный сад, полный различных плодовых деревьев и украшенный различными цветами. Шествуя среди великолепной растительности по аллее, они нигде не встретили ни одного живого человека и недоумевали, у кого бы спросить, где находится дочь старца. Наконец пришли они в великолепную мраморную беседку украшенную множеством блестящих зеленых колонн из малахита. Посреди этой беседки из зева златого льва текла струя чистейшей воды по хитро устроенному златому шлюзу, производилось журчание, похожее на дивную игру чудной музыки. В одном углу на златом треножнике была великолепно устроена лазоревого камня цевница. Ушма взял ее в руки и, смотря на ее хитрое устройство, пожелал узнать достоинство ее звука, стал играть на цевнице. Вдруг эта беседка, треножник и все, бывшее в ней, исчезло, и вместо беседки очутились они в чудной и великолепно украшенной пещере с роскошными и мягкими седалищами и убранным ложем с дивно украшенным пологом из дорогих мехов, одеялом, покрытым златотканою материею. Пещера эта походила на роскошную опочивальню, где лежали различные одежды. Подле ложа на

стене висела занавешенная картина, изображавшая дивную красавицу в одежде праматери Евы и в самом соблазнительном своем положении: в своих объятиях она лобызала совершенно обнаженного юношу.

Не успели они опустить занавесы этой картины, как услышали громкий плачевный голос со стороны терема волшебника. Они оборотили свои взоры туда и увидели по той же самой аллее бегущую к ним девицу, поразительно дивную красавицу. Та, испуганная, стремглав бежала от настигающего ее исполина. Красавица не знала, куда от него укрыться в этой пещере, и жалобным, раздирающим слух и сердце голосом просила себе защиты. Вбежав в пещеру, увидела стоящего перед ней витязя и спешила укрыться за ним. Едва переведя дух, красавица сказала: «Спаси меня от чудовища этого!» — и упала тут же в беспамятстве. Тогда Ушма показал волоту блеск адаманта и заставил его с трепетом остановиться. Волот пал на колени перед Ушмой и стал говорить умоляющим голосом: «О, победоносный Верзило! Пощади, не убивай меня, Соломон! О, Черномор, Черномор, близок твой час! Скоро и ты испытаешь равную со мной участь!» Ушма велел ему удалиться, а сам обернулся к лежавшей на земле красавице. Но в какое он пришел удивление, когда увидел ее в объятиях заморского гостя: это была его дочь. Она поняла, что находится в объятиях своего родителя. По прошествии восторгов свидания старик показал ей рукой на Ушму и сказал: «Вот твой и мой спаситель жизни! Без него не видать бы тебя. Более отца благодари его за спасение мое».

Тут красавица обратила взор свой на спасителя отца и ее самой, которого она еще до той поры не рассмотрела, и хотела благодарить его. Но в то самое время лицо ее покрылось живейшим румянцем. Взоры их встретились, и они полюбили друг друга. Она едва слышно произнесла ему какую-то бессвязную благодарность. Ушма молчал, только смотрел на нее и сказывал после, что язык не повиновался ему.

Когда все пришло в обычное положение, тогда прекрасная Чистозора (так звали красавицу) по желанию отца и по просьбе Ушмы стала рассказывать о своем похищении и жизни своей:

«Когда волшебник Черномор похитил меня из объятий родителя, пришла я в беспамятство. А когда опомнилась, то увидела себя лежащей на богато убранной постели в великолепной опочивальне. Две молодые рабыни ожидали моих повелений. Я спросила у них, где я нахожусь. «У твоего покровителя, волшебника Черномора», — отвечали они на мой вопрос. «А зачем покровитель мой похитил меня у отца моего?» — спросила я их. Те молчали и только спрашивали у меня, желаю ли я одеваться в лежащие на столе великолепные одежды или останусь в своей, которая на мне. Я пожелала остаться в своей одежде. Услышав это, они удалились, оставив меня одну. Вскоре после них вошел и волшебник Черномор, великолепно одетый. Он весьма удивился, увидев меня в своей одежде. Подаренные им наряды лежали так, как были положены, он попросил меня надеть их, добавив, что моя красота получит от этого новые прелести. Вслед за тем стал он говорить о страстной любви своей ко мне и просил меня быть владычицей души его и повелевать им, как покорным рабом. Я отвечала ему бранью, слезами и укоризнами, льющимися рекою. Я просила у него одного только: смерти, а не любви. Так принимала его я каждый раз, когда он приходил ко мне. Такие приемы вконец раздражили его. Он стал притеснять и тиранить меня различными способами и для усугубления новых тиранств силою науки своей сделал так, что от игры на цевнице беседка эта превращалась в пещеру и в великолепную опочивальню. В это самое время отвратительный волот должен был загнать меня в эту опочивальню и бросить на невидимую постель. Тут должен был явиться и волшебник Черномор. Все это вы теперь и сами видели».

Так она закончила рассказ свой и просила отца и князя Ушму поскорее удалиться из терема, доколе не возвратился сюда волшебник, иначе она опасается за их жизнь.

На это князь Ушма спросил у красавицы, каким образом и где найти ему Черномора и как добиться личного с ним свидания, потому что хозяина они нигде не встретили. «А не поблагодаривши его за его хлеб-соль, уйти негоже, да и не след. А надо будет подождать прихода его».

Чистозора никак не могла склонить ни отца, ни спасителя своего Ушму к скорому удалению из терема волшебника. И видя, что они решили дожидаться прихода Черномора, сказала так: «Если вы уж желаете неотложно видеть волшебника, то ждать вам прихода его нечего. Вот видите посреди пещеры висящий колокольчик? Позвоните в него немного, и он явится немедленно здесь. Но я не советовала бы этого делать, лучше вам удалиться».

Князь Ушма идет к тому колокольчику и звонит в него. Колокольчик издает самый звучный и приятный звон. Вслед за тем слышатся отдаленные раскаты грома, и вскоре на блестящем облаке появляется и сам волшебник Черномор, малорослый старичишка с широкой седой бородой до пояса. Голова его украшена великолепной золотой короной. Златошвейная одежда усыпана драгоценными камнями. Словом, одет он по-царски, словно жених. Сойдя с облака и не видя, что в отдаленном месте стоят отец с дочерью и князь Ушма, полагая, что красавица спряталась от исполина на постели под одеялом, волшебник весело сказал: «Наконец-то ты, гордая красавица, покорилась страстной любви моей и захотела сама видеть покорнейшего слугу твоего!»

Однако в постели он никого не обнаружил. Затем обвел взором своим пещеру и увидел стоящих рядом красавицу, ее отца и незнакомого витязя. «Это что такое? — закричал Черномор так громко, как мог. — Кого я вижу? Кто вы такие, дерзновенные, что осмелились прийти сюда и остались живыми?»

«Это такие дерзновенные, — отвечал ему Ушма, — что могут тебя спросить, как ты смеешь с нами так говорить и как ты смеешь похищать красавиц?!» С этими словами он направил на Черномора адамант своего перстня. «Хочу очистить землю от чудовищ, подобных тебе!» — добавил Ушма. Он явно опередил волшебника. Тот уже хотел было первый поразить витязя своим волшебным жезлом. Не тут-то было! Волшебник был поражен лучом от перстня, как молнией. Он весь затрясся, волшебный жезл выпал у него из рук, корона свалилась с головы его и он рухнул ниц пред ногами князя Ушмы. Затем, встав на колени, он стал умолять его о пощаде, обещая быть ему покорным рабом. Ушма сказал ему: «Разве ты сам прежде не желал быть покорным слугой Чистозоры? Ну так и будь им! А теперь удались отселе и ожидай нас у крыльца твоего терема». Черномор немедленно удалился.

Прекрасная Чистозора при появлении Черномора и во время его разговора с Ушмой находилась в смертельном страхе. Потом не могла надивиться тому, что на ее глазах совершалося. Видя поражение волшебника и услышав слова его, она ободрилась, и захватила ее радость непритворная. Видя это, старик стал снова благодарить Ушму за избавление себя и дочери, вновь предлагал ему дары за благородные его подвиги. От даров Ушма отказался, а стал просить у него себе в замужество дочь его, которую он и получил. И вместо Цыцарии поехали они все в Великий Ростов, и там совершено было брачное торжество князя Верзилы Ушмы и прекрасной Чистозоры. Все богатства гостя заморского достались князю и его супруге, от которой он имел только одного сына, по имени Силодум. Последний явился причиной смерти своей матери при родах. Это несчастье так поразило Ушму, что он и сам едва не сошел за ней в могилу. Новая печаль постигла Верзилу из-за мучительной смерти друга и брата его богатыря Бури-Стефана. Все это заставило его возненавидеть князя Яросвета и удалиться в дремучий лес и жить там.

2.

Прошло много лет. По окончании рассказа о своей жизни старец Верзило сказал княгине Рохмале: «Как я рад, что судьба послала тебя в мою хижину. Здесь старик Верзило сможет защитить тебя от гонителя твоего, потому я знаю его хорошо как никуда не годного труса. Он будет преследовать тебя и здесь. Не обижайся, княгиня, если я при посторонних буду выдавать тебя за свою дочь, а сына твоего — за внука. Лета мои дозволяют называть тебя даже внучкой. Здесь такое жило семейство, от которого я наследую и хижину, и имя, и у него, моего предшественника, была дочь, сродная тебе летами». Княгиня с великой радостью приняла не одно имя его дочери, но и все домашнее хозяйство его и наблюдение за его здоровьем.

Курная хижина Калины-дровосека (под этим именем известен был богатырь Верзило) показалась княгине Рохмале много спокойней княжьего терема, недавно оставленного ею, где измена и лицемерие шли рука об руку с гордостью.

Так тихо, в безвестности, прошла жизнь княгини. Сын ее Святослав вырос, смело бегал на реку Лихость к деду своему, когда ловил он там рыбу. Рост и дородство были не по летам ему, обычаи отца были видны в нем по неустрашимости и предприимчивости и по страсти быть таким богатырем, о каких рассказывал ему в сказках дед Верзило Ушма. Дед старался укрощать пыл его.

Неоднолетняя кровавая брань с народами прус, хмудь и куявой кончилась. Скорбный и нерадостный князь Гремислав с великою корыстию возвратился в свое отечество. При первом свидании с братом своим Колачей стал его спрашивать о коварной супруге своей и о сообщнике ее Ширяе. Тот рассказал ему о жизни ее, самой гнусной и развратной, раскрашивая самыми черными красками. Чернил в особенности мнимого князя Ширяя, изображая его бездомным бродягой,

потому что он был самовидец всему обману. Гнев князя Гремислава на супругу свою и на Ширяя был беспределен. Он обещал отдать половину своей военной добычи тому, кто бы их ему доставил или кто бы сказал, где они укрываются.

В одно время дикие берега реки Лихости огласились звуками рогов охотников. Князь Гремислав с великой свитой своей собрался на охоту в Чернолесье, славившееся обилием различных зверей. Для роздыха охота вся сосредоточивалась на поляне близ реки Лихости. Добыча была немалая. Близ этого места протекал Гремучий ручей, на котором князь Гремислав увидел дивной красоты мальчика десяти или менее лет, одетого бедно, но опрятно, со златовидными кудрями. Занятый своей игрой, мальчик не заметил, как его окружили охотники и свита князя. Наконец он увидел въезжающих на поляну двух всадников в доспехах ратных. Это были два брата — князья Гремислав и Колача. Они оба были в стальных кафтанах (так говорил ему дед о доспехах ратных). Мальчик хотел скрыться от них в чаще леса и бежать по известной ему тропинке, сказать деду о людях в железных кафтанах и таких же шапках. Но этого сделать ему не пришлось, потому что красота его пленила князя Гремислава и напомнила ему знакомые черты. Простая одежда облегала его гибкий стан. Князь спросил сперва о его имени, тот назвал себя Святославом и смело смотрел на говорившего с ним князя. Блеск голубых очей его поразил князя. Вся свита заинтересовалась таким жителем дремучего леса. Тут князь приметил, с каким вниманием мальчик смотрел на его доспехи ратные, и сказал ему: «Я дам тебе такие же доспехи, если ты скажешь мне, кто твои родители, и покажешь, где ты живешь». Мальчик обрадовался такому подарку, запрыгал от радости и сказал: «Живу я с мамой и дедом отселе недалеко. Маму мою зовут мамой, а деда я зову дедушком».

Смелость и ответы мальчика заинтересовали князя. Он пожелал видеть мать его и деда. Мальчик повел его к себе. Дорогой мальчик просил князя, чтобы он не забыл, а при-

слал бы ему железный кафтан и железную шапку с таким же пером. Князь обещал ему прислать. Не доходя до хижины, Святослав побежал уведомить деда о людях в железных кафтанах. Дед весьма удивился словам Святослава. Услышав голоса многих людей, он вышел на крыльцо своего дома, который он построил вместо прежней обветшалой хижины. Старик не подал виду, что знает идущих к нему двух князей-братьев и свиту их. Князь Гремислав, представившись витязем, стал просить у Ушмы гостеприимства и отдохновения от утомления целодневной охоты, имея более намерение посмотреть старикову дочь, мать Святослава. Он угадывал в нем некоторые черты супруги своей Рохмалы.

Старик смутился и долго молчал, не находя, что на это сказать князю приличного, и как предупредить княгиню. Он боялся, чтобы некое нечаянное свидание не причинило бы ее слабому здоровью какого-нибудь вреда. Наконец, сказал: «Простите, бояре, медлительность мою, я готов предоставить жилище в ваше распоряжение, у меня есть там дочь — мать этого шалуна. Дозвольте мне прежде послать к ней внука моего, чтобы она привела хижину мою в порядок и себя бы прибрала для принятия таких гостей, неожиданно посетивших нас». Князь остановился подождать, а в это время собралась и вся его свита.

По слову деда Святослав побежал сказать матери, что к ним в гости идут люди в железных кафтанах и в таких же шапках. «Такой кафтан и шапку и мне обещали дать», — добавил он. Услышав это, княгиня не знала, что и подумать о таких небывалых прежде гостях. Но по слову сына своего привела все в порядок: и себя, и все в доме. И потом сказал сыну, что все готово. Тот передал это в покой старика. Она стояла в это время у кутного окошка лицом к дверям, в которые входили гости. Простая, но чистая завеса разделяла покой на две части. При входе против света князь не мог еще рассмотреть лица стариковой дочери, чего он желал бо-

лее всего. Вид маститого старца казался подозрительным, не показывал в нем простого дровосека, а скорее бывалого человека. Не в силах удержаться, князь спросил у него, кто он такой. Вид старца совершенно изменился, когда он с подобающею почтительностью отвечал князю: «Я для всех дровосек Калина, а для тебя, мой князь, верный ратный слуга деда и отца твоего». Удивленный князь повторил вопрос свой: «Кто ты?» Старик отвечал ему: «Мой князь, дозволь мне остаться на малое время дровосеком Калиной. Старость гнетет меня к сырой земле и вместо заветного мечакладенца вложила в руку мою клюку». Князь не стал более докучать ему.

Княгиня, стоявшая вместе с сыном своим Святославом, не шелохнулась. Сердце ее стенилось и предвещало что-то непонятное. Она была в одежде селянки. Свет из окна и завеса препятствовали князю рассмотреть ее, но княгиня лишь только взглянула на вошедшего князя, как узнала его, вскрикнула громко: «Боги мои, князь!» и тут же лишилась чувств, упала на землю к ногам сына своего. Тот, видя мать свою в таком положении, громко заплакал.

Тут старец Ушма и неизвестный витязь со спущенной решеткой бросились на помощь к лежащей в бесчувственном состоянии княгине, которую едва могли высвободить из объятий сына своего Святослава.

Тут князь Гремислав пришел в великий гнев и сказал побледневшему брату своему князю Колаче в исступлении: «Если бы кто представил живого обольстителя Ширяя, то я отдал бы тому всю военную добычу последнего моего похода, а сверх того отдал бы ему Устретенскую часть Ростова».

«К чему так много давать за такого гнусного изменника, — сказал ему витязь с опущенной решеткой. — Я гораздо дешевле возьму с тебя за этого человека и доставлю его к тебе лицом к лицу». Сказав это, подымает он решетку, своего

шелома: «Я сказал, когда пришел к тебе в твоем походе, что не подыму решетки до тех пора, пока не надо будет показать невинность оклеветанной супруги ее супругу. Теперь это время настало».

Князь Гремислав стоял как истукан, смотря немигаючи на неизвестного ему витязя, в котором узнал князя Ширяя. В это самое время стоявший в окружающей князя свите брат его князь Колача вынимает кинжал и пронзает им грудь свою прямо в сердце, падает мертв. Только мог промолвить едва внятно: «Проклятие!» и умер.

Видя все это, князь Гремислав, придя в себя и сообразив, что произошло, убедился в невинности супруги своей. С отвращением он оставил своего брата и бросился на помощь супруге. Тут князь Ширяй побежал к источнику и шеломом принес ключевой воды, которой Верзило-старец стал орошать лицо и голову княгини. Немало труда стоило привести ее в чувство. Первое слово княгини, увидевшей супруга, было такое: «Мой князь! Я — невинна». После чего она опять лишилась чувств. Но продолжалось это недолго. Такое душевное потрясение княгини едва не стоило ей жизни. Наконец стараниями и ласками супруга своего возвратилась она к жизни, собрав все силы.

Когда прошли восторги такого радостного свидания у князя Гремислава со своей супругой, Рохмала рассказала ему в подробностях обо всем, что она перенесла от брата его, когда он преследовал ее любовью своей, и какие она понесла за непреклонность свою от него напасти. От беды избавил ее старик Ушма, который теперь рассказал князю Гремиславу о себе, кто он на самом деле. Во время рассказа княгини о себе и осуждении ее с младенцем на голодную смерть князь Гремислав много раз прерывал рассказ слезами и грозился наказать всех злопричастных к этому делу, но просьбы супруги смягчили его: не мстить и не отыскивать виновных, потому что она теперь так счастлива.

На общем совете в жилище богатыря Верзилы положено было по желанию княгини Рохмалы оставить все в тайне до следующего княжьего приезда сюда.

При таком благоприятном стечении обстоятельств князь Гремислав утешался своим сыном, известным поначалу как внук старика Калины, и с великим удовольствие проводил много времени на охоте в Заозерье и в беседе с красавицей (так прежде была известна прекрасная Рохмала).

Князь Гремислав пожелал выстроить для княгини своей великолепный терем на берегу Корева озера, окруженного дремучим лесом. Хотя княгиня Рохмала и могла переехать в город, но предпочла безвыходно жить в этом тереме безымянной.

За разные верные службы и прочее князь Гремислав построил князю Ширяю великолепный терем в прекрасной долине на берегу реки Сахты.

Не совсем удобный путь к терему безымянной красавицы, охраняемый многочисленной неусыпной стражей, заменен был весьма удобной каменной дорогой до Велесова камня.

Князь Небослав

От Рождества Христова 823 лета

Князь Небослав, сын князя Святополка, с самой ранней молодости был почтен великой славою. Он в походах не имел никогда шатра, спал больше в седле на коне своем, иногда и на земле, положив под голову седло; не клал под себя никакой постели. Более всего князь Небослав старался обеспечить благосостояние своему княжеству. Однако никак не мог он сбросить тяжкое ярмо варягов, которым выплачивал дань. Это происходило из-за внутренних раздоров славян между собой, которыми пользовались варяги, раздувая их. Это племя

брало дань с Руси, чуди, словен, мери, веси и кривичей. Более всех терпели от них ростовцы, когда управлял Ростовом великий варяжский князь Хожа. Лютость последнего погубила многих князей ростовских безвинно. Терем его выстроен был на развалинах терема князя Ратобора Копыря.

Он погубил бы непременно и князя Небослава, если бы не помешали ему два обстоятельства: первое — дружба с ним сына Хожи князя Будилы, вторая — любовь к князю Небославу единственной дочери Хожи княжны Воли.

В одно время князь Небослав приехал в терем князя Хожи на реку Копырку по делам народным. У него был как раз съезд знаменитых князей окрестных народов, искавших руки его дочери, прекрасной княжны Воли. Князь Хожа хотел увенчать такой съезд торжеством рыцарским в состязании в военном искусстве.

Молодой князь Будила весьма рад был приезду друга своего князя Небослава и желал, чтобы он с ним посостязался бы с приезжими князьями, которые ему не нравились: они все почти были сверстниками отца его. Скоро настало желанное время рыцарских состязаний. Первоначально положено было состязаться на копьях тупыми концами. Поединки начались при звуке труб.

Князь кривичей, по имени Стюкай, остался тут над всеми победителем. Молодой князь Будила выехал против него. Победитель не обратил внимания на противника, не посчитавшись с приличиями, ведь Стюкай был гостем отца Будилы. Князь кривичей вступил в бой и в первой же сшибке вышиб Будилу из седла. После этого торжествующий победитель стал с гордостью ожидать себе нового противника, озирая всех.

Вся кровь закипела в жилах князя Небослава, когда он увидел побежденным друга своего и товарища. Да тут еще победитель стал смеяться над всеми и вызывать на состязание с собой непобедимых сарматов. Тут князю Небославу за беду

стало видеть торжествующего врага. Он немедленно выезжает на место состязания и слегка ударяет в щит князя Стюкая, дав ему тем знать о своем желании состязаться с ним.

Высокомерный князь Стюкай окинул презрительным взглядом своего противника и со смехом советовал ему: «Поди лучше на качелях девок качать, чем на земле валяться: соломы не постлано, постель жестковата!»

«Не диво мне качать девок на качелях, это наша забава. А вот как твоим негодным костям придется попробовать сарматского копья: от него ведь кривичи всегда на землю валятся!» — возразил ему князь Небослав. И так продолжил речь свою: «После этого ты и рад был бы повозиться с нашими девками, но таких они не воймуют и с качелей гоняют, и лежащих на земле не жалуют! Не лучше ли тебе мне плешь свою показать: побег не красен, но здоров бывает».

Услышав такой себе ответ, князь Стюкай весьма огневался на князя Небослава и вознамерился его за это примерно наказать. Он грозно ему говорит: «Жалко мне, что должно тешиться с тобой здесь тупым концом копья, а то бы я таких хвастунов за раз десяток на копье посадил!»

«Не диво тебе нас по десятку на копье посадить, — отвечал ему князь Небослав, — а диво будет видеть, как сам ты будешь на копье сидеть!»

После таких приветствий друг другу еще более озлобился князь Стюкай. И вот два соперника, как две грозовые тучи, понеслись друг на друга на своих богатырских конях и сильно ударили друг друга своими копьями. Копье князя Стюкая ударило в грудь князя Небослава, изломилось во многих местах и расщепилось на лучинки. Князь Небослав от этого ни мало не поколебался, усидел в седле. Напротив, от подобного же удара гордый князь Стюкай вылетел из седла своего вон, как овсяный сноп. Он упал на землю и раскинул свои руки. Тут князь Небослав говорит ему: «У нас на качелях так рук не раскидывают и по десятку таких, как я, на копья

не нанизывают. Не пробовал доселе ты копья сарматского, теперь ты его попробовал!»

Сколь ни зол был князь Хожа на князя Небослава, но такая победа ему полюбилась, потому что он сам сильно гневался на князя Стюкая за сына своего. А Стюкай, забыв весь стыд своего поражения, почти бегом кинулся обнимать своего друга, называя его братом старшим, и пошел с ним вместе на почетный пир.

Когда наступила ночь, торжествующий от низложения врага князь Небослав был уже в своем тереме. В это время к нему вошла какая-то незнакомая старуха и говорит ему так: «Удачи тебе, добрый молодец! Не осерчай на меня, старуху старую, а послушай, что я скажу тебе. Хошь видеть красавицу, какой отродясь не видывал? Поди за мной!»

Князь весьма удивился словам старухи и спросил ее, что это за красавица такая, какой он отродясь не видывал. Старуха не ответила, только повторила сказанное. Князь согласился пойти с ней, стал надевать свои доспехи ратные. «Постой, не спеши снаряжаться так, — промолвила старуха. — Со мной идти — уговор держать. Не след тут ни ратные доспехи, ни меч-кладенец, этим напугаешь ты красавицу. Тут нужна одна только смелость молодецкая и речи разумные. Больше ничего с собой брать не надобно». «Да как же я пойду безоружным в безвестный путь?» — спрашивает князь.

«Быть по-моему, — отвечает старуха, — да еще покрывалом красавицы закрою тебе глаза твои. Тайна сокрыта тут великая. Хошь идти — поди, не раскаешься, не хошь — как сам поволишь. Я с тем и назад уйду».

Князь заколебался и усумнился. Не боялся он врага тайного, а страшился неявного. Наконец желание видеть нарочитую красавицу победило все сомнения, и он согласился повиноваться старухе во всем беспрекословно и пошел с нею.

Выйдя из дома, старуха тотчас же завязала ему глаза сказанным покрывалом и трижды повернула его вокруг себя.

А потом повела его молча, взявши за руку. Таким образом пришли они, наконец, к какому-то терему, где их ожидали. Князь услышал, что по слову старухи двери терема отворились, а когда они вошли, то двери заперли висячим замком. Недолго они поднимались по крутой лестнице, затем, немного пройдя вперед, провожатая князя остановилась и сняла с глаз его покрывало девичье. И шепнула ему на ухо: «Помни: отвага молодецкая, разумные речи да смелость города берут!»

Когда покрывало спало с глаз его, он увидел себя в богато убранной светлице, куда долетали из соседней светлицы веселые голоса девичьи и громкий смех. Тут старуха отворила двери настежь и ввела князя в светлицу. Там во всем разгаре была беседа девичья. Там сидели девицы одна другой краше. При виде его они опешили, перестали петь, смешались и каждая немедленно покрыла лицо свое покрывалом. Старуха не обманула его. Между девицами одна была, как луна между звездами, и превосходила всех как красотою, так и ростом и дородством своим. Показалась она ему хозяйкой терема.

Красавица весело сказала князю: «Добро пожаловать к нам, победитель кривича, на вечеринку нашу девичью. Нам всем только хотелось посмотреть вблизи на такого витязя. Теперь это воочию совершается. Правду нам про тебя сказывали. А об чем? Это тайна девичья. Люб нам такой витязь, который проучил кривича-нахалышка».

Много раз пришлось князю краснеть на вечеринке той, когда девицы хвалили удаль его. «Видал ли ты княжну Волю?» — спросила его одна из девиц. «Не видал, а только слыхал», — отвечал князь. «Я когда-нибудь познакомлю тебя с ней, — сказала ему с улыбкой другая. — Когда-нибудь позовем тебя на ее вечеринку. Красота ее незавидная, а ростом по подмышки мне».

Князь весело провел время в такой беседе, но прелестная хозяйка не на шутку очаровала его и воспламенила в нем страстную любовь. В это самое время несносная старуха

пришла сказать девицам, что им пора всем по домам, как ласточкам по своим гнездам. Уж скоро третьи кочеты запоют. «Пора и тебе, молодец, домой идти, путь у тебя не близкий».

Князь Небослав хотя и неохотно, но повиновался ей, простясь с радушной хозяйкой и с девицами. Пошел вон из терема вслед за старухой. Покрывало девичье и теперь было на глаза князя навязано.

После этого случая старуха стала ходить ко князю часто и звать его на вечеринки девичьи с такой же предосторожностью. Ни за какие подарки князь не мог узнать от старухи, кто была пленившая его красавица. На подобные вопросы старуха всегда отвечала ему: «Тайна. Зачем тебе знать, кто такая красавица? Довольно тебе того, что ты не лишний будешь в беседе девичьей».

В одну из таких вечеринок княжна Воля открыла себя князю Небославу. Частые беседы их довели, наконец, до того, что они открылись друг другу в любви своей и поклялись вечно принадлежать друг другу. Но недолго любовники наслаждались этим счастьем.

Князь Хожа страдал бессонницей, и вздумалось ему в одну ночь навестить любимую дочь свою. Увидев свет в светлице, он немедленно пошел туда. Подходя ближе, Хожа услыхал там разговоры, из которых не мог понять ни одного слова, думая про себя, что это, верно, няня разговаривает с его дочерью. Когда он вошел в светлицу, в какое удивление он пришел, а потом и в гнев, увидев, что дочь ведет речи не с няней, а с князем Небославом. Он хотел уж было наказать виновных, но покорность любимой дочери его обезоружила, а чистосердечная исповедь заставила его призадуматься. Расстроенный, он ушел в свой терем и велел следовать за собой князю Небославу. После горячего разговора с ним приказал князь Хожа князю Небославу привести ему с берегов реки Курятки живущего там дикого вола, вышедшего туда, как говорят, из Сохатского болота.

Князь Небослав обещал ему это исполнить, хотя наслышан был о том, что это был волшебный оборотень, обладающий великой силой и дикостью, так что никакое оружие не причиняло ему вреда. Ни конный, ни пеший не спасались от его безмерной величины смертоносных рогов. Ими он ломал и столетние деревья.

Не успел князь прийти в свой терем, как посол княжны Воли пришел за ним. Дорогой старуха узнала от него, чего требует князь Хожа. «Это, князь, не служба, а службишка, — сказала она. — Служба будет впереди. Не печалься ни о чем, положись на меня, старуху. Поди теперь, куда требуют! Назад пойдешь — ко мне зайдешь». И показала, где живет: недалеко, на пути к светлице княжны Воли.

В хорошем настроении князь скоро пришел на свидание с княжной Волей. Для обоих оно было самое отрадное. На вопрос княжны, что было с ним у ее родителя, он рассказал ей про весь разговор. Княжна с ужасом выслушала, куда послал любимого отец ее: на явную смерть. Никак не хотела она отпустить его от себя и решила идти к отцу своему и просить его отменить это поручение и заменить его каким-либо другим.

Князь не сказал княжне о том, о чем говорила ему старуха, няня ее, но уговорил не волноваться, так как вола возможно укротить. Когда старуха пошла провожать князя из терема домой, она дала ему хрустальный шар и велела его бросить перед тем волом и стоять смирно на одном месте до тех пор, доколе вол не выбьется из сил, бегая вокруг князя за этим шаром, и не ляжет отдыхать на землю. «Тогда ты привяжи за рога его этим моим поясом и пойди с ним на Кашниково озеро. Там, севши на него, выкупай его в воде и потом то же самое сделай на Осоевском озере и, наконец, на Годеновском. Этим ты смоешь с него всю грязь Сохатского болота», — так говорила старуха.

Князь поблагодарил ее за подарки и науку и немедленно отправился в путь на реку Курятку. На пути том любопытство

завлекло его посмотреть на развалины храма богини Лады. Как же он удивился, когда нашел в прежнем месте веселых утех дикую пустыню, а развалины храма поросшими кустарником, травой, черным папоротником и полынью.

Подойдя к тем заветным лугам, где пасся вол на тучном подножном корму, князь Небослав остановился. Едва только он вышел из леса и вступил на заветный луг, на него с ревом и шумом понесся великий и красивый белый вол, роющий на своем пути рогами, как сохою, землю и кидающий ее под облака. Не допустив вола до себя, князь Небослав бросил ему навстречу хрустальный шар, который покатился в сторону. С грозным ревом побежал за ним вол. Он старался догнать шар и кружился вокруг да около стоящего на одном месте князя. Долго продолжалось это быстрое верчение. Наконец стремление вола догнать шар стало ослабевать, вол стал утомляться все более и более. Совершенно притомившись, он лег наземь. Тут князь сделал с ним все, чему учила его старуха: привязал поясом за рога, выкупал его в упомянутых трех озерах, а потом, как кроткую овцу, привел вола на поясе к князю Хоже.

Увидев вола белее утреннего снега, князь Хожа не мог надивиться на такую службу князя Небослава. Он приказал отвести того вола на скотный двор к пастухам. Князь Хожа был не столько рад приобретению, сколько озадачен тем, что не избавился-таки от победителя кривича и укротителя вола.

Вскоре после этого оскорбленный отказом княжны Воли князь кривичей собрал великую рать и пришел войной на Ростовскую землю, встал станом на берегу реки Милодь и грозил полонить землю Ростовскую, а князя Хожу злой смерти придать, а княжну Волю увести в землю кривичей и за себя замуж взять.

Испугался этого князь Хожа и призвал к себе князя Небослава. И велел ему эту рать прогнать, силу великую Стюкая, князя кривичей. Этого приказания князь Небослав не

ослушался. Надевал он на себя доспехи ратные и садился на коня своего богатырского. Брал он в одну руку меч-кладенец, а в другую — копье долгомерное, знакомое князю Стюкаю. И напустил он на него рать-силу великую. Рубит мечом, колет копьем и топчет конем. Наконец, дорубился он до того места, где ожидал единоборства с ним князь Стюкай. Тут они вступили друг с другом в рукопашный бой. Недолго длился он. За брань и укоризны князя кривичей разгневанный князь Небослав вонзил свой булатный меч в грудь противника и едва не рассек его. Тут ему и скорая смерть приключилась.

После такой блистательной победы князь Небослав стал просить у князя Хожи руки его дочери. Тот был не прочь заиметь такого зятя, но только велел ему прежде убить чудовищного змия, называемого Василиском, поселившегося за Черным озером, за топким и кочковатым болотом, в трясине бездонной, на берегу реки Устья, там, где находится вековой лес, которого не касалась секира дроводела. В середине этого леса, в ущелье, богатом родниками, сыпавшиеся сверху камни покрылись землей и обросли кустарником, образовав пещеру.

Этот змий делал великие пакости жителям той речки, также и всем окрестным жителям ближайших деревень. Он грыз людей зубами, душил кольцами своего хвоста, отравлял дыханием своим и ядом, изрыгаемым из челюстей.

Князь Небослав не ослушался князя Хожу, пошел туда немедленно. Скоро он достиг реки Устья, нашел брод и переправился через нее против того места, где на кургане стоял прежде терем князя Одноуса, а вокруг него росли вековые деревья. Теперь там стояла ветхая лачуга. Князь Небослав вошел в нее и увидел там маститого старца, который пригласил князя посетить его хату и откушать его пустыннической трапезы — хлеба и соли. Князь Небослав этому был весьма рад, так как устал и хотел немного отдохнуть. За трапезой старец сказал ему: «Ты победишь чудовище, против которого послан. Но это еще не все. Князь Хожа за-

хочет еще, чтобы ты привел ему волшебного пса князя Ярослава, которого кормит один раз в месяц человечьим мясом волшебник Хаур в своем тереме. Оттоле в урочное время ходит он кормить его в пещеру на берегу реки Сущевки. Пес этот имеет черную шерсть и при великом своем росте имеет страусиную голову. Из пасти его течет ядовитая пена, хвост у него в виде драконова. От головы до кончика хвоста он покрыт шипящими змеями вместо шерсти. Это будет твой последний подвиг. Ты совершишь его благополучно. Только надень на себя сверх лат мою медвежью кожу, которой укутывался в своей старости князь Зонар. До меня дошла она по наследству. Ты видишь во мне потомка знаменитого князя Рослава. Эта медвежья кожа укротит ярость пса, и яд, текущий из его зева, не повредит тебе».

Князь весьма благодарил того старца как за радушный прием, так и за подарок и наставление. Подкрепившись у него пищей и немного отдохнув, князь Небослав отправился в дальний путь. Подойдя к логову чудовища Василиска, он увидел тут множество убитых людей. Почуяв приход воина, чудовище внезапно высоко подняло свою голову над пещерой и страшно зашипело. Алый гребень его был виден издали, из глаз чудовища сыпались искры, тело поднималось от скопившегося яду, пасть с тройным рядом зубов и тремя языками грозно шевелилась. Тут князь схватил огромный камень и бросил его, как легкий мяч, в чудовище. Стены и башни потряслись бы от этого удара, но чудовище было защищено черной кожей и чешуей, как медною броней. Вслед за этим князь поразил копьем его туловище. Шкура чудовища не устояла против булатной стали, копье глубоко вонзилось в тело Василиска и заставило его в бешенстве повернуть голову назад. Древко копья переломилось, но жало осталось в теле.

Удар меча усилил ярость чудовища, и пасть его наполнилась кровавой пеной. Оно выпрямилось на задней части хвоста своего подобно корабельной мачте и бросилось на

князя, но тот увернулся и вонзил свой меч прямо в пасть ему с такой силой, что одним ударом пронзил ему туловище. Под тяжестью огромного тела чудовище согнулось пополам и затрепетало в предсмертных конвульсиях. Страшный хвост яростно забился и замер. Так кончился у князя опасный бой с чудовищем.

После этого подвига князь Небослав через малое время возобновил свое предложение князю Хоже о руке его дочери. Но как говорил ему старец, житель кургана Одноусова, так и случилось. Князь Хожа велел укротить волшебного пса князя Яслава, живущего на берегу реки Сущевки. Князь Небослав его не ослушался, а скоро собрался в путь-дорогу. На пути своем зашел он к товарищу и другу князю Ипчугу, который жил в тереме пращура своего князя Велесвета-Согила. Но тот уехал к товарищу на берега реки Медведки. Вместо него князя Небослава встретила старуха-няня князя Ипчуга, которая приняла его радушно и расспросила, куда он держит путь свой. Тот рассказал ей все в подробности, куда и зачем держит путь свой.

«Нелегко будет тебе совладать с ним, — сказала старуха. — Многие охотники положили тела свои и головы. Они все бились с ним по-ратному. А это-то все не нужно тут. Я скажу тебе, как с ним надобно тягаться без оружия. Когда пес подбежит к тебе, ты ухвати его за уши и стисни голову его между ног своих. Охвативши шею его руками, не выпускай ее, несмотря на то, что хвост будет тебя больно жалить. Держи до тех пор, доколе он не выбьется из сил. Тогда уже веди его князю Хоже. Шкура медведя не допустит пса до тебя. Не будет тебе никакого вреда от него на обратном пути твоем. Волшебник Хаур преградит тебе путь, но ты в борьбе с ним задуши его».

Князь Небослав поблагодарил старуху за ее науку и за привет ее. Смело пошел он к столь опасному псу и сделал с ним, что старуха ему велела. С укрощенным псом пошел

он в обратный путь. А на пути встретился с ним волшебник Хаур, который кормил того пса. Он преградил дорогу и сказал, чтобы князь Небослав оставил пса, не принадлежащего ему, являющегося собственностью волшебника. Слово за слово дошло дело до ссоры, Хаур вызвал князя порешить дело борьбою. Князь был не прочь побороться, схватил волшебника в свои объятия с такой силой, что сокрушил ему ребра, отчего тот тут же и помер.

После таких знаменитых подвигов князь Небослав получил себе в супруги княжну Волю.

Михей-Русин, ростовский купец

От Рождества Христова 858 лета

Я был жителем города Ростова, званием купец, а вел меновую торговлю в Корсуне и в Греции местными своими товарами — мехами, кожами и медом. И там все выменял, а теперь с прибытком еду на Русь. И везу я с собой богатырские различные доспехи и оружие, как-то: различные калантари, мечи, шлемы, латы, кольчуги и другие военные вещи. Здесь у меня есть

и дорогие различные товары, как-то: камения самоцветные, жемчуга и бисеры дорогие, поставы и ткани шелковые. При торговых своих делах исправляю я еще и мирские дела. Ведь со мной посылают дань, платимую Ростовскою областию хазарам по белке и веверице с дыма.

В настоящую путину мою случилось со мной дивное событие. В это самое время по просьбе хазарского кагана пришли из Цареграда присланные императором Михаилом Третьим два учителя христианства, два родных брата Кирилл и Мефодий, для прения в христианской вере с самарянами иудейскими. Они высадились на Крымском берегу и прибыли в город Херсон, остановились тут на некое время. Оттоле пошли они в столицу кагана. Там они были приняты каганом с почетом, как послы могущественного византийского императора. Сидя за столом, уставленном яствами и питьем, они были окружены мусульманскими и еврейскими мудрецами. Были и славяноруссы.

Тут каган, поднимая чашу по обычаю того времени, провозгласил: «Во имя Бога единого и Творца всей твари!» Кирилл тоже поднял свою чашу и сказал: «Во имя Бога единого и Его Слова, и Духа Животворящего!»

Назначены были дни и очередь, кому с кем вести прение. Первое состязание учителям христианства назначено было вести с самарянами. На этом состязании поразило меня следующее: один из иудеев, уличая Кирилла в поклонении иконам, говорил так: «Моисей, по слову Господню, написанному на скрижалях Завета, не велел творить всякого подобия, а вы творите и поклоняетесь рукотворным изображениям». Кирилл на это отвечал ему: «Вот если бы было написано, а Моисей не велел бы творить никакого подобия, тогда бы он был прав, а вы виноваты. Всякое и никакое имеют великую разницу. Он не велел творить всякого, какого бы вы не вздумали творить подобия и поклоняться ему, как вы поклоняетесь златому тельцу. Это-то и не должно быть. А достойное

творить и поклоняться он никогда не запрещал, а показал и сам еще тому пример: сотворил херувимов, осеняющих кивот Завета. Ему последовал и царь Соломон, когда в своем храме поставил двух ангелов. Следовательно, одно к другому не относится: так и есть, — заключил Кирилл. — А где ваши жертвы кровавые, где скиния и храм? Где царство и отечество ваше? Все это прошло, когда настал Новый Завет христианский, данный по предсказанию многих пророков уже не для одних евреев, но для всего мира».

Тут в ответ на это последнее утверждение: мусульманские мудрецы стали превозносить свою веру. Кирилл на это отвечал им так: «Наш закон христианский широк и глубок как море, поэтому не каждый одинаково успеет его исследовать и переплыть. Человек сильный и трудящийся успевает более, слабый и ленивый — менее. А ваш закон похож на узкий и мелкий проток, который перескочит всякий. Что высокого и мудрого в нем? Он даже потакает грубым и скотским страстям, так что унижает человека, тогда как закон Христов ведет нас к горе, то есть возвышает к небу. Но если человек пал чрез гордость и сладострастие, то на прежнюю высоту он уже не сможет подняться и взойти на небеса путем смирения и воздержания. Горек этот путь, но и бесконечно сладок, и блаженна вечная жизнь, к которой он ведет всех верующих в него».

В другое время начальники иудеев сказали Кириллу: «Много было писано различными пророками о пришествии в мир Мессии, и мы ждем его и верим, что он должен прийти и спасти Израиль».

Кирилл так отвечал им: «Не Моисей ли сказал: «Не оскудеет князь от Иуды», и прочая, или «Воссияет звезда от Иакова и восстанет человек от Израиля», и прочая, или «Пророка от братии твоея поставит, якоже мене»? Исайя пророк про кого сказал: «Се дева во чреве приимет и родит сына», и прочее, или «Яко отроча родился вам, сын и дадеся вам», и

прочая, или «Изыдет жезл из корене Иесеова», и прочая, или «Кто сей, пришедый от Едема», и прочая, или «Приступити к пророчице, и во чреве зачат и роди сына, и нарици имя ему», и прочая? Давид, царь и пророк, не ясно ли вам говорил о пришествии Мессии и страдании его в своих псалмах? А Соломон о ком сказал: «Уловим же лестию праведного, яко непотребен нам есть, славится Отца и мести Бога» и прочая? Подобное Исайя о ком сказал: «Несть вида ему ниже славы, но вид его бесчестен» и прочая? Иеремия о ком сказал это: «Убил и не пощаден еси, покрылся еси облаком, да не дойдет к тебе молитва»? Не об этом ли облаке пророк Амос сказал: «И будет в той день зайдет солнце в полудни, и померкнет на земли свет»? Не об этом ли и пророк Захария говорил: «И будет день един, и не день, и не ночь, и при вечере будет свет»? Не Захария ли пророк назначил вам цену Мессии, так говоря: «Поставиша мзду мою тридесят сребренник»? Не Аввакум ли пророк сказал: «Посреде двою животну познан будеши», то есть посредине двоих разбойников? О ком так говорил Исайя: «Аз же не противлюся, ни противо глаголи», плещи мои вдах на раны, и ланиты мои заушения, лица же моего не отвратих от стыда заплевания»? Не об этом ли и Иеремия сказал: «Вси, иже к вам приходящий путем обратица, и видите, аще есть болезнь, яко болезнь моя»? Ведь все это говорили пророки ваши о Мессии, и все это вы сотворили с ним и еще ждете прихода его?»

В иное прение начальный иудей сказал так: «Посуди ты сам, учителю, возможно ли без мужа зачатие? И не повреда ли девству рождение?» На Кирилл отвечал ему: «Когда ты сомневаешься в пророчестве Исаином, вероятно, ты слыхал, что Симеон, толкуя это место Писанием, увидел его исполнение. А попроще этого посмотри, что перед глазами твоими делается. Обычно всякому древу для воспроизведения плода тщатся воспроизвести прежде цвет, а потом уже и плод. Смоковница воспроизводит ли что для своего плода? Это образ

божественного зачатия. Луч солнечный сквозь стекло проходит в твою храмину окном, освещает тебя, вредит ли этому стекло? Это образ божественного рождения».

Такие и подобные сему словопрения продолжалися много дней. Они все более и более умножали любознательность мою, которая побудила меня прийти лично в дом их, где они обитали. Там просил я уяснить мне слова пророков, которых он упоминал и кому они так говорили. Объяснения этих пророчеств привели меня к тому, что и я сделался христианином с именем Михея. За это я научил их славянскому языку, которого они не знали. На этом наречии составили они письмена славянской азбуки, по которой первого меня выучили читать и писать».

По окончании Михеем своей повести он вынимает из заветного своего хранилища драгоценное жемчужное ожерелье, украшенное многими драгоценными разноцветными камениями, и, подавая оное князю Олегу, говорит: «Это ожерелье ты должен принять от меня на память обо мне. За это ожерелье заплатил я великую цену, и то малую часть его цены, и не продам его ни за какую цену. Купил я его в Цареграде у одного еврея, а тот купил его в Риме у любимца папы Римского. Любимцу этому досталось после какой-то княгини славянорусской, которую там сожгли на костре. Об этом одни говорят, что она за то сожжена, что не захотела быть наложницей папы, а другие говорят, что она упорно хранила языческую веру отцов своих, не хотела быть христианкою. На память о такой княгине я и купил это ожерелье, которое носила молодая и красивая неустрашимая героиня, как мне рассказывал один заморский гость, слышанное от духовника короля франков Карла Великого. Мне учители христианства о ней говорили, что и «во языцех делали правду, приятен есть Богу», вот почему я дорожил этим ожерельем, которое носила такая мученица. Может быть, она пострадал по красоте и молодости своей за целомудрие. Тебе одному как достойному наследнику дарю это ожерелье!»

Князь Олег, принимая это ожерелье от Михея, в кое пришел изумление и жалость, когда признал его за ожерелье супруги брата своего Катулуса. Смотря на него, он горько плакал о ее смерти и о судьбе брата своего. И многое рассказал Михею о владетельнице этого ожерелья, подарка супруга ее.

Такое открытие заставило скоро возвратиться князя Олега к брату своему Катулусу с такой печальной для него вестию и его подарком.

На пути своем князь Олег в Моравии случайно встретился с учителем христианства Кириллом. Он имел с ним продолжительную беседу, в которой, между прочим, сказал, что Олег будет князем земли Русской и посетит отечество Михея-Русина.

Великий князь Владимир Святославич и Громобой

От Рождества Христова 988 лета

В стольном городе Киеве Усладов день праздновался с великим торжеством. На праздник приезжал и великий князь Владимир, когда был еще язычником и почитателем Перуна и Лады. После жертвоприношения Усладу начиналось великое винопитие в честь этого бога. В такое время на помосте Усладова храма витязи великокняжеские Громобой и Потаня вели меж-

ду собой разговор о великом князе. К ним подошел еще один витязь, по имени Ян Ушмович, и стал сказывать, как во время торжества богини Лады жрецы подвели в дар великому князю юную девицу дивной красоты, верою христианку, которая никак не хотела идти в терем княжий. Тут явился защитник ее, который решил ее освободить, грозя смертью каждому, кто прикоснется к ней. Это произошло в присутствии великого князя Владимира. Последний, охваченный яростью, обнажил меч свой и остановил юношу. Он было уже занес руку с мечом, чтобы поразить его, но юноша стоял перед князем бестрепетно и, раскрывши грудь свою, смотрел ему прямо в глаза, говоря так: «Государь! Вот грудь моя — рази, но только пощади невесту мою!» «Кто ты?» — громко спросил великий князь. «Один из последних твоих рабов», — был ответ.

Великий князь уже сделал шаг вперед, но, уловив бестрепетный взгляд юноши, остановился и пришел в нерешительность, рука с мечом опустилась долу, и он вложил его во влагалище. Затем сказал: «Живите, я прощаю вас. Но скажи, юноша, кто ты? Слова и взор твой потрясли меня». Юноша встал перед князем на колени и кротко ответил: «Государь, я сказал уже, что я — один из твоих подданных, который в прахе благоговеет пред тобою и который готов по одному мановению руки твоей положить за тебя голову. Но любовь к моей невесте заставила меня на минуту забыться пред тобою. Без любимой мне жизнь не в жизнь, а мученье. Только смерть и могла бы избавить меня от мученья. И я ждал ее от руки твоей как дара небесного».

Великий князь был растроган этими словами и ласково сказал: «Живи, храбрый юноша! Я надеюсь, что раз ты не сробел пред Владимиром, то и пред другими за меня постоишь, не сробеешь. Я жалую тебя в ближние свои отроки и на свадебном пиру согласен быть посаженым отцом!»

Знаете ли вы, кто были эти жених и невеста? Дюк Степанович и Роза, дочь государева гостя Лукеши.

Тут три друга повели речь о том, что великий князь совсем изменился и, по словам Соловья Будимировича, чем-то будто недоволен стал и слаб к вере отцов своих. Тут словоохотливый Потаня стал рассказывать молодым своим друзьям Громобою и Яну Ушмовичу о прошлой своей жизни и о том, как он попал в стольный Киев-град. Рассказ его был следующим.

«Отец мой был богатый купец. Я же не был способен к торговле, но имел страсть к военному делу. В первый раз бился с народом чудью белоглазой и победил. За эту победу увенчала меня победным венком первая красавица города. Это было дважды. Мы полюбили друг друга несмотря на большую разницу в родословиях наших родителей. Она из любви ко мне оставила отчий дом и стала моей супругой. Мы поселились в небольшой, но уютной светлице в лесной глуши. Любовь наполнила место это блаженством и весельем. Здесь супруга моя готовилась скоро стать матерью. В таком состоянии нашел ее отец и простил нас, пригласив к себе. На пути в дом ее отца напал на нас мой соперник, один из бывших женихов моей супруги. Он привел с собой многочисленную ватагу клевретов, и они одолели нас, безоружных. Всего избитого, закованного в цепи, меня бросили в темницу. Из последней меня освободил какой-то маститый старец, сказав, что я долго не увижу своей супруги: «Хотя и будешь видеть, а не узнаешь. А когда будет великая перемена на Руси, тогда увидишь свою супругу и близких ее сердцу. А об этой перемене и небеса возрадуются». Еще он многое сказал мне, но теперь я не припомню всех слов. Помню только, что он не велел мстить моему злодею, велел идти в Киев служить князю Владимиру и ждать исполнения сказанного».

После этого Потаня и Ян Ушмович попросили Громобоя рассказать о себе, где родился и как попал в Киев. Тог начал сказывать:

«Родина моя — Ростовская земля, заозерная Угожь. Я сын новгородского выходца Искендера Томилина. В младенчест-

ве своем лишился матери. Дед мой был верховный жрец бога Световида в Великом Новгороде. Мать мою звали Астридою. Отец мой смолоду был верным ратным слугою великого князя Святослава Игоревича до несчастной смерти его.

В одно время в день Велесова торжества отец привез меня малолеткою на своей ладье в город, чтобы показать мне его и праздник Велесов. Там хмельные воины напали на отца моего и стали бить его на берегу озера за бывших там девиц. Воины полагали себя правыми в древнем обычае «умыкания у воды». Увидев все это, я пришел в такой гнев, что схватил палку довольно почтенной толщины и начал ею крушить злодеев так, что положил замертво шесть латников. Уцелевшие скрылися. Тогда все заговорили обо мне. Когда, мол, он малолеток одной дубинкой прибил до полусмерти столько латников, что будет, когда он возмужает? Таких похвал я всегда стыдился слушать.

Вскоре после этого огромный вепрь появился в наших окрестностях. Князь обещал тому, кто убьет вепря, дать коня богатырского. Я убил его на реке Томарке, за что получил от своего родителя выговор, а от князя — коня богатырского со всей сбруей ратной. Сам князь назвал меня богатырем своим. Рассказы о подвигах богатырей князя Владимира привлекли меня сюда. Здесь мне посчастливилось иметь столько друзей, что и во сне не снилось».

Долго еще у трех друзей продолжались разговоры, пока они не разошлись в разные стороны. Потаня, объявивший себя Дунаем Иванычем, и Громобой пошли по одному пути, а Ян Ушмович — по другому. Сильный ливень заставил его искать убежище на помосте Перунова храма. Там увидел он молящегося со слезами богатого государева гостя Лукешу. Тот рассказал, что дочь его и супругу Дюка Степановича похитил разбойник Зелул Печенег.

Ян Ушмович нашел этого разбойника и в единоборстве лишил его жизни, затем освободил из неволи супругу Дюка

Степановича, а шайку разбойников принудил стать мирными поселянами. На пути в Киев встретился он с Дюком, который вначале подумал, что это он похитил его супругу. Немалого труда стоило Яну Ушмовичу успокоить его. По замирении Дюк Степанович сказывал, что он послан был в Новгород и там узнал о заговоре двух верховных жрецов. Они хотят извести великого князя за то, что тот стал мало уважать их богов. О том он нашел и везет улики великие.

В Велесово торжество в Киеве Громобой устроил великий праздник, на котором Дунай Иванович стал рассказывать друзьям, как зачался город Ростов, колыбель Велесова.

«Давным-давно пришел в Ростов Великий полуденный народ меря с князем своим и сел на Ростовском озере. Досюль они жили за морями, далече от Ростова, в какой-то Вавилонии, про которую один приходец рассказывал много чудесного. Там, говорил он, люди были все волоты, которых какой-то бог, только не Перун и не Велес, а другой, утопил всех в воде, послав на землю бесконечный ливень. Но один из них поумнее был других. Он построил себе корабль-дом, куда вошел со своей семьей и взял еще всех зверей, скотов и птиц всяких родов великое множество. Они и жили с ним в том доме, плавая в корабле по поверхности воды. Повыше Мадиамы там есть высокая гора, где остановился этот корабль. И таким образом они все сохранились от потопа: люди, звери, скоты и птицы. И вышли все на землю. Люди и скоты стали жить тут, а птицы разлетелись по всему лицу земли. Спустя немалое время кто-то напугал их, что будет опять такой же потоп. Тогда они вздумали построить каменный столп до небес, по которому хотели взойти на небо, но тот самый Бог не захотел впустить их туда, многих из них поубивал своими перунами. А последним дал два сорока различных языков по их родам, так что каждый род заговорил своим языком, а другого никто не понимал. Видя это, они устрашились того бога и разошлись все в разные стороны.

Тогда князь меря со своим родом пришел на Ростовское озеро по долгом странствии по матушке сырой земле. А народу этого племени было великое множество. Сперва они около своих шалашей вырыли глубокий ров и пустили в него воду из реки Ишни. Ров этот назвали они рекой Лигой.

Тут стали приходить и селиться других родов народы и стали они жить все вместе. По общему совету заложили город на месте Россова стана и назвали его Ростов. А себя назвали народом мерей, а землю — Меренскою. И на нарочитом месте на великом камне поставили своего бога Велеса, принесенного с собой из Вавилонии. И камень этот назвали Велесовым.

Этот бог и теперь стоит в Ростове, ему и досюль оказывают особое богопочитание, и в честь его бывает каждогодно великое торжество.

У одного из потомков князя мери была дочь по имени Нера, редкая красавица, которая потонула в этом озере во время купания. В память о ней Ростовское озеро и названо вместо «Каово» «Неро».

Много прошло времени с тех пор, как народ меря поселился тут. И вздумали сделать вокруг города ограждение от врагов. Положили общими силами насыпать земляной вал, концы которого должны упираться в озеро. Такой он и досель находится на диво миру всему. Он был самым дивным образом построен на девяти головах человеческих, по числу девяти старейшин народа мери. Тут наделаны были тайники и разные подземные ходы. В непродолжительном времени пришел к ним народ словене. Они до того усилились, что стали быть страшными соседним народам. По рассказу одного старожила, эти словене носили в древности различные имена, как-то: мосохи, мослемы, скифы, сарматы, роскола-не. Они с князем своим ходили воевать дружинами в помощь Филиппу, царю македонскому, и Александру, сыну его. А для улучшения своей жизни и большей силы они учредили одно

правление и выбрали из своей среды старейшину. И жили под таким правлением до времен великого князя Рюрика, который произошел от Августа, кесаря Римского.

На берегу реки Ишни, впадающей в Ростовское озеро, видны старинные развалины. Тут прежде жил знаменитый богатырь и полководец Аларик. Тот не нашел себе нигде супротивника. Долго он жил на берегу этой реки, потом опять ушел за море и умер там. А где его могила, никто о том не ведает».

Так закончил рассказ свой о городе Ростове Дунай Иванович.

Немного времени спустя пришел в светлицу Громобоя друг его Ян Ушмович, весь расстроенный, лица на нем не было. Испуганный его видом Громобой спросил, что случилось. Ян Ушмович рассказал ему следующее.

«Был я на жертвоприношении, где верховный жрец Богомил произносил длинную речь про богов и про жертвы. Наконец стал он проповедовать, что всемогущий Перун прытко осерчал на великого князя Владимира. Вот уж прошло две луны, говорил жрец, а Перун не принял ни одной жертвы, и если теперь не умолить его великой жертвой, то он грозит послать великие напасти. Велес грозит послать великий мор, Позвизд — бури, вихри и страшные громы, а Зничь попалит все на полях и нивах лучами солнца. Верховный жрец говорил, что он крепко умолял Перуна и названных богов, и будто бы Перун, приглас громов, сказал ему: «Богомил! Одни молитвы твои ко мне притупляют гнев мой и удерживают громы в деснице моей. Прискорбно, что мало стало воймовать тебя, великий князь Владимир. Знай, я хочу иной жертвы: крови человека! А человек тот — юноша, сын варяга, живущего на Подоле. То моя примирительная жертва!» Вот, киевляне, какую жертву желает Перун! Владимир, пожалуй, сделает то же, что и в Усладов день сделал: велит оставить эту жертву!»

Тут пошел в народе великий шум и ропот на великого князя. Потом закричали все в один голос: «Варяга давай на жертву! Перун его требует!» Народ потек как река на Подол к дому варяга. Пришедши к дому, народ с криком требовал на жертву сына его, как посланную ему особую милость Перуна. Ответу на это никакого не было. Тогда стали бить бревном в двери дома и секирами подрубать столбы. А дом был и без того ветхий. Скоро из дверей вышли варяги, отец вел за руку сына. Жалость обуяла сердце мое при виде молодого и красивого юноши, который был в белой одежде. Он устремил свой спокойный взор к небу и, казалось, молился. Глубокое молчание воцарилось в народе. Тут старый варяг сказал людям так: «Граждане киевские! Какая причина побудила вас восстать на меня, мирного жителя? Разве я обидел кого? Или вам известно какое-нибудь мое преступление?»

«Ничего не бывало, — закричали ему киевляне. — Но сына твоего Перун требует себе в жертву!» Это же самое подтвердили и стоящие тут жрецы. «Пусть Перун сам придет за моим сыном», — сказал им варяг и начал хвалить и превозносить своего бога, а Перуна и жрецов его всячески ругать. Неистовый рев толпы, подстрекаемой жрецами, был ответом ему. Все с яростью бросились подрубать столбы, на которых стояла большая половина терема. Оттого постройка рухнула, похоронив под собой и отца, и сына, обнявших друг друга. Одновременно в воздух поднялась туча пыли, скрыв место гибели варягов от глаз бывших тут. Вдруг откуль ни возьмись появился великий князь Владимир, который уже раньше посылал скоротечу к толпе с повелением не причинять вреда варягам. Великий гнев был на лице князя, когда он увидел, что устроили жрецы. Он едва не выдрал бороду одному из них, проклиная их коварство. «Подите вон от лица моего!» — закричал великий князь. Страшно было смотреть в тот момент на верховного жреца Богомила. Он бил себя в грудь и громко кричал: «О, всемогущий Перун! Владимир

смеет попирать тебя ногами! Прав во гневе твоем суд твой! Владимир сам влагает перунов в руки твои! Гаси солнце и посылай мор и всякие беды и напасти! Трепещите, киевляне! Покуль жив ваше Красно Солнышко Владимир, не видать вам больше солнца небесного!»

Услышав эти слова, я хотел вцепиться в бороду этого нового Соловья Будимировича, но гонец великого князя увел его в великокняжеский терем. После этого народ долго шумел, кто за князя, а кто за жреца. Наконец, на высоком крыльце появился сам великий князь со всеми князьями и боярами, с сильными богатырями могучими. Строгим орлиным взором он окинул свой широкий двор, потом громким голосом сказал: «Доблестные киевляне! Слова Богомила потрясли мою душу! Удалитесь по домам. Я в тишине проведу с Богомилом богомысленную беседу. Пусть он разъяснит мне все, чего я не знаю». И ушел.

Я что-то боюсь за великого князя. Он горяч, а Богомил хитер, не вышло бы чего у них между собой». «Полно попусту бояться, — возразил Яну Ушмовичу Громобой. — Наш князь себе на уме. Только жалко, что Богомил извел двух варягов. Старик опомнясь при мне в споре в угол загнал Богомила с его Перуном, ажно тот от стыда убежал».

«За Богомила Перун горой встанет, — заметил Ян Ушмович, — потушит солнце, нашлет на нас мор, глад и всякие лихие немочи».

«Э, полно, Ян. Ты меня до смерти застращал, — отвечал ему с улыбкой Громобой. — Пусть себе сердится Перун на нас, а у нас останутся Хорс, Даждьбог, Стрибог, Семаргл, Мокань, Велес, Купало, Дид-Лада. Это все наши боги. А про запас останутся еще Перун Новгородский, Велес Ростовский, Один Варяжский, Светид Ругенский, Проно Хвалисский, Юмал Финский. А греческие, а хазарские, а болгарские боги? Чего хочешь, того и просишь у них. Каждый стоит нашего Перуна. Ты, чай, слышал, что здешнего Перуна прика-

зывал сделать великий князь Владимир? Золотые усы сделал Зудило Золотарь, а серебряную бороду — Чумача Кузнец».

Во время разговора двух друзей-товарищей подошел к ним посол великокняжеский звать их к великому князю на думу, куда они скоро и пришли. Видят — сидят там всё князья, бояре и могучие богатыри. Скоро подошел в собрание и великий князь Владимир и стал говорить тут речь о заговоре жрецов на его жизнь. Свою речь он закончил такими словами: «Владимир для блага земли Русской не задумается сложить с головы своей великокняжескую шапку и возложить ее на достойнейшего, о котором намекал верховный жрец. Но кто он, известен ли он вам? Если нет, то спросите об этом у жреца. Я знаю твердо, что преемника моего никто не убивал и мне не приведется его убить!» Вся великокняжеская дума была поражена этой речью. Князья и бояре стали переглядываться между собой. После некоторого молчания вперед выступил Рогдай и начал первый: «Аль когда ты слышал о нашей измене, великий князь?»

«Не о вас речь, — отвечал ему великий князь. — О чем я рассказал, ныне воочию от жрецов совершается». И приказал привести в думу верховных жрецов: киевского — Богомила и новгородского — Ярозлоба. Первого привели закованным в тяжелые цепи, а второй успел скрыться из темницы, бежав неизвестно куда. На допрос о соумышленниках своих Богомил отвечал: «Скорей Перунова голова скажет вам о них, скорей соловушко засвищет о них в зеленой дубраве, чем я их выдам».

«Соловей — не ворона, временами поет», — заметил Василий Буслай. Тут жрец, думая, что он у своего святилища, укорил великого князя, братоубийцей его назвал.

«Молчи, кровожадная пиявица и лютая змея! — закричал на него гневно великий князь. — Без тебя, наперстника блуда, я не был бы братоубийцей Ярополка, брата моего сводного. Вредные твои советы и хитрость твоя — причины гибели брата моего!» И приказал его казнить.

После расправы со жрецами в Киеве водворилась всеобщая тишина, предвестница великого события. Богатыри и витязи великокняжеские получили до известного времени себе свободу. В это время Громобой вознамерился перевидеться со своим родителем. Немедленно уехал он в Великий Ростов.

На пути своем, на устье реки Яузы, впадающей в реку Москву, увидел он развалины какого-то большого города, который местные жители называли Москвой. Наконец, приехал он прямо в слободу Угожь, где отец его Искендер был весьма рад приезду сына. Потом Громобой явился по зову к ростовскому князю Громвалу. Тот приглашал его к себе на службу. Но Громобой отвечал, что без воли великого князя не может этого сделать и был потому отпущен к отцу.

На обратном пути своем, протекавшем по озеру из Ростова на Угожь, у подводных ключей Громобой повстречался с княжеским судном. В нем каталась по озеру внучка князя Громвала княжна Людмилла, дочь ростовского богатыря Дуная Ивановича, со своими подругами. Среди них Громобой заметил девушку дивной красоты, которую он однажды видел во сне и даже гулял с ней по лугу. Пока он это вспоминал, судно подъехало прямо к пристани, находящейся на острове Ростовского озера, где издревле стояла высокая башня.

Вскоре Громобой узнал, что здесь живет княжна Людмилла и что с этого же острова пропал безвестно младенец, сын Дуная Ивановича. Молва о смерти Дуная Ивановича осталась никем не опровергнутой, потому как он еще в Киеве поменял себе имя, став Потаней.

Громобой очень хотел видеть эту красавицу поближе, но не мог попасть на остров. Неожиданный случай помог ему. Любимым занятием Громобоя была охота, а Ростовское озеро и его побережье искони изобиловали разнородной дичью. Окрестные леса вокруг озера, особенно дубовые, были полны разными зверями. Пересекая одну из полян подобной дубовой рощи, Громобой случайно, по неведению, зашел на

заповедный луг близ урочища, называемого Три Воды. Там под сенью кряжистого дуба увидел он спящую глубоким сном охотницу. По коню и спящей же недалеко свите он узнал в ней внучку Громвала. Спящая красавица пробудилась и, увидев недалеко от себя молодого мужчину, надела шлем с решеткой и сказала: «Не след быть мужчине тут, где девицы спят». Он извинился неведением местности и случаем, который привел его сюда. Красавица смягчила гнев свой и сказала: «Впредь будь осторожен. И в наказанье за то станешь моим стремянным во время охоты». Тут Громобой ее не ослушался и поехал с ней рядом во главе свиты.

Красавица на своем бурном коне скачет-рыщет по дремучему лесу и туда, и сюда. Только один Громобой успевал за ней. Немало времени они так скакали по дремучему лесу. Вдруг лютые псы залились лаем. Вскоре охотники увидели медведя, который, окруженный со всех сторон псами, ожидал к себе смельчака, желающего сразиться с ним. Смелая охотница, сопровождаемая одним Громобоем, первая напала на страшного жителя девственных лесов Севера. Вот уже полетело в медведя копье, брошенное нежной рукой, но едва коснулось зверя, слегка ранив его. Страшно заревел медведь и бросился на поразившую его охотницу. Испугавшийся конь ее бросился в сторону. И охотница, не ожидавшая этого, уже не могла справиться с ним. Тот взвился на дыбы и низверг охотницу наземь. Медведь устремился к ней: нет спасенья от смертоносных когтей и зубов его, готовых растерзать ее. Громобой быстрее молнии спешился с коня своего, бросился на чудовище и поразил его засапожником в гортань. Нож сломался, застряв в медвежьих челюстях, страшный рев раненого хищника огласил окрестности. Зверь оставил охотницу и бросился на врага. Противники — человек и зверь — сцепились друг с другом в рукопашной схватке. Искусство и проворство помогли Громобою одержать верх. Герой в это время нанес медведю многие раны и наконец глубоко, по

рукоять, вонзил обоюдоострый меч в сердце рассвирепелого зверя. Зверь упал на землю, и Громобой отсек ему мечом голову от туловища. Затем он поспешил до прихода свиты подать помощь лежащей без чувств красавице. Потом велел подошедшей свите снять с нее доспехи и оросить лицо водой, которую он принес уже в шеломе.

Смертельная бледность лица красавицы весьма испугала Громобоя. Но скоро свита привела ее в чувство. Красавица остановила взор свой на стоящем без шелома Громобое, который заботился о ней больше всех. Тут она стала благодарить его за спасение своей жизни. А Громобой положил у ее ног голову медведя, которая, и будучи мертвой, наводила на всех великий страх. Вежливые речи между Громобоем и охотницей лились рекой. После того охотница приказала своей свите молчать о случившемся, а Громобою не велела сопровождать ее до города и быстро удалилась со свитой из дремучего леса.

Громобой долго стоял на том месте, где он так счастливо спас красавицу, блуждал в глубокой думе весь день по дремучему лесу, пока не вышел к Молочной горке. Потом очутился на берегу реки Пиги и, наконец, пришел в Ростов. Там близ Велесовой божницы спросил у дряхлого старца, попавшегося навстречу, где находится дом Ивана, отца богатыря Дуная. Старик посмотрел на него с любопытством и потом сказал: «Если ты хочешь знать, где дом Ивана, то иди за мной, я тебе его покажу». Из разговора с ним Громобой узнал, что древний старик и был отцом богатыря Дуная. Громобой все рассказал ему о сыне. Попировав в доме Ивана, он пошел гулять по городу и по берегу озера. Не зная места, зашел в княжеский сад, где неожиданно встретился с избавленной им от медведя красавицей. Они посидели под сенью деревьев, много беседовали и расстались, втайне полюбив друг друга.

Через несколько дней Громобой опять встретился на Трех Водах с той же охотницей. Во время продолжительной бе-

седы та ему рассказала, что слышала от столетней старухи странную повесть. В этих местах когда-то охотился князь Щёк, брат князя Кия, основателя города Киева. Тот собирал дружины ростовские, чтобы воевать с греками. Стан его был расположен по реке Вексе, у Тихих заводей, а белый шатер его стоял на Рыбном притоне. Наконец, красавица объявила о том, что она внучка князя Громвала, княжна Людмила, круглая сирота, живет без отца и матери. Тут Громобой сказал ей, что жив ее родитель Дунай Иванович, искренний друг его. Княжна Людмилла едва могла этому поверить.

Однажды Громобой, блуждая по дремучему лесу, погрузился в думы о княжне Людмилле. Он узнал, что ее против воли хотят выдать замуж. Так шел он и думал, не разбирая дороги, и вдруг услышал в чаще леса голос человека, просящего о помощи. Он поспешил на голос и увидел повешенного за ноги на дереве незнакомца. Громобой немедленно перерубил веревку. Когда спасенный от смерти человек пришел в себя, то упал перед своим спасителем на колени, благодарил и клялся быть ему вечным слугою. Это был гусляр и певец Юрка, служка боярина Истомы. Громобой только по песням его и знал. Он спросил, за что так огневался боярин.

«Дело, кажись, небольшое, — начал Юрка свой рассказ. — Много лет тому назад я был служкой у Истомы. В то время у него был какой-то стремянный. Однажды Истоме принесли маленького мальчика, еще младенца. Боярин велел своему стремянному отнести его подальше от города и бросить в реку. Стремянный повиновался этому приказу, взяв меня с собой. Дорогой мне стало жаль ребенка. Мальчик, который не знал, куда его несут, шевелил ножками и ручонками, весело смеялся и гугукал у меня на руках. Тут я стал просить стремянного сжалиться над младенцем, на что он долго не соглашался, опасаясь гнева боярина. А пуще того — другого боярина, о котором сказывал, будто он князь муромский. Долго я еще его упрашивал. Наконец он согласился. Я все

хорошо устроил: отнес мальчика за реку Трубеж и отдал его там кожевнику Ушме, а тот усыновил ребенка. Стремянному же сказал, что отдал ребенка одной нищей старухе. У мальчика на шее была повешена цепочка с медальоном, которую я не велел кожевнику снимать с него. Молодец мой вырос и возмужал. Разнесся повсюду слух, что у кожевника растет сын силач, он дерет, как бумагу, воловьи кожи, когда не в духе. Я боялся за него, чтобы боярин Истома не прознал про молодца-силача и не узнал бы его по медальону на цепочке. Я нарочно ходил к кожевнику и наказал тому мальцу не показывать никому свой медальон. К несчастью, умирающий стремянный рассказал все боярину. Боярин нынче спросил меня, кому я отдал мальца. Я рассказал ему то же, что рассказывал стремянному. Мне не поверили. За это и приказал боярин повесить меня вниз головой. И если бы не ты, то Юрки на свете уже не было бы: пошел бы учиться ходить, как тараканы ходят, вверх тормашками».

Юрка стал верно служить Громобою. Однажды донес он ему, что в окрестностях ростовских свирепствует разбойник Будило Горланов со своей шайкой. Громобой и Юрка отправились отыскивать притон его. Поймали человека из его шайки, который повел их в дремучий лес и привел к белокаменным палатам, окруженным высоким тыном. Громобой вызвал Будилу на единоборство и победил его. В умирающем разбойнике Юрка узнал бывшего своего хозяина боярина Истому. Громобой хотел узнать, у кого он когда-то похитил младенца, но умирающий Истома, узнав, что превратился малец в богатыря, и узнав Юрку, ни за что не хотел поведать тайну. В неистовой и бессильной ярости, в жестоких муках умирал он, не сказав ни слова. Из имущества боярина Громобой взял только один медальон в золотой рамке в виде победной гривны на золотой цепи. В медальоне было изображение молодого и красивого витязя с надписью «Князь Славолюб». Громобой повесил этот медальон вмес-

то гривны себе на шею. Шайку разбойников оставил жить в доме Истомином, строго им наказав стать землепашцами и принимать у себя всех странников.

В отсутствие Громобоя к отцу его принесли рукописание от Дуная Ивановича, в котором он уведомлял, что в селе Предиславином едва не извели великого князя. И кто же был убийца его? Супруга его Горислава — Рогнеда Рогволодовна. Великий князь хотел ее казнить перед своим великокняжеским синклитом. Владимир сам нарядил ее во все драгоценные одежды, украсил всеми украшениями и поставил ее посреди гридни. Затем велел подать себе меч-кладенец. «Вот он, государь! — твердо сказал ему неожиданно вошедший туда малолетний отрок князь Изяслав, сын его от Рогнеды. — Когда ты один жить хочешь, государь, то умертви прежде меня дабы я не видел горького мучения моей матери!» А сам горько заплакал. Великий князь долго молчал, смотрел на него, потом обнял его и со слезами сказал: «Сын мой, кто тебя сюда поставил?» — «Мой долг и твоя слава!» — смело отвечал ему Изяслав. Растроганный великий князь сказал ему: «Мать твою я прощаю. Пусть за меня мстит ей супружеская любовь, а я пред всем светом покажу, что может сделать староскифский царь и как он может управлять сам собой!» После этого приказал он отдать княгине Рогнеде первоначальную ее вотчину город Полоцк. И послал туда ее княжить с сыном Изяславом.

...Любовь Громобоя к княжне Людмилле росла не по дням, а по часам. Он желал бы скрыть ее от себя самого, но не мог. Прозорливый Юрка выведал у него все об этой страсти и вызвался помочь. Немедленно отправился он на остров, где жила Людмилла со своими подругами. Его песни и сказки понравились княжне и девушкам. Он пообещал привести к ней престарелого знахаря, который вылечит ее от сердечной болезни — любви к Громобою. А тем знахарем-лекарем стал... сам Громобой. Вскоре влюбленные поклялись вечно

принадлежать друг другу. Чтобы узнать свою судьбу, они даже ходили к одному старцу-пустыннику, который все подтвердил им. Зашли они и в старый дом, где жил маститый старец Иван. От Громобоя он узнал, что Людмилла — его внучка.

После этого Громобой случайно встретился с муромским князем Мечиславом, вступил с ним в единоборство и победил его. Благоразумием своим, кротостью и лаской он превратил соперника своего в друга. Тот чистосердечно рассказал ему о злобной своей зависти к Дунаю Ивановичу и крепко сожалел, что досюль содержит в темнице супругу его княгиню Милославу. Он обещал немедленно освободить ее и при этом весьма сожалел, что погубил сына его: велел стремянному боярина Истомы бросить его в воду. Услыхав об этом, Громобой рассказал ему, как был спасен этот младенец. Такая весть весьма обрадовала князя Мечислава. После этого два друга нередко ходили вместе в светлицу княжны Людмиллы.

В одно из таких посещений пришел туда неожиданно князь Громвал. Увидев у внучки таких гостей, он весьма огневался на нее. А Громобоя и Мечислава приказал заключить в темницу и надеть на них оковы. Тысяцкий, принимая под стражу двух витязей, узнал в Громобое того самого воина, который спас его на Ростовском озере во время сильной бури. В благодарность он хотел отпустить его на волю, но Громобой этого не пожелал и вместе с князем Мечиславом отправился в темницу.

Юрка стал думать, как освободить из темницы обоих витязей. Он позвал на совет двух стариков, Ивана и Искендера. Искендер сказал Ивану, что Громобой не его сын, а сын словущего ростовского князя Славолюба. И рассказал он об этом ему следующее.

«Знаменитый князь Славолюб был предательски убит на охоте близ Кубенского озера ближним боярином своим Истомой, который желал завладеть уделом его на Белеозере и учиниться от всех независимым. Гнусный его поступок

осудили ростовцы. Все лучшие граждане города взбунтовались против Истомы и избрали преемником князя Славолюба его сына — младенца Громобоя. А до совершенного его возраста избрали управлять его уделом боярина Рустана. Истома, видя себе такое препятствование, стал готовить новое злодейство: задумал умертвить юного наследника, а затем всеми средствами добиться власти. Узнав об этом, я принял решение немедленно скрыться с княгиней Астридой, матерью Громобоя, в пределы Великого Новгорода, а оттоле пробраться и до Киева под покровительство великого князя Святослава Игоревича. Это случилось незадолго до бедственной войны его с печенегами нечестивыми, в которой он лишился не только имения, но и живота. Но об этом речь впереди. Только я успел начать исполнение всего задуманного, как возникли трудности. Невидимые враги повсюду следовали за мной. Чтобы спастись от них, я вынужден был удалиться в ущелье неприступных гор Алаунских — Валдайских, огражденных топким и кочковатым болотом. Путь свой я проделал более ночью. Таким образом переходили мы с места к месту, доколе не пришли к Варяжскому морю, где сели на корабль, чтобы через Великий Словенск достичь области народа мери. Там мы хотели где-нибудь поселиться на жительство. Плавание наше продолжалось благополучно, и мы, наконец, достигли устья реки Мутной. И еще не доехав до сборного места рыболовов лудою, попали в беду. Напали здесь на нас морские разбойники. После долгой и кровопролитной драки они завладели нашим судном. Видя беду неминучую и желая остаться верным своему князю, я бросился с Громобоем в воду. К счастью, в суматохе никто этого не приметил. Умея хорошо плавать, я благополучно достиг берега и скрылся в кустарнике. Оттоле видел, как разбойники, сев на наше судно, с радостными песнями отправились в море Неву. Слышал также и вопли несчастной Астриды, доносимые до меня ветром. После этого сухим путем отправился я

к Великому Словенску, куда прибыл благополучно. Как раз в то самое время великий князь Святослав набирал дружины, чтобы идти на греков войной. Я не упустил этого случая, встал в ряды дружинников, оставив Громобоя на руках одного небогатого, но честного новгородца. Я обещал ему по возвращении моем щедро вознаградить его. Тем временем войска новгородские достигли Киева, где великий князь приказал быть сборному месту всей дружины. Вскоре он составил из нее легионы, когорты и ключи. Я приглянулся великому князю, и он определил меня в свои телохранители. Поход сей был тем достопамятен для нашего князя, что он с малым войском победил бесчисленные полки греков. Победа долгое время казалась сомнительной, успехи были переменными. Я в самом пылу сражения под городом Доростолом успел спасти великого князя от богатыря греческого Анепы. Удар, направленный им на князя, я принял на свой щит. А потом вступил с Анепой в единоборство, в нем я остался победителем, лишив Анепу жизни. Гибель богатыря навела великий страх на полки греческие. Побежденный Цымисхий просил мира, который вскоре и был заключен. После этого отправились мы обратно на Русь с небольшим остатком войска. Пройдя на Днепр-реку, стали тут в раздумье, каким путем идти в Киев: сухим или водою. По долгом совещании решили продолжать путь наш посуху. Но пагубная любовь великого князя Святослава к княжне Гремиславе превозмогла все мудрые советы его вождей и он пренебрег опасностью. В порогах днепровских печенеги окружили нас. Но мы тут укрепились. Главный стан наш был в Беловежье, где мы зазимовали, претерпев неслыханный голод. Между тем князь наш в сопровождении охраны (в числе ее был и я) весьма часто посещал княжну Гремиславу в ее тереме. Он проводил с ней скучное зимнее время в пирах и забавах. С началом весны были снова готовы идти дальше. На прощальном пиру у Гремиславы напал на нас печенежский князь Курсе и из-

меннически умертвил великого князя Святослава. Я до конца защищал с мечом жизнь его, был весь изранен и уцелел благодаря тому, что меня приняли за мертвого и низвергнули в глубокий ров при Днепре. Ночной холод и влага привели меня в чувство. Опамятовавшись, я увидел многих моих товарищей мертвыми: их тела плавали в затоне Днепра, а некоторые, как и я, оказались выброшенными на берег. Тут пришло мне на память убийство великого князя, которого я видел обезображенным, его голова уже не имела черепа, все лицо запеклось кровью. Вспомнив это, я долго и неутешно плакал, потом пошел по дороге к Киеву. Путь мой был трудным, так как у меня не было сил. Ночью я вышел из Киева и пошел в Великий Новгород, где оставил Громобоя. Там я прожил с ним немалое время, приняв имя сына жреца Искендера Поповича. Там я свел знакомство с торговым гостем из Великого Ростова. Тот мне рассказал много хорошего и диковинного про Ростов. Скоро я с ним отправился туда. Но мне наскучил шум городской, и я удалился в волость Угожь и жил там спокойно до набега чуди белоглазой. Ее разбил и прогнал сын твой Дунай Иванович.

После этого я занялся воспитанием Громобоя. Тот, еще будучи ребенком, заступился за меня и поразил шесть латников, убил великого вепря. От товарищей узнал я об этом его подвиге. По желанию его отпустил я Громобоя в Киев к великому князю Владимиру, где он, не уронив себя, стал витязем великокняжеским. Приезд его весьма меня обрадовал, но судьба и тут отвернулась от меня. Любовь его к твоей внучке лишила его военных доблестей. Советы мои не помогли, Громобой не согласился повременить со своей любовью до более удобного времени».

Пока Громобой и Мечислав сидели в темнице, князь Громвал вел разговоры с боярином Яромиром о том, кто был обольститель княжны Людмиллы, что это за сын Искендера Поповича. Вдруг к ним в светлицу вошел маститый старец

и потребовал к себе внимания. Тут князь Громвал узнал в своем госте отца Дуная Ивановича, которого он давно разыскивал. Они бросились в объятия друг другу, князь хотел уж оплакивать детей, но старик сказал: «Они живы, но злой рок еще испытывает их. Узнай, доблестный князь, что дочь, зять и внук твои все живы и здоровы. Последние служат вместе великому князю, хотя и не знают друг друга. Один, старший, под именем Потани, а другой, младший, под именем Яна Ушмовича. Последний — внук твой, который при великом князе Владимире вырвал с кожей бок у буйвола!»

Старик Иван стал превозносить мужество и военные доблести великокняжеского витязя Громобоя, чувствуя, что князь смягчился от сообщенных ему известий, рассказал ему о родеплемени витязя. Князь Громвал хотел немедленно освободить из темницы обоих узников, но старик Иван остановил его, сказав, что испорченное дело надо как-то иначе поправлять, не уронив княжеского достоинства. Так два старика и уладили: пошуметь над обольстителем Людмиллы и простить его. Также пожурить и Людмиллу, а там соединить их браком.

Так было в тереме у стариков, да не так в темнице у двух узников, Мечислава и Громобоя. Там спорили о расплате с князем Громвалом за плен, за оковы, за темницу. Князь Мечислав предлагал наводнить своими дружинами пределы ростовские и залить их горячей кровью, добывая похищенную свободу. Громобой вовсе не хотел этого и без Людмиллы готов был положить голову на плаху. Но скоро оба узнали о решении стариков и о прощении. Громвал дал слово немедленно устроить свадьбу. Но этому воспрепятствовал своим нашествием царевич Лещак из Орды, который захотел волей или неволей взять княжну Людмиллу себе в жены. Против него вышли Громобой, князь Мечислав и неизвестный витязь. И разбили наголову Лещака, Громобой же в единоборстве с ним победил его и за гордость его лишил жизни. Неизвестный витязь оказался княжной Людмиллой. Теперь брак

Громобоя был отложен из-за поездки его в Киев, так как срок его отлучки со службы истек. Они решили привести в Ростов Дуная Ивановича, его супругу и Яна Ушмовича.

Путь лежал через реку Буг. Громобой и Мечислав заехали в прелестную долину, где остановились отдохнуть под растущим там деревом и заснули крепким сном. Проснулся Громобой лежащим в роскошном саду на дерновом ложе. Это удивило его. Не видя Мечислава, он пошел его искать по саду и повстречался с маститым старцем в дорогих одеждах. Из беседы с ним он узнал, что старца зовут Идоменей, а страна, где они находятся, называется Иллирика. Оказалось, Идоменей с младенчества покровительствует Громобою и теперь хочет сделать из него рыцаря, снабдить несокрушимыми доспехами. Он привел Громобоя в палату и проговорил: «Вот то оружие, о котором я говорил. Эти латы работы древнего восточного мастера, сквозь них никакое оружие не проникает, кроме меча Мосохова-Нимвродова. Первая его копия хранится на дне Киян-моря, а вторая — на горах Рифейских-Уральских под крепкой стражею, силу которой никто, кроме меня, преодолеть не может. Посмотри на это изваяние. Это чудесный талисман, он имеет силу укрощать всех лютых зверей. Он принадлежал великому царю Соломону. Теперь посмотри на этот шелом. Он некогда принадлежал царю Александру Македонскому и его брату египетскому царю Птоломею-Лага-Сатеру. Сей последний подарил его одному из предков князя Аларика, водившего в походы дружины сарматов, которым царь Александр Македонский дал свою грамоту на все северные гиперборейские земли. Шелом этот перешел во владение к великому Одоакру, от которого не раз трепетал Рим. Покрывал он еще и голову храброго полководца, который Аттилу, грозу Вселенной, разбил наголову на горах Каталаунских. Посмотри на этот щит. На нем изваяна тысячелетняя будущая судьба России: все важные события, выдающиеся люди изображены на нем. Крепость сего щита

несокрушимая. Всякое оружие, прикоснувшееся к нему, ломается и обращается в прах».

Громобой поблагодарил мудреца Идоменея за такие подарки, а тот дал ему наставление, где и как достать меч и копье Мосоха и Сармата. За этими вещами Громобой полетел на Рифейские горы в волшебной колеснице Идоменея, а оттоле на дно океана. Там он, по наставлению старца, разрушил многие чары, наконец, достал желаемое. Потом Громобой опять оказался с князем Мечиславом, ему показалось, что все происшедшее с ним не более чем сон. Но доспехи ратные говорили обратное. И он рассказал все в подробностях Мечиславу.

Недолго они продолжали свой путь вместе. На перепутье князь Мечислав повернул к Киеву, а Громобой, помня наставления старца Идоменея, направил оттоле свои стопы в иную сторону и наехал на три дороги в разные стороны: на восток — в Орду, на юг — в царство Болгарское, на запад — в царство Киевское. Поехал он в царство Болгарское и вскоре услышал в чаще голос, взывающий о помощи. Он тут же откликнулся и в минуту очутился в глубине леса. Видит: шайка разбойников напала на купца, отняла его товар, убила слуг и взялась за старика-купца. Но тут Громобой с мечом в руке поспешил на помощь, стал поражать разбойников и многих убил, другие бросились спасаться бегством. Купец в благодарность рассказал Громобою про царевну болгарскую, которую князь Астарот хочет за себя силой взять. Громобой как раз ехал туда. Купец подарил ему на память перстень с дивным самоцветным камнем, которому цены нет.

В Болгарах Громобой победил силу Астаротову и его самого в единоборстве убил. Продолжая дальше путь свой, нашел в замке Зелуновом княгиню Милославу, супругу Дуная Ивановича. Она рассказала своему освободителю, как долго она томилась здесь, заключенная князем Мечиславом, преследовавшем ее любовной страстью. «Он недавно был

здесь, — говорила княгиня Милослава, — и удивил меня, просил простить его, убеждал, что супруг мой и похищенный им сын мой живы и здоровы, оба служат великому князю в Киеве. Он даже хотел привести их ко мне, но потом посчитал, что лучше нам всем встретиться в Киеве. Мы поехали, но в пути налетели на нас разбойники. Князя Мечислава они повели неизвестно куда, а меня заключили здесь под крепкую стражу. Недавно меня освободил от нее новый владелец этого замка, молодой великокняжеский витязь Ян Ушмович. Тот обещал скоро приехать сюда с супругом моим. Я едва верю своему счастью».

Громобой отправился дальше. Княжья служба заставила его вернуться в Ростов. Вскоре туда же приехал и Ян Ушмович. Свидание его с дедом и сестрой было самое чувствительное. Рассказал он Громобою и киевские новости про великого князя Владимира.

«После твоего отъезда великий князь стал что ни день то грустнее и все о чем-то думу думает. Ничего не скажет. Мы все словно мухи сонные ползали, глядя на него. Бывало, охота на красного зверя была его любимою, а тут стало ему все немило. Так он переменился, что теперь ты его не узнаешь. На Лыбедь с Берестовым и не заглянет! Вот эдак, кажется, прошло луны две, пришли к нему какие-то мудрецы. Бороды широкие, полы длинные, и каждый — со своей верой. Он велел их допустить к себе и спросил, что они за люди и с чем пришли. Тут они отвечали, что пришли, дескать, со своими верами, чтобы он выбрал хорошую, а свою-де надобно ему бросить, больно она нехороша. А пуще всего досталось от них нашему Перуну, называли его болваном, а не богом. Великий князь приказал каждому рассказать про свою хорошую веру... Туг выступил вперед какой-то проповедник. Пошел и пошел, так и режет словами: у вас, дескать, не боги, а болваны. Окроме Магомета вам никого не надо воймовать: все боги трын-трава. Он много говорил кое о чем, о каких-

то красавицах, которые по смерти так целой оравой и будут на тебя вешаться, все они, дескать, будут твои, и за все это блаженство надо только исполнить здесь, на земле, три заповеди: обрезаться, как жиды, не есть свиного мяса и не пить вина. Сперва великий князь повеселел, потом после заповедей стал брови хмурить, словно Перун, видно, что осерчал. Потом сказал так проповеднику: «Вера твоя больно хороша, только для вас, а не для нас. Мы, брат, любим винца выпить и свининкой закусить, особливо зимой, в трескучие морозы. Нет, вера ваша нам не вера! Так ли, мои князья и бояре и сильные богатыри могучие?» Мы все грянули в один голос: «Вестимо, что так!» Ажно терем княжий задрожал. Тут этот бахарь заругал нас всех и вышел из терема вон. Тогда выступает другой бахарь, поглаживая бороду, смотря на всех исподтишка, словно лиса. А в глазах так и блистают коварство и обман. Тут как залился и запел, словно Соловей Будимирович, о том, что наш Перун точно болван, да Магомет тоже большой обманщик. А есть-де бог на небесах, который создал сам одним словом небо, землю, человека, зверей, птиц и рыб. И пошел катать слова, словно сыр по маслу. Наш Богомил небеса задымил, а этот задымил нас всех словами. Тут великий князь спросил у него, из какого он царства пришел сюда? А тот отвечал: «Наше Притоманное царство, город Иерусалим — столица нашего царства. Но бог наш за грехи наши прогневался на нас и отдал царство поклонникам Магомета. Теперь царство наше — целая Вселенная».

«Послушай-ка, — сказал ему великий князь. — Когда ваш бог отдал ваше царство другим, то, пожалуй, он прогневается и на нас, выгонит и нас из своей земли во Вселенную! Нет, брат, погоди! Мы его ничем не затронули. На что нам гневить его? Он — себе, а мы — себе. Ступай туда, отколе пришел. Веру твою нам не надо! Так ли, слуги мои верные?»

«Так! Любо, любо нам!» — грянули мы как гром в один голос. «Знаем мы вас, подлаз, — заметил тут Рогдай. — Это

жиды. А где появятся жиды, там прощай серебро и золото! Все по крохотке до наготы высосут».

После этого положено было всей великокняжеской думой послать словущих людей, кого великий князь поволит, посмотреть и узнать веры иных народов, чтобы лучшую из них взять себе. Как сказано, так и сделано. Словущие и мудрые старцы ездят теперь по иным землям. В числе их посланы туда же и Ставр-боярин, Дунай Иванович и князь Мечислав.

В самый Купалов день Громобой получил рукописание от князя Мечислава, в котором тот известил его, что он и Дунай Иванович томятся в херсонеской темнице у князя Ферида. Громобой отправился туда на выручку друзей. На пути своем он избавил одну незнакомку из терема злого волшебника Кощея Бессмертного, разрушив его чары перстнем, который подарил ему купец, и сделал Кощея своим рабом. Кощей в своей волшебной колеснице привез его в город Херсонес, где Громобой спас от позорной смерти Дуная Ивановича и князя Мечислава, послов великокняжеских. А ведь таврический князь Ферид хотел их предать поносной смерти. После такого события князь Мечислав рассказал историю своей жизни Дунаю Ивановичу и Громобою.

«Я родом из города Мурома. В молодых летах путешествовал по иным землям и царствам. На богатырских играх в Цареграде и Великом Ростове стал победителем. В сем последнем городе полюбил княгиню Милославу, дочь ростовского князя Ромвала, супругу Дуная Ивановича, матерь семейства. Годы не укротили моей страсти, не испепелили моей злобной ревности. Испорченная нравственность моя не могла простить соперника, взывала к мести. Неожиданный случай свел меня в дремучем лесу с супругами. И стали они моими узниками: одного я заключил в подземелье замка, а другую — в уединенный терем в дремучем лесу близ Мурома. Этого мне показалось мало. Их сын-младенец был мною похищен и обречен на смерть. Но судьба сохранила его невредимым

на радость родителям и в наказание злодеям. Находясь в Киеве, я нашел себе сопротивницу, которую полюбил и хотел соединить вместе наши судьбы, но великий князь Владимир похитил ее у меня и заключил в Предславине. После этого я стал мстить великому князю. Будучи его смертельным врагом, я сперва склонил на мщение за отца и братьев и за честь супругу его княгиню Рогнеду. Но этот замысел мне не удался. Владимир показал себя тут по достоинству.

После этого я вооружил против него жрецов, но и этот замысел не удался. Я, быть может, и теперь бы был его врагом, если бы случай не свел меня с непобедимым Громобоем, светлый разум которого превосходит все его военные доблести. Он почти насильно навязал мне, своему врагу, свою дружбу. Теперь я узнал ее цену и раскаиваюсь в содеянном мною. Я стал совершенно другим человеком».

Когда князь Мечислав вспомнил о великом князе, вмешался Дунай Иванович и рассказал юным друзьям повесть, слышанную от самого великого князя Владимира. Вот его рассказ.

«Это было давным-давно, когда новгородцы только и кричали: «Все перед нами к земле клонится, вся Русь нашему богу молится. Кто против Перуна и Великого Новагорода?» В это время пришел в город странник, по имени Андрус. Чего только он ни делал: исцелял всякие болезни, воскрешал мертвых — и все это одним словом или прикосновением руки. Один раз он тайно пришел посмотреть на жертвоприношение Перуну. Вдруг Перун как закричит на весь народ: «Раб Бога Вышнего, не мучь меня!» Он кричал много иного разного, что Андрус послан от иного бога, которому Перун и в служки не годится. Народ с ужасом слушал, что кричал каменный Перун. Тут они схватили странника и оставили перед Перуном в надежде, что он пожжет его молнией. Ан не тут-то было! Перун закричал благим матом. А сам бух ему в ноги — и разбился на мелкие кусочки. Ужас и страх обуял всех, бывших тут. Жрецы и народ разбежались в разные сто-

роны. С тех пор до великого князя Владимира новгородцы не имели Перуна каменного. Приносили жертвы на том месте, где стоял он раньше, — под великим дубом.

После этого происшествия странник учил новгородцев познать его Бога, которого называл Благим, Предвечным и Всемогущим. В одно время, спасаясь от мщения жрецов, он перешел Волхов с одного берега на другой по воде, как посуху, и сказал, что там, где он переходил, Волхов не будет мерзнуть зимой. Он дивился на наши бани, какой мы терпим в них жар от раскаленных камней и как бьем себя в жару молодыми прутьями-вениками. Жрецы хотели его убить как чародея, но он сел в плывущий по воде корабль и уплыл по реке Мутной. Странник остановился в тереме князя Перея-Тучи. Там воскресил умершего его сына Яромира и на высоком холме водрузил свой жезл, сказав, что место это прославится.

Когда великому князю рассказали об этом страннике, он задумался. В ночь увидел он дивный сон, будто подходит к нему княгиня Ольга, баба его премудрая, в великой славе, сопровождаемая бесчисленным множеством юношей и девушек, сияющих дивной красотой. Одежда их блистала золотом и серебром и самоцветными камнями, подобно реке в солнечный день. Вретищем показалась Владимиру его великокняжеская одежда. Баба его тихо взяла его за руку и сказала: «Возлюбленное мое чадо! Неужели ты удален будешь от лица Бога Вседержителя? Довольно, кажется, и сего, что предки страдают отчуждением от лица Божия. Даже непокорный сын мой томится теперь в муке вечной за то, что не слушал увещеваний матери, но упорствовал в заблуждении языческом! Неужели и ты останешься прилежным почитателем языческих богов? Вышний Бог не простит тебе этого!

Погибла бы Русь, если бы не молитвы покровителя земли Славянской апостола Андрея. Молитвы эти склонили Бога Вседержителя обратить очи свои на страну твою, погруженную во тьму идольскую, которой предопределено свы-

ше просвятиться через тебя небесным светом христианской веры. И я по велению Бога моего пришла к тебе показать добро и зло, истину и ложь». Сказав это, княгиня Ольга повела его по дивным злачным полям к некоему блистающему дивным светом Великому граду, огражденному высокой стеной, которая была воздвигнута из различных самоцветных каменьев. Двенадцать врат того града были все из чистого золота. Одни врата были охраняемы крылатым воином грозного вида со страшным взором. При виде его Владимир затрепетал, колени его подогнулись, но баба его поддержала: «Почто ты ведешь его семо? — вопросил у бабы крылатый воин, голос которого звучал, как раскаты грома. — Неужели кроткое твое сердце возымело жалость к этому братоубийце? И неужели ты этого изверга хочешь поместить в жилище вечной любви и радости? Я возбраняю ему вход семо. Он возмутит покой праведных».

«Всемогущий Творец и Бог мой благоволил изрещи, — отвечала ему княгиня Ольга, — чтобы просветилось мое отечество истинной верой за молитвы апостола Андрея и мои чрез сего внука моего. Потому я привела его сюда, чтобы показать жизнь праведников и муки смертников! Сего ради молю тебя, не возбрани нам вход в блаженный град сей, жилище мое, отколе я вышла».

«Не моги сего сотворить и впустить сего обремененного тяжкими грехами и беззакониями грешника. Пусть он родится от воды и духа. Но ради тебя единой поведено ему поглядеть в город сей через единые врата сии», — сказал крылатый воин и растворил врата града того настежь. Что тут увидел великий князь и рассказать невозможно: сонм царей и старцев, и воинов, ходящих и ликующих, дивные здания из золота и драгоценных камней, великолепно созданные и блистающие несказанным светом, дивные вертограды и чудные реки. Там среди всей красоты и славы стояли на стогне два дивных престола пред палатами, блистающими ярче солнца.

Крылатый воин сказал, что престолы и палаты воздвигнуты для двух киевских варягов Феодора и Иоанна. После этого баба великого князя показал ему и те места, где мучились грешники. Стоны, крики и скрежет зубов поразили слух великого князя. Там увидел он вращающихся в огненной реке многих знакомых. От такого страшного зрелища великий князь пробудился в великом трепете.

На следующий день скончались два варяга, отец и сын. Великий князь узнал их имена: Феодор и Иоанн. Это были те самые имена, которые он слышал от крылатого воина в своем вещем сне. Владимир стал думать об иной вере».

Так закончил свой рассказ Дунай Иванович. Еще добавил о благолепии и обычаях при христианском богослужении, о которых сказывали послы Владимировы. К тому присовокупил Громобой показ дивного щита с изваяниями, изображающими тысячелетнюю судьбу России и Великого Ростова.

Вскоре после этого совершились дивные события. Громобой нашел свою мать Астриду, князь Громвал — свою дочь, Дунай Иванович — свою супругу, Ян Ушмович — родителей. А Громобой вступил в брак с княжной Людмиллой.

По принятии в городе Корсуни христианской веры Владимир с присланными от святейшего патриарха Цареградского Сергия тремя епископами — Иоакимом, Феодором и Фомой — пошел из Киева в страны Суждальские и Ростовские, а оттуда в Ростов Великий. Великий князь Владимир повелел храмы идольские сокрушать нещадно, и послал бирючей и глашатаев своих во все концы града Ростова и по весям, чтобы все люди приходили ко крещению. А если кто не придет к княжьему терему на берегу озера, богатый или убогий, нищий или раб, противен князю будет.

По слову княжескому стеклось бесчисленное множество народа с женами и детьми и влезли в озеро и стояли в нем одни по уши, другие по грудь, а младенцев держали на руках их матери. А попы ездили по озеру на плотах, творя молитвы

ко крещению, и давали каждому сонму людей имена: одному — одно, другому — другое и так далее. После этого на нарочитом месте мазали их святым мирром. Великий князь Владимир со своим синклитом и владыка киевский Михаил со своим священным собором тоже были здесь.

Первым знамением христианства в земле поклонников Велеса был водруженный рукою Владимира храм Успения Пресвятой Богородицы. Князь повелел воздвигнуть его от древ дубовых «на диво мирови всему». В бытность свою в Ростове Великом в свободное от трудов великокняжеских время Владимир посетил удельную собственность сына своего Ярослава — слободу Угожь и новый терем сына на берегу реки Пиги, а также терем сына своего князя Мстислава на берегу реки Шулы.

Фома, єпископ Ростовский

От Рождества Христова 989 лета

По принятии христианской веры в Корсуне великий князь Владимир Святославич немедленно послал в Ростов наместнику своему скоротечу, повелевая ему сокрушать кумиры и капища, а созидать христианские церкви. И вместе с тем послал он туда епископа Фому. Но ростовцы первого не послушались, а второго не приняли. И если так мало сделала великая княгиня Ольга, желавшая лично водворить христианство в земле Ростовской, то что мог сделать кроткий пастырь из Греции в земле поклон-

ников Велеса? Ростовцы-язычники стали различно поносить его, и тот муж кроткий и благочестивый не мог стерпеть такой грубости. Скоро оставил он свою Ростовскую паству и направил свои стопы в землю Суждальскую. На пути его встретился с ним ростовский князь Силобой. Спешно гнал он коня своего, а за ним скакала великая свита. Владыка, увидев на лице князя великий страх и печаль, остановясь, спросил у одного из свиты княжьей, куда так спешит князь. «Зверь похитил малолетнего сына его, и он женет в след его», — был ответ.

Молва прежде сего уже известила владыку о лютости и непостоянной жизни этого князя. Святитель пожелал исправить его. Он сказал слуге княжьему: «Теки и скажи своему князю, если он оставит прежнюю жизнь свою и языческое заблуждение и будет поклоняться тому Богу, которому поклоняюсь я, то зверь принесет ему обратно его сына на это место». Слова святителя немедленно были переданы князю Силобою, который усумнился в сказанном, потому как он много был наслышан от жрецов своих о лютостях и чарах христианской веры. Они поносили и великого князя Владимира, оставившего веру отцов своих. Но один из друзей князя, который приехал из Киева вместе с владыкою Фомой, стал рассказывать ему о дивных событиях, приключившихся с великим князем до принятия христианской веры, а потом и после крещения. Он сказал: «Может ли чудо совершить верховный жрец наш? Вряд ли. А что хочет старец этот? Ты видишь, князь, теперь сам, что мы потеряли и след зверя, когда лес принял его. Может быть, этот старец поможет нам». От этих слов князь Силобой как ото сна пробудился и спешно погнал коня вслед уходящему епископу. Скоро достиг он его и, припадая к ногам его, молил возвратить ему сына. И клялся во всем исполнить волю его.

Епископ повторил ему, что нужно будет сделать, если зверь принесет ему сына его целым и невредимым. Князь снова поклялся исполнить все по воле его и сделаться христианином. Святитель выслушал от него обещание и стал на молитву, во

время которой князь Силобой и все бывшие тут с ним увидели великого волка, гонимого невидимой силою и несущего похищенного им ребенка. Он положил добычу свою у ног святителя целою и невредимою. И кротко стоял перед владыкой волк, и ожидал, что повелит ему святитель. Епископ же повелел прежде князю взять сына своего, а потом приказал зверю идти в свое логово и впредь такого не творить.

Князь Силобой и все бывшие с ним, видя такое чудо, припали все к ногам святителя и просили сделать их немедленно христианами. Тут святитель простер к ним руки и произнес слово о вере, поучив их довольно, а на месте бывшего чуда изверг из земли источник обильный ключевой воды и крестил тут князя Силобоя и всех бывших с ним. Князь Силобой при крещении получил себе имя Лазаря.

По убедительной просьбе новокрещеного Лазаря святитель пошел в дом его, который находился в окружении горевших вокруг зданий. Все ожидали немедленного воспламенения княжеского терема, но молитва святителя остановила дальнейший путь пламени, светлицы терема пламень не коснулся.

По благословению владыки Фомы новокрещеный Лазарь на месте сотворенного святителем чуда с сыном его поставил церковь и дивно украсил ее. После крещения князя Лазаря пожил еще епископ Фома довольное время в доме его, утверждая в вере новокрещеных христиан. А там пошел далее и ушел на реку Стучну, и поселился там проповедовать христианскую веру мурому, кривичам, вятчанам и другим чудским народам.

Из числа граждан Ростова многие прежде убоялись гнева княжьего за изгнание епископа Фомы. Они удалились в понизовья Волги и многие остались там жить. А иные возвратились в свое отечество с повинной и стали быть христианами.

Великий князь Владимир, узнав об отшествии из Ростова епископа Фомы, немедленно послал туда любимца княгини Анны епископы Феодора, первого епископа этого имени в Ростове, который по пришествии своем в Ростов Великий

построил там малую деревянную церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы на месте построенной прежде княгиней Ольгой церкви. Но и этот епископ по причине своеволия ростовцев, досад и гонений от них покинул навсегда Ростов и удалился в город Суждаль, где и окончил жизнь свою.

При этом епископе язычники ростовские возвратились обратно в Ростов и принесли с собой идола Велеса, и поставили его в Чудском конце на самом бойком месте. Этого идола они тщательно сокрыли от орлиного взора великого князя Владимира, когда тот был в Ростове. Великий князь поставил наместником своим сына сподвижника князя Святослава, Демьяна Куденеича, а вместе с ним прислал Ростову третьего епископа — Илариона, пришедшего на Русь с царевной Анной. Вскоре за ним пришел митрополит киевский Михаил, который заложил соборную церковь Успения Пресвятой Богородицы от древ дубовых. Епископ Иларион во время пастырства своего в Ростове привел к окончанию соборную церковь Успения Пресвятой Богородицы, «яковой нигде не бе и не вемы будет ли». Так говорили о ней современники.

Этот храм епископ Иларион в присутствии князя Ярослава Владимировича и освятил с великим торжеством.

И этот святитель из-за отсутствия в Ростове удельного князя Ярослава Владимировича при наместнике его недолго правил престолом ростовским. После напрасных усилий искоренить языческое поклонение Велесу, которому потворствовали и власти, от гнева и досаждения ушел в свою землю.

Ростов в это время был почетным уделом Великого княжества Русского. Поэтому великий князь, не разделяя земли ростовские, отдал их в удел Ярославу. С этого времени начался в Ростове род князей христианских от рода Рюрикова. Древние же роды князей ростовских остались без уделов. Они находились более при великокняжеском дворе в Киеве, а другие перешли в уделы детей Владимировых, между которыми разделена была вся Русь.

Преподобный Авраамий Ростовский

От Рождества Христова 1003 лета (203)

Современник ростовского князя Бориса Владимировича, подвижник и просветитель Ростова Великого, основатель первой обители в честь святого Богоявления в здешнем краю — таков был преподобный Авраамий. Известный высокими личными качествами, он более всего обязан был покровительству великого князя Владимира и сына его, ростовского князя Бориса Влади-

мировича. Поводом этому послужила одна встреча, происшедшая тогда, когда преподобный Авраамий из уединенной своей хижины с берегов реки Пиги, с развалин Иверцова терема, переселился в такие же развалины на берегу Ростовского озера, в Чудском конце, близ почитаемого ростовцами больше всех богов идола Велеса (204). Авраамий был посвящен в игумены обители много времени спустя после отъезда из Ростова великого князя Владимира. Велеса же ростовцы не оставляли чтить и после крещения. Этого идола они тщательно спрятали от всеразрушающей руки Владимира. А при розыске ростовцы хранили глубокое молчание. По уходе же из Ростова третьего епископа Иллариона престол ростовский был пуст до прихода святого епископа Леонтия Ростовского (205). Поэтому некому было позаботиться о пастве и бороться с идолопоклонством.

Но вернемся же к Авраамию. Вначале преподобный Авраамий известен был под именем Иверка, или Иверца, прозванный так по месту первобытного своего жительства. Близкое соседство с идолом Велесом не нравно было преподобному, равно как и творимое ему чествование. Не истребить, а только удалить с этого места идола Велеса не мог решиться даже местный князь Борис Владимирович. Избегая всеобщего восстания, он выжидал, полагая, что время само собой образумит ростовцев.

Но однажды все скоро свершилось по воле преподобного. В одну ночь преподобный Авраамий получает во сне извещение от Бога идти ему в Царьград за жезлом святого апостола Иоанна Богослова, которым он потом сокрушит идола Велеса. Преподобный, невзирая на свои преклонные лета, немедленно решает идти в столь далекий путь и на пути своем встречает мужа благоговейного, лысоватого, с длинною брадою. Это был святой апостол Иоанн. Этот муж и вручил преподобному нужный ему для сокрушения идола жезл. Впоследствии святой по слову апостола и сокрушил им идола Велеса и заложил на том месте церковь каменную в честь святого Богоявления

в обители своей в Чудском конце, в лето 6518 (1010), сентября в 12-й день, а вместе с нею и келии для иноков устроил.

В одно время князь Борис Владимирович по обычаю своему пришел посетить преподобного Авраамия в его келью, но того в ней не оказалось. Один из бояр княжеских к удивлению своему видит святой Животворящий Крест Господень, лежащий на умывальнике.

Он сказал о том князю, и тот немедленно с благоговением снимает крест с умывальника и кладет на приличное место. Едва он это сделал, как из умывальника пошел густой черный дым, такой, что все испугались. Освободившийся дух грозил отомстить и скоро исполнил сказанное: пришел в виде воина и оклеветал преподобного в городе Владимире — на Клязьме — туровскому князю Святополку Владимировичу, сыну великого князя Владимира Святого (206). Святополк был в это время там вместе с отцом своим великим князем Владимиром. Будущий братоубийца, жадный к добыче сокровищ, оказался достойным такого доносчика. И он от имени великого князя, но без его ведома посылает тайно воина привести к нему старца, в чем обрящет. Гридня великокняжеский Дикун Золотой Пояс узнал тайно об этом посольстве. Хорошо зная и князя, и преподобного, он хотел было предупредить князя Бориса, но не успел: воин прежде прихода Дикуна в Ростов ночью взял старца с молитвы и повез его на кобылице с поруганием.

Не славен был выезд преподобного из Ростова во Владимир: в одной сорочке и ветхом верхнем рубище. В самом начале пути воин делал преподобному различные пакости: переехавши реку Сулость, идя мимо терема князя Нагиба-Зори (207), холопы его, кощунствуя над преподобным, сидящим на кобылице, бежали за ним до самой калиновой рощи (208), изрыгая хульные словеса. Преподобный помолился втайне и, обратясь к ним, велел им остановиться и ходить на одном месте туда и сюда (209).

На том же пути молодой князь Алатырь, живущий в своем родовом тереме, стоящем на высоком берегу текущего по

камушкам ручья (210), просил воина уклониться со старцем к нему на трапезу и принять от пути отдохновение, но воин этому воспротивился, ограждая спешность свою строгим повелением великого князя немедленно поставить виновного мниха перед собой, в чем обрящет его. И едва дозволил тот воин утолить старцу жажду. Отселе князь Алатырь дал брашна на путь до самого города Владимира старцу тому, но жестокий воин пожрал оное сам и стал ускорять путь их, погоняя спешно и кобылицу старцеву.

Преподобный был изнурен донельзя от поста и одряхлел от несродной ему езды верховой. Он стал молить воина не спешить так в пути, но ответом на это были ругательства и укоризны старцу и большие пакости. Тогда преподобный вздохнул из глубины сердца и без ропоту помолился Богу укрепить его в том пути. Вдруг невидимый голос сказал: «Щади старца сего!» Но воин не обратил на это никакого внимания, думая, что это голос пасущего тут стадо пастуха.

Близ того места жили земледельцы князя Алатыря. Они вышли из хижин своих посмотреть на невиданного всадника, весьма утомленного и едва сидящего на кобыле своей. В это время воин слышит вторично голос невидимый: «Щади старца сего!» Но тот и на этот раз не обратил никакого внимания. Думая, что этот голос исходит от земледельцев, стал тот воин ускорять путь их ударяя бичом коней. Старец от истощения сил готов был тут же пасть на землю. В это самое время среди дремучего леса воин слышит в третий раз все тот же невидимый голос: «Муже грозный! Горе нещадившему старца!» И с этим словом невидимая сила восхищает воина с коня его и повергает его ниц на землю к ногам кобылицы старцевой. Обнаживши хребет его, невидимая сила стала бичевать его жестоко воловьими бичами, которые были видимы, а бичующие были невидимы. И тот же голос повторял при каждом ударе бича: «Щади старца!».

На крик бичуемого воина сбежались косари, косящие близ этого места заповедные луга князя Лазаря Силобоя. Они, к удивлению своему, видят такое дивное бичевание: бичи видят, голос слышат, а бичующих не видят! Жестокие раны на теле воина, однако, всем были видимы. От них воин едва остался живой, уже не имея в себе гласа. Видя это, преподобный умилился и стал творить молитву о пощаде воина. Молитва его услышана была, бичевание прекратилось, бичи повержены были на землю подле воина.

Косари князя Лазаря принесли воина к терему. На пути том умирающий от жажды воин просил пить у несущих его косарей. Преподобный среди чистого поля встал на молитву и извел из земли источник ключевой воды (211), которой утолили все бывшие тут жажду свою. С великой честью князь Лазарь принял в дом свой преподобного, а на месте бичевания пожелал построить церковь (212).

Очные ставки во Владимире у князя Святополка с доносителем поразили князя великим страхом. Тут он стал просить у старца прощения в вине своей против него. Преподобный был не злопамятен: скоро простил его и, поучив его довольно христианским добродетелям, в заключение всего сказал ему: «Если ты, княже, не хочешь быть Каином, а хочешь кончить мирно жизнь свою, то сиди в своем граде Турове, удались туда и не помышляй о стольном Киеве до урочного времени. Там много прольется невинной крови, беги из Киева!»

Князь Святополк поклялся исполнить это и не исполнил: стал братоубийцею князей Бориса, Глеба и Святослава.

Совершившееся чудо с доносителем и клеветником дошло скоро и до великого князя Владимира, который пожелал видеть такого мнимого виновника. От преподобного он узнал о том, что делается в Ростове, щедро наградил старца златом и серебром на сооружение ему в Ростове общежительной обители по образцу Валаамского общежития. Прилучившийся тут митрополит киевский Михаил по обычаю Греческой зем-

ли поставил преподобного Авраамия в архимандриты обители той, и он стал быть первым архимандритом на Руси (213).

Во время бытности преподобного во Владимире приехал к великому князю сын его князь Святослав Владимирович из своего Деревского удела, которому преподобный велел загладить бешеный поступок его молодости молитвою и постом. Это до того поразило князя Святослава, что он оставил все мирское и прилепился к преподобному Авраамию. Последний взял его с собой в Ростов. Первоначально князь поселился в своем тереме, стоящем на самой возвышенной окраине Ростовского озера, построенном знаменитым Потанею для своей дочери Прилепы, супруги рыбака Вадима. Потом преподобный поселил Святослава в уединенную хижину среди дремучего и непроходимого бора на берегу реки Нерли (214). Впоследствии князь этот основал себе обитель при слиянии рек Ухтомы и Копырки (215).

Возвратный путь преподобного Авраамия из города Владимира в Ростов был весь непрерывной цепью торжества его и чудес. При вступлении его в Ростовскую область при переправе чрез реку Суходонку встретил его богатырь великого князя Владимира Мальфред у своего боярского терема, называвшегося «Романцев терем» и находившегося при впадении этой реки в реку Ухтому.

Мальфреду преподобный предрек скорый путь в Киев и почетную шубу с плеча княжьего.

Мальфред был сыном ростовского великокняжеского наместника Яна Ушмовича, который приехал в Ростов отыскивать племянника своего, сына сестры своей супруги Буй Годеновича. Теперь он захотел узнать от преподобного, жив ли нет похищенный у сестры младенец. Преподобный Авраамий, видя идущего к нему Мальфреда, оставил все свои занятия, пошел с ним в свою келью и там спросил у него о причине прихода его. Тот рассказал ему, что понудило его прийти к нему. Преподобный отвечал: «Отыскиваемый

тобой младенец похищен был знакомым тебе человеком, о имени которого я умолчу. Он теперь приносит чистосердечное раскаяние за содеянное зло младенцу тому, которого он бросил в дремучем лесу на голодную смерть или растерзание лютым зверям, но Провидение спасло его. Теперь он живет у вас в Киеве, усыновленный Александром Поповичем, под именем Дикун Золотой Пояс. Поди ко князю Борису: к нему теперь только въехали во двор из Мурома от брата его князя Глеба два витязя и товарища, крестные сыновья князю Борису Владимировичу: один — Вадим Бесстрашный, а другой — Дикун Золотой Пояс».

Не пропустил преподобного мимо своего терема и князь Лазарь Силобой. Старец поздравил его с новорожденным сыном, о котором князь ничего не знал.

Продолжая свой путь далее, повстречался преподобный с новгородским тысяцким боярином Константином, предрек ему в зятья Кудима, Лазарева сына.

Боярин Константин Добрынич был современником и сотрудником словом и делом князю Борису, любимцем брата его князя Ярослава. Он жил на восток от города Ростова среди прелестной поляны, окруженной чернолесьем, с меньшой дочерью своей Марией, о которой и было предсказание преподобного. Константин принял его за истину и остался им доволен. Спустя некоторое время пришел боярин Константин в недоумение о женихе своей дочери, кто он такой. Ведь и у недальнего соседа князя Лазаря Силобоя были разных возрастов сыновья, но среди них Кудима не было. Князь же Борис Владимирович часто бывал у боярина Константина. Он знал пророчество преподобного Авраамия и заключил о нем так: по неимению в Ростове иного князя Лазаря с сыном Кудимом, должно им быть непременно или в Киеве, или в ином каком уделе.

Преподобный Авраамий продолжил свой путь и имел отдохновение от пути своего в убогой хижине дровосека Лазаря, благочестивой жизни. Преподобный предрек сыну его

счастливую жизнь в лесу, куда велел отпустить его, когда настанет к тому время (216). Пробыв у них чуть не целый день, преподобный продолжал путь свой далее. На закате солнца пришел он в волость Угожь. И там отношевал на высоком холму под столетними деревами. Поутру на месте том по довольной молитве водрузил свой страннический жезл (217). И оттоле пошел на берег озера где живущие тут рыболовы ловили мрежами рыбу (217). Они же, ощутив приход преподобного, стеклися к нему, молили Авраамия сказать слово им на пользу душ. Преподобный сел на преддверии церковном святых мучеников Кирика и матери его Улиты и прорек к ним поучительное слово о Боге и о его премудрых делах: *«Дивно совершающихся в людех в пример поставим себя»*. И стал рассказывать им от юности своей мирскую жизнь свою.

По его словам, место рождения его была сторона Чухломская. Сын богатого земледельца, он был болен всем телом от самых юных лет своих до лет совершенных; пищей его было одно молоко. Ходебщики с различными товарами, новгородские и ростовские, часто посещали дом богатого отца его и некоторое время жили у него в доме, там продавали свои товары. Они рассказали юноше одни — новгородские, а другие — ростовские дивные события вновь водворенной христианской веры. И о том, какие дивные чудеса творятся поклонниками этой веры. Такие рассказы пленили молодого чухломца, особливо когда новгородцы рассказывали о чудной жизни отшельника Мунги-Германа на острове Валааме, лежащем на море Нево, и о том, какие неисцелимые болезни целит Мунга-Герман словом одним своим. Ростовцы рассказывали о своем, о жизни Демьяна Куденевича, о детях и внучатах. По рассказам самого Демьяна, есть у греков дивная гора Афон, на которой живет целое царство таких отшельников, как Мунга-Герман. Все помыслы молодого чухломца сосредоточились на том, чтобы вести самому такую жизнь, какую вел Мунга и подобные ему иноки, но слабое здоровье препятствовало ему в этом.

Вскоре он почувствовал в себе перемену. Чем больше у него крепло желание быть последователем Мунги-Германа, тем он становился здоровее. И это дошло, наконец, до того, что он совершенно выздоровел и освободился от многолетней болезни своей. Находясь в новом своем положении, он не знал ,где найти ему Мунгу и где находится море Нево. Одной ночью слышит он во сне невидимый голос, повелевающий ему идти в пределы Ростова Великого. Путеводительницей и питательницей его в том пути стала лань. Молоко ее и дикорастущие плоды и коренья некоторых трав были его ежедневная на том пути пища. Таким образом, оставил он дом отца своего и последовал за ланью от самого дома родительского до пределов Ростова Великого. Там лань привела его на берег реки Пиги к небольшой хижине, стоящей между вековыми деревьями на развалинах великого древнего здания, по которому туземцы дали ему имя Иверк.

Однажды видит он недалеко от своей хижины, к великому своему удивлению, стоящую передним лань, от которой разбегаются в разные стороны бывшие тут волки. Видя это чудо, Иверк идет туда и видит на земле спящего младенца. Он берет его на руки, тот пробуждается и начинает плакать, но обильное молоко лани скоро успокаивает его. В скором времени после этого Иверк сидел на пороге своей хижины и держал на коленях найденного им младенца, только что накормленного молоком лани, которая кротко стояла подле Иверка. В это время подходит к нему богатырь великого князя Владимира Александр Попович (219), охотившийся в той стороне. Он спрашивает у Иверка, кто он и кто его младенец. Получив от Иверка на то и другое удовлетворительные ответы, богатырь удивился жителю дремучего леса и младенцу его, избавленному им от зубов лютых зверей или голодной смерти. И при этом дивится, смотря на лань Иверка. Последний стал просить его показать путь к городу, потому что путеводитель его лань нейдет никуда далее этой хижины.

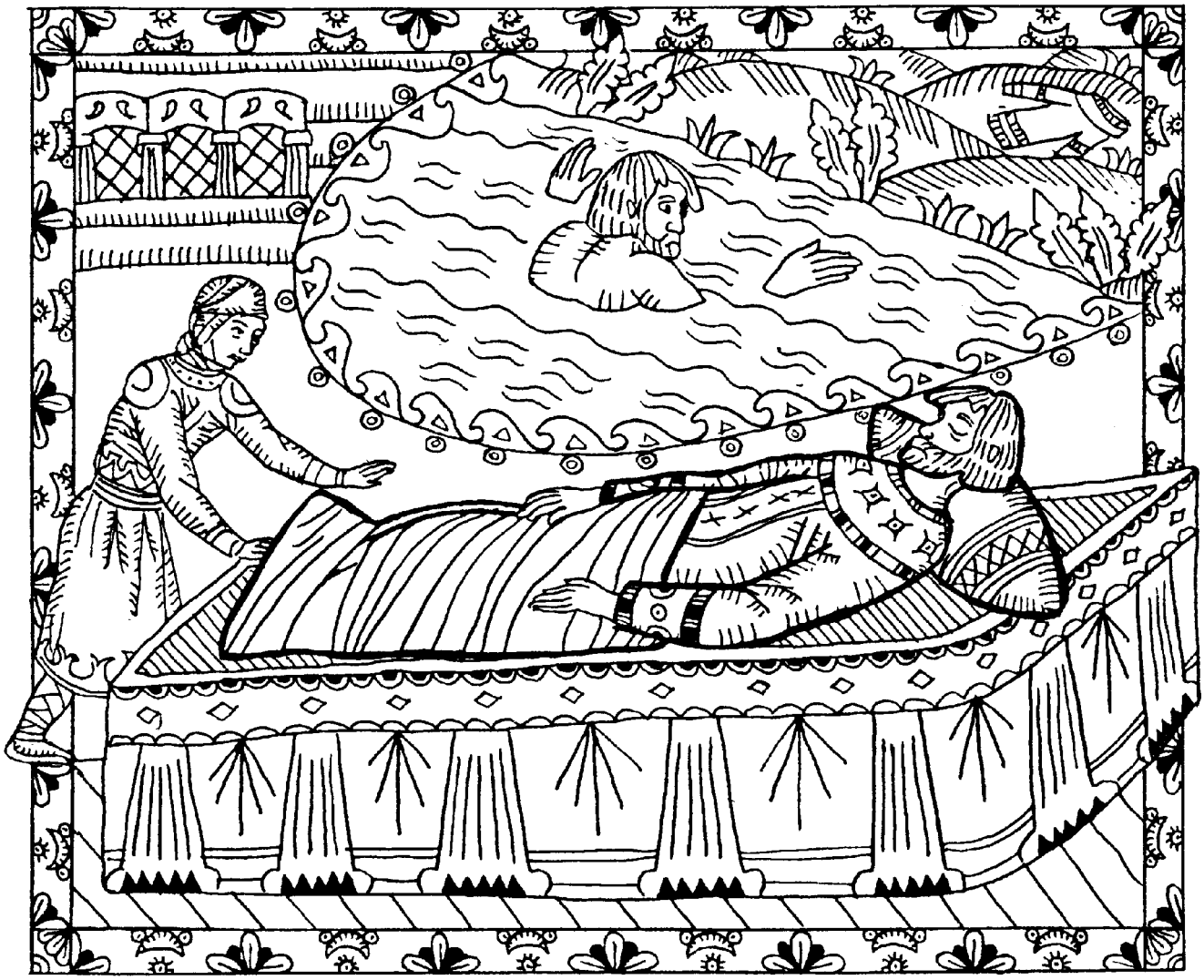
Тут Александр Попович не только что взялся быть его путеводителем по Ростову, но и вызвался быть ему ходатаем у князя Бориса, если что нужно будет ему. А для него самого предложил он светлицу в своем доме.

Итак, Иверк поселился со своим найденышем в доме Александра Поповича, где младенца окрестили по христианскому чину и дали ему имя Александр, а прозвали его Дикун Золотой Пояс (220). Восприемником его от купели стал князь Борис Владимирович. А усыновил его себе Александр Попович.

Вскоре после этого Иверк от епископа ростовского Илариона принял и сам святое крещение и ушел в Великий Новгород, а оттоле на остров Валаам и общежитие, устроенное Мунгой-Германом, который наставлял нового инока, принявшего имя Авраамий. Здесь научился он всему иноческому житию, находясь там немалое врем, доколе невидимый голос не послал его обратно в Ростов, бедствовавший без пастыря словесных овец, и повелел ему быть там просветителем закоренелых язычников ростовских. Авраамий послушался этого голоса, пришел в Ростов и поселился в пустыне, в прежней своей хижине, на берегу реки Пиги, откоде по воле князя Бориса Владимировича переселился он в Чудской конец, на берег Ростовского озера, где и основал в малом виде общежительство, подобное Валаамскому.

Этим закончил преподобный речь свою о себе угожанам, спеша в оставленное им общежитие свое.

Придя из слободы Угожь в обитель свою Богоявленску на Чудском конце, преподобный Авраамий стал неустанно трудиться по созиданию киновии. Его неусыпные труды не пропали даром. Небогат, но славен стал своими достославными трудами и просвещением Авраамиев монастырь в Ростовской области и засиял ярче всех жемчужин в короне веры Ростовского благочестия. Многие люди приходили сюда с верой и надеждой на спасение, хваля и славя милостивого Бога и Пречистую Его Матерь и преподобного Авраамия.

Князь Мстислав Владимирович

От Рождества Христова 1093 лета

Князь Мстислав Владимирович был старшим сыном великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха. Чудное событие произошло с ним из-за его неверия. Тем неверием он с избытком напитался от купцов Ганзы. Неверие это состояло в следующем. Вскоре по принятии им в удельное владение Ростовской земли он по примеру других князей занялся различными светскими науками. От того он стал гордым и неприступным. Всему виной было его

несметное богатство — поклады цареградские, добытые его предшественниками. В это время на Ростовском святительском престоле восседал святой Леонтий. Однажды князь Мстислав, находясь в своем тереме, вел пространную беседу со святителем. Он коснулся слов Священного Писания «богатии обнищаша» и засомневался, что такое может произойти. Святитель кротко возразил ему и посоветовал князю не возлагать надежду на несметное богатство свое, представив ему немало примеров из Священного Писания об обедневших богачах. Но эти примеры не убедили князя. Он не поверил в тщету богатства земного, в чем его уверял святой Леонтий. Прошло немало времени после беседы князя со святителем. В один знойный летний день князь Мстислав охотился на берегу речки Пуры. Полуденный зной столь утомил его, что он решил выкупаться в этой реке. Будучи большим мастером плавать, он переплыл на противоположный берег. Оттоле он увидел, что в оставленную им на том берегу одежду оделся неизвестный ему человек. А свою тот оставил тут же на берегу и скрылся в чаще леса. Увидев это, князь быстро переплыл реку и обнаружил вместо своей одежды одну только лишь шкуру неизвестного ему зверя. Долго князь ходил нагой по берегу реки и по лесу, пытаясь узнать, куда же скрылся незнакомец, искал его и звал, но все было напрасно. Князь не считал приличным ходить по лесу нагому, не хотел идти в таком виде в ближайшее селение для того, чтобы промыслить себе одежду и прикрыть ею нагое тело. По долгому размышлению он решил прикрыться оставленной ему тут кожей и все же пойти в селение, чтобы добыть хоть какую-нибудь одежду и в ней возвратиться в город. Князь примеряет на себя кожу и находит, что она плотно облегает тело и достаточна для того, чтобы прикрыть ею наготу. Но лишь только он надел на себя эту кожу, как почувствовал, что она крепко прильнула к его телу и не отстает от него. Вдруг мысли его помутились и память его затмилась, и он почувствовал себя уже тем зверем, кожу которого надел. Тут он побежал вдаль, будучи зверем, гонимым каким-то страхом. По чутью обоняния своего нашел он стадо подобных зверей, щиплющих траву на

берегу Ростовского озера. И он присоединился к ним и стал питаться той же травой, как и они. На ночь все стадо тех зверей уходило в находящуюся недалеко пещеру. Днем не зримые никем звери паслись сами собой на берегу озера.

Сколько пробыл в этом положении князь Мстислав, ему осталось неизвестным. Только в один из дней, выйдя по обычаю из пещеры на берег озера, он вдруг стал мыслить как человек. Кожа звериная спала с него сама собой и упала на землю. И он увидел, что перед ним лежит на земле платье калики перехожего. Он тотчас надел его и немедленно превратился в калику перехожего. Звери увидели среди себя человека и стремительно убежали в лес, скрывшись из глаз князя, ставшего вдруг человеком. Тут князь пожелал разглядеть кожу, которая раньше была на нем, и захотел узнать, какому зверю она принадлежит. Но кожа испускала из себя нестерпимое, убийственное зловоние и вся кишела червями, точащими ее. Скоро они ее источили совершенно, не оставив ни кусочка. Пещера, где ночевало стадо звериное, превратилась в холмистое возвышение, довольно знакомое ему, где он часто имел отдохновение, когда бывал на охоте в этой стороне. Это возвышение находилось недалеко от города.

Дня за два до того события к наместнику ростовскому Нечаю приходит человек в облике князя Мстислава и говорит ему, что он отлучится из города на два дня по важному своему княжескому делу и велит ему встретить себя на перевозе через реку Ишню, где стоит церковь, построенная еще святым Авраамием архимандритом. «В это время, — говорит наместнику мнимый князь Мстислав, — я буду в одежде калики перехожего».

Все это князю Мстиславу воочию совершилось, а на самом деле он был все это время без ума. Когда он получил совершенное исцеление от своей болезни, тогда признал перед святым Леонтием свою вину и оставил надежду на богатство свое, и стал верить книгам Священного Писания. И на память о сем дивном чуде велел поставить на том месте, где была пещера, терем и назвал его «Звериный стан».

Святой Леонтий, епископ Ростовский, и жрец Кича

От Рождества Христова 1072 лета

Верховный жрец Велесов Кича имел у себя малолетнего сына, по имени Круглец, который был смышленым, предприимчивым, с хорошими наклонностями. Мальчика весьма полюбил святой Леонтий за его понятливость и добронравие. Круглец выучился от святителя читать и знал наизусть многие молитвы, которым он затем обучил товарищей своих. Потому

Круглец стал помощником святителя, стал руководителем всех приходящих к святому Леонтию своих товарищей. Святитель же приучал их кутьёю только к хорошему. Круглец знал уже некоторые православные обряды при богослужении в алтаре и сверх того хорошо понимал некоторые догматы христианской веры. Все слышанное из уст святого Леонтия Круглец исправно передавал у себя дома бабе, матери и всем слушающим его со вниманием язычникам. Это приводило к частым ссорам между жрецом Кичей и его домашними, которые иногда восставали против языческих богов, в особенности против златоглавого Велеса. Жить в доме стало совсем нестерпимо. Более всего доставалось Круглецу. После каждой ссоры его на несколько дней заключали в «покаянный подвал» на хлеб и воду. Он находился под храмом бога грома Перуна. Кича долго выговаривал сыну о том, что потомку верховного жреца не следует общаться с волхвом-обаянником (так он называл святого Леонтия) и слушать его богопротивные учения, а быть достойным восприемником своего отца — верховного жреца несравненного Велеса. Но Круглецу все эти слова были что об стену горох. Ему были внятны только слова учения Христова из уст любимого им святителя. Во время мучительных истязаний и самых жестоких пыток боли не чувствовал и был безмолвен, мысленно повторял «Отче наш». Он никогда не плакал. Это весьма удивляло верховного жреца и одновременно огорчало, он приходил к выводу, что все средства, употребляемые им к исправлению сына и к отвержению его от святителя — ласки и строгости, оказались тщетными.

Получив свободу, Круглец пропадал из дому по целым неделям. В это время его находили всегда на Владычном дворе на берегу Брутовщинина ручья играющего с товарищами своими.

Иногда жрец бывал в веселом расположении духа. Тогда Круглец передавал ему все, что видел и слышал у святителя

о вере христианской. Жрец от того становился угрюмым и задумчивым. Наконец терпение его иссякло. Он понял, что нет никакого иного средства к отвращению своего сына от святителя, как только совершенное изгнание святого Леонтия из пределов Ростовских. И он решил изгнать его устами бога Велеса подобно тому, как святой Леонтий раньше изгнал жреца из соборного храма и из города устами Бога своего христианского. Для этого верховный жрец назначил день жертвоприношения богу Велесу плодов земных. Круглец догадывался о хитрых проделках отца своего против святого Леонтия и решил помочь святителю, вооружившись против отца. Он пришел в Велесово дворище и сделал вид, что покоряется воле отца.

За несколько дней до торжества Круглец придумал намазать смолою всю внутреннюю пустоту головы Велеса. Он сделал это тайно, и никто об этом не догадывался. Как сын верховного жреца, Круглец имел свободный вход в тайник святилища Велеса, в котором была устроена потаенная лестница.

Наступил желанный день торжества, на которое стеклось бесчисленное множество народу, чтобы узнать возвещаемую жрецами волю великого бога. Начался обряд жертвоприношения плодов. И все, увидав густой дым, выходящий изо рта, ушей и глаз божества, решили, что Велес на что-то гневается. Тем временем изо рта Велеса стали вылетать искры все более и более. Наконец появилось и пламя, которое жрецы истолковали как признак великого гнева. Вслед за пламенем глухой могильный голос возвестил находящемуся тут народу, чтобы он под водительством верховного жреца Кичи немедленно выгнал бы из пределов Ростовских ненавистного божеству волхва и чародея Брутовщинина ручья, развратителя и отравителя детей волшебным зельем, называемым кутьёю, святителя Леонтия. «А в случае сопротивления его, — вещал голос, — его нужно умертвить. А если не исполните мою волю, то нашлю на вас великие напасти: мор, голод и огонь небесный!»

Выслушав из уст самого бога Велеса такие грозные слова, народ зашумел и забесновался, требуя немедленного исполнения воли божества и желая теперь иметь себе одного предводителя — верховного жреца Кичу.

Верховному жрецу в это время было ни до кого. Изобретение сына лишило его длинных сребровидных волос на голове и бороде — красы и гордости. А более всего ему было жаль длинной, широкой, окладистой бороды своей. Увы, это случилось. Желая побольше устрашить народ гневом божества, жрец Кича положил в жаровню тройную порцию горящих угольев, отчего в пустой голове Велеса произошел великий пожар, который умножился еще после того, как Кича стал раздувать уголья, добывая из них искры и пламя. От жару и большого курения ладана-смола размягчилась и растопилась, потушив уголье. После речи божества жрец долго глядел в отверстия глаз на беснующийся народ. Все это его весьма утешало. Долго смотрел он на толпу, возбужденную произнесенной им от имени божества речью. Между тем растопившаяся смола уже совершенно остыла и крепко держала в себе волосы жреца. А верховного жреца едва сумели выручить из его засады верные ему люди. К тому времени он уже не имел ни одного волоса ни на голове, ни на бороде, претерпевая нестерпимую муку. От того он немалое время был нездоров.

Ярость верховного жреца не имела границ. Все несчастья были приписаны происками христиан, за которых, как говорили жрецы Велеса, христианский Бог в гневе опалил небесным огнем верховного жреца. Еще более расшалились ростовцы, когда они узнали, что из-за такого ненавистного их богам чародея верховный жрец лишился личной красы своей. Говорили жрецы, что Велес обещал украсить Кичу роскошными волосами вновь еще благообразнее по совершенном изгнании из города чародея Леонтия.

Когда Кича выздоровел и стал показываться народу, многие смотрели со слезами на его безобразие и распалялись

все более жаждой мщения святому Леонтию. Горя желанием исполнить возвещенную им волю божества, упросили они верховного жреца идти с ними на чародея. Верховный жрец сделал вид, что только уступает их настойчивым просьбам и молениям, изъявляет желание предводительствовать в изгнании чародея из ростовских пределов.

Неистовствуя, разъяренные гневом ростовцы не шли, а бежали излить свою ярость на злого чародея: изгнать или убить его. И чем ближе приближались они к жилищу святителя, тем сильнее разгоралась их ярость. Повсюду был слышен вопль бегущего бесчисленного народа.

Когда люди побежали к церкви, они узнали, что святитель учит там больших и малых христиан. Они устремились туда, как лютые звери, готовые растерзать святителя и разнести по бревну церковь. Когда святитель Леонтий услышал неистовые крики язычников, он облачился в свои святительские одежды. В крещатой ризе, в митре, с крестом в одной руке и посохом в другой вышел он из храма со всем освященным собором. Впереди святителя шел грозного вида крылатый воин с обнаженным мечом. Увидев все это, толпа народная повалилась на землю словно замертво.

Еще до выхода святителя из церкви верховный жрец увидел, что церковные двери отворились настежь сами собой. От страха он скрылся в толпу народную. В это время громоподобный голос крылатого воина поразил слух верховного жреца. Голос повелевал ему идти к святителю. И вот уже неведомая сила поставила трепещущего жреца лицом к лицу со святителем. Жрец повергся к ногам его, а святитель произнес имя Иисусово и велел встать. Когда святитель произносил эти слова, все воочию увидели, как при имени Иисуса из уст крылатого воина изрыгался пламень огненный, и каждое слово Иисусово звучало подобно грому, нестерпимо отдаваясь в ушах верховного жреца. Наконец, после краткого поучения святитель склонил речь свою к верховному жрецу,

говоря о нем самом и видимом его неблагообразии. «Тебе и мне известно, — говорил святой Леонтий, — как ты лишился волос своих. Вот уже прошло тому немало времени, а ты все еще лысый и безобразный и бог твой Велес не возрастил на тебе ни одного волоса. Веруй в проповедуемого мной Бога, и ты получишь благолепие пуще прежнего. Вернутся к тебе волосы на голове и бороде твоей перед лицом всего ростовского народа».

Жрец, едва пришедший в себя от обуявшего его страха, пораженный всем увиденным и услышанным, громко закричал: «Верую в твоего Бога, человече Божий! Помилуй мя, проклинаю Велеса и всех идолов своих!»

Тогда святитель стал кротко учить его некоторым первоначальным догматам христианской веры. Потом, огласив его, помолился довольно и осенил находящимся в руке крестом главу жреца и приложил святой крест к устам его. От этого осенения крестным знамением и прикосновения святого креста мгновенно выросли у жреца сребровидные волосы на голове, отросла и борода, много превосходящая по красоте прежде бывшую.

Видя такое дивное чудо, все язычники ростовские тут же уверовали вместе с бывшим жрецом Кичей во Христа и вместе с ним попросили святителя сделать их христианами, заявив, что они оставляют и проклинают своих языческих богов.

В непродолжительном времени после этого события святитель Леонтий рукоположил новокрещеного названного Петром бывшего жреца Кичу в иерея. Священник Христов Петр как пастырь шел со многим своим стадом обращенных в христиан в свой терем, находящийся в пределах Ростовских. Несмотря на яростный гнев братии жрецов, иерей Петр сжег дотла притон их — Велесово дворище и взамен построил на этом месте, близ своего терема, небольшую деревянную церковь, в которой сын его Круглец был крещен и назван во святом крещении Моисеем, а вскоре был посвящен

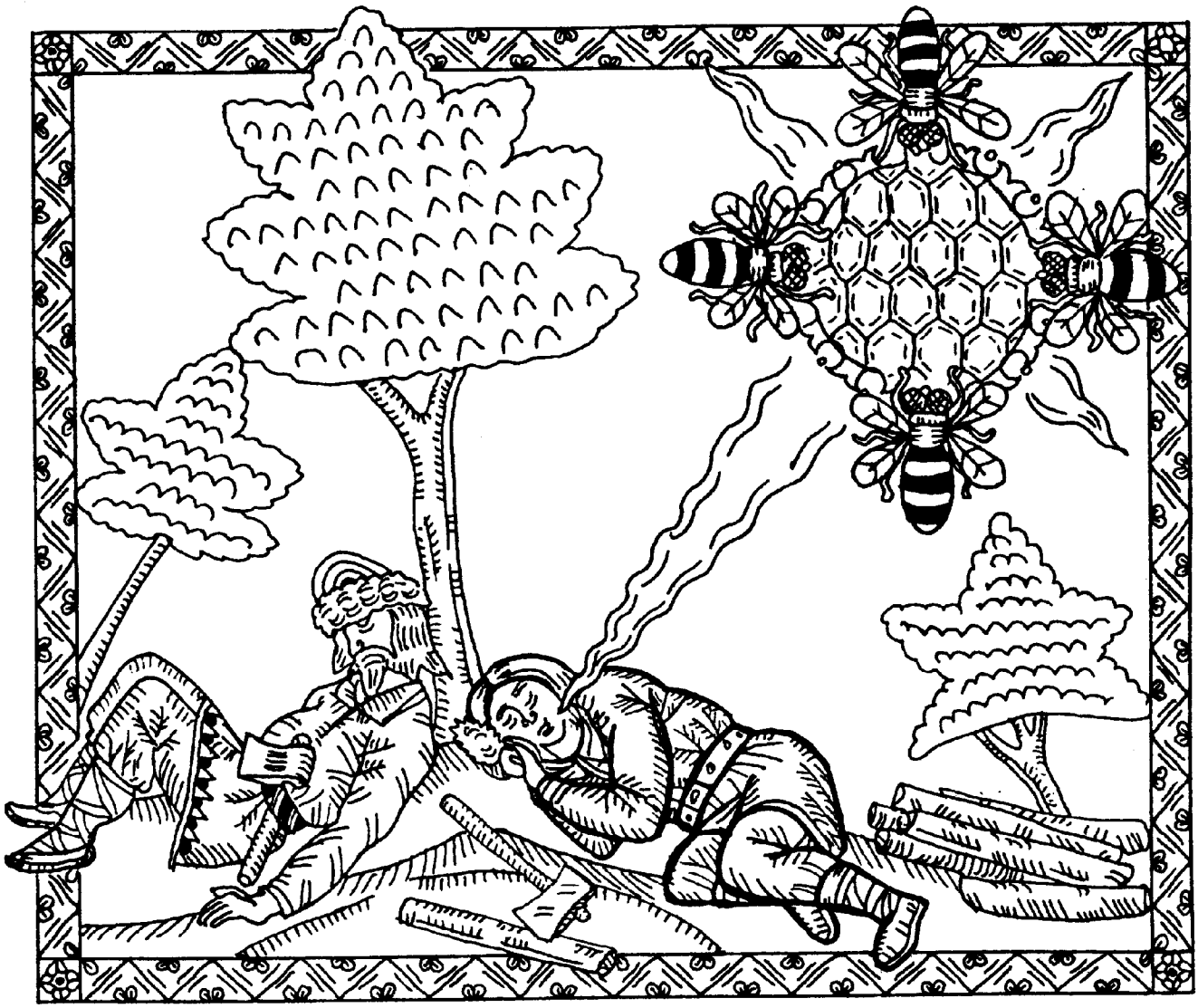
святым Леонтием в дьяконы. После смерти отца своего Моисей был рукоположен святым Исайей, епископом Ростовским, в иерея и был тут примерным пастырем. Отец и сын были погребены в той церкви.

Недолго святитель Леонтий пас свою паству в Ростове Великом. Все изменилось из-за водворившегося в городе безначалия. Совершались тут безнаказанно страшные злодейства чудского язычества, волхвов и чародеев. Настало определенное Богом время блаженной кончины святителя Леонтия, и давно задуманное злодейство совершилось по внушению оставшихся жрецов и волхвов. Святитель был замучен язычниками во время кормления детей кутьей в лето 6581-е (1073), июля в 17-й день...

«Сей бысть первый епископ Ростовский, его же Бог прослави нетлением и се бысть первый престольник, его же неверии много мучиша убиша. И се третий гражданин бысть русского мира со онема варягами венчеся за Христа», — написал о нем в послании святой Поликарп, епископ Владимирский.

Святой Леонтий был погребен митрополитом Киевским в присутствии ростовского князя Всеволода Ярославича в Ростовском соборном храме. И «бе великия смертельныя муки убийцам его».

Позднее на месте пролитой крови святого Леонтия, на берегу Брутовщинина ручья, святой Иаков, епископ Ростовский, по изгнании своем с престола основал Зачатьевский, ныне Яковлевский, монастырь.

Прохор, епископ Ростовский, и новгородские ушкуйники

От Рождества Христова 1120 лета

Святитель Прохор, в миру Прокофий, был сыном простого пахаря, по имени Игнатик, небогатого, доброго и верного селянина, имевшего убогую хижину на берегу реки Прони. В одно время отец Прокофья работал с ним в лесу: срубали для себя столетние деревья. Утрудились оба и легли отдыхать под тень большого дерева, и уснули. Отец Прокофья видит во

сне, что рой пчел сел на уста Прокофья и наполнил их сотами. Такой же сон видел и сам Прокофий. Когда они проснулись, то отец и сын рассказали друг другу свои сны, удивлялись виденному и долго рассуждали о том между собою, но не могли постигнуть тайны сна. Немного времени прошло после этого, как в одну ночь, сперва в тонком сне, а потом и наяву, отец слышит голос, повелевающий ему отпустить Прокофья во иночество в Авраамиеву обитель. И сыну его невидимый голос тоже повелевает быть иноком, согласно его же желанию из давних лет. Он и прежде говорил об этом отцу, но, не получив согласие на иночество, не смел уже более напоминать ему об этом, потому как отец Прокофья был давно вдов, имел более желание женить своего сына, единственную подпору своей старости, на красивой дочери соседнего богатого пахаря. Прокофий просил отца своего не принуждать его к этому браку, а отпустить его в обитель, но отец не желал ничего слушать и, хотя не стал принуждать его к браку, однако не оставлял своих тайных помыслов, выжидая только время подходящее. Он надеялся на то, что изменятся мысли Прокофья и он все-таки женится.

Прошло немало времени после того, как они в первый раз услышали голос во сне. Отец Прокофья слышит снова тот же голос, который повторяет те же слова с присовокуплением, что у сына его скоро потекут из уст соты медовые. Отцу никак не хотелось расстаться с сыном. Он предполагал, как и прежде, женить его на богатой невесте и состариться среди внучат своих. Но Провидение распорядилось иначе. В последующую ночь тот же голос, но уже грозный, стращал неповинующегося наказанием. Устрашенный этим, отец хотя и со слезами, но отпустил сына во иночество. Так Прокофий стал иноком. Примерная жизнь скоро возвела его на степень настоятеля Авраамиева монастыря и духовника князя Юрия Владимировича Долгорукого. Там в одно время он чудесно остановил движение озерного льда на обитель во

время половодья, весной, в день святого Антипы Водопола. Тогда лед, гонимый сильным юго-восточным ветром, разрушил многие дома близ Авраамиевой обители на Подозерной проезжей улице, но обители не навредил.

Немного времени спустя блуждающая шайка новгородских ушкуйников, числом около двадцати человек, хотела ограбить обитель Авраамиеву. Настоятель ее архимандрит Прохор предузнал об этом и помолился преподобному Аврамию о защите обители своей.

Ушкуйники глубокой ночью подошли к обители и простояли пред ней целую ночь на одном месте. Поутру рано живущие окрест обители люди, отправляясь в город на торжище, увидели большую артель чужих людей, стоящих на одном месте и громко между собой разговаривающих. Затем вдруг все увидели, как они спешно двинулись по дороге, сильно топая ногами и размахивая в такт ходьбы руками. По выговору речи их признали за новгородцев. Земля от топота их ног быстро превращалась в месиво. Видя такое чудо, отовсюду стекался сюда народ, потому что это случилось на самом бойком месте. Все дивились тому, и смотрели на них в то время, как новгородцы на словах поощряли друг друга, предлагая поспешить в пути, а сами не двигались с места и ничего не замечали вокруг.

Весть о таком дивном чуде дошла до настоятеля Авраамиева монастыря Прохора, который, будто бы не зная ничего, послал им туда из обители по наказу святого Авраамия прежде сваренного сочива и по укруту хлеба, так говоря принесшим эту весть людям: «Путники эти голодны, накормите их, они утомились в пути своем. Скажите им, что святой Авраамий прислал им это».

Все было исполнено по слову настоятеля, и лишь только сказали им, кто прислал новгородцам эту пищу, как все они как бы пробудились ото сна, и стали дивиться, увидев обитель Авраамиеву и великое множество народа, вокруг стоя-

щего и смотрящего на них. От ростовцев новгородцы узнали, что, стоя на одном месте, они топали ногами и размахивали руками. Тогда ушкуйники с радостью приняли присланную им пищу и со слезами раскаяния на глазах стали всем рассказывать, кто они и зачем так долго и спешно шли к обители. И после этого они стали жаловаться, что страдают от утомления ног своих, как будто бы они долго шли издалека. В это время пришел к ним настоятель обители Прохор, которому они со слезами исповедали грех свой и просили у него прощения. Настоятель кротко простил их и поучил их довольно, как должно жить и трудиться без вреда другим, как оставить тот их богопротивный промысел. Тут ушкуйники стали просить настоятеля разрешить им поселиться в Ростове и жить им на том месте, где они так чудесно путешествовали целую ночь, сказавши при этом о себе, что они большие мастера варить новгородские квасы.

Вскоре после этого настоятель Авраамиева монастыря архимандрит Прохор был возведен в сан епископа Ростовского. По принятии этого сана он с князем Юрием старался искоренить зло в своей пастве, причиненное наместниками и тиунами. Одного такого наместника он наказал слепотой, чтобы тот, как аспид, не видел уязвленных им жертв, а только бы слышал их жалобы. Другому тиуну святитель предрек скорую и притом мучительную смерть, если он не изменит жизнь свою, но тот из-за корыстей своих пренебрег увещаниями святителя и только посмеялся над владыкой с друзьями своими верными, но слова владыки скоро исполнились. Тиун тот, будучи на охоте, убился: рассвирепел конь его, и он упал с него на землю, во время падения его одна нога осталась в стремени, и таким образом влачимого и обезображенного, но уже мертвого, конь привлек его к дому его.

Молодой Филя-воевода

От Рождества Христова 1156 лета

Ростовской земле вдоль великой русской реки Волги на ее правом берегу, между Мологой и Ростовом, протянулось большое ровное поле, некогда принадлежавшее Яну Вышатичу, боярину киевского князя Святослава Ярославича, сына Ярослава Мудрого. Этому полю, прозванному Яновым, ростовцы почитали себя наследниками. Каково же было их удивление, когда однажды местные кузнецы, жегшие здесь для себя много угольев, собрались все вместе и без спросу срубили город и назва-

ли его Углеч-поле, или Углич. Осерчали ростовцы и пошли на жителей Углеча — Янова поля войной. В народе говорят, что это случилось при великом князе владимирском и суздальском Юрии Владимировиче Долгоруком, точно тогда, когда его сын Андрей срубил деревянные стены крепости Москвы.

Итак, ростовцы двинулись войной на яновцев и кашинцев, их союзников, под предводительством старого своего воеводы Фили. У последнего был помощник и правая рука его на войне — молодой Филя. На самом же деле то была дочь его, красавица Фекла. «Молодой Филя» — так звал дочь воеводы весь военный стан — мало в чем уступала старому Филе, окромя лет. И подобием лица, ростом и дородством походили один на другого. В битвах они находились всегда рядом, один подле другого, плечо о плечо. О старом Филе была у ростовцев поговорка: «От ран после воеводы Фили ничем не лечили: ни травами, ни шепотом». Стали уж прикладывать это присловие и к молодому Филе. Окроме военной доблести, по части девичьей Фекла была из первых красавиц Ростова. Лицом, ростом, дородством, добротой, умом и щедростью служила она образцом для других, в особенности для подруг ее, которых она, впрочем, почти не имела. Один неисправимый был у ней недостаток: любовь к военным подвигам. Еще в младенчестве лишилась она своей матери. Отец ее Филя остался вдовым: не женился в другой раз и занялся воспитанием дочери. Воинственное княжение Юрия Долгорукого в Ростове не давало воеводе жить в покое: беспрестанно то в том, то в другом месте предводительствовал он ратью вместе с князем Юрием. Вследствие этого он и дочь свою всегда имел при себе. Походы военные и звук бранной трубы пришлись дочери его Фекле по сердцу и сроднили ее с шумом бранным и битвами до того, что она находилась постоянно в рядах ратных и без отца своего. От него хорошо она усвоила военное дело, умела добре управлять конем, сражаться мечом. Возмужавши среди витязей,

она стала сама быть витязем и водила к победам отдельные отряды воинов, иногда довольно многочисленные. Это сначала утешало Филю, отца ее. Позднее увидел старый Филя, что для дочери его приличнее было бы носить ферязь и перевязку девичью вместо шелома и доспехов ратных, а вместо ратного стану сидеть бы ей в светлице.

Счастие благоприятствовало ростовцам. Они в первом же сражении прогнали с ратного поля яновцев в город, а вместе с ними и кашинцев, и обложили Углечь-поле кругом военными стенами. Осада эта длилась немалое время. Молодой Филя в это время занимался только охотою в лесу, окружающем город с восточной стороны. Вот как-то Филя удалился на значительное расстояние от военного стана. Там наехал он на прелестную поляну, окруженную со всех сторон сосновым бором. С востока омываемый рекою, на этой поляне возвышался довольно высокий холм, на котором росли дикорастущие плоды: рябина и черемуха. Место это почиталося у язычников священным, где приносили они свои жертвы. Секира не прикасалась к деревам этим.

Такое прелестное местоположение понравилось молодому Филе и расположило его к отдохновению под тень этих деревьев. Стреножив коня своего, он отпускает его на обильный подножный корм. На той же поляне долго мечтал он, лежа на мягкой зеленой мураве, смежив очи свои. Вскоре молодой Филя заснул крепким сном.

В это же время и по одинакой причине выехал из лесу на ту же поляну заблудившийся молодой князь — сын князя яновцев, по имени Улейбой, прозванный Ясные Очи, краса великокняжеских витязей стольного Киева. Он только что приехал оттуда, чтобы повидаться со своими родителями. Здесь, как тогда говорили, «ростовцы шапками закидали яновцев». С бою он проложил себе дорогу через ростовский стан в город Углеч-поле. Встрепенулись яновцы и кашинцы, обложенные со всех сторон ростовцами. А наипаче всех рад

был приезду Улейбоя отец его, князь яновцев, прозванный Наковальня. Молодой витязь князь Улейбой, не медля нимало, осмотрел воинов отца своего, исправил и укрепил все нужные места городской стены и поставил по местам надежную стражу; восстановил он и упавший дух своего отца и его военные силы, подготовил дружины к оборонительной и наступательной войне, в число дружин отца своего включил самого себя. Вследствие этого по обычаю военному под видом охоты пошел осмотреть расположение стана ростовцев: с которой стороны и как удобнее будет сделать ему нападение на них. Долго ходил он после осмотру военного стана по лесу, окружающему город, и размышлял, как удобнее ему начать эту битву — единоборством или ратию всей. В таких мыслях он потерял дорогу, ведущую в город. Долго блуждал он по лесу, доколе случайно не вышел на ту же поляну, где спал крепким сном молодой Филя. Издали князь Улейбой увидел стреноженного коня, а рядом с ним усмотрел на холме под тению дерев спящего витязя, в ногах которого лежал черный великий пес-волкодав. Подойдя ближе, он смог увидеть, как ветер играет длинными волосами витязя, голова которого покоилась на пернатом шеломе его. По рассказам яновцев о коне и доспехах его, а равно как и о псе его, в спящем витязе он признал молодого Филю. А более признал он его по роскошно рассыпавшимся кудрям. Князю захотелось посмотреть поближе красоту спящего, о которой он так много был наслышан. Но верный пес Фили воспрепятствовал ему в этом: при приближении князя стал громко лаять и тем самым разбудил спящего витязя — молодого Филю.

Пробужденный лаем пса, молодой Филя увидел недалеко от себя идущего к нему молодого и красивого витязя. Филя тут поспешно встает на ноги, надевает шелом свой на голову, опускает решетку на лицо свое, зовет коня своего, который послушен был его голосу. Растреножа коня, Филя садится на него и поджидает идущего прямо к нему князя Улейбоя. Од-

ного мгновения ока было достаточно князю Улейбою, чтобы увидеть красоту лица молодого Фили, когда тот надевал пернатый шлем свой. Он пленился этой красотою и хотел было извиниться за то, что по неведению нашел на то место и прервал сладкий сон витязя, но молодой Филя вместо всякого ответа делает князю вызов на единоборство. Тогда князь Улейбой подходит к молодому Филе, вынимает меч свой и почтительно подает ему оный, признает себя его пленником.

Молодой Филя впервые видит такую к себе неожиданную покорность. Взглянув пристально на подавшего ему меч, смутилась юная Фекла. Решетка скрыла румянец, покрывший лицо ее. Жар от прихлынувшей крови разлился по ней. В первый раз в жизни устыдилась она военных доспехов своих и готова была теперь променять их на ферязь. Молча поворотила она коня своего к военному своему стану и полетела стрелой к оному, скоро скрылась из глаз изумленного князя Улейбоя.

После такого свидания князь стал просить своих родителей дозволить ему идти к воеводе Филе и просить у него дочь его себе в супружество. Получив на это их согласие, он вместе с этим получил полномочия вести переговоры о мире. С тем немедленно отправился в военный стан ростовцев. Его скоро ввели там под намет старого Фили, с которым князь Улейбой покончил мирные условия, согласно желанию ростовцев. И по окончании всей миролюбной сделки Улейбой повел речь о молодом Филе, объявил при этом себя его военнопленным без бою и сказал, что желает, получив руку дочери, стать навсегда ее пленником. Старый Филя, выслушав все это от князя Улейбоя, остался им доволен и весьма был рад его предложению. Он немедленно посылает в светлицу своей дочери и зовет ее к себе. От посланца отца своего узнает она, кто находится в тереме. Узнав все теперь, она в первый раз надевает драгоценную девичью ферязь и такую же перевязку. И с опущенным на лице своем покрывалом

павлинной поступью входит в светлицу, откликнувшись на зов отца своего.

Старый Филя и князь Улейбой с восхищением смотрели на вошедшую красавицу. Наряд этот намного увеличил красоту ее. Откинув на плечи покрывало свое, Фекла с почтением подошла к отцу своему и скромно у него спросила: «Зачем ты позвал меня к себе?» А тот с улыбкой показал рукой на князя Улейбоя и сказал: «Это твой военнопленный! Он принес тебе вместе с мечом своим и свою покорную голову и просит у меня тебя, победителя своего, себе в жены. У нас по старому военному обычаю такого размена не бывает. Ты победила его, ты и делай с ним, что знаешь. Идешь к нему или нет, это твое дело. Мое дело тут сторона!»

От таких слов отца красавица Фекла пришла в полное смущение и не могла долго ничего ответить на это.

Вскоре одновременно с торжеством мира последовал и брак князя Улейбоя с молодым Филей. Молодожены уехали из города Углеча-поля в Ростов, в терем старого Фили. После этого события старый и молодой Филя оставили военное поприще и стали жить да поживать счастливо в своем родовом тереме. Позднее на его месте возникла деревня Филимоново. А на той поляне, где Фекла встретилась с Улейбоем, позднее князь Владимир Константинович основал Николо-Улейминский монастырь.

Князь Андрей Юрьевич Боголюбский

От Рождества Христова 1157 лета

Молодой князь Андрей, сын князя Юрья Долгорукого, был юноша красивый, мужественный и великодушный, храбрый и сильный. С самых юных лет полюбил он науки, и они ему впрок пошли. Скучно стало ему в городе Владимире сидеть и на реку Клязьму глядеть. А охота по лесам владимирским опротивела ему. Стал он проситься у своих родителей в чис-

то поле погулять, людей посмотреть и себя показать: великаде для этого земля Русская! Долго родители на это не соглашались по молодости его лет. Наконец по убедительным и неотступным его просьбам отпустили его до стольного города Киева. Старый ростовский богатырь князя Юрья и сослуживец его, пестун князя Андрея, Василий Казаринов клал на него заповедь великую, богатырскую: почитать старость матерую, защищать слабого от сильного, против старших ряду не рядить и не сидеть с ними плечо о плечо, хлеб-соль послугой добывать, на бою назад не оглядываться, «и везде непопятным будь, зло за зло никому не давай».

Поехал князь Андрей по неторному пути к стольному Киеву один-одинешек с одними отвагой да храбростью. В дремучем лесу муромском наехал он на заставу богатырскую. Стоит тут один-одинешенек старый казак, поляница удалой. Князь Андрей хотел оминуть его, но тот заслонил ему дорогу прямоезжую. А сам стал таки речи говорить: «Стою я здесь тридцать лет, три года и три месяца, никто досюль мимо меня пути не прокладывал, лютый зверь не прохаживал и пернатая птица не пролетывала. А ты, молодой груздырь, проехать захотел? Хочешь, я тебя копьем сколю, хочешь, я тебя конем стопчу?»

Тут князь Андрей образумился, вспомнил заповедь старого богатыря Василья Казаринова почитать старость матерую. Слезает он с коня своего богатырского и бьет старику челом о сыру землю. А сам таки слова говорит самому себе: «Глуп ты, Андрей, неразумен, молодой, скоро забыл ты заповедь старого казака Василья Казаринова: старых людей в почете держать. Теперь на глупость мою, старина, не огневайся: сам был молод и, может быть, был не умнее меня!» Любо это слово стало быть старому полянице, слушать такую речь покорную, а слова его о Василье Казаринове ему по душе пришлись. На это он сказал ему: «Стою я здесь с лишком тридцать лет, а такого ума-разума ни от кого не слыхивал. По всему знать, что ты отцовский сын, и видно, что

ты от старика Василья Казаринова. С ним я ездил в чистом поле полсорока годов, бранного слова друг другу не говаривали. По сердцу ты пришелся мне, старику. Потому покажу я тебе заветный путь и научу я тебя уму-разуму, как дойти тебе до Орлиного гнезда Кучки-боярина, которое стоит на берегу Москвы-реки. Там найдешь ты себе супротивницу — красну девицу, дочь боярскую. Без меня, старика, тебе не взять ее. Положишь ты там свою головушку от лютых братии красавицы. Потому надо пожить тебе у меня, старика, ровно три дня и три ночи и поучиться у меня уму-разуму, как тебе надо на свете жить».

Тут князь Андрей старика не ослушался, остался у него науку учить.

Стал старый поляница учить князя Андрея уму-разуму. Первую науку стал учить: дал ему подорожный шар. А сам стал ему таки речи говорить: «Возьми себе ты этот подорожный шар. Он лесами дремучими, горами высокими, болотами топучими, полями нераленными, лугами широкими докатится хоть до царства Цыцарского, не токмо до Орлиного Кучкина терема. У реки перевозу он не спрашивает и будет он тебе где ладья, а где калиновой мост: та наука тебе явлена».

Принес тут еще старый казак ковер шелку шемаханского. Он всякими узорами разукрашен был. И, подавая его князю Андрею, такие речи говорил: «Голоден будешь — разверни его: он накормит тебя, чего пожелаешь кушати. Ума достать — приложи к нему ухо правое. Куда захочешь лететь — сядь на его середний круг и лети, куда вздумаешь. Не груз ему кремнистая гора, а груз ему — дела блудные. Так он слушается: сойти с него где захочешь — сожми в руке уголок его и он из-под облак тихо опустится, куда поволишь ты. За все эти подарки и за всю науку мою не забудь меня, полянищу старого, на обратном пути во Владимир-град».

Чрез три дня князь Андрей поехал за подорожным шаром по высоким горам и дремучим лесам, держал он под мышкой

ковер-самолет. Не скоро он доехал до Орлиного гнезда боярина Кучки. На конец пути издали завидел это гнездо князь Андрей. Подъезжает близко к терему — видит вокруг терема высокий тын. Ворота в нем крепко замкнуты. Нельзя князю Андрею попасть на широкий боярский двор. Пускает он тут коня своего богатырского в заповедный луг на подножный корм. А сам разогнул свой ковер-самолет и садится на его середний круг невидимкою. Хочет он быть на боярском дворе. Не успел князь подумать о том, видит себя уже на широком боярском дворе. Невидимкою он стал там похаживать. Там что город было всякого строения, светлицам и гридням счету нет. На самом лобном месте стоял терем боярина Кучки, что терем великокняжеский. Тут видит он позади терема у челядинцев боярских с конюхами идет кулашный бой. В другом месте он видит хоровод: то сенные девки тешатся, а с ними молодые Кучковичи песни поют и наособице речи ведут, и допьяна с ними напиваются, и всякими забавами забавляются! Идет князь Андрей мимо конюшего двора Кучкина. Там боярин сам Кучка над конюхами расправу чинит, крик и рев идут на весь боярский двор.

Тут стал думать князь Андрей, где светлица девичья. Вспомнил он тут науку поляницы старого, как ему ума достать; приложил он к ковру ухо правое и слышит там, что в трубу трубят, говорят ему серебристым голосом: «Садись ты в полночь на ковер-самолет. Он доставит тебя к светлице девичьей невидимкою и назад таким тебя вынесет. Будь скромен как красна девица. Глазом смотри, а рукам воли не давай, иначе ковер-самолет не слуга тебе. А без него от молодых Кучковичей лишишься ты буйной головы своей. Боярин Кучка теперь сам не свой: не знает, куда спрятать молодую жену непокорную, которая с князем Юрьем Долгоруким крепко познакомилась».

В урочное время князь Андрей садится на ковер-самолет и по желанию своему скоро очутился в светлице девичьей...

Стал он по ней невидимкою похаживать и все там высматривать. Наконец взошел он в опочивальню молодой Кучковны. Там боярышня Улита спала крепким сном и от жару в опочивальне вся разметалася. Старая няня спит в ногах у ней. А любимая подруга Улитина рядом с ней. Трудно было князю Андрею отвести глаза свои от спящих двух красавиц, в особенности от всех прелестей Улитиных. Нечем остудить ему свою горячую кровь. А тут как будто бы в назолу ему красавица Улита рукой взмахнула и сбросила к ногам одеяло соболиное камки хрущатой со своей груди белоснежной. Такой князь сродясь не видывал. Тут ото сна красавица пробудилася и разбудила свою няню старую и стала сон свой ей сказывать, что теперь ей пригрезилось: «Гуляла я в своем зеленом саду. Тут откуда ни возьмись молодой витязь, красив и статен ростом и дородством. Брал он меня за белы руки и сажал с собою на беседу дорог рыбей зуб. Много умильных речей говорил он мне. Называл себя по имени, но я позабыла его, а помню только изотечество его, кажись, Юрьевич. От слов его я вся в жару была. Он крепко-крепко обнял меня и назвал меня своей суженой. От этого его объятья я пробудилася. Скажи мне, няня, к чему сон такой мне привиделся?». — «Куда ночь — туда и сон, — отвечала ей няня. — Не след тебе, боярышня, ни о каких Юрьевичах думати. Заполонил князь Юрий зельями приворотными твою матушку. Оскорбил он смертельно твоего родимого батюшку. Досаду свою неуносную на своей челяди износит он».

Князь Андрей, будучи тут невидимкою, все это слышал и кое-что видел, на сеновале остаток ночи безо сна провел. Днем он стал думу думати, как бы ему с Улитой наособице речи повести и перстнями обручальными заручиться, зане добре она ему приглянулася. За советом он опять к ковру пришел, а тот велел надеть на боярышню ожерелье жемчужное, которое теперь у него на ковре. «Да на сонную не добре заглядывай, а помни заповедь поляницы старого, отчего ко-

вер в прислугу не пойдет. Послушай только, что проснувшися Улита будет говорить, да с тем и опять на сеновал».

На следующую ночь князь Андрей по-прежнему очутился в светлице девичьей, а там пришел и в опочивальню Улитину, и там было все по-прежнему, только Улита в сонном жару больше разметалася. Тут князь и сам, как в котле, кипел. Скоро надел на нее ожерелье жемчужное. А сам, помня заповедь поляницы старого, поскорей из опочивальни вон, и в рабочей светлице Улитиной он на сторожу встал. Оттоле слышит он, что боярышня от великого жару забредила: называла его по имени своим суженым и еще кое-что прибавила, и в таком жару пробудилася. Разбудила няню старую и стала ей про новый сон свой рассказывать: он был точь-точь, как в прошлую ночь, только она теперь с ним смелее была, нисколько его не стенилася. «За это он подарил мне ожерелье жемчужное, которое теперь на мне. Что это ныне со мной поделалось? И как очутилось это ожерелье на мне?» Теперь и няня стала в тупик: сон девичий, какой бы ни был, он туда и сюда, но ожерелье это — из рук вон, такого крупного жемчуга и няня сродясь не видывала и по долгом молчании сказала: «Видно тебе, дитятко, того суженой быть, кто так снаряжает тебя!»

О таком чудном событии Улита сказала отцу своему, не умолчала и о снах своих. Боярин Кучка, отец ее, хотя и слушал дочь свою говорящую со вниманием, но не верил он ни в сон, ни в чох. А, судя по жене своей, признал это за девичьи увертки, взбеленился он тут на дочь свою, укорял ее, что и она хочет провести его, как родимая матушка. Но старого воробья на мякине не проведешь! Досталось тут от него и старой няне, и сенным девкам всем за их молчание, что знать ничего не знают за своей боярышней.

После этого боярин Кучка заключил дочь свою Улиту одну в ее светлицу, прочь гнал от нее няню ее, подруг и сенных девок и поставил в светлице ее крепкую и неусыпную стражу, чтобы не было к Улите никому ни входу ни выходу...

И сверх того приказал везде обыскать у себя всю подноготную до закута на околице сыновьям своим.

На сеновале князь просидел невидимкою, и на третью ночь у ковра он стал спрашивать ума-разума, как ему из неволи себе Улиту выручить. Получил себе такой ответ: «Полетай на ковре в светлицу девичью. Там она одна-одинешенька коротает в слезах о тебе бесконечну ночь. Возьми-ка с собой ковер-самолет и полетай с ней во Владимир-град. Только до того города будь с ней что брат с сестрой по завету тебе старого поляницы. Забудешь его — не будет пути тебе из светлицы девичьей».

В глухую полночь князь Андрей пришел в опочивальню Улитину, где она одна лежала на постели под одеялом соболиным и думала думу о последнем сне, который ей тогда добре по душе пришелся: не худо бы и наяву совершился он! Не успела она еще передумать о всем, что во сне тогда делалось, вдруг увидела: ее сон наяву совершается. Князь Андрей у кровати ее стоял и собирался с ней речи вести. С испугу Улита завернулась крепко в одеяло соболиное. Тут князь Андрей стал о себе рассказывать, кто он и зачем к ней пришел, и уговаривал ее не пугаться его: не бука домовой пришел к ней, а тот, с кем она во сне не снелилась, называла своим суженым и речи вела, которых и няне не сказывала, застенилася.

Стала Улита сквозь одеяло у князя спрашивать о его дедине-отчине. Тут она имя его припомнила, каким он себя во сне называл. Стал он говорить ей, что она во сне уже от него слышала и ему тут ответила, что не пригоже девице пред молодцем в сорочке встать и речи вести. Не послушался бы теперь ее князь Андрей, а стал бы и в сорочке с ней речи вести, да боялся, что ковер-самолет не будет его слушаться. Он скоро вышел из опочивальни Улитиной в ее светлицу рабочую. А Улита в это время в девичью ферязь с перевязкою снарядилася и позвала к себе князя на исповедь, которая у них недолго была. Стал он звать ее во Владимир-град. В этом она ему не поперечила, а скоро садилася с ним на ковер-само-

лет и полетела с князем Андреем во Владимир-град. На пути своем князь завернул на заставу богатырскую. А там полянища старый уже мертвый лежал — преставился. Князь предал земле тело его и над могилой его поставил часовенку.

Поутру боярышни Улиты не нашли в ее тереме. А только нашли коня доброго в заповедном лугу, которого боярин Кучка по сбруе узнал: конь тот из конюшни Юрья Долгорукого. Из того он прямо заключил, что дочь его пошла по стопам матери.

Тем временем в Ростове Великом вече, встревоженное недобрым правлением князя Глеба, не хотело уже более терпеть его и решило самовольно избрать и провозгласить себе князем сына Юрьева Андрея. Но тут в Киеве случилась смерть великого князя Юрия Долгорукого.

Едва только весть о смерти великого князя достигла Ростова, как на вече «вздумаша вси и избраша себе князя — одного из сыновей Долгорукого князя Андрея Юрьевича, и пояша его и посадиша в Ростове на отчем столе, зане люб бе всеми за премногую его добродетель, тоже имаше прежде к Богу и ко всем человекам сущим под ним», — говорит летописец. Присягу эту ростовцы принимали 1 июля 6665 лета, а по нашему летосчислению — 1157 года.

А князь Андрей в особенности вельми полюбил область Угожь, зане ту первее ему володети, а ростовичи крест целоваша, и брат его Ростислав бе ту с ними, и ту створиша пир велий зело про все люди, и вслед за сим выбор этот утвердили присягою ото всех городов ростовских.

По сем по вступлении своем на ростовский престол князь Андрей любил делать различные улучшения в Ростове и его окрестностях. Сооружал великолепные здания, при этом не была им забыта и волость Угожь, где он часто пировал с соседними князьями. И там на веселом пиру в одно время мирил он ростовцев с суждальцами и володимерцами, и на дворе Мстиславовом украсил церковь Богоявления Господня зело и зело.

Новый князь, вопреки всем своим предшественникам и братьям, возлюбил север как родину свою. Охотно удалился он в избравшую его область, где ростовцы с великим торжеством и радостью встретили его. Потому окроме всеобщей молвы о его благородном и добром нраве они имели много случаев видеть его храбрость как более всего тогда им нужную и при оной набожность и крепость характера.

Вначале он прогнал наместников, которые своим корыстолюбием, грабительством и продажею правосудия возбуждали всеобщий ропот в народе, считавшем себя не княжеским, а вольным. Равно они считали вольным и Ростов, как и Новгород.

Выведя Ростовскую землю из бедственного состояния, он возвысил ее над всеми другими уделами перенесением в Ростов великокняжеского престола, и тем утвердил за собой народную любовь. И с того времени стали замечательны быть в ней успехи гражданственности. А силою оружия ограждал он своих подданных от своеволия новгородцев и дерзости волжских болгар.

Великое народное бедствие постигло Ростов. Это великий пожар случился 29 апреля 6669 (1161) лета, который опустошил едва не весь город и превратил в пепел великолепный ростовский дубовый собор Успения Пресвятой Богородицы, построенный еще великим князем Владимиром Святым и стоявший на украшение Ростову сто семнадцать лет. Это о нем говорили люди: «Чудна зело и преудивительна, якоже не была и не вемы будет ли?»

В это бедственное время в Ростов пришел ко князю Андрею зять его, князь Олег Святославич Стародубский вместе с князем Семеном Михайловичем, сыном князя Михаила Всеволодовича Черниговского. Первый из них отыскивал супругу свою Агафью Юрьевну, младшую дочь великого князя Юрья Долгорукого, сестру князя Андрея, похищенную волшебником.

Князь Олег Святославович Стародубский и волшебник Назор

От Рождества Христова 1162 лета

Во время княжения в Ростове князя Андрея Юрьевича Боголюбского обручена была в Киеве сестра его княжна Агафья Юрьевна с князем Олегом Святославичем Стародубским. В Киеве в скором времени и был совершен брак их.

В одно утро княгиня Агафья с приближенными своими гуляла по берегу Днепра. Вдруг налетел на них страшный вихрь, который засыпал вертячим песком глаза всей свите княгини Агафьи. А когда минул вихрь, тогда они не нашли между своими княгини. Молодой супруг ее князь Олег Святославич пришел от этого в великую печаль и болел оттого, что не знал, где она теперь находится. Только один старый киевский знахарь сказал ему, чтобы он искал ее на севере, в уделах родных ее.

Такое известие заставило его поехать из Киева на север, в Ростов, к брату ее князю Андрею. С ним вместе поехал и друг его князь Семен Михайлович Глуховской. Приезд князей Олега и Семена обрадовал и опечалил князя Андрея. Потеря любимой сестры его и притом таким образом остановила все дела его удела. Он не знал, чем помочь в таком случае князю Олегу, потому что он не вполне верил словам знахарей, на которые ссылался князь Олег. Он думал, что похищение сестры волшебником не иначе, как простонародная сказка, и не верил, что в окрестностях Ростова водятся многие волхвы и чародеи.

По слову киевского знахаря, далее Ростова на север князю Олегу пути уже нету: удел князя Андрея был самым крайним на север. Далее за Белым озером и рекою Сухоной простиралась земля чуди белоглазой — земля Заволочская, подвластная Господину Новгороду Великому; а до дальнего города Гледена шли леса дремучие, нехоженые, зырянами знаемые, служившие самой Золотой Бабе — богине.

Христианских князей ростовских уже было мало на севере: стали они почти все боярами великого князя или боярами удельных князей. И князь Олег имел с некоторыми из них сношения и посылал к другим проведывать, не содержится ли где-нибудь какая-либо пленница, но такой нигде не оказалось. Ходил он и по многим известным чародеям, живущим в лесах и уединенных местах в окрестностях Ростова. Но от них, окроме радушного себе приема, ничего не получил положительного о супруге своей. Все как бы по уговору хранили о том глубокое молчание или

отзывались неведением. Только один из них, и то как бы сквозь зубы, проговорил ему: «То правда, что сказано тебе в Киеве».

Долго, быть может, пришлось бы князю Олегу прожить в Ростове и ждать вестей о супруге своей, если бы не нечаянный случай. В один праздничный день шел он в Ростовскую соборную церковь и дорогою нагнал и перегнал его юродивый старик, который шел и прыгал пред ним и повторял беспрестанно скороговоркою одно и то же: «Бикань, Назор, Агафья!» Имя Агафьи обратило на себя внимание князя Олега да и все слова юродивого показались ему загадочными. Он не преминул спросить тут же у людей: «Что это за человек?» Ему отвечали: «Это юродивый Фрол, святой человек».

Князь Олег после этого стал допытываться у свиты, что такое значат слова юродивого «Бикань и Назор». Один пристарелый латник рассказал ему, что задолго до принятия христианства жила в Ростовской земле волшебница Бикань, которая построила себе великолепный терем на Сохатском мокром и кочковатом болоте. «Теперь, — продолжал латник, — в этом тереме поселился лютый чародей, по имени Назор». А что касается Агафьи, то старик сказать ничего не мог, окроме одной догадки: не есть ли это княгиня Агафья? То же самое подумал и князь Олег.

Поразмыслив, он догадался, что его супруга находится в плену у волшебника Назора, в тереме волшебницы Бикани. Узнали и где Сохатское болото и нашли до него проводника. Последний привел князей Олега и Семена прямо к тому болоту. Издалека они увидели одиноко стоящий посреди болота величественный терем и сочли его за Назорово жилище. По мокрому кочковатому болоту быстро пошли они к тому терему, стоящему на холмистом возвышении. И чем ближе они к нему подбирались, тем больше вырастал перед ними терем, а холм сделался горою. Подойдя вплотную к подошве горы, они увидели чуть ли не под облаками терем, вздымающийся ввысь на неприступной столпообразной горе. Обойдя вокруг горы,

князья убедились, что она со всех сторон неприступна. С удалением их от горы терем опускался все ниже и ниже, пока опять не стал таким же, как был прежде: стоящим на холмистом возвышении. Дважды князья покушались возвращаться к терему и дважды тот подымался под облака. Теперь они на своем опыте убедились, что тут действуют чары. Надо попытать сведущих людей, как же попасть в подоблачный терем.

Много князь Олег спрашивал об этом у разных опытных старожилов, пытая их, как разрушить волшебные чары Назоровы. Но все они хранили глубокое молчание или отговаривались незнанием. Только один из них посоветовал князю сходить к юродивому Фролу, который нередко помогает в подобных случаях. О месте, где живет этот юродивый старик, князь узнал особо: живет он в дремучем лесу на крутом берегу реки Пиги.

Князья Олег и Семен немедленно отправились к жилищу юрода Фрола. Хотя и с немалым трудом, но нашли его малую уединенную хижину и в ней, к великому своему удивлению, князья встретили не юродивого Фрола, а маститого и прилично одетого старца, благообразного видом, сидящего за столом и читающего книгу Святого Писания, которую он при входе князей закрыл рукавом. Принял он их весьма радушно и назвал князей по именам. Потом спросил их, зачем они потрудились теперь придти к нему. Князь Олег объяснил ему причину своего прихода к нему. Старец немного помолчал, потом молвил: «Хотел я скрыть навсегда от людей мое имя, но пред вами оно невольно обнаружит себя. Пред подобными себе совесть велит говорить правду. Вы видите пред собою под именем юродивого Фрола князя Владимира Муромского, сына князя Юрья Володимировича, внука князя Владимира Святославича Рязанского и Муромского. Потеря супруги и мирские неправды заставили меня удалиться на время сюда и сделаться Бога для юродом по наложенной на себя заповеди, которая уже скоро кончится. О супруге твоей, князь, я сказал тебе правду: ее похитил волшебник Назор для ее исправления за то, что она

обманула Леонтия Святого. Когда она была больна, то просила у него исцеления себе от болезни, за что и обещалась поклониться ему. Получив исцеление, позабыла обет свой. Теперь святитель близко ее привлек к себе, наказав за невнимание. Когда свидишься с ней, напомни ей о ее обещании святителю, дабы не потерпеть чего горшего. Жизнь ее там мирная, только не достает ей свободы и тебя. Взойти вам в этот терем очень просто: на князе Семене есть среброкованый пояс — достояние князя Бориса Ростовского, сына великого князя Владимира Святого. Только положите его на гору, тогда все чары Назоровы разрушатся, и старость тогда его согнет в бараний рог. С поясом гора не поднимется уже более к облакам: то были одни только Назоровы мечты. Прикосновение этого пояса к голове Назора сделает его глухим. Из терема Назорова ты, князь Олег, поди с супругою на поклон к святому Леонтию. А ты, князь Семен, отведи Назора в старый терем твой, что на берегу пруда, который стоит много лет необитаемый. Назор и терем не переживут один другого: погибнут вместе».

От юродивого Фрола князья пошли к терему волшебника, который как и прежде, по приходе их поднялся под облака. Тут князь Семен снимает с себя пояс и кладет оный на неприступную гору у подошвы ее. Едва только коснулся пояс горы, как мгновенно гора та погрузилась с великим шумом в недра земли, а терем остался на поверхности оной. И — о диво! — почти перед самыми князьями на крыльце терема появился согбенный, на клюку опиравшийся старец. Князья догадались: это был сам волшебник Назор, лишенный поясом святого Бориса всего своего волхвования. Он умолял князей о пощаде жизни своей. Князь Олег обещал пощадить его и приказал ему препроводить себя к супруге своей. Назор повиновался ему. В это время князь Семен прикладывает к голове Назора свой пояс и тот от этого прикосновения громко вскрикнул «Ай!» и замолчал: Назор оглох.

Из терема Назорова князь Олег с княгиней Агафьей пошли прямо к святым мощам святителя Леонтия, куда скоро

пришел и князь Андрей Юрьевич. А князь Семен по слову юродивого отвел в ветхий свой терем волшебника Назора и оставил его там.

Потом князь Андрей Юрьевич с братом своим князем Владимиром Юрьевичем ходили войной и уняли дерзость волжских болгар. От этого похода они получили себе великую славу, разбили болгар наголову, «зане князь Андрей имеяше такой обычай: егда идяше на брань, взимайте с собой в полки свои честную икону Пресвятыя Богородицы Владычицы нашей Владимирской». По одержании победы в августе 6671 (1163) приказал он написать с нее копию, которая всегда была неразлучной с потомками Андрея Боголюбского во всех их походах. В это достославное время в Ростовской земле в первый раз обнаружилось стремление ростовских сограждан к политическому неравенству. Тогда князь Андрей, не желая подчиниться народному вече, основал себе постоянное жилище не в престольном Ростове и не в младшем по нем Суждале, а во Владимире, предпочитая его Ростову. Он украсил и расширил город Владимир, собрал своих князей и бояр и объявил им, что он, создав град благодатию и помощью Пресвятой Богородицы, распространил и вознес его наипаче, и хочет теперь обновить митрополию: да будет сей град — великое княжение и глава всем! Князьям и боярам понравилось это, и они возлюбили князя еще больше.

Ростовцы и суждальцы сочли это за обиду себе и говорили между собой: «Град Володимир — пригород наш!» И потому препятствовали они сколько им было можно частыми междоусобными ссорами исполнению воли княжеской, указывая в оправдание своих действий на то, что города их издревле престольные. И просили они князя Андрея оставить у них свое пребывание. Князь же, не желая озлобить народ решительным отказом, оставил свое намерение перенести столицу и епископский престол во Владимир и остался жить в Ростове, заботясь о красоте его зданий.

Епископ Феодор Колугер

От Рождества Христова 1170 лета

Во время княжения Андрея Юрьевича Боголюбского народ русский благоденствовал. Только неустройство в делах церковных всех огорчало и беспокоило, что случилось после епископа Нестора, при преемнике Леонове Феодоре Колугере, или Феодоре-епископе, как его еще называют. Князь Андрей Юрьевич не занимался делами церковными, надеясь во всем на киевского митрополита Константина.

В то время жил в Киеве постриженик Киево-Печерской обители, весьма богатый монах, по имени Феодор, всеми

уважаемый в обители, неизвестного происхождения[1]. Был он нрава весьма лютого: дерзновен и бесстуден, телом крепок, красноречив и высокомерен во внешнем мудровании, всем был грозен и страшен. Вследствие таких его духовных качеств называли его демоном, рожденным от дьявола, а другие считали его за волхва, чью мысль вознесли бесы до облаков, усмотрев в нем второго Сатаниила, как писал Ростовский летописец. Ради его великого богатства все его терпели.

Вопреки желанию князя 16 июля 6678 (1170) лета Феодорец вступил на трон Ростовской епископии. Это ему удалось так: со многим златом и серебром пошел он к Царьграду и там ложно донес, будто бы в Киеве митрополита уже нету. И он просил патриарха поставить его в киевские митрополиты. Но патриарх Царьграда не поверил ему. Тогда Феодор оставил домогательства на митрополичий сан и просил, чтобы его поставили епископом Ростову, где, по его словам, епископа тоже не было, а ему посвятиться было не от кого: «Митрополиту на Руси не обретающуся». Так говорил он, лукавый, Константинопольскому патриарху, обманывая его. И тот по совету ближних своих, вероятно, щедро одаренных Феодором златом, поставил нашего Колугера епископом Ростову Великому.

Приехав из Царяграда в Ростов, новопоставленный епископ Феодор с великой гордостью взошел на ростовский престол. Приняв власть, он поразил ростовцев своими качествами, из которых главнейшими были языческая чистота и быстрость преудивительная, и дерзновение таковые, каких ни у кого прежде не было видно.

Такого самозванного и чрез злато поставленного епископа не хотел признать честнейший князь Андрей Юрьевич. «Пойди в Киев-град к митрополиту Константину и испроси у него архипастырское благословение», — говорил он Фе-

[1] Летописец П. В. Хлебникова сообщает, что тот Феодорец был сыном епископа Ростовского Леона, от которого он наследовал большое богатство; матерью его была одна местная колдунья (прим. А.Я. Артынова).

одорцу. А тот ничуть не хотел слушать и советом княжьим пренебрегал. Князь же видел, что тот его не слушает, и тогда стал строго понуждать его немедля идти к митрополиту в Киев, иначе он грозился принять свои меры против него. Феодорец остался при своем мнении, смело отвечал князю: «Не митрополит ставил меня во епископа Ростову и не в Киеве, но патриарх в Царьграде. Потому не след мне младшего благословения доискивать». И стал самовластно править на своем престоле. А за вмешательство князя в его церковные дела стал публично и свободно укорять и поносить различными словами князя Андрея, хулить дела его семейные с княгинею его Улитою. А в доказательство превосходства своего над князем затворил в Ростове и во Владимире все церкви до единой и запретил строго-настрого совершать в них какие-либо богослужения, начиная с соборных церквей Пресвятой Богородицы; и чудотворные иконы Богородичные заключенными сотворил. Распространил он это запрещение и на другие города своей епископии и на все волости, так что во всем княжестве Андреевой нигде церковного пения не слышалось, только плач и стон один.

«Опечалишася убо вси людие и приидоша к великому князю во Владимир-град, плачуще о великих бедах и напастех своих, от епископии им сотворенных», — говорит Ростовский летописец.

Но епископу Феодору всего этого показалось еще мало, и он стал недовольных им, ропщущих на него похищать, насильно присваивать имения и сокровища знатных и богатых людей, противящихся этому, и восстающих против него и его повелений в заточение и ссылку изгонял. А иных узами облагал и в темницы заключал, где мучил и пытал их без милости, выжигал глаза свечами, резал языки, рубил руки и другие придумывал лютые муки, в которых многие умирали замученными. Таким преследованием были подвержены и многие честные и благородные граждане и жены.

Такое деспотическое тиранство навело на всех великий страх, и все боялись дерзостного и развратного его нрава. Главное место его тиранства и пыток было за рекой Пурой, на берегу речки Закедья. Там стоял одинокий и великолепный терем его, который назывался киновией. В нем прежде жил Леон-епископ. Там было много лазов и подвалов для узников. В этой же киновии жила любовница его Василиса, злая-презлая волшебница, при всем при том знаменитая красавица того времени, привезенная им из Киева, которую люди прозвали Нетопырь. Эта красавица Василиса в лютости превосходила епископа Феодора. Она была ему главная во всем помощница и советница, о которой шла недобрая молва, будто бы она дочь епископа Леона, а Феодорец ей родной брат.

Видя пролитие крови неповинных страдальцев, скорбь и плач людей своих Ростовской земли, князь Андрей Юрьевич послал посла к епископу Феодору сказать ему слова княжеские: «Добро ти есть престати от гнева и преложиться на кротость и милость к затворенным церквам Божиим и к людям христианским, осиротевшим без службы и пения и без чудотворной иконы Пресвятой Богородицы, заключенной тобою!»

Епископ же Феодор не только не переменился на кротость, но велегласно стал рыкать как лев и более того еще больше стал бесноваться на князя Андрея: укоризненными словесами ругал его и поносил его. Но и этого показалось ему мало, и он стал богохульствовать на Пресвятую Богородицу. Такого богохульника князь велел оковать цепями и представить ему на суд. Но Феодор и Василиса посредством чар узнали об этом и обернулись один диким туром, а другая — сорокой и скрылись от посланных за ними в хижине, стоявшей в дремучем и непроходимом лесу и принадлежавшей старой и скаредной колдунье, их названой матери, которая к тому же хранила награбленные сокровища.

Многие охотники покушались проникнуть в хижину и захватить этот воровской притон, но ничего не могли сде-

лать, так как Феодор, Василиса и колдунья узнавали про такой злой замысел, чарами обращались в дикого тура и двух сорок и убегали.

Только чародею, по имени Третьяк, жившему между Окутиным озером и рекой Сарой и хорошо знавшему их убежище, удалось, наконец, их захватить, спавших глубоким сном после ночных оргий. Поймав всю компанию, Третьяк обложил их цепями и хотел отправить ко князю Андрею. Епископ же Феодор по прежнему обычаю хотел оборотиться туром и убежать, но Третьяк его до этого не допустил, доставил его ко князю Андрею. А тот послал его с Третьяком в Киев на суд к митрополиту Константину. Когда же митрополит стал строго спрашивать епископа Феодора за содеянное, тот, обуянный гордостью, стал укорять закон Божий и произнес страшные хулы на самого Господа Бога и Пречистую Его Богородицу. Митрополит же стал его увещевать словами от Божественных писаний и призывал к покаянию, напоминая, что богохульники судом законным бывают преданы смерти. А он, тому нимало не внимая, еще больше хульные слова произносил, дерзновенно оспаривая митрополита.

Судом митрополита и его иерархов Феодор был осужден на заточение. И послан был из Киева на уединенный остров, где он пробыл целый год без покаяния и еще большие хуления безбоязненно изрыгал. Тогда митрополит, увидев, что Феодорец, подобно египетскому фараону, ведет себя как ожесточенный и неприкаянный, послал к нему нарочного своего духовника в последний раз увещевать его. Тот сделал все, что ему было приказано, но успеха от этого не приобрел. Феодорец изрекал все новые и новые богохульства. Тогда духовник в последний раз сказал ему: «Тот, кто на Господа Бога и Пречистую Его Богоматерь и на всех святых изрекает хулы и закон Божий укоряет, и многих людей умертвил, и многих людей совратил, достоин, по Божьему закону, принять такую

меру наказания, какую он другим назначал. Пусть тебе воздастся по твоим заслугам!»

Из Киева Феодорца Колугера, уже лишенного святительского сана, прислали в оковах в Ростов ко князю Андрею Юрьевичу обратно. А тот заключил его в темницу. А потом предал его на суд всенародному вечу. Народное вече присудило сделать с ним то же самое, что он приказывал делать с другими: глаза вынуть, язык отрезать, отрубить правую руку и с камнем бросить в озеро.

Настал день казни Феодора Колугера. Послали за ним воинов, чтобы взять его из темницы и привести его для казни на Вонючее болото. Но это было не так легко исполнить. Феодорец оборотился диким туром и потек к лесу. С ним вместе полетела и обратившаяся сорокой любовница его Василиса. Но Третьяк-чародей поймал их обоих у Василисиной матери. С ним были три сильные молодца, которые тут же у Василисы вынули очи, а Феодора привели на вече и там всенародно сперва вынули его злые очи, потом отрезали его богохульный язык, а потом отрубили и святотатственную правую руку и, наконец, еле живого бросили с камнем в озеро. Это случилось 8 мая 6679 (1171) лета, по Ростовскому летописцу, около юго-восточного угла Ростовского Девичьего монастыря, что на острове. Местные рыбаки близ того места воткнули в дно озера длинный кол, или шест. Он теперь «выходит сам собой тем концом к верху оборотом», т.е. постоянно движется, хотя никто его не трогает.

О юродивом Фроле, епископе Леоне и о смерти князя Андрея Боголюбского

От Рождества Христова 1168—1174 лета

На Ростовский святительский престол вскочил обманом лжепастырь епископ Леон, волк в овечьей шкуре, сребролюбец, грабитель церквей, слатолюбец и папист. Накануне дня Успения Божией Матери епископ Леон шумно пировал всю ночь со своими любимцами начальными, духовными особами, в сво-

ей киновии на берегу реки Сотьмы. И не отрезвясь нимало, прямо с роскошного пиршества приехал в соборную церковь Иоанно-Богословского монастыря, где лежали мощи святителей Леонтия и Исайи, епископов ростовских. Все видели его нетрезвым и неспособным совершать божественную службу, но епископ вошел в святой алтарь и вышел из него для облачения совершенно трезвый. И все диву давались: как он мог совершить службу Божию со всяким благоговением и как умудрился сказать Слово в честь Пресвятой Девы со слезами и в сладость слушающим! И из оной церкви пошел с торжеством, веселый, на владычный двор.

На этот праздник по обычаю своему пришел помолиться из пустынного своего жилища, находящегося на крутом берегу реки Пиги, некто юродивый, по имени Фрол, известный всем святостью своей жизни. После окончания божественной службы он сказал ростовскому князю Андрею Юрьевичу, что посланный от Бога ангел не допустил епископа Леона совершать божественную службу, а схватил Леона, связал его путами и бросил в угол за жертвенником, а сам довершил его божественную службу до конца, сказав народу поученье. А потом воловыми жилами дал епископу много кровавых ран и выгнал его бичом из церкви, так говоря: «Раны бичевания пусть носит на своем теле, чтобы все видели. Не след такого пастыря иметь на престоле святителей ростовских, но изгнать его с бесчестием!»

Князь Андрей, хотя и вельми почитал юродивого, но усомнился в словах его о епископе, оставил их втуне, не хотел оскорбить владыку по одним только словам юрода: угодлив и льстив был ко князю Леон!

Видя это, юродивый тайно пороптал на князя и обратился с теми же словами к народу, идущему по следам епископа. По слову юродивого весь народ возопил и восстал на епископа, не желая бичеванного пастыря имети себе. Но епископ, ругая поносы их, отрицал свою вину и называл клеветой воздвиг-

нутый на него навет от безухого и бесноватого юрода, одержимого духом тьмы. «Если вы не перестанете теперь безумствовать, — гремел он, — то я предам вас всех анафеме!»

Народ убоялся этой кары небесной, обещанной святителем, и в храме ненадолго воцарилась тишина. Только юрод Фрол снова восстал против епископа, не убоявшись его проклятий, и потребовал велегласно показать народу срачицу и узнать, правду ли он говорит или нет. Народ зашумел, загалдел больше прежнего и восстал дружно на епископа, нуждою совлекли его одежды и все увидели на нем кровавую срачицу и под ней глубокие кровавые раны, только что бичеванные. Теперь все люди узнали о вине епископа и прогнали его с престола епископского в лето 6676, а по-нашему — в 1168 году.

Ростовская земля и народ ее благоденствовали под мудрым правлением князя Андрея. Только два обстоятельства, не зависящие никоим образом от князя Андрея, набросили тень на светлое время его княжения: первое — разлад с княгиней Улитой, которая любила жить в его тереме, стоящем близ реки Устья, куда в одно время неожиданно приехал князь Андрей и открыл там неверность супруги своей. Он за это возненавидел ее и оставил навсегда; второе — это неустройство в делах церковных при лжепастыре Леоне. В это время выгнал князь Андрей епископа Леона из Суждаля и братию свою погнал — Мстислава, и Василья, и Михаила Юрьевичей и двух Ростиславичей, сыновцов и мужей отца, «зане же хотя самовластец были своея земли Суждальстей и Ростовской», — говорит летописец.

И приспело мщение зельное от Бога Вседержителя: он казнит — он же и милует подчас руками рабов своих смертных.

Стародавняя притча московская так поведала о былом: «Боярин и тысяцкой Суждальской Степан Иванович Кучка имел у себя жену-красавицу, которую великий князь Юрий Долгорукий включил в число полюбовниц своих. Боярин же Кучка, не желая более терпеть от людей себе посмеяние, отъ-

ехал в село свое Кучково, посадил жену свою там в заключение. Она дала князю Юрью весть об этом, и он приехал к Кучке с немногими людьми. Велел он Кучку убить, жену его с собою взял, а дочь ее Улиту отдал за сына своего князя Андрея. Со дня казни боярина Кучки между сыновьями его возродилось мщение к семейству Долгорукого, и ковался тайный ков на князя Андрея за то, что казнил Кучковичей, и за то, что отнял у них село Кучково и превратил его в город Москву.

Вскоре после смерти Юрия Долгорукого князь Андрей невзлюбил княгиню свою Улиту, оставил ее и заточил в окрестностях Ростова, в Юрьеве — городе, построенном отцом его, а город Москву он взял себе, а Кучковичей поселил в восточной стороне от Ростова — в селе Якимовском, названном так в честь боярина Якима, сына тысяцкого Степана Ивановича Кучки. Здесь Улита с братьями вела самую развратную жизнь: ночные пиршества ее, которые посещал и сам ростовский епископ Феодор со своей Василисой, стали притчею во языцех; сама себя называла царицею Киммерийскою, и даже ручей близ терема Вадима Сильного (он принадлежал ее брату Якиму) прозвала Киммерийским. Яким же не только пьянствовал и буйствовал, но и водил ватаги ушкуйников по Волге, промышлял с шайкой удальцов по дорогам, грабя купцов и богатых поселян. Так Кучковичи отмщали свое на Андреевой вотчине. Но сего им показалось мало. Замыслили они извести князя Андрея наветами и клюками. Сам епископ Феодор укоризнами обличал князя в Ростове. Не сладко стало Юрьевичу, сменил он богатый Ростов на сельцо Боголюбово под Владимиром-градом, в котором построил себе роскошный дворец и в нем привольно жил, не обращая никакого внимания на ропот ростовцев. Не раз он пытался обуздать бесчинства супруги своей Улиты, но этим только ускорил свою кончину.

Убит он был в ночь с 28 на 29 июня 6682 года, а по-нашему — в 1174 году, в роскошном дворце своем мечом святого страстотерпца князя Бориса, сына Владимира Святого, от

детей боярина Кучки. Смерть его была страшным и неожиданным для всех ударом. Громкий плач и зельное рыдание были слышны во всех уголках града Владимира.

Многие люди от мала до велика плакали и причитали над гробом, так говоря: «Не только люди русские, но и булгары, и жидове, и вся корань — и те больма плачут по тебе, отец наш добрый, и господин, и заступник, и радетель! Уж не обрящется таковый ни един в земле нашей Володимерской и Суждальстей, и Ростовской! Уже погыбаем!»

Брат его Михаил Юрьевич, кроткий и справедливый, утвердившись на престоле великокняжеском, поймал подлых убийц, человек с двадцать, обложил всех Кучковичей цепами, заключил их в темницу, потом умертвил их различными смертями: одних, повесивши на воротах, расстреляли, других, посадив в коробья с каменьями, потопили в болотном озере, называемом Пловучее.

Ежегодно в ночь на 29 июня слышится унылый стон из того озера, вода в нем колышется и подымает короба, в которых сидят как живые мертвые Кучковичи.

Сестра убийц Улита была брошена в другое озеро близ Владимира, называемое Поганое: торфяная жижа озера поглотила ее до недр земли, и унесла дальше в преисподнюю к самому Сатаниилу.

Боярин Юрий Долгий

От Рождества Христова 1199 лета

Первый удельный князь ростовский Константин Всеволодович, прозванный отцом его князем Всеволодом Большое Гнездо Ростовцем, с самого юного возраста полюбил книги и пристрастился к чтению. Юность его протекала безмятежно в теремах его отца то во Владимире, то в Ростове. Этот последний город он предпочитал Владимиру. На пятнадцатом году его жизни отец женил его на княжне Анне Мстиславовне Смоленской и посадил его наместником в Ростове, опре-

делив ему этот город в удельное владение, отделил его от города Владимира и своего княжества. Этим потушил он вражду ростовцев со владимирцами, дав им приходного их князя, которого они добре крепко полюбили.

Наследственная храбрость и мужество его с ранних пор проявились в нем при следующих обстоятельствах. В одно время князь Константин, находясь во Владимире у своих родителей, смотрел на льду реки Клязьмы на кулашный бой своих конюхов с владимирцами. Из-за несоблюдения правил кулашного боя — бить не выше груди и не ниже пояса — княжьими конюхами город, или стена, владимирцев стал ломиться. Князю Константину нравилось, что его конюхи верх берут. В то время на берегу той же реки между зрителями-владимирцами стоял какой-то незнакомый молодой детина, пришелец видный и дородный. Простая одежда его показывала, что он не владимирец. Он зорко, как знаток своего дела, следил за ходом кулашного боя, но когда увидел, что княжьи конюхи, поощряемые присутствием князя, позволили себе нарушить правила и стали ломить стену владимирцев, он не смог этого вынести, не смог остаться тут простым зрителем. Молодецкая кровь закипела в нем, краска ревности покрыла лицо его, незнакомец громко вскрикнул владимирцам: «Стой, ребята! Ломай стену холопскую неправую, город с носка бери!» С этим словом подбежал он к владимирцам, ожили тут владимирцы, попятилась стена холопская от нового бойца непопятного. Зашумели радостно владимирцы все, и с новым своим товарищем ломят город конюхов, стена их вся побита и покладена. Владимирцы теперь верха берут.

Тут князю Константину за беду стало, что стена его конюхов ломится, разбивают их город владимирцы. Как снопы его конюхи по Оке-реке валяются, а остальные наутек пошли, и мужичье над ними стало смехом ухати. Тут на выручку им сам князь Константин пошел. Скоро сошлись лицом к лицу два бойца непопятные, весь люд тут притаил дыха-

ние и смотрит на бойцов немигаючи, а сами себе дивуются, что мужик-деревенщина знает всю науку кулашных бойцов, когда бить с носка, а когда под мякишки. Знать-де детина бывалый есть.

Князь Константин впервой нашел себе сопротивника. Ни думано, ни гадано бьются они не попусту, время немалое и никто из них верха не берет. И князь сам тому дивуется, что мужик от него не пятится, а стоит лицом к лицу, не робеючи. Тут князь говорит ему: «Не пора ли нам с тобой роздых взять?» А тот на это отвечает ему: «Как ты, князь, поволишь сам, мое дело захожее».

Перестали биться бойцы непопятные. Тут на роздыхе спросил князь у своего сопротивника о его дедине-отчине и как его по имени зовут. Сопротивник княжий с великим почтением отвечал ему: «Не взыщи на мне, князь, если не скажу я тебе по правде-истине до поры до времени о своей дедине-отчине, на то положена у меня заповедь великая, Юркой звали меня отец и мать, и поп приходил с молитвою, такое мне имя дал, теперь я для всех житель Водской пятины Новагорода, родом погоста Мезгаринского, округи Бежецка-города, ищу места, где бы трудом хлеб добыть». Ответ этот князю в излюб пришел, на него ему таку речь сказал: «Добре хранить тайну до поры до времени, и ты, Юрий, храни ее, кабы тайну княжную. Хочешь — у меня гостем будь. А хочешь — у меня и хлеб добывай — плата тебе у меня будет безобидная. Будь моим старшим стремянным, обида тебе — обида мне, почет тебе — почет мне. Только, брат, я этому смурому кафтану веры не даю. А Мезгаринский погост не отчизна тебе, мужиков бежецких. Такие бойцы у меня водятся, и речь твоя прямо ростовская. Ну! По рукам, гость, аль стремянной мой?» — «Стремянный твой на жизнь и смерть! — с жаром сказал незнакомец. — Не гостить, а служить я сюда пришел: так на роду мне, князь, написано, честна служба твоя полонила меня».

Неизвестный боец кулашный был молодой боярин ростовский Юрий, сын боярина Добрыни Долгого, жених Парасковьи, дочери Матеяши Бутовича. Когда великий князь Всеволод вступил победителем на ростовский престол, тогда зачинщиков мятежа, бояр ростовских, Добрыню Долгого и Матеяшу Бутовича, в темницу заключил. А дочь Матеяши Бутовича Парасковью сенной девкой для своей княгини взял. Юрий в это время лечился от ран в своем тереме. А когда он выздоровел, то пошел под видом черного люда в город Владимир добывать свою невесту. Случай на кулашном бою свел его с князем Константином лицом к лицу.

Слава о новом княжем стремянном, непопятном бойце, стрелой облетела по всему городу, радовались, что «нашелся такой боец», что «и от самого князя Константина не попятился, чего досколь было слыхом не слыхать. А нынче воочию совершилося», — так говорили владимирцы. Скоро узнали это и на княжьем дворе и во светлицах девичьих. Многим из них хотелось посмотреть на бойца, в числе них была и полонянка ростовская Парасковья, дочь ростовского боярина Матеяши Бутовича, которая жила в сенях великой княгини под рукой ее постельницы Мамоновны.

Настало время охоты на красного зверя. Князь Константин собрался на оную со всей свитой, принадлежащей к охоте. Поехал с князем и новый стремянный его. Скоро напали они на открытое логовище великого медведя. Облавою выгнали его из оного на поляну широкую. Князь стрелой полетел на поле и скоро соследил его. Медведь, видя за собой погоню, остановился и, вставши на задние лапы свои, ожидал к себе смелого противника. Три стрелы горячие, пущенные рукою князя, впилися глубоко в грудь его, но они не нанесли ему большого вреда, а только привели его в пущую ярость. Копье, вонзенное князем в разверстую его пасть, сокрушилося, как слабая трость, в медвежьих страшных челюстях. В это самое время конь князя встал на дыбы и во время нужно-

го поворота провалился в случившийся тут под пушистым снегом скрытый ров, и падает вместе с медведем окровавленным от стрел и копий. Медведь с яростию бросается на коня и всадника и покрывает их всею своею массою. Явная гибель князю неизбежна. Спасения нет ниоткуда. Стремнина преграждает путь свите его, следовавшей за ним. Голос его о помощи заглушаем был ревом медведя, и недолго бы князь просуществовал в стальных когтях чудовища, если бы не словно с неба свалившийся на медведя стремянный Юрий, оказавшийся ближе всех за князем. Он поспешно обертывает правую свою руку верхнею своей свиткой и устремляется на медведя, и бестрепетно мгновенно вонзает в алчную пасть чудовища обоюдоострый нож. Медведь при виде близ себя нового врага хотел было справиться с ним, но нестерпимая боль от удара Юрьева в его пасть ослабляет его могучие лапы, которые в когтях своих крепко держали князя Константина. Он оставляет его и вступает с Юрием в единоборство. Как крепкими заклепами, хочет сдавить его медведь своими лапами, но булат Юрия успел уже в это время нанести чудовищу две глубокие раны. И вслед за этим Юрий наносит медведю последний смертоносный удар прямо в сердце. Оружие вонзается по самую рукоять его. Чудовище испускает страшный рев. Силы его оставляют. Обильно текущая многими ручьями кровь лишает его чувства, и он падает со всего размаха прямо на землю и намеревается отползти и в бегстве искать себе спасения, но в изнеможении падает на землю и страшным ревом своим наполняет окрестности. Юрий немедленно закалывает его.

Избавленный от своей погибели князь встает и вместе с приспевшею свитою спешит на помощь к Юрию. Но уже было поздно: медведь перестал реветь и в предсмертных судорогах бил ногами воздух.

Князь в избытке чувств своих бросается обнимать своего стремянного и называет его и спасителем, и другом своим...

Потом сказал ему: «Не взыщи, брат, Юрий, на мне, я не верил и не верю в твой смурой кафтан. Но прошу тебя, храни свою тайну до поры до времени!»

Устрашенная и оцепеневшая досюль свита княжая, все видевшая с другого берега стремнины и знавшая, в какой опасности находился князь, теперь вся рассыпалась в похвалах неустрашимости и мужеству Юрия. И признали все, что он — мастер ходить на красного зверя. И вся свита поздравила его с такой блистательной победой над медведем.

Стоустая молва прежде возвращения князя с охоты облетела с вестию весь город и все княжеские терема, светлицы и вышки, рассказывала дивные дела, в какой опасности был молодой князь и какие были совершены дивные подвиги к спасению его от нового его стремянного. Далее составилась об этом Длинная повесть, приукрашенная самыми яркими подробностями о стремянном Юрии, как бывает завсегда.

Великий князь Всеволод сделал сыну своему князю Константину самый строгий выговор за такую отчаянную отвагу одному ходить на медведя и не хотел впредь отпускать его на подобную охоту. После этого великий князь одарил Юрия дарами и сверх того за спасение своего сына надел ему на шею собственноручно золотую гривну.

Великая княгиня, мать князя Константина, после подобных же и более чувствительных выговоров сыну своему, приказывает ему привести к ней в терем стремянного, которого она сама хочет видеть лично, спасителя сына своего.

Князь Константин в назначенное ею время пришел с Юрием в терем своей матери, где в числе любопытных зрительниц была и Парасковья Матеяшина, горя нетерпением посмотреть вместе с другими сенными девками на непопятного кулашного бойца и храброго стремянного. Как только она увидела вошедшего Юрия с князем Константином, так тотчас узнала своего жениха и забыла обо всем окружающем ее, от радости закричала: «Юрий! Тебя ли я вижу?»

Все пришли от этого в удивление. Юрий изменился в лице. На вопрос великой княгини к нему, что это значит, он вместо ответа падает перед ней на колени и открывает себя ей, кто он есть и зачем он пришел в город Владимир. И умолял он великую княгиню сделать его счастливым: отдать ему его невесту.

Великая княгиня подняла его с полу и весело с улыбкой сказала ему: «Да разве отказывают и судят в чем победителя? А ты для меня более победителя. На брачном пиру я у тебя буду посаженая мать».

После этого великая княгиня сняла с себя жемчужное ожерелье и надела на плачущую и стоящую перед ней на коленях Парасковью Матеяшину, назвала ее своею дочерью и тут же кому следует приказала готовить от себя приданое ей.

Скоро через посредство князя Константина молодая чета Юрий и Парасковья испросили у великого князя прощения родителям своим. И так чрез посредство детей прощены были мятежные бояре ростовские Добрыня Долгий и Матеяша Бутович. И стали они быть по-прежнему словущими боярами ростовскими.

Брак Юрия Долгого последовал во Владимире в великокняжеском тереме, где великая княгиня была посаженой матерью, она подарила новобрачным жемчужную кику с каменьями самоцветными, с плеча своего душегрею соболиную и ферязь червленую камки хрущовыя. А великий князь подарил новобрачному Юрию терем с починками на реке Устье.

Вскоре после этого князь Константин и Юрий Долгий с Парасковьей, молодой женой, из города Владимира поехали в Ростов. Князь остался в городе. А Юрий поселился в подаренной ему великим князем отчине.

Сокольник Богдашка

От Рождества Христова 1199 лета

В одно время князь Константин Всеволодович собрался на любимую свою соколиную охоту. В это самое время по неосторожности сокольника слетел любимый сокол княжий, от этого охота не состоялась, гнев княжий и опала великая должны были обрушиться на того сокольника, по имени Богдашка, который был один у старухи-матери, у которого отец был кречатник.

Богдашка, убоясь гнева княжьего, немедленно пошел отыскивать сокола своего, не сказавшись даже своей мате-

ри, придерживаясь более той стороны, куда сокол направил полет свой.

Долго и бесполезно искал он его в Водской пятине по тем местам, где более держатся зеленые птицы — гуси и серые утицы, но все поиски остались тщетными. На распрос его о соколе у туземных жителей, получал везде ответ один: или не видывали нигде такой птицы, или вовсе не знают ее. Для дальнейших поисков вознамерился идти он в Двинскую область, место рождения соколов.

Отправляясь в дальний и неопределенный по времени путь, он пожелал проститься со старухой своей матерью, от которой ушел теперь, не сказавшись. Одним словом, без птицы возвращался он домой и шел в великой печали, думая о старухе-матери, что тогда станет с ней, когда он не возвратится обратно. В таких мыслях он потерял дорогу, ведущую к городу, и пришел к тому месту, где впадает в реку Устье река Векса, вытекающая из Ростовского озера. Дикая пустыня и дремучий лес окружали его. Отыскивая броду через реку Устье, шел он вверх по течению. Он знал, что на ней, кроме известного ему перевоза, иного нѐ было, до которого идти было ему неблизко. Вплавь через реку он плыть боялся, не надеялся на свое искусство плавать. Вдруг видит он у противоположного берега едет кто-то в челне. Он стал кричать этого ездока к себе. На голос его челн поворотился к нему, подъезжая ближе. Богдашка увидел седовласого перевозчика, одетого странно. Богдашка стал просить его, чтоб он перевез его на другой берег реки. Перевозчик охотно на это согласился, пристал к берегу, посадил в свой челн Богдашку и поехал с ним чрез реку. Дорогой перевозчик спросил у Богдашки, что его заставило прийти одного в такие дикие необитаемые места и отчего у него такой печальный вид. Богдашка со слезами рассказал ему о своей беде и плакал о старой своей матери, которая без него должна скитаться по миру.

Такой печальный рассказ Богдашки, по-видимому, тронул перевозчика, который стал утешать его и между прочим сказал ему, что он теперь, проходя сюда лесом чрез небольшую поляну — тут перевозчик показал рукою на холм, мимо которого они проезжали, — видел на кочке точно такую птицу, какую он ищет.

Обрадованный этими словами Богдашка почти не верил ушам своим. Тут он стал просить перевозчика пристать поскорее к тому холму, где он видел ту птицу. Тот исполнил все по просьбе Богдашки, пристал к холму, на который прежде показывал. Лишь только перевозчик остановил у берега свой челн, Богдашка, как помешанный в уме, не выскочил, а вылетел из челна на берег и быстро потек на показанный холм. Не чуя под собой земли, скоро взбежал он на вершину холма и там, к великому своему удивлению и радости, увидел: на кочке среди небольшой поляны сидит спокойно его сокол. Он от радости сердечной взял птицу осторожно руками по всем правилам своей науки. Только теперь Богдашка вспомнил своего старика-перевозчика, которого он даже не поблагодарил за добрую весть о соколе и за перевоз через реку. Он поспешил с холма того на берег реки, но перевозчика с челном нигде не было видно. Времени прошло немного, уехать ему далеко некогда да и некуда: по реке вниз и вверх далеко видно. Богдашка дивился, куда так скоро делся его перевозчик. Он долго ходил по берегу взад и вперед, кричал и звал к себе перевозчика. Но все понапрасну. Перевозчик словно нарочно от благодарности его скрылся. И так Богдашка, не видавши более перевозчика, спешил с соколом своим в свою Соколиную слободку обрадовать мать свою, радость которой изобиловала слезами при виде сына своего с его птицей. Вместе с ней радовалась этому и вся слободка.

Весть о чудной находке Богдашкою сокола со многими прибавлениями дошла скоро и до князя Константина, который немедленно призвал к себе Богдашку с его соколом и

спрашивал у него, где и как добыл он сокола своего. Тот рассказал ему все в подробности. Князь слушал с вниманием рассказ его, и пожелал лично видеть то место, где сидел его любимый сокол.

Князь со своей свитой и Богдашкой поехал к тому месту, где сидел его сокол. На том месте князь к великому своему удивлению увидел лежащую небольшую икону во имя святого Николая, сияющую чудным светом. Изображение лица на иконе Богдашка признал как раз за своего перевозчика. Удивление князя и всех бывших с ним было зело велико. Тут князь стал испытывать окрест этого места жителей, сошедших видеть князя, о перевозчике. Все они единогласно подтвердили, что у них никогда в этой стороне ни челна, ни перевозчика, ни молодого, ни старого, искони век не бывало, да и челна во всей реке ни у кого нет, да и не было. Удивленный такими сведениями князь, оборотясь к изумленному Богдашке, ласково сказал: «Видно, тебя Микола перевез». И приказал на том месте, где найдена икона, поставить церковь во имя святого Николая, а найденную икону святителя Николая он взял с собою. Богдашку же князь сделал старшим своим сокольником. А старуху-мать его — смотрительницей над коровницами своими.

Убегай Липцов!

От Рождества Христова 1212 лета

В одно время князь Юрий Всеволодович послан был от отца своего великого князя Всеволода Юрьевича из Владимира в Ростов к брату своему князю Константину Всеволодовичу по делам великокняжеским, где и умедлил он немалое время, в которое князь Константин был во Владимире у отца своего великого князя. В отсутствие брата своего князь Юрий проводил время более на охоте в окрестностях Ростова. Один раз, находясь на берегу реки Ишни, близ Устретенского пе-

ревоза, на пути своем нашел он на курную избу, в которой жила стара средних лет. Она радушно встретила князя на пороге своего жилища и просила его не минуть ее хижину. Утомление и полуденный зной заставили князя охотно принять ее предложение. Там она по обычаю русскому просила его откушать ее хлеба-соли. Князь и от этого не отказался. В это время вышла из тайника своего к ним дочь старухи, которую она назвала Матреницей. Красота ее с первого взгляда поразила князя Юрья: такой красавицы не приходилось ему еще видеть. Крестьянка — и такая красавица!

После этого он стал чаще охотиться около Устретенского перевоза и каждый раз посещал хижину старухи, и уже не для отдохновения, а для свидания с ее дочерью Матреницей, которая теперь не пряталась уже от князя в свой тайник девичий, а находила приличнее уходить туда с ним. Старуха редко находилась в это время в хижине. Частая беседа в одиночку у князя Юрья с Матреницей в клети девичьей довела его до того, что он забыл свою юную и прекрасную супругу Марию Всеволодовну, променял ее на Матреницу.

Старуха, мать Матреницы, сперва будто бы не гневалась на дочь свою, что она часто и подолгу водит в клети с князем речи, потом стала говорить князю о том, что он воспользовался неопытностью ее дочери, обольстил ее, будучи женатым человеком. Князь в оправдание свое говорил, утешая старуху, что он будет иметь дочь ее за княгиню. На это старуха отвечала ему: «Ты правду сказал, что дочь мою будешь иметь за княгиню. Звезда твоя показывает так: доколе дочь моя будет разделять с тобою ложе твое, дотоле ты будешь великим князем владимирским; без нее ты раб брата твоего Константина. Помни это и убегай Липцов — то гибель твоя!»

Такие слова до того обрадовали князя Юрья, что он в утешение Матренице не ручался за долгую жизнь княгини своей Марии, по смерти которой обещал сделать ее княгией. «Это зависеть будет от времени и обстоятельств, — ска-

зала старуха. — Но только вот что помни: пока дочь моя жива, ты — великий князь, со смертью ее ты — бедный удельный князь».

По приезде князя Константина в Ростов князь Юрий поехал во Владимир, увез с собой и Матрицу с матерью, которых и поселил в одном из теремов своих в окрестностях Владимира, близ Пловучего озера, куда он часто стал ездить и пировать там с Матрицей, оставив в презрении супругу свою Марию, которая, узнав о такой связи его с Матрицей, не стала более жить с ним, уехала к отцу своему с малолетними детьми.

Предсказания волшебницы-старухи сбылись. По раздору великого князя Всеволода со старшим сыном своим Константином князь Юрий провозглашен был отцом своим великим князем владимирским.

По смерти великого Всеволода Юрьевича между братьями Константином и Юрием возгорелася междоусобная война и кончилась поражением сего последнего на берегах реки Липца, где он в самую кровопролитную сечу получил весть, что во Владимире Матрица его померла от яду. А мать ее от холопей утоплена в поганом пруду: та и другая получили себе достойную мзду, потому они забыли обе первоначальную жизнь свою.

Тут великому князю Юрью пришли на память слова Матрениной матери: «Убегай Липцов, и пока дочь моя жива, ты — великий князь». Весть о смерти Матрицы поразила князя Юрья страхом, и после убийства им Добрыни Резаныча, который не защищался против него, видит, что перевес битвы клонится на сторону брата его Константина. Он оставил поле битвы и с малой дружиной убежал в город Радислав и скрылся в нем.

Победитель, брат его Константин, по праву своего первородства стал быть великим князем ростовским и владимирским.

Князь Глеб Василькович и царевна Газель

От Рождества Христова 1257 лета

Князь Глеб Василькович Белозерский некоторое время жил в Орде при хане Улавчии заложником из-за восстания ростовских жителей, не терпящих татарского ига.

Живя у поганых[1] татар, начал он им служить и многих христиан обидимых от них избавлять, и печальных утешать,

[1] В старину погаными называли нехристиан.

брашна всякого и питья нещадно требующим подавать, и многие церкви созидать и украшать иконами и книгами. Так он построил монастыри на Кубенском озере и Усть-Шехонский в Белозерском своем уезде. Устроил он и канал для искусственного водного сообщения в реках Суходоне и Волочье. Это был первый случай в России искусства делать каналы.

Доблести телесные и крепость отца, красота лица матери Белозерского князя Глеба Васильковича обратили на него внимание племянницы хана Улавчия царевны Газель. Она стала преследовать его чрез доверенную свою татарку, старую няньку. Долго князь Глеб уклонялся от предлагаемого чрез эту татарку с царевной брачного союза, хотя красота и доблести царевны пленили его. Но он боялся союзом этим навлечь на себя гнев ханский более потому, что царевна была посулена ханом в супруги главному его полководцу, по имени Халим, льву в сражениях, страшному бичу противникам ханской воли. Свирепость его с пленными была притчей во языцех у самих монголов. Жалость была неведома ему, что почиталось в то время за положительное качество.

Царевна Газель была дочерью одного знаменитого монгольского героя. Его качества — неустрашимость и отвага — перешли и к его дочери. На бранном коне, в доспехах ратных и с мечом в руке непобедимая героиня являла собою грозный вид воительницы пророка Магомета. Правая рука Халима, она слыла непобедимой в сражениях. Но и возненавидела же она как самого Халима, так и его варварские поступки с военнопленными. О браке с ним не могло быть и речи.

Азиатская пылкая страсть юной царевны вспыхнула к витязю русскому Глебу во всю силу. Старая татарка-няня была ее верной посланницей.

Слава о красоте и доблести царевны Газель давно уже пронеслась по палатам, переходам и садам ханского дворца в столице Сарае. Эти похвалы нередко достигали и ушей князя Глеба. Но скорбь и воспоминания о своей умершей во цвете

лет бывшей супруге Феодоре подавляли всякие посторонние желания и мысли об азиатской красавице. Однако старая татарка упорно продолжала свое и рассказывала ему о прелестях царевны Газель. Мало-помалу мысли о ней все более и более стали занимать его и, наконец, обратились в существенность: нечто вроде любовной страсти, для которой недоставало только личных объяснений князя и царевны. Неожиданное препятствие остановило нарастающий любовный поток. А именно: царевна была такого мнения, что ее избранник будет одновременно и поклонником пророка Магомета. Князь Глеб в мыслях своих желал видеть в ней поклонницу Христа. Такое неожиданное препятствие охладило первоначальное стремление девушки, но царевна увидела, что душевная борьба между прежней верой и любовью ей не по силам и что ей придется уступить русскому витязю.

В одну летнюю ночь в стан князя Глеба вошел воин в полном вооружении с головы до ног, с опущенной решеткой шелома на лице своем и приказал князю немедленно идти к хану для личного свидания с ним. Князь Глеб поспешно оделся и пошел вслед за посланным воином, который вместо того, чтобы идти во дворец ханский, повел его в садовый золотой киоск, где, по его словам, дожидается его хан. Князь Глеб, не подозревая ничего, шел вслед за послом туда, где он нередко бывал при хане, когда был при нем послом.

При входе в киоск к великому удивлению князя проводник его мгновенно снял с головы своей шелом и с распростертыми объятиями бросился на шею изумленному князю, называя его своим любимым и повелителем, прося сделать ее христианкою и увезти в свои русские улусы.

Удивленный и пораженный таким явлением князь Глеб не скоро пришел в себя, когда вместо воина очутился он в объятиях царевны. Он принял благоразумные меры, чтобы утишить пылкий порыв ее страсти и успокоить пламенную свою царевну. Он посадил ее на стоящую тут ханскую беседу и сам признался тут

же в любви своей, говоря, что готов пожертвовать для нее всем, кроме веры. Царевна поклялась могилой матери своей, что она станет христианкою и будет принадлежать ему или никому.

Вскоре после этого свидания хан к удивлению своему видит входящую к нему любимую свою племянницу Газель, которая при входе падает перед ним на колени, подает ему кинжал обоюдоострый и молит его со слезами или убить ее как недостойную его милости или отдать ей русского витяза Глеба!

Хан пришел в большой гнев от ее последних слов: любимая его племянница, звезда венца пророка Магомета, краса ханского дворца, и вдруг хочет быть рабой гяура — русского вассала, явив собою позор и уничижение ханского престола! Но слезы и убедительные просьбы лежавшей у его ног Газели в конце концов смягчили гнев его. Изъявив свое согласие, он напомнил ей о слове, данном им Халиму. Газель, вся вспыхнув от негодования, отвечала хану: «Отец мой! По слову твоему я пойду на смерть в дом ненавистного мне Халима, чтобы слово твое было крепко. А там да будет воля пророка!» Хан ужаснулся, слушая отчаянную речь ее. Он хорошо знал, что Газель исполнит сказанное не думая. И он не стал более вспоминать о Халиме, а только спросил ее: «А что, избранный тобою вассал примет, наверное, веру Магометову?» На это царевна скромно отвечала хану: «Мне нужно слово твое как отца моего на жизнь и на смерть. Предоставь мне свободу воли, и я сделаю так, чтобы улемы были довольны мною вместе с Халимом. Я не оскорблю правоверных: ни пророка, ни тебя. Только отдай мне вассала твоего Глеба!»

Хан, видя, в какое раздражение пришла его Газель, отдал ей на полную волю вассала своего Глеба и пожелал ей быть с ним счастливою. Обрадованная таким расположением к себе хана, Газель со слезами радости облобызала ему руки.

В непродолжительном времени после этого свидания хана с Газелью распространился слух повсюду из ханского дворца о тяжкой болезни царевны Газель. Лучшие ханские врачи и могучие знахари обоих полов не отходили от ложа болящей, врачуя ее

каждый своим врачеванием: кто травами, а кто шепотом. Но все, истощив свои знания, вынуждены были объявить единогласно о том, что царевна обречена, что ее ждет верная и скорая смерть.

Халим бесновался, но не от жалости, что царевна умирает, а от того, что он без нее лишится ханских почестей и подарков, которые были ему дороже ветреной и своеобычной царевны. На самом деле он вовсе не любил ее.

Князь Глеб Василькович не видал нигде царевны со времени их последнего свидания. Не видал он и старой татарки, которая прежде часто ходила к нему. Весть о тяжкой болезни царевны глубоко взволновала его. Вскоре последовала и смерть ее, которая повергла весь ханский дворец в великую печаль и сетования. Не менее хана опечален и потрясен был князь Глеб, который только что торжественно назвал ее своею. Погребение царевны было совершено со всеми почестями для ханш. Страдая от туги сердечной, князь Глеб не был самовидцем погребения царевны. Смерть ее лишила его последних душевных и телесных сил, и он в тот день не выходил никуда из своего стана.

Великая печаль обуяла его целиком. Он чувствовал, что не переживет потерю царевны. Настала уже ночь, а он все сидел в своем доме неподвижно, погруженный в глубокую думу. Вдруг он почувствовал, что кто-то сзади наложил на его плечо руку и молчит. Обернувшись назад, он с ужасом вскочил на ноги и сделал шаг назад от удивления. Перед ним лицом к лицу стояла старуха-татарка. «Нехорошо, князь, так долго заставлять себя ждать. Спеши к твоей царевне, скрой ее в безопасное место, куда знаешь, иначе завтра она действительно погибнет: заплатит головой за свою проделку с мнимым погребением! Теперь она твоя и телом и душой. Стала она теперь быть девушкой без роду и племени и все это ради тебя, чтобы ехать с тобой на Русь!»

Удивленный и озадаченный такими словами, князь Глеб едва мог придти в себя. Посчитав слова татарки за насмешку, он гневно сказал ей: «Советую тебе, старуха, не шутить так со мной! Еще одно подобное слово — и за жизнь твою я не отвечаю!»

Немалого труда стоило старухе-татарке уверить князя Глеба, что она не смеется над ним и не обманывает его, а говорит сущую правду, что царевна жива и здорова и нетерпеливо ожидает его у нее, татарки, в доме.

После великой печали радость заступила ее место, и он немедленно поспешил на свидание с царевной в дом старой няни ее.

При входе в дом их встретила царевна, сияющая своей красотой. С криком радости она бросилась в объятия молодого князя. После обычных восторгов с обеих сторон царевна с улыбкой спросила у князя Глеба: «Ну, каковы были мои проделки с мнимыми болезнью и смертью? У вас на Руси не умеют так делать. Теперь все, начиная от хана и до последнего раба, считают меня умершей!»

Счастливый князь с помощью старой татарки кое-как одел царевну Газель в одежду раба своего и привел ее в свой стан. Там духовник великокняжеский в скором времени совершил над царевной таинство святого крещения и ее нарекли достойным именем Феодора. И потом вскоре священником был совершен над царевною и князем обряд бракосочетания. Вскоре за сим князь Глеб получил себе от хана ярлык на Белозерский удел, куда он немедленно и поехал с молодой своей княгиней. До самой Русской земли она не снимала с себя одежду раба.

Приняв Ростовский престол, князь Глеб Василькович перевел с собою в Ростов с Белаозера и молодую княгиню. Полюбила она одно место на берегу Ростовского озера недалеко от княжьих теремов, близ церкви святого Николая, построенной боярином Томилом. Там она поставила свой терем, вокруг которого стали селиться богатые татарские купцы, приезжавшие в Ростов со своими азиатскими товарами.

Ростовцы полюбили и свою княгиню, и князя Глеба. Долго и счастливо жили они вместе, пока не преставились, и были похоронены рядом в гробницах в соборной церкви Успения Пресвятой Богородицы.

Святой Петр, царевич Ордынский

От Рождества Христова 1261 лета

Епископ Ростовский Кирилл, известный своей святостью и добродетельной жизнью, был вызван ханом в Орду для исцеления одной их ханских жен христианского происхождения. За исцеление ханши молитвой епископ получил великие дары и льготы для нужд церковных. При этом он рассказывал хану историю Ростова от самой глубокой древности и

о просвещении Ростова христианской верою; о чудесах различных святых, как ростовских, так и других; в особенности распространился он о святом Леонтии, епископе Ростовском.

В числе слушателей его поучительной беседы был юный царевич Даир Кайдагул, племянник князю Халиму Беркэ, сын покойного хана Ибрагима, брата хана Сартака. Он был весьма увлечен рассказом и с жадностью слушал речи о христианских добродетелях. Итак, оставя свои обычные занятия и игры, загорелся Даир ревностью о христианской вере и особенно вспоминал часто друзей Кирилловых — Петра и Павла: эти имена глубоко врезались в память царевича.

При вторичном посещении Орды епископом Кириллом, который пришел ради великой ханской милости к церквам и духовенству, царевич Даир тайно ушел из Сарая, столицы ханской, и настиг на пути епископа Кирилла, возвращавшегося из Орды домой. Стал он страстно просить взять с собою его на Русь и сделать христианином. Кирилл сперва отказывался, боясь взять такого спутника с собою из опасения ханской погони. Но так как погони не последовало, царевич благополучно пошел рядом с епископом, пока не пришли они в Ростов. Там епископ передал его на руки сроднице его, княгине Феодоре Татарке, супруге князя Глеба Васильковича, у которого тот в тереме и поселился жить. От нее и от епископа Даир Кайдагул стал учиться христианской вере.

Еще на пути из Орды царевич рассказал о себе следующее. «После первого посещения Орды тобой и по отшествии твоем мысль о вере христианской не давала мне покою ни днем, ни ночью. Она всюду преследовала меня, и даже в уединенных прогулках я более всего размышлял о суете мира и о поклонении солнцу, которое, по словам твоим, есть творение Бога иного. В одну ночь я увидел дивный сон: мне представилось великое поле, беспредельная даль которого озарена была каким-то дивным светом. Там я ходил среди

многочисленного народа, мечтая о христианской вере. Вдруг вижу: вдали появилось стремящееся на меня страшное чудовище на четырех лапах и о семи головах, каждая из которых пожирала мгновенно человека и не была сытой, и снова начинала пожирать находящихся тут людей. Много из народа того разбежалось в разные стороны для своего спасения. Только я один оставался уже на том поле. И вот чудовище спешит ко мне. Смерть кажется мне неизбежной. Помощи к спасению нет мне ниотколе, сердце мое в груди замерло. Страшные пасти чудовища, полные смертельных серповидных зубов, разверзлись так, что им оставалось только поглотить меня с головой и с ногами. Вдруг пришли мне на память имена святых апостолов Петра и Павла, которые часто повторял ты в своей беседе с ханом. Тут я ради спасения своего закричал: «Святые апостолы Петр и Павел, помогите мне!» И тотчас от этих слов чудовище стало быть неподвижным. Вдруг с восточной стороны я увидел двух идущих ко мне благолепных мужей в одеждах блестящих, осиянных дивным светом. Один из них имел в руке своей ключи, а другой — меч. При виде их чудовище встало смирно с поникшей головой, хотело бежать вспять, но не могло: взгляд одного из апостолов остановил его. А тот, что был с мечом в руке, стал им отсекать головы чудовищу одну за одной. Отсекая последнюю голову, он сказал чудовищу: «Это друг наш, а ты хотел пожрать его!»

Тогда я, избавленный от чудовища, спросил их: «Кто вы?» — «Мы — слуги христианского Бога, в которого верует Кирилл и о котором проповедуют друзья Кирилловы, — отвечали оба мужа. — А имена наши — Петр и Павел!» Сказав это, они стали быть невидимыми, и тут я пробудился ото сна.

В непродолжительном времени после этого сна хан собрался на охоту, на которую был взят и я. И там, при истоке одной большой реки, окруженной со всех сторон высокими горами, стремнинами и великими ущельями, на поляне, замкнутой со всех сторон дремучим лесом, остановился хан,

остановилась с ним и вся свита его. Здесь искони веков было обиталище различных лютых зверей. Здесь, доколе чинились нужные к ханской охоте приготовления, я улучил свободное время для своей любимой «охоты», т.е. размышления над твоими словами, касающимися христианского учения. Обуреваемый такими мыслями, я удалился далеко от ханской ставки в дремучий лес и там в глубокой думе шел все дальше вглубь, куда мои глаза глядят, и нечаянно нашел на пещеру, где было логовище семьи лютых зверей. Почуяв мой приход, звери страшно заревели и с яростью устремились оттоле на меня с разверстыми пастями и огненными взорами, намереваясь растерзать меня. Сердце мое замерло при виде такой опасности уже не во сне, а наяву. Не ожидая себе спасения ниоткуда, не надеясь на скорую помощь пророка, я опять вспомнил будто во сне друзей твоих, о Кирилл, которых уже однажды видел, и теперь только успел проговорить: «Друзья Кирилловы, апостолы Петр и Павел, помогите мне!» Слова эти как громом поразили зверей. Они все остановились на одном месте и стояли неподвижно. Видя это, я пришел в немалое удивление, недоумевая, как одни имена друзей твоих остановили стремление лютых зверей напасть на меня и укротили их ярость. Я не знал, что мне делать, как удалиться от лютых зверей. Находясь в таком недоумении, я вдруг увидел не во сне, а наяву идущих ко мне друзей твоих. Подойдя близко ко мне, они спросили: «Зачем ты позвал нас?» Я рассказал им, что побудило меня позвать их, показав им рукою на стоявших тут же зверей. Здесь старший из друзей твоих, имеющий ключи, оборотясь к зверям, сказал: «Это друг наш! Не прикасайтесь к нему. Идите все в свое логовище и будьте там, доколе здесь охотится хан. Логовище ваше от них будет скрыто». Звери по слову его, как овцы, тихо и кротко пошли в свою пещеру. Когда звери удалились, то говоривший с ними сказал мне: «Если хочешь быть нашим другом, то приходи с Кириллом на Русь и ожерелье жемчужное принеси туда же...

Там мы еще с тобой увидимся». После этого апостолы показали мне дорогу к ханскому лагерю и вдруг стали невидимыми. Я пошел по указанной дороге и вскоре повстречался с ханскими людьми, посланными отыскать меня. Прошло немного времени. Однажды в столице ханской Сарае были устроены дивные игрища. Скоморохи и лицедеи перед лицом хана делали дивные дела. В числе зрителей был тут и главный блюститель ханских сокровищ, вельможа и князь, по имени Узбек, с малолетней дочерью своей. Вдруг княжна по неосторожности оступилась и упала с крутоярого берега в глубокий омут Волги. Она сразу же стала тонуть, однако охотников к спасению даже за великие дары не оказалось. Тут я, стоявший ближе всех к князю, видя гибель его дочери, стремглав бросился в воду ради ее спасения. На самой быстрине я ухватил красавицу за волосы и вытащил из воды. Обещанную Узбеком награду за спасение дочери я отвергнул. Тут князь Узбек снял с шеи дочери жемчужное ожерелье и протянул его мне со следующими словами: «О, царевич Даир! Прими на память ради самоотвержения твоего и спасения погибающей!» Я это ожерелье принял и стал сам носить его. Красота спасенной дочери Узбековой не изгладилась из памяти моей, что бы я ни делал, куда бы ни ходил. Хотя после этого я уже не видал ни князя, ни его дочери, потому что князь Узбек был послан со своим семейством в Ростов главным баскаком и там остался жить в подаренном ему князем Глебом Васильковичем тереме. Тот терем стоял за Сохатским болотом и позднее был дан им в приданое за своей дочерью».

Епископ Кирилл выслушал все это и благословил царевича Даира. Потом повел его в Божий храм и совершил над ним таинство крещения во имя Отца и Сына и Святого Духа, дав ему имя во святом крещении Петр.

Прошло немало времени. Даир Кайдагул, ныне царевич Петр, жил благополучно в Ростове и забавлялся охотою. Его любимая охота была соколиная тешь. В одно время нахо-

дился он со своими соколами близ речки Гды и ее устья, на тихих заводях Ростовского озера, на Нечаевом мысу, в Черном Левском плаву, в Наволочной трети и в Базановом броду. Неожиданно он увидал на последнем броду дивной красоты юную охотницу, тоже пришедшую сюда со своими соколами. Петр, видя, что это место занято, пошел было охотиться на Черный Левский плав, но в какое он пришел тут удивление, когда чудная эта охотница с зардевшимся от румянца лицом подошла к нему, победив свою девичью застенчивость, и назвала его своим спасителем.

Удивленный таким поступком красавицы, царевич долго стоял безгласен и смотрел на стоящую перед ним девушку. Он едва мог собраться с мыслями, чтобы ответить: «Прекрасная дева! Ты, вероятно, ошиблась и принимаешь меня за кого-нибудь другого. Я никогда не был твоим спасителем, хотя, может быть, и мечтал бы им быть». — «Истинная моя благодарность никогда не может ошибиться. Тобою я спасена от смерти, за что моя беспредельная благодарность к тебе останется на веки вечные! Ты — мой спаситель!» Удивленный этим царевич попросил незнакомку пояснить свои слова, требуя назвать тот подвиг, который он совершил, спасая ее. Тут юная охотница пришла в такое состояние, что стала свободно и бойко говорить с ним, как со старым знакомым. «Знаешь, — резко сказала она, — это мое ожерелье, которое я вижу на тебе! Откуда оно у тебя? Не в Золотой ли Орде на берегу реки Волги получил ты его из княжеских рук? Вспомни столицу Сарай и спасенную тобою дочь князя Узбека, которую теперь судьба привела на встречу с тобой, чтобы лично поблагодарить своего спасителя! Теперь я вижу взятое тобою на память жемчужное ожерелье на тебе, моем спасителе, и недоумеваю, как, каким образом спаситель мой оказался на соколиной теши возле меня?»

Теперь царевич вспомнил уже было забытое им событие. Спасенная им малолетка подросла и пленила его теперь сво-

ей красотой и девичьей скромностью. Он скрыл свое настоящее происхождение, назвав себя слугой князя Глеба Ростовского, с которым он там и был и оттоле приехал с ним сюда. «Это ожерелье, — добавил он, — теперь я с великой радостью возвращу тому, кто украшался им прежде».

Незнакомка не хотела принимать от него ожерелье, но царевич настоял на своем и сам надел на нее ожерелье и условился с нею, когда им одновременно быть на охоте на Нечаевом мысу.

Утрату ожерелья княгиня Феодора скоро заметила и спросила о нем. Царевич отвечал ей, что он отдал его тому, чье оно было прежде. Соколиная охота на Нечаевом мысу была причиною тому, что царевич избавленную им от смерти красавицу избрал себе в супруги.

Княгиня Феодора стала замечать частые отлучки царевича на охоту, чего прежде с ним не бывало. Утрата ожерелья навела ее на мысль, что царевич ходит охотиться не без причины. Сказала она об этом и супругу своему князю Глебу. А тот стал просить совета у владыки. Епископ в свою очередь, опасаясь, что царевич, соскучившись в Ростове, уедет обратно в Орду и оставит христианство, присоветовал князю Глебу женить его, приискав ему приличную невесту.

Княгиня Феодора хорошо была знакома с князем Узбеком и его дочерью, по имени Кончак. Последнюю она считала достойной невестою. По совету владыки, княгиня Феодора сообщила царевичу Петру о ней. А тот отвечал, что уже нашел себе невесту, которой и отдал обратно ее ожерелье, и что не желает себе другой. А кто была его избранница, он умолчал.

Немало труда стоило княгине Феодоре уговорить царевича, что она пойдет и сосватает дочь князя Узбека. Он только и говорил об ожерелье и прекрасной незнакомке. Наконец дело уладилось. Княгиня Феодора поехала к князю Узбеку вести речь о добром деле, о сватанье, и была весьма рада тому, что уговорила царевича забыть ожерелье и незнакомку. Князь

Узбек принял предложение княгини Феодоры как великую честь для себя. Ему только оставалось объявить об этом дочери своей и узнать у нее, довольна ли она будет его выбором.

Княжна знала, зачем ее зовут. Она шла к отцу объявить о своем собственном выборе суженого. А когда она вошла, каково же было удивление князя Узбека и княгини Феодоры: они увидели на Кончак ожерелье ее матери, которое было отдано в Орде Даиру Кайдагулу за ее спасение.

Княжна свободно отвечала им, что получила драгоценность обратно от того, кому она была дана. Тут князь Узбек сказал ей: «Тот же самый человек просит у меня руки твоей. Что ты на это скажешь?» — «Отец мой, я скажу тебе то же самое, что ты говорил прежде всем: «Отдаю дочь мою за ее спасителя!» Теперь я думаю, что ты слово свое не изменишь, а я буду послушной твоей дочерью. Жалко, что я досель не знаю имени моего спасителя. Кто он?»

Тут княгиня Феодора не выдержала и все рассказала: «От него мы только с родителем твоим и вели речь о тебе!» В непродолжительном времени из княжны Кончак сделали христианку Феодулию, а там вскоре и супругу Петру-царевичу.

Князь Глеб Василькович княжил мирно в своем Ростовском уделе. Этому много способствовал Петр-царевич, которого чтили ханские баскаки как сродича ханского. И не было в народе никакого недовольствия. Выдающаяся черта княжения Глебова в Ростове — это сближение ростовских купцов с булгарскими и татарскими через посредство Феодоры Татарки, супруги Глебовой. При ней татарские купцы селились близ городского ее терема, на берегу Ростовского озера, и основали Великую Татарскую слободу.

Настало время кончины князя Глеба. Она была в присутствии нового князя ростовского Михаила Глебовича Белозерского. Тихо и кротко испустил он душу свою, проболев одну седмицу. Все люди города стеклись на княжеский двор и плакали горько о нем. Епископ же Игнатий (крестный отец

царевича, епископ Кирилл, давным-давно умер) вместе с игуменами и попами понесли тело его в соборную церковь Успения Пресвятой Богородицы и положили честно подле супруги его Феодоры Татарки в лето 6786-е, месяца ноября в 13-й день, а по-нашему, в 1278 году.

Благочестивый царевич Петр со своей супругой Феодулией и сыном Лазарем жили долго и счастливо. В конце жизни своей он купил у ростовского князя землю и на свои средства основал Ростовский Петровский монастырь. Царевич Петр дарил монастырю многие имения, церковную утварь, иконы и книги. Наполнил Дом Божий иноками и сам перед смертью принял в нем иноческий постриг. За то Господь Бог и Спаситель наш сподобил его вечного блаженства в сем веке и в будущем.

Князь Иван Андреич Брюхатый и братья Сбродичи

От Рождества Христова 1434 лета

Князь Глеб Константинович, сын князя Константина Васильковича, имел у себя дочь, по имени Феодору, великую красавицу, девку сорви-голова, которая была просватана за князя Василья Юрьевича Шемяку, наместника ростовского, князя галицкого. Но обстоятельства переменились: князь Василий

уехал в свой Галич и вестей не подавал. Тогда князь Глеб выдал дочь в супружество князю Ивану Андреичу Брюхатому, старому, но богатому вдовцу, хотя и против воли княжны Феодоры, которая крепко полюбила своего жениха Василия Шемяку за его молодецкую удаль.

Князь Иван, несмотря на свои преклонные лета и тучность тела, прельстился красотой, ростом и дородством княжны Феодоры, хотя имел многочисленное семейство, состоящее из двух сыновей, семи внучатых князей, всех женатых. После брака князь Иван с молодой своей княгиней поселился наособицу в своем преузорчатом тереме, стоящем на берегу реки Ишни напротив Черного омута.

Такая неожиданная перемена в судьбе князя Василья Шемяки по приезде его из Галича в Ростов взбесила его, и он вознамерился волей или неволей, но достать себе из рук князя Ивана Брюхатого княгиню Феодору. Он призвал к себе дядьку своего князя Дмитрия Дмитриевича Приимкова-Третьяка и рассказал ему о своей невзгоде. Князь Приимков уже подавал весть в Галич, что Феодору хотят выдать замуж, но Шемяка тому не поверил. Теперь он просил его придумать, как добыть ему княгиню Феодору, о которой ему было известно, что одна брачная плеть, то есть ременная трехвостка, держит ее в покорности своей судьбе.

Для Третьяка, как и для самого Шемяки, не было ничего невозможного. Разве только невозможным он почитал на небо взлезти. Для него не было ничего заветного или священного на земле, клятвы его писались на воде. Поэтому он велел князю Василью ни о чем не печалиться и обещал ему представить княгиню Феодору как лист перед травой волей-неволей.

Расставшись с князем Васильем, Третьяк поехал в княжьей колымаге к сыновьям своим в Сбродичев терем на реку Устье, к товарищам и исполнителям всех молодецких подвигов и рыцарства князя Василья Шемяки, которым он строго-

настрого наказал: как знают и сумеют — но добыть Феодору! Без того и носу ему не казать!

Получив такой строгий приказ от отца своего, братья Сбродичи составили общий совет, на котором положили, по совету князя Федора Бахтеяра, украсть Феодору у Ивана Брюха из его ростовского терема и разграбить терем. Они желали послужить князю Василью верой и правдой и не выдавать, а помогать друг другу. Старший брат Дмитрий повел речь свою так: «Хорошо придумал брат Федор украсть княгиню Феодору! Куда старику Брюху такая ражная и дебелая баба? Впору ему, словно роженице, со своим брюхом возиться! Где ему с такой бабищей возиться! Срубил-то дерево, да не по себе! Она как раз впору его внучатам Иванам — Катырю и Буйносу! У тех бабенки-то не добре по ним ражи! Поди сладь ему с ней! Покажется ли ей старик после нашего князя? Теперь она, я думаю, спит и видит: побывать бы еще разок во ржи княжьей. Не убивайся, красотка, погоди, скоро будет и на твоей улице праздник и будешь угощать нас заветной чарой по-прежнему!» Так он со смехом закончил речь свою.

В наставший день все князья оделись прилично, каждый по своему ремеслу. И под вечер поодиночке разными путями пришли в терем князя Ивана. Кто выпросился от темной ночи, а кто добывал по ремеслу себе работы. И разместились все по холопским избам.

Старший Сбродич Дмитрий, как богатый заморский гость, подкатил на тройке рьяных коней в колымаге с заморскими товарами к дому княжьего кравчего. А его возницу и приказчика своего Утиную Лапу послал с поклоном к домоправительнице Мамоновне сказать, что приехал купец гостиной сотни, государев гость, со всякими редкими товарами. Как промолвит она о нем слово князю и княгине молодой, так обещал он ей поклониться на душегрею соболями.

По приказу князя Ивана Брюхо Мамоновна ввела заморского гостя в светлицу княгини Феодоры, куда возница на-

носил груды диковинных товаров, завалил ими весь детинец княгинин. Скоро вышла и сама Феодора. На княгине против прежнего вовсе лица не было, похудела она много. Заморский гость стал показывать ей свои товары. Княгиня смотрела на них безо всякого внимания, от нечего делать. Мамоновна добре настаивала, чтобы она пожелала что-нибудь купить. Вдруг княгиня обратила свои взоры в ту сторону, где был приказчик заморского гостя Утиная Лапа, который рассказывал сенным девкам, что худо и что хорошо. Из них одни имели веселые лица, а другие стояли печальные. И все толпились около того человека. Княгиня спросила у Мамоновны, что там делается. Та с поклоном отвечала ей: «Вострухи-девки у знахаря про женихов гадают. А тот им слова по книге рассказывает и всякий раз словно в руку кладет». Княжна и сама пожелала узнать свое будущее житье-бытье. Спросила через Мамоновну: «Может ли он погадать мне?» И получила ответ, что может, если только пожелает. Тут знахаря подвели к княгине, где он по приказу ее принялся за свой промысел. Стал разводить свои науки на хлебе с солью, воткнувши в хлеб иглу с ниткой, потом на угле с водой. Но у него все что-то не ладилось. Тут он с видом великого знатока сказал княгине: «По сущей справедливости, гадать тебе, как другим, нельзя. Ничего правдивого не выходит, сколько я ни бьюся. А надо гадать тебе наособицу, с глазу на глаз, иначе за правду я не ручаюся». Княгиня не прочь была проведать этого гадания одиночного, но Мамоновна без слова княжьего не согласна была. Знахарю вовсе не нужно было, чтобы ведал про это князь. Он остановил Мамоновну и стал вновь разводить свои премудрости на хлебе с солью и смотрел долго на оные кусочки, висевшие на нитке в руке его, потом сказал так: «Можно мне будет гадать и при Мамоновне, но только мне быть надо при гадании в великом страхе. Удастся — хорошо, не удастся — поминай знахаря, как знаешь! Жизнь висит у меня на волоске: только оплошай! Но для тебя, княгиня, я на все

согласен. Буду жив — ладно, не буду жив — добрым словом помянешь!» Потом, оборотясь к Мамоновне, сказал ей: «Ну, Мамоновна, теперь дело за тобой! Затыкай уши так, чтобы не услышать слов моих, что я буду говорить княгине. Слова будут самые тяжелые, я по всему вижу, что княгиня с глазу испорчена. Слушай и после на меня не пеняй: до смерти твоей тебе никто не поможет снять порчу, если ты услышишь хоть одно мое слово, то оглохнешь и ослепнешь! А черные и лихие немочи согнут тебя на веки вечные в бараний рог!»

После таких страшных угроз Мамоновна крепко-накрепко заткнула свои уши пальцами и встала у дверей посмотреть, что знахарь с княгиней будет делать. А знахарь прежде всего сделал знак ей, чтобы она молчала, и потом тихо сказал: «Княгиня, я и заморский гость — братья Сбродичи. И прочие братья наши все здесь, присланы к тебе от князя Василья Юрьевича с челобитьем сказать, что он больно по тебе стосковался: ни ест, ни пьет. Поволишь ты — мы отведем тебя к нему из твоей неволи. Не поволишь — так уйдем». Княгиня зарумянилась, повеселела, затем тихо сказала : «Я на все согласна, лишь бы свидеться с князем Васильем». Тогда знахарь ответил ей: «Объяви своему старику, что понесла от него во утробе и хочешь отведать мяса дикого вепря, им самим убитого. И проводи его на полеванье до города, и там останься ждать его возврату. А тут уж будет дело наше».

Такая выдумка княгине весьма полюбилась. И сказала она, что все это сделает. Потом стала громко смеяться, что своей поноской во утробе избавится от Брюха, супруга своего. Мамоновна обрадовалась, что увидела смеющуюся княгиню. Не дождалася, пока расчурует ее знахарь, и закричала громко три раза: «Чур меня! Чур меня! Чур меня!» И побежала к веселой княгине, которая за скорое свое исцеление от порчи щедро одарила знахаря. А там дарила она щедро всех, с Мамоновны до девки-чернавки, товарами заморского гостя. После этого веселая княгиня пошла качаться на качелях,

а сенным девкам велела петь веселые песни. Весь дом князя Ивана Брюхатого оживился весельем.

Ночью на постели княгиня сказала своему супругу, что она понесла от него в утробе своей и добре хочется ей отведать мяса дикого вепря, им самим убитого. Князь Иван, когда услышал такую радостную для себя весть, весьма был этому рад и обещал убить вепря своими руками. И на радостях написал княгине на вдовье вено дарственную грамоту, в которой, между прочим, было сказано: «Да по обеим берегам реки Нерли от круглого озера вверх и вниз по реке даю сенных покосов, сена тысячу триста сорок копен, да рыбную ловлю в реке той в ее дачах...»

Два дня у князя Ивана прошли в сборах на полеванье. Одной пищи был приготовлен целый обоз и целые баклаги вина, меду и валуя, и всего прочего. Наконец, от боярского терема двинулся по пути к Ростову матерый обоз, во главе которого ехал князь Иван со своей молодой и веселой княгиней по берегу реки Ишни.

После знахарева гаданья княгиню трудно было узнать: она сделалась веселой, бегала и резвилася, как дитя, играла и пела со своими приближенными. А старого своего супруга, если бы не брюхо его, готова была носить на руках. Теперь она была неразлучна с ним. Князь от такой перемены княгини не знал, чем угодить ей. И если бы не был уж дед и не имел такого брюха, то готов был петь и плясать как ровня ей по летам.

Подпевавши и отдохнувши на пути в Ростов, князь Иван поехал на полеванье со своей свитой на крутые берега и тихие заводи реки Нерли. Сколько слез пролила княгиня при расставании с супругом своим! И если бы не понесла во утробе своей, то и сама бы отправилась с ним на полеванье. Теперь же обещала ездить в собор молиться Богу и по обителям ростовским о здравии супруга своего и ставить там большие свечи.

По отъезде князя княгиня Феодора под видом богомолья нарядилась в драгоценное платье и в великолепной колесни-

це поехала в собор на условленное там свидание с Василием Шемякой. Проехала она Соколиную и Белую слободки и Ладонною слободкой поворотила к собору. Вдруг откуль ни возьмись тут юродивый Сидор Твердислав, который по обычаю своему там юродствовал. И пред колесницею княгини он стал и остановил коней, велел ей ехать прямо на Черный омут. Но она на это не обратила внимания, приказав ехать к соборной церкви. Тогда Сидор стал громко кричать ей: «Куда ты едешь, ворона? Там Васька Шемяка косой пожрет тебя и живую из своих лап не выпустит! Убирайся скорее к Черному омуту в свое гнездо. К ночи доедешь туда, и кара минет тебя!»

Говоря это, он продолжал держать ее колесницу. Княгиня велела холопам отогнать Сидора от коней. Тогда он стал различно поносить и ругать княгиню и бросать черепицами и грязью в ее колесницу и в нее. А сверх того поносил ее прежними делами и последним ее гаданьем и кричал: «Правду ты сказала, что понесла в утробе своей! Только не от князя Ивана, а от Васьки Шемяки!»

Княгиня устыдилась многолюдства народного, который столпился посмотреть, как Сидор воевал с княгиней Феодорой. Над последней многие смеялись. Она же велела поворотить колесницу обратно домой и ехать на Благовещенский ров. А Сидор святой кричал ей вслед, чтобы она ехала к Черному омуту.

Так было в городе. Не лучше шли дела и в полеванье князя Брюхатого. Долго он ездил со своею свитою по берегам Акутина озера, где водились прежде вепри. Ездил князь много по берегам реки Пошмы. Коснулся и берегов реки Сары. Был на Черном, Чамницком, Годеновском, Белом и Осоевском озерах, доезжал и до Сохатского болота. Но как назло ему не встречалось и следов вепря. Наконец поутру четвертого дня встретил он желанного вепря на берегу Круглого озера близ реки Нерли, на устье ручья, впадающего в эту реку, текущую теперь в дарственном владении княгини Феодоры. Вепрь же

пришел туда из неприступной трущобы утолить свою жажду. Князь со своею свитой окружил вепря и без труда убил его. Место это, где был убит вепрь, князь Иван приказал для памяти окопать рвом вокруг.

Веселая пирушка охотников заключила это полеванье. Торжествующий князь весело с добычей своей возвращался в Ростов.

В первую же ночь по отъезде князя Ивана Василий Шемяка с братьями Сбродичами напал на его ростовский терем, холопов перебил, а княгиню Феодору увез с собой. В честь такой удачной победы весело пировал он двое суток во ржи княжьей, где княгиня Феодора скоро забыла насильный брак свой. Оттоле на третий день Шемяка с братьями Сбродичами отправил княгиню Феодору в свой Галицкий удел, в заветный терем, о существовании которого знали только Шемяка да братья Сбродичи. В самом тихом месте на берегу Галицкого озера в дремучем и непроходимом лесу поселил он княгиню Феодору и подолгу жил с ней там.

По приезде в город князь Иван с прискорбием нашел дом свой весь разграбленным, холопов — ранеными и перебитыми. Многие здесь лежали больные, а княгиню увезли, и никто не знает, куда. Первоначальное подозрение пало на князя Шемяку Василья. Тайные и явные соглядатаи осмотрели все Шемякино подворье, притоны, но нигде не открыли следов княгини. Время раскрыло князю Ивану прежнюю связь княгини Феодоры с Шемякой, да и сам он теперь увидел, что одно богатство его недостаточно было молодой княгине. По летам его она во внучки ему годилась. Старику нужен покой, а молодым силам — простор. Обдумав это здраво, князь Иван оставил мысль отыскивать ее. Стал он тешит старость свою тем, что смотрел на резвость своих многочисленных внучат.

Княгиня не гневалась на святого Сидора, что он поносил ее. Она знала, что он говорил правду. Но ей хотелось скрыть эту правду от холопов и от народа.

Шемяка Василий по делам своим политическим покинул Галич и уехал в Новгород, взяв с собой княгиню Феодору, вместе с которой он остановился на Волотовом поле, где она родила ему сына Юрия. Только после смерти Василья Шемяки княгиня Феодора возвратилась из Новагорода в Ростов, где построила обитель на месте близ реки Нерли, окруженном рвом, и назвала ее Вепрева пустынь, и постриглась в ней, и стала инокинею, а потом настоятельницею, благочестиво закончив жизнь свою.

Когда сын ее Юрий возмужал, то стал одним из первых ушкуйников новгородских, между которыми был известен под именем Толстого Кола. Свое прозвище он получил оттого, что, будучи малолетком, толстым колом прогнал передовой отряд варягов от Новагорода. Промышлял он удальством своим по рекам Паше, Свири, Саси и Тихвинке и выходил иногда реками Сомихой, Горюном, Чагодой и Мологой на Волгу. Один из сыновей Юрия, по имени Василий Колтовской, с великим богатством поселился в городе Тихфине. Одна из дочерей Василия Мария была четвертой супругой царя Ивана Васильевича Грозного. Последний увидел ее на богомолье, взял себе в супружество. Позже по воле царя Мария Колтовская была пострижена в иночество на родине ее, в Тихфине, в Введенском монастыре, под именем инокини Дарьи. Во время нашествия на город Тихфин варягов, которые не могли взять Тихфинский большой монастырь, но разорили женский Введенский, инокиня царица Дарья скрывалась в дремучем лесу на берегу небольшого озерца, которое получило название Царицыно. Благочестивая инокиня жила там уединенно в небольшой хижине и после нашествия варягов за одно лето возобновила разоренную Введенскую обитель так, что та стала великолепнее, краше прежней. Отселе ездила она в Ростов поклониться святому Леонтию. А оттуда — во Владимир, куда ее сопровождал святой Иоанн Милостивый Власатый Ростовский. На гробницу свято-

го Леонтия она возложила пелену, на которой ею самой было вышито явление ей Божией Матери со святым Николаем, когда она сидела на упавшем дереве на месте Тихфинского Николо-Беседного монастыря. Это явление Божией Матери было в четырех верстах на восток от города Тихфина. Из того дерева потом натесали толстых брусьев и сделали большой осьмиконечный крест, который находится ныне в Беседном монастыре в часовне. По возвращении своем в Тихфин царица-инокиня приняла схиму под именем Марии и умерла в 1583 году, мая в 6-й день.

Дом, где жил Василий Колтовской, обращен был в церковь святого Иова Многострадального, а место кругом со временем превратилось в городское кладбище. В день памяти царицы-инокини, 6 мая, каждый год стекается весь город на «кладбище праведного Иова». Так мирское и суетное превращается с годами в священное и вечное, если сам Господь захочет и поможет.

Князь Семен Михайлович Луговской и братья Сбродичи

От Рождества Христова 1435 лета

По смерти князя Михаила Семеновича Луговского наместником великокняжеским Устретенской половины Ростова стал сын его князь Семен Михайлович Луговской. Борисоглебской стороной правил еще князь Василий Юрьевич Шемяка. Итак,

в Ростове были два наместника: один — великокняжеский, другой — удельный.

Красота княгини Лукерьи в простонародье весьма славилась. Все называли ее Лукерья Прекрасная. Она была дочерью князя Ивана Александровича Лобанова и супругой князя Семена Михайловича Луговского. Строгая добродетель и целомудренная нравственность украшали ее. К тому же у нее было особое пристрастие к чтению книг. Это почиталось в то время редкостью и в мужчине, а в женщине — наособицу. Простонародье окрестило ее чернокнижницей.

Весть о красоте Лукерьи Прекрасной дошла в то время до ушей князя Василия Шемяки, безалаберного развратника. К тому же на его половине Ростова, где заправлял всем дядька его князь Дмитрий — Дмитрия Приимков-Третьяка, творилась чистая шемяковщина. Тот три раза поклонится да три раза и обманет, оттого и прозвали его Третьяком.

Щедрость его на клятвы была изумительна, впрочем, он никогда их не исполнял. Под руку как раз ему пришелся и воевода — ростовский князь Владимир Дмитрия Бритый-Бычков, прозванный Голах, который правого и виноватого обирал догола. За то его еще звали Вторым Третьяком. Присовокупим к этим двум столпам правосудия еще и братьев Сбродичей. А главой над всеми был князь Василий Юрьевич Шемяка, которому отец его дал Ростов на корм вдобавок к его Галицкому уделу, хотя последний тот любил и старался всячески обогатить его и возвысить.

О строгой целомудренной добродетели княгини Лукерьи было сказано, но для Шемяки она не имела никакой цены и не служила ему препятствием для исполнения его замыслов. Ведь он всякую женскую добродетель почитал притворством, а целомудрие считал за товар, который покупается золотом. «Смелость и золото города берут!» — была его любимая поговорка. «Они — прямые ключи к бабьему целомудрию и всяким их притворствам!» — гова-

ривал он. Что княжна, что поселянка — для Шемяки они все были равны, красота их имела для него одинаковую цену. Он полагал, что легко обольстит княгиню Лукерью Прекрасную.

Шемяка подослал к ней близких подруг. Но тщетно. Соблазнительницы без успеха возвратились к нему и сказали: «Княгиня Лукерья — крепкий адамант!»

Это был чувствительный удар для Шемяки. Не доверяя более другим, он сам захотел испытать, какой крепости этот дивный адамант. Для этого он надел на себя платье калики перехожего. Дивными сказками и былинами хотел Шемяка пленить ее, добиться личного свидания с красавицей. В таком виде пришел он с посохом в руке на Лугово дворище. К удивленью своему он узнал от сенной девки, что княгиня страсть как любит слушать сказки и были не только от калик перехожих, но и от супруга своего. То и велела ему сказать: «Супруг мне хорошие сказки сказывает, а худые — нет».

Так Шемяка и не поимел успеха более других. Только и сделал полезного, что за золото нашел себе единомышленницу среди сенных девок княгини, которая пообещала сказать Шемяке, когда уедет князь Семен из дома и впустить его в терем княгини. На том и уговор положили... А Шемяка, идя домой, невольно подумал про себя: «Невелик золотник да дорог!»

Вскоре после этого великокняжеские дела позвали князя Семена Михайловича в Москву на личное свидание с великим князем Василием Васильевичем, куда он немедленно и поехал на неопределенное время.

Шемяка, получив такую весть от своей сообщницы, торжествовал, одарил ее заранее обещанными дарами и наказал ей быть готовой принять его и впустить в терем княгини Лукерьи в полночь. Как было сказано, так и сделано! Ночью Шемяка нагрянул на Лугово дворище со своими головорезами — братьями Сбродичами: князьями Дмитрием Андреичем, Андреем Иванычем, Иваном Александровичем Хо-

холковым, Катырем и Семеном Андреичем Голениным. Все перевернули вверх дном, а княгиню Лукерью взяли в полон и в ту же ночь, невзирая на бурю и дождь, из слободы Угожь помчали в Галицкий удел, в Глухово дворище, в заветный терем шемякинский. А сам Шемяка остался в Ростове, отводя от себя подозрение.

Удальцы-храбрецы братья Сбродичи, Шемякины сподвижники, верные исполнители воли его, в глухую ночь, на лихих конях, с княжною в колымаге прискакали к Николину перевозу. Великая буря с громом и молниями бунтовала всю ночь. Проливной дождь лил как из ведра. «Отвори! — зычно закричали Сбродичи, обрушив удары мощных кулаков на ветхую дверь хижины старика-перевозчика. — Перевези нас через реку немедленно!»

Старик, крестясь и низко кланяясь, вышел навстречу им и дрожащим голосом проговорил: «Вона-те буря какая! Потопнем ведь враз, благородные господа. Лучше обождать утра в моей курной избе, чем пускаться в такую непогоду в утлой ладье на верную смерть!»

Призадумались братья Сбродичи, посоветовались друг с другом и, наконец, согласились с предложением старика, и более потому, что, едучи верхом на конях, дождем и ветром побиваемые, продрогли до костей и заледенели. Княгиню Лукерью тут же заперли в чулан, а ключ от него один из братьев привесил себе на пояс. Потом взошли в избушку перевозчика и разожгли большой огонь в печи, чтобы согреть свои кости, отжать воду с волос, высушить мокрое платье. Долго ли, коротко ли — открыли они веселую пирушку. Вино потекло тут рекою, громкий голос витязей зазвучал в курной избе перевозчика. Вино развязало им языки, и стали они хвастаться и прославлять удалые подвиги Шемяки. По их речи старик узнал, кто заперт у него в чулане. Добрый малый, он хорошо знал князя Семена Михайловича, которого не раз перевозил через реку. Знал он и Шемяку, и твердо решился освободить княгиню из чулана.

Тут словоохотливый перевозчик вмешался в разговор братьев Сбродичей. И он стал в свою очередь хвалить щедрость князя Василия Юрьевича, которого он не раз перевозил через реку. И видя, что вино у них на исходе, предложил им своего домашнего малую толику. Братья обрадовались его предложению, и занялась новая пирушка, зашумела снова, но не надолго. Перевозчиково вино скоро всех сморило, раскидало их, сердешных, по избе кого куда: кого на лавку, кого под лавку, кого под стол, а кого и просто на пол. Все заснули крепким сном и захрапели, как зарезанные бараны.

В это время княгиня Лукерья в чулане проливала горючие слезы о своей несчастной судьбе. Старик же снял с пояса сонного Сбродича ключ и отпер дверь чулана. Взойдя ко княгине, проговорил: «За ласковое слово и щедрость супруга твоего пришел я освободить тебя. Спасайся бегством, пока не поздно. А на нужное время укройся у одинокой моей дочери. Она живет в лесу недалече отселе. Ты там будешь в безопасности от шемякинских послухов».

Княгиня с благодарностью согласилась на его предложение. Старик тут же принес ей одежду крестьянки и просил княгиню поскорее снарядиться, а свою одежду разбросать в разных углах чулана на полу. Княгиня немедленно все исполнила по слову старика. Из чулана она вышла крестьянкою. Старик запер его, потом перевез княгиню через реку Устье и указал ей дорогу к хижине дочери своей. Потом, придя обратно в избу, привесил ключ опять на пояс одного из братьев и пошел сам спать на печь.

Шемякинские удальцы проснулись к раннему завтраку с больными головами и стали собираться в путь-дорогу. Старший Сбродич пошел в чулан, отпер его и остолбенел. Он увидал кругом разбросанную по полу одежду, самой княгини нигде не было. «Ратуйте, православные!» — завопил он зычным голосом. И тут же на его крик прибежали остальные. Осмотрели двери, замок и весь чулан. Все цело,

а княгини нет как нет. Тогда зашумели они как малые дети, рассуждая, куда подевалась княгиня из-под замка? Стали спорить между собой и пенять один другому, выясняя, кто первый согласился ночевать здесь. На шум пришел старик-перевозчик и ласково их спрашивает: «Что шумите по-пустому, милые витязи, али вина вечор не достало?» Загалдели тут витязи, перебивая друг друга: «Княгини нет как нет!» Не велел им старец по-пустому шуметь, а велел слова умного послушать, ума-разума поднабраться. «Я-ас, — молвил он, — теперь узнал всю правду-истину как на ладони. Послушайте-ка, витязи! Скоро я разрешу все загадки. Как только стало брезжиться, пошел я на перевоз посмотреть, не расходилась ли река-то, не наделала ли чего ночная буря. Смотрю — все в целости. Возвращаюсь назад, подхожу к избе, отворяю сенные двери, а из сеней шасть — сорока, пырь мне в глаза прямо. Крылом меня задела по лицу. Перепугался я насмерть. «Господи, твоя воля!» — закричал, перекрестился и сотворил молитву. И думаю сам про себя, влезая на печку, откуда у меня взялась сорока. Это неспроста! То не сорока меня пырнула в глаза, а княгиня, знать, чародейкой была, как киевская ведьма, оборотилась сорокою и улетела. Поминай как звали красотку! Ишь, что выдумала! Вчерась притворилась казанской сиротой, так и ревет белугой, индо жалко было! Поди и узнай бабу-то, что у них на уме: они проведут и выведут нас».

Присказка старика показалась братьям похожей на правду. Припомнили, что шла молва о ней в народе, будто она чернокнижница. Значит, впрямь сорокой оборотилась и улетела. Ишь как, видно, торопилась: всю скруту свою разбросала кое-как по чулану! Ай да баба! Объегорила всех!

Тут князья Сбродичи посудили, порядили да на том и положили, что надо оборотить оглобли назад. Так они и сделали. Где им искать сороку? Разве они помытчики, которые знают, где какая книга хоронится и как живет?

Шемяка такой сказке о сороке не совсем верил, хотя верил братьям Сбродичам, с их стороны измены не ожидал. А оплошка может случиться. Перевозчику-старику он не поверил: старик сам себе на уме, стреляный воробей. Мало Шемяка верил и в чародейство княгини. Подозрения его пали на перевозчика. Тайные соглядатаи Шемяки зорко следили за ним и Глуховым дворищем. Однако не было ни слуху, ни духу про княгиню Лукерью.

Князь Семен о происшедшем был извещен в Москву, но дела великокняжеские надолго удержали его там. Тщательные розыски его соглядатаев, отправившихся из Москвы по всем притонам Шемяки, ни к чему не привели. Не забыт был и город Галич Мерский. Хотя все тайные и явные убежища Шемяки были осмотрены, никакого следа Лукерьи Прекрасной не открыли. Даже сам Шемяка понемногу стал верить в россказни про сороку-воровку.

Настала зима, пошли рождественские и крещенские морозы. В самое это время открылась междоусобная война великого князя Василия Васильевича с князем Васильем Юрьевичем Шемякой в пределах ростовских между селами Великим, Косьмодемьянским и Никольским, что на перевозе, на реках Которости и Устье.

Во время этой жестокой зимы случилась великая сеча на Никольском поле между воеводами противоборствующих сторон. В ней был жестоко изранен князь Семен Михайлович Луговской, хотевший пресечь путь Шемяке, убегавшему наутек. С князем Семеном были два молодых князя — Роман Андреевич и Федор Дмитриевич Гвоздь, которые, видя князя Семена упавшим с коня, оставили преследование убегавшего Шемяки, взяли князя с поля битвы и вынесли его для перевязки раны в стоящую близ этого места хижину. В ней жили две бедные крестьянки. Как только это случилось, одна из женщин пришла в великое изумление. Увидев полумертвого князя, она с криком и слезами бросилась к нему, назы-

вая супругом своим, стараясь всеми способами привести его в чувство. При этом все кипело в руках ее. От таких вовсе не крестьянских способностей приведения в чувство князь Семен скоро оправился и слышит знакомый голос, зовущий его и называющий его по имени.

Он открывает глаза свои. Смотрит — и не верит им: видит лицо своей супруги, незнакомую курную избу. Думал, что он уже не жив и что все это ему представляется. Княгиня же торопилась в коротких словах изложить свою историю.

Такая неожиданная встреча супругов много способствовала скорейшему заживлению ран на теле князя, уменьшению болезней от искусной перевязки ран.

Весть о дивном свидании супругов Луговских скоро дошла до великого князя. Он тотчас пришел навестить раненого героя и вместе с тем посмотреть на его супругу, княгиню и крестьянку. После этого великий князь приказал князьям Василию Ивановичу Янову-Губке и Владимиру Андреичу с честью проводить чету Луговских до Лугова дворища.

Князья Юрий и Юда Луговские

От Рождества Христова 1552 лета

Когда великий князь Василий Иванович постриг насильно в иночество супругу свою великую княгиню Соломонию Сабурову в городе Суждале и от живой жены женился на другой от рода князей Глинских, на княжне Елене Васильевне, то с великой княгиней Соломонией произошло следующее.

Инокиня Соломония после пострижения объявила себя беременною и близкою к родам. Жены Григория Казанчии и

постельника Якова Мизюри были посланы от великого князя, супруга ее, освидетельствовать Соломонию. Они нашли слова ее справедливыми и донесли об этом пославшему их князю Василию Ивановичу. А он приказал им об этом молчать. Но разве у женщин сохранится тайна? Одна из них сказала об этом самой близкой свой подруге, а та другой, и так тайна разнеслась по всему городу. Жен Казанчии и Мизюри высекли и сослали.

Ко времени родов княгини-инокини Соломонии великий князь послал в Суждаль советника Федорика и секретаря Потапа, чтобы взять от старицы младенца и привезти к нему. Но княгиня родила младенца до приезда послов и скрыла его, а куда — это для всех осталось тайной. Сколько ни старались посланные от князя открыть следы, куда скрыт новорожденный младенец, ничего не могли узнать. От княгини-инокини они слышали различные укоры великому князю и угрозы, что ее сын будет мстителем за мать свою.

В это самое время в Суждаль случайно приехал князь Сергей Семеныч Луговской, ближайший родственник инокини Соломонии по линии супруги своей княгини Луговской. Он пришел навестить ее в обители по ее тайному зову. Соломония упросила князя взять к себе на воспитание новорожденного своего сына Юрия. Князь Луговской не имел детей и с охотой взял себе младенца и тайно покинул обитель вместе с новорожденным. И тогда же немедленно уехал с ним в Ростовскую землю, в свой удел Лугово дворище. Князь Сергей Семеныч усыновил Юрия и тщательно воспитывал его. Через год его супруга родила ему сына, которого назвали Юдой.

Неясные слухи доходили иногда до юного царя Иоанна Васильевича о старшем брате его Юрии, рожденном от Соломонии Сабуровой, но им верили и не верили. Два брата, князья Юрий и Юда, воспитывались князем Луговским по старине, а не так, как воспитывали тогда детей своих князья и бояре московские. Основными правилами были следую-

щие: иметь страх Божий, творить всегда верность до хладной своей могилы, не отступать ни на йоту от путей Господних, повиноваться властям предержащим.

Когда два князя Луговские довольно подросли, то жили между собою в великой любви и согласии. Наследственная их любовь к военным наукам утешала старика-князя, отца их, который незадолго до смерти разделил уделы свои между сыновьями духовным своим завещанием: князю Юрию, как старшему сыну, дал он село Вышеславцево, а Юде — родовое наследие, Лугово дворище.

Недолго после этого прожил князь Луговской, жестокая болезнь повергла его на смертный одр. А когда он почувствовал приближение смерти, то призвал к себе сына Юрия. Наедине он открыл ему, чей он сын. «А село Вышеславцево, — сказал, — это отчина матери твоей Соломонии». После такого объяснения он взял с него великую клятву хранить в тайне до смерти род свой и не домогаться престола царского посредством междоусобной брани, а покоряться по слову Божию, воздавать кесарю кесарево, а Богу — Божье; чтить как помазанника Божия царя, а также брата своего, покоряться ему, а при случае не щадить для него и самой жизни. И при этом строго запретил говорить обо всем брату Юде. После этого он снабдил князя Юрия такими историческими доказательствами, по которым можно было легко признать его за сына Соломонии Сабуровой.

По смерти князя Сергея Семеныча Луговского дети его, молодые князья Луговские Юрий и Юда, жили между собой душа в душу — так говорили тогда про них. В одно время дошли до них слухи, что две сестры, княжны Щепины, Дарья и Марья, прослыли мастерицами прясть. Дарья — дочь князя Ивана Петровича Щепина-старшего, прозванного Бессон, вторая — дочь князя Ивана Петровича Щепина-младшего. Подобные ткани не могла изготовить ни одна из ростовских княжен. Эти дивные мастерицы тонко прясть

были красавицы и жили скромно, уединенно в тереме своих родителей. Их рукоделие ездили смотреть многие княжны и княгини, дивились их искусству. Приехали посмотреть на тонкую работу и князья Луговские. Приезд двух молодых вооруженных витязей весьма перепугал красавиц, не видавших у себя никогда таких посетителей. Молодые князья Луговские, чтобы успокоить сестер, стали извиняться перед ними и объяснять так: «Причиною всему была охота в здешних лесах, в которых мы потеряли дорогу к городу, отчего долго блуждали и чудом наехали на ваш терем. Просим вас дать нам хотя бы краткое отдохновение». И при этом сказались, кто они такие.

Княжны успокоились и стали просить братьев по русскому обычаю отведать их хлеба-соли, на что проголодавшиеся молодые люди с охотою согласились. За столом зашла речь о рукодельи княжен, которое очень пожелали видеть гости. Княжны показали им свои тальки и то, как они их приготовляют с самого начала и до конца. Это весьма заинтересовало братьев. Под конец пированья они влюбились в юных красавиц.

Частое посещение князьями княжен Щепиных, наконец, привело к тому, что оба захотели жениться на них. Юрий стал просить руки бойкой Дарьи, а Юда — тихой и скромной Марьи. Оба они получили на это согласие. А вслед за тем в непродолжительном времени сыграли две свадьбы. Через год княгиня Мария родила князю Юде сына, которого назвали они Томилой. А князь Юрий стал ему восприемником от святого крещения. Это еще больше сблизило братьев Луговских, которые жили в своих уделах, но часто посещали друг друга.

Настал год знаменитого Казанского похода под начальством самого молодого царя Иоанна Васильевича. Все князья и бояре отозвались быть готовыми к походу, чтобы смирить кичливую и беспокойную Казань. Первым в Ростовской округе откликнулись на призыв царя на дело ратное князья

Юрий и Юда Луговские. Они первыми явились на сборное место войск в Ростов, туда же прибыли князья ярославские со своими дружинами.

Начальствовали во всех ратях одни только князья ростовские и ярославские. Среди них князья Борис Владимирович Щепин, Никита Борисович Приимков, Василий Васильевич Приимков-Волк, Данило Петрович Приимков, Юрий Иванович Темкин, Григорий Иванович Темкин, Никита Дмитриевич Янов. Все они были героями того времени. Среди князей ярославских упомянем Ивана Федорыча Вельского, Семена Федорыча Курбского, Петра Федорыча Охлебишина, Михаила Ивановича Курбского, Ивана Семеновича Шамина, Михаила Иваныча Засекина, прозванного Черносовка, сына князя Ивана Бородатого-Дурака да князя Ивана Петровича Чулка. Все они соревновались в доблести с московскими князьями.

В Ростове за братской беседой князья Луговские сообщили друг другу о расставании с супругами. Князь Юда сказывал: «Мои росстани были невинные, будто я иду не в военный поход, а на полеванье, и, кажется, не было выронено ни слезинки, княгиня Мария простилась со мной, держа нашего сына у груди на одной руке, а другой крепко жала мою руку, не спуская с меня глаз». Напротив, князь Юрий рассказывал о своих росстанях, как о самых чувствительных. Реки слез пролила княгиня Дарья, узнав, что муж идет на войну, то делалась как мертвая, думая, что больше не увидит любимого. Князь Юрий говорил, что и теперь боится за ее здоровье, хотя она обещала мужу не утруждать себя, а только молиться Богу о здравии его.

Такие разные расставания у двух братьев с двумя сестрами породили у них сомнения. Они долго обсуждали все это и, наконец, решили их проверить: посетить среди ночи своих жен тайно, не открываясь им. И при этом дали друг другу клятвенное обещание, что если они увидят или услышат что-нибудь худое или доброе, то будут хранить тайну и не откроют ее до возвращения из Казанского похода.

Находясь поблизости от города Ростова, где жил князь Юда, братья отправились прежде всего в Лугово дворище. Переехав в ладье через озеро Неро, они в глухую полночь подошли к терему. Повсюду царила могильная тишина, только в опочивальне князя Юды едва блистал огонек. Бесшумно подкрались они к окну опочивальни. Сквозь слюду князь Юда увидел, что его княгиня Мария молилась, стоя на коленях перед иконой Спасителя. Пред иконой теплилась неугасимая лампада. Икона находилась как раз над колыбелью их сына. Смущенный холодным прощанием с женой, князь Юда успокоился за княгиню и стал про себя горячо молиться Богу.

Через день точно так же в глухую полночь князья подошли к терему, где Юрий оставил скорбную супругу свою Дарью. Издали увидели братья яркий свет во всем тереме. Тут князь Юрий припомнил слова княгини, которая без него якобы будет только молиться Богу о нем, и подумал, что она совершает в тереме всенощное бдение. Так он и объяснил брату своему причину освещения терема. Подойдя ближе, князь Юда заметил брату своему, что он слышит пение не всенощного бдения, а скорее всего веселого пиршества. Тот, заглянув в окно, увидел свою княгиню хмельною, сидящей вместе с известным богачом и развратником Семеном Васильевичем Буйносовым. Княгиня Дарья заливалась громким смехом, слушая загадки не очень благопристойных с виду собеседников своих — упомянутого Буйносова и князя Ивана Борисовича Щепина. А загадки были таковы: «Росло — не выросло, из порток не вылезло, с кончика залупилось, красным девкам полюбилось», другая — князя Владимира Романовича Приимкова: «Тычу-потычу, ночью не вижу, дайка, невестка, днем попытать»[1]. Холопы и девки передавали между собой слова отгадок не слишком целомудренные.

[1] Отгадки таковы: первая — орехи каленые, которые так любят девицы, вторая — замок, потому что его удобнее отпирать днем, чем ночью в темноте.

А девки, посматривая на княгиню свою, громко хохотали.

Разгневанный князь Юрий не ожидал такого от княгини своей и был готов на кровавое мщение. Извлекая из ножен меч свой и скрежеща от ярости зубами, он порывался тут же бежать в терем, чтобы наказать преступницу и ее обожателя. Но князь Юда остановил его, напомнив завет: видеть, слышать, уйти тайно. И князь не ослушался брата своего.

После этого события князья Луговские не пошли уже на сборный пункт в Ростов, а ушли от терема Щепиных прямо в Москву и там дождались дружин московской и ярославской, с которыми и отправились на сход всей русской рати в город Коломну. Оттоле царь Иоанн Васильевич поднялся со всей своей силой к городу Казани посуху и по воде.

Во время осады Казани князь Юрий Луговской, находясь в передовой дружине под началом князя Юрия Ивановича Темкина и под его военным стягом, всегда был там, где случалась кровавая сеча. Он будто искал себе смерти в самых кровопролитных битвах, но везде смерть обходила его. И он против желания своего оставался всегда цел и невредим и даже выходил победителем. Во время Казанской осады он дважды спасал от смерти царя и брата своего Иоанна Васильевича и всегда укрывался от наград.

Наконец в одну ненастную ночь князь Юрий был послан князем Юрием Ивановичем Темкиным к князю Петру Федорычу Охлебишину по делам военным. Возвращаясь оттоле, шел он, размышляя о судьбе своей, по берегу тенистого Булака. Вдруг слышит он стук мечей и крики. Полагая, что это татары напали на обходную ночную стражу, он спешит туда на помощь и видит там при слабом свете луны одного лишь воина, бьющегося с тремя татарами. По доспехам ратным он признал в защищающемся воине русского латника. Он тотчас бросился на помощь своему собрату. Вот уж два неприятеля пали мертвыми от руки Юрия. Последний, тяжко раненый, валялся на земле в крови своей. Но сколь велико было удив-

ление князя Юрия, когда он узнал в избавленном им от смерти простом латнике царя и брата своего Иоанна. Мрачные думы родились в голове его и крепко пали на сердце. Они казались ему самыми своевременными: ночь, мертвые тела татар, дикое необитаемое место, обнаженный меч... Один взмах руки его — и он станет царем всей земли Русской. Все доказательства его происхождения при нем. Остается только исполнить мщение. Эта Каинова братоубийственная мысль охватила всю душу его сатанинской радостью. Рука, держащая победоносный обнаженный меч, напрягала уже мышцы свои, чтобы совершить братоубийство. Только мгновение отделяло его от совершения.

Но совесть — это дар неба, данный человеку для спасения души. Это ангел-хранитель его. Она громко заговорила в нем, поведала о тягости желаемого преступления, возбудила память о клятве, данной им умирающему второму отцу. И как бы мгновенно пала зловещая завеса перед ним, подавила все преступные братоубийственные мысли, взволновавшие кровь его. Он скоро вложил во влагалище меч свой и хотел немедленно и быстро удалиться от царя и брата своего. Но тот крепко ухватил его за руку и с чувством благодарности сказал: «Храбрый воин! Ты трижды спас мне жизнь, и я до сих пор не мог найти тебя. Теперь ты останешься со мной. Я не останусь у тебя в долгу. Темнота ночи не препятствует узнать в тебе прежнего спасителя моей жизни. Я вижу теперь, что ты из непобедимой Ростовской дружины, и клянусь святым Леонтием, что узнаю и награжу тебя — спасителя моей жизни — за все твои подвиги в защиту мою!»

Князь Юрий старался освободиться из рук брата своего и не мог. Тот еще крепче стал держать его. Тут Юрий сказал царю так: «Я только исполнил долг свой, как это сделал бы каждый. Другие и больше того делают: проливают кровь свою и отдают жизни за царя. Теперь имею единственное желание: остаться в безвестности, потому как я вознаграж-

ден с лихвой тем, что спас случайно жизнь царю своему. И если я достоин награды, пусть наградит меня Бог, только тем я и буду доволен. А теперь прошу тебя, освободи мою руку!» Царь же сказал ему твердо: «Теперь Бог и царь наградят тебя достойным образом!»

Юрий видит, что ему никак невозможно освободиться, вступить в борьбу тоже нельзя. Вдруг он слышит невдалеке шаги приближающего ночного дозора и думает: царь может позвать на помощь, дозор поспешит на его голос, и тогда бегство будет уже невозможным. Размышляя таким образом и не находя для себя выхода, он решился на последнее. Юрий приник к уху царя и твердо, но громко сказал: «Сын Елены Глинской чем может наградить теперь сына Соломонии Сабуровой!»

Царь вдруг услышал голос своего отца и затрепетал, дрожь пробежала по всему его телу. Мысли его помутились, и кровь застыла в жилах. Силы телесные оставили его, и руки его ослабели. Долго он стоял недвижно, как в беспамятстве. Наконец, когда сознание вернулось к нему, он увидел себя одиноко стоящим среди трупов татар. Он громко стал звать брата своего, умоляя не оставлять, не убегать от него. Тишина ночи далеко разносила голос царя по военному стану. На голос к нему спешно прибежал ночной дозор. Царь спросил у них: «Не попался ли вам кто навстречу!» — «Великий государь! — отвечал дозорный, — нам попался навстречь один из князей братьев Луговских, но который из них, мы не знаем».

Князь Юда Луговской находился в ночном дозоре в другой стороне военного стана и ничего не знал о случившемся близ стен Казани. Сдав ночную стражу свою другому воеводе, он пришел в свою ставку и к великому своему удивлению не нашел там брата Юрия. На столе лежала написанная им грамота. Взял он ее дрожащими руками и прочитал, что брат его прощается с ним навеки и заклинает его не искать его нигде. Удел

же свой, село Вышеславцево, завещает сыну Юды Томиле, а малую часть из имущества отдает неверной княгине своей.

В горючих слезах о брате застал князя Юду скоротеча от царя. Тот звал к себе обоих братьев Луговских. Юда поспешил к царю один, показал письмо брата своего и рассказал о непонятном его бегстве.

Царь, читая письмо Юрьево, узнал из него об уделе его в селе Вышеславцеве. Он хорошо знал, кем и кому оно было дано. Потом пожелал видеть договорную грамоту князя Луговского с инокиней Соломонией, из которой узнал, что Соломония, передавая Луговскому село Вышеславцево, завещала передать его в род старшего сына его Юрия и больше никому другому. Юрия же она называла там своим крестным сыном. Читая грамоту, царь узнал, что есть еще в живых старший брат его Юрий, рожденный Соломонией Сабуровой. Но где и как его найти? Теперь он почувствовал, что в брате его живет страх Божий, ведь он трижды мог получить место царя. Но он трижды спас его и скрывался, по всей вероятности, избегая междоусобия. Тайна происхождения Юрия стала известна только царю, а Юда по-прежнему почитал его за старшего брата.

Юда получил боярство и великие награды от царя за брата своего Юрия. После этого события стали распространяться в русском стане слухи, что царь в одну из ночей повстречался с братом своим, рожденным от Соломонии. Но князь Луговской смеялся над такой выдумкой, не догадываясь, что это был его брат Юрий. Молва эта, как и предание о рождении Соломонией сына, походила-походила и замолкла навсегда.

Много времени прошло с тех пор, как взято было Казанское царство и царь Иоанн Васильевич из кроткого стал быть Грозным. Боярин Юда Луговской жил в чести и славе в уделе Луговом дворище и приближался уже к старости. Часто со слезами вспоминал он брата своего, почитая его уже умершим. Помнил и то, что честь, славу и богатство получил он

от царя за брата. Сын его Томила Луговской был в Москве на службе царской дьяком.

В одно время к боярину Юде Луговскому пришел в его Лугово дворище послух Ростовского Белогостицкого монастыря от схимника Ионна Зюзина. Схимник Иоанн по святости и строгости жизни почитался в обители той за святого. Боярин Юда слыхал и сам об этом схимнике и много раз собирался сходить помолиться в эту обитель лесов, в день Казанской Божией Матери, хотел побывать на благословении у святого схимника, но каждый раз в это время что-нибудь да задерживало его. Теперь же он не мог надивиться: сам схимник прислал к нему нарочного и хочет с ним повидаться.

В сопровождении инока боярин Юда вошел в келью схимника. Там он увидел лежащего на рогоже престарелого старца, убеленного сединами, который, как показалось боярину Юде, уже боролся со смертью. Братья обители той все стояли около одра умирающего по обычаю иноков. Схимник увидел вошедшего боярина, пожелал остаться с ним один. Братья все тихо удалились из кельи в иную, ближайшую, оставив схимника наедине с боярином Юдой. Тогда старец дал ему знак рукой, чтобы тот приблизился к нему. Тогда боярин Юда стал возле самого возглавия схимника. Тот, помолчав немного, как бы собираясь с мыслями, тихо и кротко сказал ему: «Брат Юда, ты видишь перед собой брата своего Юрия!» Боярин Юда сильно затрепетал и хотел броситься с криком и облобызать старца-схимника, но тот удержал его и сказал: «Не прерывай меня в моей исповеди. Часы моей жизни сочтены, и ты ничего не узнаешь. Скоро смерть наложит свою печать на уста мои. До того времени выслушай краткую историю моей жизни, доколе еще я не оставил сей присный греховный мир. Теперь прежде всего узнай, кто я. Пред тобой лежит не сын князя и боярина Сергея Семеновича Луговского, но сын великого князя Василия Ивановича и Соломонии Сабуровой, старший брат по отцу царю Иоанну.

Второй отец мой на смертном одре своем открыл мне эту тайну и великую клятву наложил на меня: не восставать брат на брата. Я исполнил завет его до конца жизни моей: троекратно спасал от смерти царя, брата своего. Нужда заставила сказать ему о себе и скрываться из-под стен Казани. Ночной порой дошел я до Москвы. И там под именем юродивого Юрки проводил жизнь мою, где имел нередкие случаи укорять за недостойные дела брата моего Иоанна. Там встретился я с «другом» юности нашей, губителем спокойствия моего в известную тебе ночь князем Семеном Васильевичем Буйносовым. Тот один знал тайну моего рождения, сделавшись зятем Якова Мизюри, жена которого свидетельствовал о моей матери, близкой к родам. Этот человек встретился со мной не князем Семеном Буйносовым, а, угадай, кем, — татарином Худеяром. И на пепелище пылающей Москвы мстителем царю за супругу свою, дочь Мизюри. Тебе известны его кровавые подвиги, он жег и палил Москву. И на пожаре пылающей столицы мы встретились с ним и узнали друг друга. Тут я остановил его от дальнейшего неистовства. При виде царевича-юрода он затрепетал. Смотря на меня, он знал, что всем этим обязан я ему. Но я и тут не роптал и благодарил Бога, что он смирил меня. Коротко я рассказал ему историю юродивой жизни своей и о том, как троекратно спасал жизнь брату своему, царю Иоанну. Это поразило его. И тогда я стал укорять его, что он забыл веру отцов своих и изменил Отечеству. Все это так повлияло на него, что он тут же передо мной затрясся, упал и умер.

Вскоре после этого пожар в Москве прекратился, и хан Давлет-Гирей пошел в обратный путь. Я же двинулся в Ростов, куда скрылся от Худеяра царь, чтобы рассказать ему о смерти изменника и уходе Давлета. Но в Ростове я не застал его, он уже был в Ярославле, туда я не пошел за ним, а остался в Ростове не юродом, но странником Акакием. Пришла мне на ум мысль быть пустынником. Я нашел для этого мес-

то в окрестностях Ростова и основал там жилище. Нашлись и любители пустынного безмолвия, и мы основали пустынь, которую сподвижники назвали по моему имени Акакиевой пустынью. Убегая мирской славы, которая стала преследовать меня там, тайно ночью я оставил эту пустынь и под именем простеца Андрея пришел в эту святую обитель. Здесь я принял иночество с именем Иоанна. А там Господь привел меня принять и схиму. Теперь ты видишь, что Юрий, сын Соломонии, не страшен царю, брату моему, которого он с таким тщанием теперь отыскивает, чтобы сделаться новым Каином-братоубийцей. Но Господь не допустил его до этого. Теперь мертвый Давид не будет оспаривать у него царства.

Вскоре после этого схимник Иоанн помер на руках брата своего Юды. На плач боярина Луговского вошли в келью братья обители. Вскоре за ним пришел и настоятель, которому князь Луговской рассказал о родстве со схимником. Умолчал он только о том, что он брат Грозному царю.

С великим торжеством сотворено было погребение схимника, которого положили под сводами церкви Благовещения Пресвятой Бородины в усыпальнице князей Темкиных-Ростовских.

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский и юродивый Афанасий Благоверный

От Рождества Христова 1612 лета

Князь Димитрий Михайлович Пожарский на пути своем из Ярославля в Москву остановился с дружинами своими на дневку в Ростове, в доме потомков князя Андрея Андреевича Луговского

в 7120 (1612) году, августа 15-го дня. В наставшую ночь он видит во сне московскую Грановитую палату, а в ней себя, окруженного думными боярами. Потом видит он там как наяву подходящего к нему маститого старца в святительском одеянии в сопровождении двух спутников странного вида. Небрежная одежда на полуобнаженных телах их удивила князя. «Что общего имеет святитель с такими спутниками?» — подумал князь. Тут святитель обратился ко князю и кротко назвал себя Прохором, родом из окрестностей ростовских, а спутников своих назвал одного Исидором, а другого Афанасием, друзьями своими. Сказавши это, святитель благословил князя и предрек ему хотя трудную, но всецелую над ляхами победу. И обещал ему прислать из Ростова для избрания царя всея России митрополита Кирилла. А спутник святителя, которого он назвал Исидором, подал князю клюкообразный свой жезл, который он имел у себя в руке, и сказал ему так: «Этим моим жезлом сокрушишь ты, как сосуды скудельничи, Заруцкого и всех единомышленников его. Я — Твердислов, потому и слова мои тверды. Приходи ко мне завтра, я живу недалеко от тебя. А это друг и товарищ мой!» Говоря это, он указал рукой своей на спутника своего Афанасия и продолжал: «Завтра он придет к тебе с челобитьем и подарками от дяди своего Иринарха. Прими от него и то и другое: оно одно другого стоит; посети келью старика Иринарха, он не лишний будет для тебя!» После этого святитель и спутники его стали быть невидимыми, и князь ото сна пробудился.

Проснувшись, князь долго думал о таком дивном сне. Утром рано призывает он к себе князей Приимковых Ивана Ивановича и Василия Борщовича, и первое слово князя Пожарского было ко князьям следующее: «Кто такой Твердислов-Исидор и где живет? А кто такой Афанасий? И этот откуда взялся, епископ Прохор, родом из Ростовской земли?»

Тут князь Пожарский к удивлению своему узнает от князей, что Твердислов — это святой Исидор Блаженный, мощи

которого почивают против его терема в церкви, построенной Иоанном Грозным-царем, Афанасий же юродствует ныне в Ростове. Он строгой и святой жизни подражатель во всем святому Исидору, потому и прозвали его Афанасием Благоверным. А Иринарх ему дядя, живущий, — теперь в затворе в Борисоглебском монастыре, дивный верижник, который удивил веригами своими самого пана Сапегу, когда тот приходил в монастырь к нему. Что же касается до епископа Прохора, то этот святитель был епископом Ростову тому назад будет уже пятьсот лет!

Князь Пожарский много удивлялся всему этому. Потом немедленно пошел поклониться святым мощам Исидора Блаженного, где в это время совершалась служба Божия. После молебного пения святому Исидору Блаженному на поднесенной князю Пожарскому выборными гражданами иконе ростовских чудотворцев он к вящему удивлению своему увидел в числе прочих святых угодников Божиих изображение святого Исидора таким, как он видел его во сне: таже на нем одежда, и также надета, и такой точно жезл он держит в руке своей, и таким же точно он видел тут изображенным и святителя Прохора. Только не было здесь Афанасия Благоверного, который тут сам явился налицо. И подходит тогда ко князю Пожарскому тот самый юрод, о котором князья говорили Пожарскому, вид и подобие точное, какое он видел во сне и которого святитель Прохор называл Афанасием, а святой Исидор другом своим. Этот юрод Афанасий держал в одной руке просфору, а другой рукой вел за руку рослого и красивого юношу. Подавая князю просфору, он сказал: «Это прислал тебе дядя мой Иринарх! Он ждет тебя к себе, не облениись, князь, побывай у него. А как будешь в Грановитой палате, тогда вспомянешь и Офоньку, когда увидишь его в ней: он тебе не лиходей!» Потом подвел к князю молодого своего спутника, которого руку он досель не выпускал из своей руки, и сказал князю: «А это, князь, от меня подарок! Это князь Оринец-Ухорский..

Дядя мой возлюбил было его да все спорил со мной. Однако я переспорил его. Храбрый защитник отечеству нужней теперь монастырских служек. Ровно десять лет я спорил с ним и поставил-таки на своем. Теперь он верный слуга тебе на жизнь и смерть!» Сказав это, юродивый скрылся, оставив стоящего пред князем оробевшего юношу неподвижным.

Князь Пожарский обласкал этого юношу, а потом спросил у него, кто он такой. Тот почтительно отвечал ему следующее: «Я — один из сыновей ярославского князя Михаила Васильевича Хворостинина-Ухорского, по имени Михаил, сирота: нет у меня ни отца, ни матери. Мать моя была дочерью князя Романа Борисовича Щепина, по имени Дарья-Оринец. Теперь много лет я жил у бабы своей княгини Онисьи Семеновны, супруги князя Владимира Романовича Приимкова, до сего дня был в болезни десять лет, в течение которых иногда выздоравливал на день, на два, а иногда и на неделю. Потом опять месяца на два был нездоров. По слабости такой моего здоровья, когда лежишь болен, то желаешь быть иноком, по слову преподобного Иринарха. А когда был здоров, тогда у меня являлось непреодолимое желание встать в ряд воинов и сражаться за веру, царя и Отечество. Эта мысль была моя господствующая страсть и обуревала меня более, чем мысль стать иноком. Но это только бывало тогда, когда я был здоров. Так протекли сказанные десять лет. В прошлую ночь вижу я во сне себя вооруженным воином с головы до ног, сражающимся близ воеводы, во всем подобного тебе, вместе с которым грозно поражал я бесчисленных неприятелей; реки крови текли окрест нас, груды поверженных тел лежали пред нами, неприятели бежали от нас. Удар палки юродивого Афанасия разбудил меня. А грозный голос его устрашил меня. Чувствуя боязнь от удара и, не дожидаясь другого, забыл я тогда жестокую болезнь свою, вскочил с одра своего и, чувствуя себя совершенно здоровым, побежал от палки юродивого к бабе своей, а тот постучал и, грозя мне палкою, кричал вослед мне: «Долго ли тебе-то будет с бабами

на печи сидеть и лежать? Пора тебе, как и отцу, дружины к победам водить и бить врагов Отечества не во сне, а наяву! Надо тебе биться плечо о плечо с князем Пожарским. Пойдем, я отведу тебя к нему. Ему теперь такие молодцы надобны, не чернецом тебе век вековать — не то тебе на роду написано!» Поговорив с бабой моей, которая, видя меня как бы вновь переродившимся, дивилась виденному и слышанному и ни в чем не перечила юродивому, отпустила меня добывать Москву от поляков. После этого юродивый привел меня сюда, дорогой он много раз говорил сам себе: «Эдакова молодца дядя хотел сделать чернецом! Ай-да Афонька! Отбил, как отбил у него!» Здесь я увидел весь сон наяву».

Удивленный рассказом Михаила князь Пожарский весьма был рад такому подарку юродивого, определил князя Михаила себе под руку и приказал принести для него доспехи ратные. И в тот же день князь Пожарский с Михаилом Хворостининым поехали в Борисоглебский монастырь на реку Устье к затворнику преподобному Иринарху, который, ночуя приход к себе князя Пожарского, воеводы всех русских сил, вышел к нему во встретение во всех своих праведных трудах. Осеня князя крестным знамением, сказал ему: «Племянник отбил у меня этого молодца! — Тут показал он рукою на Михаила Ухорского. — Уперся. Не гоже, говорит, быть такому молодому князю чернецом, десять лет я спорил о нем с племянником моим, молитвою только поставишь его от болезни на ноги, а племянник тоже молитвою уложит его на болезненный одр; поставил на своем, отбил у меня Михаила». Потом Иринарх снял с себя один крест каменный от праведных трудов своих и, подавая оный князю Пожарскому, сказал: «Это тебе, князь, для удаления от тебя всякого зла частичка праведных трудов моих — Животворящий Крест. Имей его всегда при себе, за ним я сам не приду. Как-то я ходил к царю Василью Шуйскому, а пришлю к тебе в Грановитую палату племянника моего Афанасия, а для выбора в цари придут к тебе два митрополи-

та Ростовские: старый и молодой». Проговоря это, затворник пригласил князя Пожарского в свою келью, где наедине долго беседовал преподобный с князем. Когда дружины князя Пожарского выступали из Ростова к Москве, тогда юродивый Афанасий, скачущий, будто на коне верхом, на своей палке, как это делают малые дети, делал вид и усилия такие, будто он удерживает ретивого коня своего, и выдавал себя за полководца, крича громко, что он едет в Москву бить ляхов и изменников Отечеству, и вдруг вскричал: «А вот и они!» И с этими словами рвется он с дороги в сторону в прилучившийся тут пустырь, полный сорных трав, крапивы и репейника, и стал поражать их своею палкою. При поражении репейника кричал, что он бьет ляхов. А при поражении крапивы кричал, что он поражает изменников Отечеству — переславцев и мартыновцев. Когда прошли мимо него все дружины, где он неутомимо поражал сказанных выше врагов, тогда он оставил свое поле битвы, вышел на середину дороги и низко поклонился вслед им крестным знамением. Это повторил он много раз.

Поляки разбиты. Москва очищена от них. Князь Пожарский торжествовал в ней. А с Москвою торжествовала и вся Россия. Стали съезжаться в нее земства изо всех городов царства Русского по приглашению того же князя Пожарского для всеобщего выбора себе царя русского. В числе святителей прибыли для этого в Москву Ростовский митрополит Кирилл и Варлаам, игумен Николо-Улеймовского монастыря, от земства — князь Борис Никитич Приимков, князь Иван Иваныч Козий Рог, князь Иван Иваныч Верша и посадские люди Иван Кайдалов, Галактион Мамзеров, Тимофей Зверинцев, Сидор Хлебников, Григорий Струнников и Яков Одинцов.

Незадолго до дня всеобщего избрания царя Всея России князь Пожарский предварительно с избранными князьями, боярами и избранным духовенством обсуждал предстоящий выбор царя в Грановитой палате. В это самое время сквозь стражу прошел туда юродивый Афанасий с двумя просфо-

рами в руках. Подойдя к князю Пожарскому и подавая ему просфоры, сказал: «Дядя послал меня к тебе за его праведным трудом. А эти просфоры прислал: одну царю Михаилу, другую тебе!» Удивленный этими словами о царе, князь Пожарский спросил у него, о каком он говорит царе Михаиле. А юродивый, будто не понимая, о чем спрашивал у него князь, отвечал ему: «Бог в жизни моей сподобил меня видеть двух святителей, митрополитов Ростовских, рядом сидящих». Князь Пожарский заметил ему, что с Ростовским митрополитом сидит игумен Николо-Улеймовского монастыря. Юродивый на это ничего не ответил.

Ведь когда помер в Ростове митрополит Кирилл IV 7127 (1619) года, мая 7-го дня, преемником ему стал игумен Николо-Улеймовского монастыря Варлаам, посвященный в сан митрополита Ростовского патриархом Филаретом Никитичем Романовым. Так сбылось пророчество юродивого Офони.

Этому митрополиту царь Михаил Федорович пожаловал великолепную архиерейскую шапку, украшенную драгоценным камением и жемчугом.

В Ростовской соборной церкви был торжественно подписан акт на избрание царя Михаила Федоровича Романова лета 7122 (1613), февраля 23-го дня. Вслед за этим настало новое торжество в Ростове небывалое: встреча новоизбранного царя со старицей Марфой Ивановной, его матерью. Царь приехал в Ростов того же лета, марта в 24-й день. А остановились они на владычном дворе, а приготовлена им была Красная палата.

На следующий день, 25 марта, Ростовский митрополит Кирилл отслужил в соборе божественную литургию в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы в присутствии царя и его матери. А после божественной литургии в Красной палате царь принимал хлеб-соль от земства и вспоминал, как он, благодаря Офоне, познакомился здесь в Ростове с доблестным воином князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, спасителем трона и Отечества.

КОММЕНТАРИЙ

Настоящий сборник «Сказаний Ростова Великого», целиком основанный на текстах замечательного народного собирателя и литератора Александра Яковлевича Артынова, — результат нашей многолетней (с 1975 г.) научно-исследовательской работы с архивом ростовского непрофессионального собирателя.

Сложность изучения сказаний состояла в том, что было чрезвычайно трудно определить значимость его сводных текстов, составленных на основе рукописей XVII—XVIII веков из купеческих библиотек Ростово-Ярославской земли, а также из записей пересказов полулитературных, полуфольклорных произведений в духе лубочной литературы. Нужно было учесть во всей своей очевидной неполноте сохранившееся рукописное наследие древнерусской литературы X-XVII веков, русской народной рукописной литературы XVIII века («народная книга»), а также лубочной литературы конца XVII-XVIII века и, разумеется, русского фольклора для того, чтобы вычесть из всех текстов А.Я. Артынова известное и определить неизвестное, уникальное. Затем надо было определить степень достоверности выкристаллизовавшихся текстов и точно узнать, как они произошли: пересказ, цитирование, компиляция или сочинение. Во всех случаях мы шли «по целине», преодолевая упорное сопротивление академических кругов (А.А. Горелова, В.Н. Баскакова, Г.Н. Моисеевой, Ю.В. Стенника, Ф.Я. Приймы, Ю.К. Герасимова, А.М. Панченко, А.В. Архиповой, В.Е. Ветловской и многих других), полностью игнорировавших Артынова как собирателя, его наследие и творчество.

Итогом нашего разыскания был вывод о том, что главными источниками, которыми располагал ростовский крестьянин, были Мусин-Пушкинский, Хлебниковский и Трехлетовские сборники XVII-XVIII веков, до наших дней, к сожалению, не дошедшие.

Артынов умело пересказывал и цитировал содержащиеся в них тексты уникальной ростовской старины и добавлял каждый раз в текст, хотя бы и минимально, нечто свое, неповторимое. Так создавались им в селе Угодичи рукописные сборники «Ростовский летописец» (1883-1884) и «Сто двадцать сказок Мусин-Пушкина» (1887-

1888). На эти две рукописи Российской Национальной библиотеки под шифрами «Собрание А.А. Титова» (именно он спас артыновские рукописи, купив эти книги у автора-составителя) №4131, 4132, 2768 мы и ориентировались при отборе в настоящую книгу наиболее добротных текстов. Критерии отбора были следующими: относительная текстологическая достоверность избираемого текста (1), прямая связь текста с древнерусской историей и литературой городов Ростова Великого и Новгорода Великого (2), историко-литературная цельность (3), наличие в них, по возможности, признаков относительной древности (4), художественная ценность сюжетов и тем избираемых текстов для становления национального самосознания русского народа, напрямую связанного с его неповторимой духовностью (5).

Все отобранные нами артыновские тексты подвергались минимальной литературной стилистической обработке с целью, во-первых, сделать их понятными современным читателям, во-вторых, сохранить, по возможности, фразеологию и стилистику древних текстов, которые некогда находились в руках А.Я. Артынова и могут быть в настоящее время с известной долей вероятности реконструированы нами.

Состав и расположение текстов сказочных повестей в данном сборнике в основном соответствует используемым источникам. Так, «Сто двадцать сказок Мусин-Пушкина» состоят из четырех частей, где первая часть содержит фантастическое родословие ростовских князей и богатырей, якобы живших за 1300-1000 лет до князя Рюрика Новгородского. Вторая и третья часть Мусин-Пушкинского сборника как будто бы некогда составляла ядро сочинения великого князя ростово-суздальского Константина Всеволодовича (1185-1220) под названием «Дела ростовских **кня**зей». Четвертая часть была, очевидно, собрана и литературно обработана во второй половине XVII столетия стольником Алексеем Богдановичем Мусин-Пушкиным (ум. после 1669 г.) и его женой Ириной (ум. в 1701 г.). Все части сборника также редактировались всеми названными авторами с целью доказать преимущественную роль Ростовской земли и ее князей в утверждении христианства на Руси и создании в Ростове Великом (в XII-XIII веках) центра русской государственности. С ними были, очевидно, согласны и ростовские летописцы, трудившиеся, подобно Нестору, при местных церквах и монастырях и в княжеских палатах

над созданием ростовских летописных сводов. Известно, что ростовское летописание начинается при том же князе Константине Всеволодовиче. В 1278 году в Ростове был составлен Первый Ростовский летописный свод, основанный на Владимирской летописи 1276 года. Свод этот повлиял на Новгородский краткий свод 1280 года и Тверскую летопись XIII-XV веков (см. Лимонов Ю.А. Летописание Владимире-Суздальской Руси. Л., 1967). Есть предположение, что в 1465 году ярославский князь Алексей Васильевич Ухорский-Хворостинин и его книжники составили новый летописный свод, в котором объединили погодные записи (как особый отдел свода) и сказочные повести князя Константина. Так из-под их пера возник протограф Хлебниковского и Трехлетовского летописцев. Два летописца XVII века, принадлежавших в середине XIX века купцам П.В. Хлебникову и Е.В. Трехлетову, очевидно, повторяли с некоторыми дополнениями за вторую половину XV-вторую половину XVII века текст этого протографа, где после сказочных повестей шли погодные известия событий ростовской истории. Такое положение вещей книжники XVII века считали не только возможным, но и вполне нормальным. Так в узорчатой древней Руси фольклор сочетался с литературой, предание — с историей, вымысел — с правдой. А.Я. Артынов, получив одобрение названных ростовского и ярославского купцов, а также историка М.П. Погодина, поступал в полном соответствии с манерой летописцев, не чуждых сказки, дружных с различными преданиями, не чурающихся волшебной сказочной занимательной повести.

Князь Владимир Яналец и основание Ростова Великого

По ркп. Тит. 4131, ч. 2, с. 157-177. Под 448 годом до н.э. Источник — ркп. Хлебникова.

Все три легендарных текста рассказывают о потомках царевича Улла-Росса, сына Рагуилова, — Славяне, Вандале и Владимире (последний известен как Владимир Древний, муж Адвинды, в Иоакимовской летописи), которые в VI—V веках до н.э. якобы были могущественными владетелями Новгорода Великого, а князь Владимир — основателем Ростова Великого в V века до н.э. Артынов согласен со сказаниями Тимофея Каменевича-Рвовского (конец XVII в.), который считал, что после Вавилонского столпотворения в

4902 году до н.э. пришли в Ростовские пределы три потомка Иафета, великие князья Сан, Авесхасан и премудрый Асан. Два первых остались у Варяжского моря и основали Новгород, а третий основал Суждаль. Их дело продолжили князь Славен, царь Вандал и князь Владимир. В другой сказочной повести («Великий князь Владимир и Громобой») содержится иная легенда об основании города Ростова, относящая это событие к более древним временам. Исторической достоверности во всем этом нет. Новгород Великий, как известно, был основан во второй четверти IX века, Ростов Великий упомянут в летописи Нестора под 862 годом. Славяне вообще пришли на Северо-Восток Руси не ранее IV века в связи, во-первых, с походами остготского короля Германариха и, во-вторых, с переселениями поморских славян-ободритов из Прибалтики. Однако все это вопросы исследовательские, дискуссионные. А наши тексты — полуфольклор, полулитература, сложившаяся на Руси в период с XIII по XVII век включительно. Авторами этих произведений могли быть замечательные древнерусские писатели великий князь ростовский и суздальский Константин Всеволодович, князь ярославский Алексей Васильевич Ухорский-Хворостинин и супруги Мусин-Пушкины. Все они записывали и литературно обрабатывали местный фольклор, создавая великолепные волшебные и любовно-авантюрные сказочные повести — предтечи русского романа XVIII века.

Князь Мечислав и царевна Мирослава

По ркп. Тит. 4132, ч. 4, с. 1-16. Под 78 годом до н.э. Источник — ркп. Хлебникова.

Этот текст интересен тем, что является единственной сказочной параллелью текста былины о Садко, новгородском госте, и морской царевне.

Князь Буривой и княгиня Рогнеда

По ркп. Тит. 4132, ч. 4, с. 108-119. Под 85 годом. Источник — ркп. Хлебникова.

Князь Буривой-Вайдевут был любимцем древних новгородцев и ростовчан. Другой князь Буривой, потомок Владимира Древнего, был отцом старейшины Гостомысла.

Царь-девица Лизиха и Елоус, заморский царь

По ркп. Тит. 4132, ч. 4, с. 261-275. Под 305 годом. Источники — ркп. Хлебникова и Трехлетова, а также устные предания, записанные от П.Л. Молодяшина-Бобокова и П.П. Бобота (д. Уткино).

Елоус — король остготов Германарих (350-378), создавший на Восточно-Европейской равнине своего рода империю остготов. Легенды о нем имеются в «Хронике» Аммиана Марцеллина и «Деяниях гетов» Иордана (VI в.). В последней рассказывается о том, что Германарих замучил красавицу Сонильду (приказал разорвать ее конями) за то, что она скрыла от него сокровища отца. Братья Сонильды Аммий и Сар убивают Германариха кинжалами (в тот год ему исполнилось 102 года). Русская сказочная повесть является уникальной сказочной параллелью легенде Иордана. В ее основе лежит местное предание села Климотина Воржской волости о том, что княжна Лизиха закопала сокровища своего отца князя Шустика под тремя дубами и была замучена царем Елоусом. За нее отомстили ее братья Трислав и Запруд (они же — Аммий и Сар), убив Германариха. По устному преданию, на месте зарытых сокровищ на холме стоит каменная приходская церковь села Климотина.

Князь Трудолюб и княжна Веринка

По ркп. Тит. 4132, ч. 4, с. 275-304. Под 319 годом. Источник — ркп. Хлебникова.

Волшебница Тихонрава-Шендора

По ркп. Тит. 4132, ч. 4, с. 305-307. Без года. Источник — ркп. Хлебникова.

Князь Остромир и княжна Белунка

По ркп. Тит. 4132, ч. 4, с. 307-313. Под 323 годом. Источники — ркп. Хлебникова и М.И. Морокуева.

В конце текста интересно говорится о Марьиной роще, на месте которой в 1108 году великий князь Владимир Мономах основал г. Владимир-на-Клязьме. Некоторые источники называют основателем города великого князя Владимира I Святого (991).

Князь Рудак

По ркп. Тит. 4132, ч. 4, с. 378-399. Под 452 годом. Источники — ркп. Хлебникова и устное предание, записанное от С.А Лапина (с. Дебол).

Князь Щёк и княжна Веска

По ркп. Тит. 4132, ч. 4, с. 400-418. Под 465 годом. Источники — ркп. Хлебникова и устное предание, записанное от А.М. Смирнова (д. Нажеровка).

Щёк — брат Кия, основавшего Киев в 430 году. Поэтому здесь уместнее дата 465 (вместо 365, как в рукописи). Впрочем, это все не снимает легендарности с Белогостицкого предания, лежащего в основе сказочной повести, и с предания деревни Козловой о «волшебном козле».

Князь Вадим Храбрый и княжна Красозвезда

По ркп. Тит. 4132, ч. 4, с. 481-489, 506-515. Под 533 годом. Источники — ркп. Хлебникова и Трехлетова, а также устные предания, записанные от П. А. Паклинова (д. Никоново) и от дьячка Г.Г. Радухина (с. Угодичи).

Другие артыновские тексты называют Вадима Храброго, или Сильного, богатырем великих князей Святослава, Владимира и Ярослава.

В данный текст мы включили три других артыновских текста: апокриф «Стих о Голубиной книге», сказочную повесть о князе Светиде, отце Святогора-богатыря, а также историческую песню «Мастрюк Темрюкович», записанную Артыновым в с. Угодичи в 30-40-е годы XIX столетия (текст из ркп. Тит. 4580, с. 95-96). Уникальность публикуемых текстов как местных преданий необыкновенной красоты и силы несомненна.

Князь Рустан и волшебница Мадалея

По ркп. Тит. 4132, ч. 4, с. 515-523. Под 545 годом. Источники — ркп. Хлебникова и устное предание от К.А. Сорокина (г. Ростов).

Князь Куява и княгиня Валеснерия

По ркп. Тит. 4131, ч. 3, с. 232-236. Под 552 годом. Источник — ркп. Хлебникова.

Эта сказочная повесть сближается с новеллами, переведенными в конце XVII века с польского, а также с лубочной литературой на тему «бабьи увертки».

Богатырь Верзило Ушма

По ркп. Тит. 4132, ч. 4, с. 613-635. Без года. Источники — ркп. Хлебникова и устные предания, записанные от священника Митрофана Алексеева (с. Никольское-Ошанино) и от священника Алексия (с. Верзино).

Верзило Ушма был богатырем у великого князя киевского Святослава Игоревича (962-972). Его отец построил в Ростовской земле на Плещеевом озере, при устье реки Трубеже, кожевню. Сын Верзилы Ян Ушмович был тоже богатырь, по преданию он в сердцах раздирал руками воловью кожу. Так, в присутствии великого князя Владимира I Святославича он вырвал руками бок с кожей и мясом у разъяренного вола (Ян Усмошвец. Летописи Нестора. Под 993 г.). В архиве Артынова сохранилась песня «Ян Ушмович», записанная им со слов Якова Алексеевича, по прозванью Питерец, в г. Тихвине в 1822-1823 годах (изд. текста см. в «Воспоминаниях» А.Я. Артынова, с. 155 и далее).

Князь Небослав

По ркп. Тит. 4132, ч. 4, с. 711-728. Под 823 годом. Источники — ркп. Хлебникова и Трехлетова.

Текст интересен свидетельством о борьбе Руси с варягами в IX веке до призвания варяжских князей.

Михей-Русин, ростовский купец

По ркп. Тит. 4132, ч. 4, с. 303-310. Под 858 годом. Источник — ркп. Хлебникова.

Текст любопытен тем, что содержит ростовскую сказку о св. Кирилле (827-869) и св. Мефодии (815-885), первоучителях славянства, и их Хазарской миссии в 860 году. Здесь содержатся новые факты, которых не имеется в других источниках, часть из них носит легендарный характер.

Великий князь Владимир Святославович Громобой

По ркп. Тит. 2768, ч. 1, с. 73-98. Под 988 годом. Сочинения А.Я. Артынова на основе рукописи «Повесть Громобой, или Вадим времен Владимира» (1840), подаренной ему в 1848 году ростовским купцом П.В. Хлебниковым. Полный текст содержится в ркп. Ростовского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника, из собр. рукописей № 378, 1869 г., с. 170-462. В Ростовском летописце текст сокращен автором. В него включено много ростовских преданий, сказаний, апокрифов, использованных и дополненных Артыновым. Основная цель этой романтической любовно-авантюрной повести — рассказать о борьбе язычества и христианства, о причинах введения христианства на Руси волею Провидения и обстоятельствами личной жизни Равноапостольского князя Владимира. Повесть отличается многоплановостью, многосюжетностью и многофигурностью, рамочной композиционной структурой, характерными для русских любовно-авантюрных повестей первой половины XVIII века. В повести действуют сказочные (вымышленные) герои-богатыри, а также некоторые исторические лица: сам Владимир, великая княгиня Ольга (ок. 893-969), македонские цари Филипп и Александр (IV в. до н.э.), Август, римский кесарь (30 г. до н.э. — 14 г. н.э.), первомученики киевские варяги Феодор и Иоанн (883), первая жена князя Владимира полоцкая княжна Рогнеда Рогволодовна (ок. 960-1007) и ее сын князь Изяслав (978-1001), основатель династии полоцких князей (X-XIII вв.), греческий богатырь Анепа, противостоявший князю Святославу в битве под Доростолом (971), Иоанн Цимисхий, византийский император (969-976), печенежский князь Курес, убийца князя Святослава (972), святой апостол Андрей Первозванный (I в. н.э.), константинопольский патриарх Николай II Хрисоверг (979-991), ошибочно названный Сергием; три греческих епископа, им присланные, — Иоаким Корсунянин, Фома и Феодор (последние два — будущие епископы ростовские); князья Ярослав и Мстислав, сыновья Владимира I; епископ Михаил, первый русский митрополит (990-991) и др.

Фома, єпископ Ростовский

По ркп. Тит. 2768, ч. 1, с. 99-102. Под 989 годом. Источники — устные предания, записанные от Ф.С. Шестакова и Н.Д. Дьячкова (г. Ростов) и Ф. Дмитриева (с. Тормасово).

Фома, епископ Ростовский (15 июля-12 августа 989 г.); упомянут в польской «Хронике» Матвея Стрыйковского (XVI в.) и в сочинениях святого Димитрия Ростовского (IV, 676).

Князь Силовой... новокрещенный Лазарь — артыновское свидетельство единственное. На месте происшедшего чуда стоит село Лазарцево-Фомино Нажеровской волости Ростовского уезда.

Епископ Феодор — из греков, август-сентябрь 989 года.

Епископ Иларион — из греков, пришел в Ростов 30 сентября 989 года; 14 августа 992 года освятил церковь Успения Пресвятой Богородицы.

Князь Ярослав Владимирович — третий сын Владимира I Святого, Ярослав Мудрый, первый удельный князь ростовский (989-998), новгородский (1010—1019), великий князь киевский (1019-1054), строитель Русского государства, полководец и просветитель.

Князь Борис Владимирович — второй ростовский удельный князь (с 998). Вначале был на княжении Владимиро-Волынском. Убит 24 июля 1015 года своим старшим братом Святополком Окаянным. Причислен к лику святых Русской православной церкви как князь-мученик.

Преподобный Авраамий Ростовский

203[1]В наше время Авраамия стали относить не к началу XI столетия, но прямо к XII столетию, и стали считать личностью загадочною, почти мифом столетий X и XI, по причине Авраамия Чухломского, которого и мощи почивают в городе Чухломе, о котором современники X и XI столетий, упоминаючи сего последнего, становят двойником ростовскому. Преосвященный Макарий, объясняя как бы несообразность этих мнений, в «Истории иерархии Российской» (т. I, с. 10; т. III, с.64) говорит, что «это должно отнести к отдаленности времени и несообразности писца». Он, впрочем, не

[1] 203-е примечание Артынова находится при последних словах предыдущей главы, когда упоминается имя св. Авраамия. — Ю.Б.

находит возможным, чтобы преп. Авраамий мог иметь сношения во Владимире-на-Клязьме с великим князем Владимиром Святым, куда этот князь «и престол свой царский ис Киева перенес». (Соч. святителя Димитрия Ростовскаго. Ч. IV. С. 676).

Преосв. Макарий говорит следующее: «Если только преподобный 18-ти лет пришел в Новгород как язычник в лето 990-е, потом подвизался на Валааме, пришел в Ростов искоренить язычество и устроить обитель до кончины его. На это надо времени не менее полустолетия. Кончина его совпадает (?) в 1040 год». В «Словаре российских святых», на листе 4-м, сказано, что Авраамий преставился в 1010 году. Слова императора Николая I, сказанные к профессорам: «Надо сохранить на Руси то, что искони бе!» Согласно этой святой истине, искони бе преподобный Авраамий Ростовский был вызван великим князем Владимиром Святым в город Владимир-на-Клязьме по клевете на него духа тьмы, есть сущая истина, а не миф науки. [А.Артынов. Замечание.]

204. О месте этом рукопись Хлебникова говорит следующее: великий князь Владимир, будучи еще язычником, повеле поставити посреде града Ростова великую божницу и в ней поставить бога Велеса. Вероятно, на этом сказании Г.Кайдалов и утверждал, что идол Велеса стоял на месте кремлевской Иоанно-Богословской церкви. Но когда? До или после христианства преподобный сокрушил его удел после епископа Иллариона?

205. Татищев. Т. I. С. 540.

206. Город Туров был прежде польския области. К России покорил его в удел сыну своему князю Святополку.

207. О месте этого терема книга «Уделы князей Ростовских» говорит следующее: на реке на Сулости, на том месте, где стоит ныне село Сулость, по преданию старины, будто бы стоял тут терем князя-волшебника Ласти, потомка князей ростовских, у которого была дочь, молодая красавица, по имени Сулла, вышедшая в супружество за ростовского князя Гремислава, которого она спасла от гнева отца своего. Потом стоял тут терем князя Нагибы-Зори. В позднейшее после этого время стоял тут поселок Сулость, в которой был терем княгини Софьи Дмитриевны, дочери Героя Донского. От нее терем этот перешел князю Константину Владимировичу. От него терем этот перешел князю Андрею Федоровичу Голубому, который

построил тут церковь св. великому Андрею Стратилату. Он него терем этот перешел князю Василью Михайловичу Лобанову, и сей построил тут церковь во имя святителя Василия Великого. Он него терем этот и поселок перешел князю Федору Ивановичу Буйнову, который построил тут церковь во имя св. Великомученика Феодора Стратилата. Он него все это перешло князю Ивану Ивановичу Лобанову и сыну его князю Якову Ивановичу Лобанову.

208. По преданию старины, будто бы недалеко от с. Угодичь стояла Калиновая роща. В настоящее время место это носит на себе имя «Калинок». Часто мне случалось читать рукописные ростовские сказки и слышать простонародные песни, где часто упоминается «Калиновый мост». Ныне место это — сенокосный луг, под именем «Калинск», именует пространство около трех десятин. Прежде рос тут калиновый кустарник в начале XIX столетия.

209. Об этом месте книга «Уделы князей Ростовских» говорит следующее: на том месте, где стоит ныне деревня Хожина, недалеко от этого места стояла калиновая роща. На этом месте наказаны были хождением взад и вперед на одном месте холопы князя Нагибы-Зори преподобным Авраамием за кощунство над ним, когда он в великой опале спешно ехал на кобылице с воином к великому князю Владимиру Святому в город Владимир-на-Клязьме. Впоследствии времени стоял тут терем княгини Дарьи, дочери князя Василька Константиновича, второго этого имени.

210. Об этом тереме та же книга говорит следующее: на крутом берегу речки Шестаковки, на том месте, где стоит ныне село Шестаково, по преданию старины будто бы стоял тут терем ростовского князя Алатыря, который перешел богатырю ростовскому Ларе Шестаку, сыну князя Кузлея. Верховного жреца богини Поливаны народа Чухломы, сподвижника ростовского князя Тучегона-Заики, верховного жреца Велеса. Потом стоял тут терем одного ис потомков князя Тучегона князя Дебола. В последствии времени на этом месте стоял терем знаменитого богатыря и сподвижника ростовского князя Константина Всеволодовича Добрыни Резанича, прозванного Золотой Пояс. На том же месте стоял терем князя Григорья Андреича Приимкова. Внук его князь Наум — Богдан Иванович Приимков отдал этот терем в приданое вено за дочерью своей княжной Параскевой, выданной за князя боярина московского Юрья Ивановича

Шестака. Сын сего последнего боярин Иван Юрьевич Шестак приложил этот терем Ростовскому Архиерейскому Дому.

211. Источник этот существует в настоящее время в чистом поле на холме, верстах в трех от села Щаднева, по пути к с. Ильинску Хованскому, известный под именем Святаго колодца.

212. О месте этой церкви книга «Уделы князей Ростовских» говорит следующее: на том месте, где стоит ныне село Щаднево, на том месте невидимая сила жестоко бичевала воина, который сопровождал преподобнаго Авраамия из Ростова во Владимирна-Клязьму, при бичевании каждом невидимый голос говорил: «Щади старца сего!» В последствии времени князь Михайло Иванович Пужбольской Шендан, построил на этом месте церковь и близ оныя сей терем и назвал его Шадневский терем, который отдал этот терем в приданое вено за дочерью своей княжной Анной, выданной за князя Ивана Андреича Хохолкова — Катыря. А сей последний приложил этот терем, вместе с ним и колодец ключевой воды, изведенный при пути преподобным Авраамием молитвою в ростовский Авраамиев монастырь.

213. Остаток архимандри[ть]и его сохранился до настоящего времени. Это архимандритская шапка или митра. Она вышита по шелковой материи разными шелками и золотом. Низ опушен горностаем. Вышиты изображения ангелов и шестокрылатых серафимов. Вышина ее около четырех вершков.

214. О месте этой хижины книга «Уделы князей Ростовских» говорит следующее: при слиянии речки Стрекавки с рекою Нерлью, на том месте, где стоит ныне деревня Буково, среди дремучего и непроходимого бора поселился князь Святослав Владимирович, сын великого князя Владимира Святого, который был нелюдим и убегал людей, вследствие чего и прозван был «букой». Он впоследствии был настоятелем основанной им обители Копыри. Здесь стоял терем княжны Параскевы, дочери князя Андрея Ивановича Хохолкова, который она передала внучатому своему племяннику князю Юрью Андреичу Хохолкову.

215. Об этой обители та же книга говорит следующее: при слиянии рек Ухтомы и Копырки, на том месте, где стоит ныне погост Копыри, по преданию старины будто бы стоял тут терем и городок князя Ратобора Копыря, который имел в супружестве княжну Све-

тославу, дочь князя Славолюба. Здесь князь Святослав Владимирович, сын великого князя Владимира Святого, построил небольшую обитель, котораго открыл настоятелен (? Так в рукописи. — Ю.Б.) обители той витязь Дикун Золотой Пояс. Недалеко от обители той стоял терем князя Ивана Федоровича Бахтеярова-Немова. Внук его князь Петр Владимирович Бахтеяров поступил во иночество в обитель Копыри, и терем этот приложил в обитель ту.

216. О месте этой хижины книга «Уделы князей Ростовских» говорит следующее: на том месте, где стоит ныне село Лазарцево Скропейное, стояла тут убогая хижина скропеина на живую нить, в которой жил ратарь и дровосек Лазарь с сыном своим Кудимом. Сей последний вступил в супружество с дочерью боярина и тысяцкого новгородского Константина, сына рускаго богатыря Добрыня Никитича. На месте бывшей хижины боярин уже Кудин, сын Лазарев, поставил церковь. А в последствии времени стоял тут терем князя Василья Васильевича Приимкова — Волка, который отдал этот терем в приданое вено за дочерью своей княжной Пелагией, выданной за князя Ивана Ивановича Лобанова, Козий Рог прозваннаго.

217. На месте водружения этого жезла о построении Богоявленския церкви села Угодич предание и рукопись П.В. Хлебникова на с. 318 говорит следующее: первоначально была построена деревянная по благословению св. Исайи, епископа Ростовского, с конца XI столетия в течение семи столетий стоял до построения каменныя. В этот период времени не одна церковь сменялась на том месте одна другою и всякий раз вновь выстроенной церкве передавались и первоначальное имя ея «Богоявленския». В это время ктиторами ея построения и украшения были следующие: князь Мстислав Владимирович Храбрый соорудил новую большую церковь вместо малыя, великолепием украсил ее и снабдил ее доходами — «даде у мыта с девиц повалешное. А с молодиц — повенешное». Потом вместо этой ветхой построил новую князь Глеб Юрьевич, «которую строили византийския мастеры». После князя Глеба Юрьевича украсил эту церковь князь Андрей Юрьевич Боголюбский. Князь Борис Василькович ростовский для святаго Богоявления в венец приложи два яхонта чер в чаты большия. Ростовский князь Глеб Василькович приложи в венец Предтечи два яхонта лазоревыя. Ростовский князь Дмитрей Борисович создал великолепную церковь вместо обвет-

шавшей. Ростовский князь Василько Константинович II-й украсил великолепием церковь. Князь Иван Дмитрич Переяславский приложил двенадцать жемчугов кафинских и бурмитских. Княгиня Дарья Андреевна приложила два изумруда больших. Княгиня Александра приложила венец серебряный чеканной, позлащенной, с яхонтом на св. Иоанна Предтечу. Князь Федор Михайлович Мологский и князь Андрей Дмитриевич учиниша в церковь немалыя вклады. Великий князь Иван Васильевич устрои на Спасителя к Богоявлению венец чеканной и цату чеканную с яхонтом чер в чатым большим и с двумя яхонтами лазоревыми. Князь Федор Михайлович Мстиславской приложил блюдо серебряное. А супруга его княгиня Анастасия Петровна приложила катасарку сидон малинового бархата, шита шелками изоляпом, в лицах «Не рыдай, Меня, Мати». Княгиня Евдокия Ивановна обложила икону Богоявления средину сребром кованым. Княгиня-старица Варлама на икону Богоявления обложила по сторонам двенадцать праздников серебряныя. Царь Иван Васильевич приложил икону Нерукотворенного Спасителева образа, на него — венец и цата серебряныя, позлащеныя, чеканныя, в венце три яхонта больших, чер в чатых, в цате яхонт большой и два изумруда большия. Царица Марфа Васильевна приложила пелену прикладную к иконе Богоявления жемчуги и камением. В начале XVII столетия боярин Томила Юди Луковской, думной дьяк заложил в с. Угодичах каменную церковь во имя Богоявления Господня в 1620 году, майя в 21 день, которую святил ростовский митрополит Варлаам II в 1627 году, генваря в 6 день. Церковь же эту делил царской мастер Петрушка, которого Томила освободил от неисходной царской темницы в Москве. Кирпич для оныя били и обжигали крестьяне деревни Уткина. Нарядчик был из них Полуевкт Томилка Артемьев. Кулак-боярин Илья Алексеев Луговской в 1670 году приделал два предела — Иоанна Предтечи и Кирика и Улиты, каменныя. Стольница Ирина Алексеевна Мусина-Пушкина в 1678 году построила каменную трапезную церковь с пределами апостолов Петра и Павла и Триех Вселенских Святителей.

218. Вот об этом говорит рукопись Хлебникова: «И шедъ къ людемъ сущимъ на брегу езера ловы дѣющимъ мрежами и моли ихъ да превезуть его на онъ полъ езера въ обитель. Собравшися ту люди мнози зѣло ті и бо слышаху о немъ, яже во град и въ весехъ

бѣ, и молиша его да речетъ имъ о себѣ на пользу има. Онъ же простеръ къ нимъ слово довольно и вси в сладость послушаша его, таже рече има о мѣстѣ покоя своего, идъже бѣ водруженъ жезлъ его. Егда же бѣ въ ладъи посредѣ озера, ста на молитву, и по молитвъ благослови люди ту сущія съ нимъ, и нарече ихъ «господіамъ езера того и ловем его имъ, и семени ихъ отнынѣ и до вѣека».

219. По словам рукописи Хлебникова, некоторыя почитают быть одно и тоже «Александр Попович» и «Алеша Попович». Тот и другой известен по роду: сын старого попа Ростовского собора, бывшаго на Подозерии, близ детинца княжа.

220. Рукопись П.В. Хлебникова. Словесно сообщили Ф.С. Шестаков и прикащик г. Кар с. Угодич Иван Алексеич Быков и камердинер Кара Григорей Ильин. (А.Я. Артынов.)

Князь Мстислав Владимирович

По ркп. Тит. 2768, ч. 1, с. 163-164. Под 1093 г. Источники — ркп. Трехлетова и устные предания, записанные от А.В. Щапова (г. Ростов).

Князь Мстислав Владимирович (1076-1132) — старший сын великого князя киевского, переяславского и черниговского Владимира Всеволодовича Мономаха и английской принцессы Гюды Гаральдовны; князь новгородский (1088-1093, 1097-1117), ростовский (1096-1097), великий князь киевский (1125-1132), пытавшийся удержать Киевское государство от распада, полководец и строитель церквей. Причтен к лику святых. Сказочный эпизод («Чудо св. Леонтия») относится к ростовскому периоду (1096-1097). Святой Леонтий умер в 1073 году и не мог быть современником князя Мстислава. Вероятно, это был другой ростовский святитель, по имени Стефан, великий ревнитель паствы своей и миротворец князей. Как раз в то время вопрос о сборе серебра с населения стоял особенно остро. Предшественник князя Мстислава на Ростовском престоле, его сын Владимир (1093-1095), велел собрать «тяжкие дани». «Не успели вирники и земские собрать положенную князем Владимиром дань, как на его место вступил... отец его князь Мстислав Владимирович... Сбор дани немедленно прекращен был. И при таком вступлении нового князя с виду казалось, все забыто, что было прежде. Но на самом деле этим бедствие страны не кончилось, потому что князь Мстислав имел глаза и уши наместника своего Любима

Кропотку, который хорошо знал горячий нрав своего князя, не терпящего ни в чем себе сопротивления. Знал все и делал все в угоду князю!» (Ркп. Тит. 2726, с. 183). Не к этому ли времени следует отнести разговор князя с епископом о богатстве и обнищании?

Святой Леонтий, епископ Ростовский, и жрец Кича

По ркп. Тит. 2768, ч. 1, с.172-176. Под 1072 годом. Источники — ркп. Хлебникова и устные предания, записанные от Ф.С. Шестакова, А.И. Хлебникова-Черноусова, дьякона Космодемьянского прихода Гавриила (г. Ростов) и П.А. Покланова (д. Никоново).

Святой Леонтий был посвящен в епископы Ростовские из иноков Киево-Печерского монастыря (1051-1073) по просьбе Ярослава Мудрого для борьбы с поклонниками языческого бога Велеса, которые в то время там активизировались. Предания об отчаянной схватке святого со жрецом Кичей в других источниках, кроме артыновских, не существует. Известно, что святой был убит язычниками 19 июля 1073 года и так претерпел мученичество! При жизни св. Леонтия к нему приходил из Белаозера юноша, принявший от него монашеский постриг под именем Нестора и поселившийся в келье на берегу реки Сотьмы, на том самом месте, где ныне стоит деревня Несторово. Позднее он уехал в Киев, в Киево-Печерский монастырь, где стал знаменитым Нестором-летописцем. На месте жилища жреца Кичи ныне стоит деревня Кичино Нажеровской волости. На месте сооруженной им деревянной церкви — село Мосейцово. На месте убийства святого Леонтия, на Брутовщинине ручье святой Исайя, епископ Ростовский, в 1080-х годах основал Зачатьевский Яковлевский монастырь. Тело святого было погребено киевским митрополитом Георгием Греком в ростовском соборном храме.

Прохор, епископ Ростовский, и новгородские ушкуйники

По ркп. Тит. 2768, ч. 1, с. 190-192. Под 1120 годом. Источники — ркп. Хлебникова и устные предания, записанные от Ф.С. Шестакова, А.П. Горбунова и Н.Н. Дьячкова (г. Ростов).

Прохор — в миру Прокофей, — сын пахаря с берегов реки Прони, был посвящен в ростовские епископы 6 декабря 1120 года. На месте чуда ныне стоит Квасоварная слобода, на месте хижины Прокофея — деревня Прокофьево Ивановской волости.

Ушкуйники — речные разбойники из Новгорода.

Молодой Филя-воевода

По ркп. Тит. 2768, ч. 1, с. 222-226. Под 1056 г. Источники — ркп. Хлебникова и устное предание, записанное от священника отца Василия (с. Векшицы).

Филя — дочь боярина и воеводы ростовского Фили, по имени Фекла, выданная им замуж за угличского князя Улейбоя. Ныне на месте терема боярина Фили стоит село Филимоново Воржской волости. На месте встречи Фили и Улейбоя, называемом «Улейбой», первый угличский князь Владимир Константинович (умер в 1249 г.) основал Николо-Улеймовский мужской монастырь в память о следующем событии: во время монголо-татарского нашествия в марте 1238 года князь с отрядом стоял на холме, а в это время внизу проходил большой отряд татарских воинов, разговаривавших о русских и о городе Углич-поле и не видевших на холме князя и его воинов; в это время князь Владимир возносил к Богу молитвы о спасении, призывающие на помощь святого Николая. Его молитва была услышана.

Князь Андрей Юрьевич Боголюбский

По ркп. Тит. 2768, ч. 1, с. 226-230. Под 1157 годом. Источники — ркп. Хлебникова и устные предания, записанные от М.Ф. Никоновой-Юхановой (с. Угодичи).

Князь Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1112-1174) — сын великого князя Юрия Долгорукого, князь вышгородский и турово-пинский (1149-1150, 1155), ростово-суздальский и владимирский (1157-1174). Крупный полководец и государственный деятель, строитель городов и церквей, причислен к лику святых Русской православной церкви.

Кучка — Стефан Кучка, выходец из Новгорода, владелец терема на Лобном месте и усадьбы на высоком берегу Москвы-реки, возле нынешнего Благовещенского собора.

Улита — дочь боярина Кучки, жена князя Андрея Боголюбского.

12 Зак. 2748

Князь Олег Святославич Стародубский и волшебник Назор

По ркп. Тит. 2768, ч. 1, с. 231-234. Под 1162 годом. Источники — ркп. Хлебникова и устное предание, записанное от Г. Ильина (с. Угодичи).

Олег Святославич — стародубский князь, сын князя Святослава Всеволодовича.

Княгиня Агафья Юрьевна — сестра князя Андрея Боголюбского, дочь князя Юрия Долгорукого, жена князя Олега Святославича Стародубского.

Юродивый Фрол — в миру князь Владимир Юрьевич Муромский, сын князя Юрия Долгорукого, изгнал с ростовского престола лжеепископа Леона и помог отыскать князю Олегу его супругу.

Епископ Феодор Колугер

По ркп. Тит. 2768, ч. 1, с. 238-242. Под 1170 годом. Источник — ркп. Хлебникова.

Епископ Феодор — инок Киево-Печерского монастыря, сын ростовского епископа Леона, от отца унаследовал великие богатства, с помощью которых, подкупив братию и цареградские власти, добился поставления в ростовский епископат. Академик Б.А. Рыбаков относит казнь лжеепископа Федорца к 1168 году.

Терем-киновия — жилище ростовского лжеепископа Феодора Колугера, над входными дверьми которого было написано: «Твои еже хощеши».

...бросили в озеро — тело Федорца бросили в озеро близ юго-восточного угла города, где ныне стоит Ростовский Девичий монастырь; по поверьям рыбаков, кол, воткнутый в этом месте в дно озера, выходит сам собой нижним концом вверх с оборотом.

О юродивом Фроле, епископе Леоне и о смерти князя Андрея Боголюбского

По ркп. Тит. 2768, ч. 1, с. 236-239. Под 1168 годом. Источники — ркп. Хлебникова и устные предания, записанные от Ф.С. Шестакова и А.В. Щапова (г. Ростов).

Леон — ростовский епископ (1158-1162), известный своими злоупотреблениями и ересью.

Смерть великого князя — князь Андрей Боголюбский был убит боярами Кучковичами в своем дворце, в Боголюбове, 29 июня 1174 года.

Боярин Юрий Долгий

По ркп. Тит. 2768, ч. 1, с. 250-254. Под 1199 годом. Источники — ркп. Хлебникова и устные предания, записанные от Ф.С. Шестакова и А.В. Щапова (г. Ростов).

Боярин Юрий Долгий — сын ростовского боярина Добрыни Долгого. Предание интересно тем, что содержит редкое описание древнерусского кулашного боя.

Князь Константин Всеволодович (1185-1220) — старший сын великого князя владимиро-суздальского Всеволода Большое Гнездо, князь переяславский, новгородский, ростовский (1208-1216), великий князь ростово-суздальский (1216-1220). Храбрый полководец, строитель городов и церквей, мудрый книжник.

Соколиная слободка — была расположена близ Ростовского собора, с западной стороны в ней жили княжеские сокольники и всякая княжая тешь.

Никола перевоз — на месте чуда стоит ныне село того же названия и церковь святого Николая.

Икона святителя Николая — находится в Ростовском соборе под именем иконы келейной святого Леонтия, была дана вкладом собору князем Константином Всеволодовичем.

Убегай Липцов!

По ркп. Тит. 2768, ч. 1, с. 264-269. Под 1212-1216 годами. Источник — ркп. Хлебникова.

Липцы (Липица) — река, приток Гзы, течет недалеко от г. Юрьева-Польского, построенного князем Юрием Долгоруким. Здесь на Липецком поле 21 апреля 1216 года произошла битва между новгородцами и суздальцами. Новгородцы, которыми руководили князья Мстислав Мстиславич и Константин Всеволодович, победили. Князья Юрий и Ярослав Всеволодовичи бежали. По преданию, на поле битвы пали богатыри.

Князь Глеб Василькович и царевна Газель

По ркп. Тит. 2768, ч. 1, с. 308-311. Под 1257 годом. Источник — ркп. Хлебникова.

Князь Глеб Васильковый (1237-1278) — сын князя Василька Константиновича и княгини Марьи Михайловны. Князь белозерский и ростовский, находясь в Орде как заложник, тайно от хана вступил в брак с его дочерью царевной Газель-Феодорой 20 мая 1257 года, вместе с ней вернулся на Русь. Заботился о церквах и монастырях, проводил каналы. Он и его супруга отмечены благочестием. При нем в Ростове возникло подворье татарских купцов.

Святой Петр, царевич Ордынский

По ркп. Тит. 2768, ч. 1, с. 312-318. Под 1261 годом. Источник — ркп. Хлебникова.

Святой Петр — Даир Хайдакулла, сын Ибрагима, брата хана Большой Орды Беркэ, татарский царевич, принявший святое крещение по увещеванию епископа Ростовского Кирилла 29 июня 1261 года. Приехав в Ростов, он стал русским князем, основал Петровский монастырь, где и был похоронен. Известно его потомство: сын Лазарь, внук Юрий, правнук Игнатий. Причтен к лику святых.

Кирилл II, епископ Ростовский (1231-1261), причтен к лику святых.

Князь Иван Андреич Брюхатый и братья Сбродичи, Князь Семен Михайлович Луговской и Братья Сбродичи

Два текста по ркп. Тит. 2768, ч. 2, с. 25-31 и с. 33-36. Под 1433 и 1435 годами. Источники — ркп. Хлебникова и устные предания, записанные от священника села Юрьевская слобода отца Петра (1848) и от крестьян села Никольского А.И. Курбака и Я.Е. Хайлова.

Имена князей, перечисленных в двух текстах, следует считать историческими. Семь братьев Сбродичей — это семь сыновей князя Димитрия Димитриевича Приимкова, жившего в первой полови-

не XV века (см.: Иванов П.И. Местничество//Русский исторический словарь. 1838, Т. 50. С. 140-141). Сбродичи — иными словами, разбойники. Семь князей якобы похитили для князя Василия Юрьевича Косого княгиню Феодору. Они похищали для него и других княгинь-красавиц, устраивая сборища-оргии в родовом тереме князей Приимковых на берегу Макарова ручья. На этом месте ныне расположено село Семибратово-Макарово Ростовского уезда.

Оба предания написаны в духе любовно-авантюрной повести, имеют отдаленное сходство с русской народной сказкой «Семь Симеонов» о том, как семь братьев похитили для царя красавицу, жившую за горами и морями (Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. М., 1936. Т. 1. С. 351-360, 618-621).

Князья Юрий и Юда Луговские

По ркп. Тит. 2768, ч. 2, с. 128-137. Под 1552 годом. Источники — ркп. Хлебникова и устные предания, записанные от Г. Ильина (с. Угодичи), А. Кокина (Белогостицкая слобода) и архимандрита Белогостицкого монастыря, по прозвищу Турка.

Белогостицкое предание о том, как сын великого князя московского Василия III и великой княгини Соломонии Сабуровой Георгий (род. после февраля 1526 г.) уже после второго брака великого князя «отомстил» своему младшему сводному брату — царю Ивану Грозному, до сих пор не было известно в литературе, оно не подтверждается и не опровергается источниками. По предположению археолога А.Д. Варганова, нашедшего в XX веке в Суздальском Покровском монастыре платье мальчика XVI века, князь Георгий был действительно рожден Соломонией, но потом бесследно исчез.

Великий князь Василий Иванович (1479-1533) — старший сын великого князя московского Ивана III Васильевича и Софьи (Зои) Фоминишны Палеолог, великий князь московский (1505-1533).

Великая княгиня Соломонида, или Соломония — из рода дворян Сабуровых, дочь князя Юрия Константиновича Сабурова (ум. в 1512г.), великая княгиня (1505-1525). Развод по причине ее бесплодия произошел в ноябре 1525 года, монашеский постриг против ее воли был совершен не в Суздале, а в Москве, в Рождественском девичьем монастыре. Затем Соломония была сослана в Суздальский Покровский монастырь.

Княжна Елена Васильевна — из рода русско-литовских князей Глинских, дочь князя Василия Львовича Глинского, вторая жена великого князя Василия III, мать Ивана IV Грозного, а также князя Юрия, регентша Московского княжества при малолетнем наследнике (1533-1538).

Лугово дворище — родовое имение, удел князей Луговских, по крайней мере с XIV века.

Село Вышеславцева — дано было на корм инокине Соломонии великим князем Василием III. Князь С.С. Луговской, по тайному завету Соломонии, на смертном одре передал это село своему приемному сыну Георгию.

Томила Юдин Луговской — лицо историческое, служил царю Василию Шуйскому (1606-1610). За московское осадное сидение (декабрь 1606 г.) получил в вотчину село Угодичи, в междуцарствие (1610-1612) был думным дьяком в Москве и разделил пребывание в польском плену вместе с патриархом Филаретом Никитичем Романовым (1612-1619). Умер в 1620-е годы.

Князь Данила Петрович Приимков — московский воевода (1559-1602), присутствовал на свадьбе Лжедмитрия I и входил в его Государственный совет, умер в 1607 году.

Год знаменитого Казанского похода — 1552. Все названные в сказании ростово-ярославские князья упоминаются как воеводы в рукописи Хлебникова, а некоторые из них — в Разрядной книге и в «Казанской истории» (XVI в.). Факт троекратного спасения под стенами Казани царя Ивана Грозного мнимым князем Юрием Луговским (сыном Соломонии Сабуровой?) не опровергается и не подтверждается другими источниками. По рукописи Хлебникова, спасителя царя разыскивали по его приказу князья Ю.С. Луговской и В.Д. Пенко, но не могли найти. Он сбежал и постригся в монахи. Другие князья, упоминаемые в этом предании, например, С.В. Буйносов, И.Б. Щепин, В.Р. Приимков, — лица исторические. Их имена встречаются в разрядных книгах и грамотах.

Схимник Иоанн Зюзин — по местному преданию, под именем Иоанна Зюзина скрывался мнимый князь Ю.С. Луговской, брат Юды, якобы сын Соломонии Сабуровой. Имя схимника Иоанна Зюзина встречается в синодике Белогостицкого монастыря, основанного в 1348 году. О самом Белогостицком монастыре (распо-

ложенном на месте событий сказочной повести про князя Щека) Артынов сообщает любопытные сведения: «По словам рукописи Хлебникова, на месте Рыбного притона стоит ныне Белогостицкая слобода. А где стоял шатер князя Кия (князя Щека? — *Ю.Б.),* было первоначально идольское капище бога Купала, которое уничтожил первый удельный ростовский князь Ярослав, сын великого князя Владимира Святого, который вместо капища поставил церковь во имя святого великомученика Георгия. Впоследствии времени здесь ростовский князь Константин Всеволодович по образцу Ростовского собора построил каменную небольшую церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы из девятого камня, везомого рекою Вексой для Ростовского собора. Первобытный образец сохранен в этой церкви. Все цело и есть точная копия Ростовского собора времен строителя, князя Константина, с четырьмя готическими «лбами» и одной «каморой великой». Около этой церкви великий князь Дмитрий Иоаннович Донской ... построил монастырь Белогостицкий. Сын его князь Василий дал ему угодья, починки и леса. В этом монастыре замечательные иконы: Нерукотворный Спасителев образ, дар великого князя Димитрия Иоанновича Донского, Казанская Божия Матерь, принесенная из Казани князьями Темкиным и Семеном Приимковым. Сначала икона эта находилась в Ростовском соборе над царскими вратами и посредством устроенного механизма поднималась кверху и опускалась вниз. Таким точно образом и тоже над царскими вратами устроена была в Белогостицком монастыре икона Грузинской Богоматери, икона Смоленской Богоматери. Обе эти иконы из Акакиевой пустыни, находящейся в 20 верстах от Белогостицкого монастыря. Ростовский митрополит Арсений Мациевич при этом монастыре имел из первых по достоинству в России конный завод. Им построена в том монастыре соборная церковь над трапезою. Рукописный Синодик этой обители говорит следующее: «Под сводами Благовещенской церкви находится усыпальница князей Темкиных. Надгробные памятники их видны там и ныне. Они поминаются в Синодике там в следующем порядке: князья Владимир, Иоанн, Адриан, Иоанн, Василий, Феодор, Созонт, Георгий, Дмитрей, Иоанн, Иоанн Схимник, Павел, Григорий, Михаил инок, Дионисий, Михаил Темкины. Феодор Гвоздев, Иоанн Глинской, Борис, Василий, Борис, Иоанн, инок Судский, Григорий,

Иоанн Схимник, Зюзин». По душам их надлежало давати в лето в день Казанской Богоматери корм с поставца монастырского — по укругу хлеба и квас с монастырских ледников.

Это продолжалось до половины XIX столетия. Накануне дня Казанской Богоматери было подторжье. А в день Богоматери — большая сельская ярмарка. Преимущественно были на ней косари, нанимающиеся в работники на один сенокос. Ныне все это перешло в Ростов. А Белогостицкая ярмарка перешла в рассказы старожилов». (Тит. 2768, ч. 1, с. 85-86. Прим. 148).

Татарин Худеяр — согласно рукописи Трехлетова, Худеяр был одно и то же лицо с князем С.В. Буйносовым, мстившим царю Ивану Грозному за убийство его супруги, дочери Якова Мизюри, знавшей тайну рождения великого князя Георгия (Тит. 2768, ч. 2, с. 135-136. Прим. 487).

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский и юродивый Афанасий Благоверный

По ркп. Тит. 2768, ч. 2, с. 183-187. Под 1612 годом. Источники — ркп. Хлебникова и устные предания, записанные от соборного старосты И. В. Хлебникова, а также от А.И. Хлебникова-Черноусова и И.М. Шугоркина (г. Ростов).

Это предание рассказывает о чудесном предсказании Афанасия Благоверного (15 августа 1612 г.) об избрании на царство Михаила Романова (21 февраля 1613 г.). Оно должно объяснить нам политическое поведение князя Дмитрия Михайловича Пожарского, национального героя, после освобождения Москвы от поляков (октябрь 1612 г.): его отказ от почестей и наград и от участия в борьбе за власть и царский венец, его существенную помощь в избрании на царство Михаила Романова. И все потому, что князь Пожарский знал Божия избранника и не противился Провидению!

Князь Димитрий Михайлович Пожарский (1578-1642) — из князей Рюриковичей-Стародубских, потомков князя Святослава Всеволодовича, сына великого князя Всеволода Большое Гнездо. Стряпчий, стольник, воевода в различных городах, верный защитник Русского государства, крупный полководец,

участник первого и второго ополчений, битв за освобождение Москвы и Кремля и всей России от иноверцев. В конце жизни заболел «черной меланхолией».

Афанасий Благоверный — в миру Стахий, племянник Иринарха-Затворника, ростовский юродивый, умер после 1615 году и похоронен в Ростовском Борисоглебском монастыре.

Юноша князь Оринец-Хворостинин-Ухарский — псевдоним Михаила Федоровича Романова (1596-1645), сына боярина Федора Никитича Романова (в иночестве Филарета) и Ксении Ивановны Шестовой (в иночестве Марфы). Жил вместе с матерью в Тушино, потом в Москве, где был задержан поляками в Кремле до ноября 1612 года. Потом жил в Костроме в Ипатьевском монастыре. 21 февраля 1613 году, избран в Москве на царство, 24 мая 1613 года прибыл в Ростов, венчался на царство в Москве 11 июня 1613 года. Из других источников неизвестно, был ли он в Ростове 15 августа 1612 года.

Красные палаты — По А.Я. Артынову «это была та самая Красная палата Ростовская, которая явилась прародительницей московской Грановитой палаты. Она ведь основана на месте бывших тут теремов языческих князей. Местные старожилы поведают, что был здесь некогда брусяной терем, в котором пировал сам Владимир — князь Красно Солнышко, когда он мощною рукою своею водружал знамя христианства в Ростовской земле. Та палата служила жилищем князьям ростовским, потом была настоятельской кельей Иоанно-Богословского монастыря, потом служила кладовой и подвалом ростовским иерархам. Митрополит Варлаам I называл ее Красною палатой, потому что она была расписана живыми красками древним церковным иконным письмом. Посреди этой палаты стоял круглый столп, на котором были утверждены своды ее. На столпе во весь рост написаны были ростовские святители. А по стенам и по своду изображались события из земной их и загробной жизни; с восточной стороны было красное крыльцо, подобное московскому. В просвещенный наш век, в 1832 году, это вековое здание до половины было разобрано и превращено в винный склад».

Словарик славянских богов, упоминаемых в сказаниях Ростова Великого

Велес

Велес (Волос) — бог скотоводства и богатства, покровитель животного мира. Самое его имя означает веле чтимым, ибо Велес, через толкование слова, значит велий, т.е. великий, а Волос — володеющий, т.е. обладатель. Изображался с бычьими рогами, в простой одежде, держащим в руке чашу с молоком, так как он предпочтительно покровительствовал крупному рогатому скоту. В жертву ему приносились коровы и быки. В Киеве воздвигнуты были ему божницы, также и в других городах имел свои капища. Между русскими богами занимал он первое место после Перуна. Нестор сообщает клятву, которую давали перед Волосом как богом скота. Эту клятву произносил Вещий Олег, когда сей великий князь был в Константинополе с войском своим и заключил мирный договор с византийскими императорами Львом и Александром. Истукан Волоса был разрушен в Киеве вместе с другими идолами, но спустя еще долгое время оставались служение и образ его в Ростове. Велеса чествовали с 20 по 25 марта на масленичную неделю и с 25 декабря по 6 января (н. ст.) на зимние святки. 6 января был Велесов день. С принятием христианства на Руси ему стал соответствовать Власьев день — 11 февраля.

Волоты

Волоты — исполины непомерной величины и силы. Из сказок древних русичей видно, что сверх силы волоты имели еще и дар неуязвимости. Впрочем, древние славяне под именем Волотов разумели римлян. Слава силы и могущества римского народа представила воображению римлян великанами, непобедимыми существами.

Даждьбог

Даждьбог — один из главных богов восточных славян. Автор «Слова о полку Игореве» называет всех русских даждьбожьими

внуками. Этот бог дал людям все главное (по космическим меркам): солнце, тепло, свет, движение — смену дня и ночи, времен года, лет и т.д. Вероятно, он был больше, чем бог солнца, ибо обозначал то, что мы называем «весь белый свет», светлое, творческое мужское, небесное начало, в отличие от темного, женского, рождающего, земного. Даждьбог — бог дающий, податель земных благ, а также бог, охраняющий свой род. Метафорически его называют «огонь Сварожич». Сварга — по-индийски небо. Сварог — бог неба. Значит, Даждьбог — огонь (свет) небесный. Почитался также как бог богатства, счастья и благополучия, и жертвовали ему только усердными молитвами и испрошением у него милости, ибо благотворение не требует ничего, кроме прошения и признательности. Еще Даждьбог — хранитель ключей земных. Бог солнца закрывает землю на зиму и отдает ключи птицам, которые уносят их в вырей — летнее царство, страну ушедших душ. Весной птицы возвращают ключи, и Даждьбог открывает землю.

Дєд

Деды (диды, дзяды) — общеславянские духи предков. У славян особый обряд почитания дедов совершался весной, на радуницу — седьмой день после Пасхи (пасха усопших, семуха) или осенью. Угощали дедов и на Рождество, под Новый год. Души умерших родственников приглашали в дом и жертвовали им пищу, выливая ее под стол или выставляя за окно. Пищу также относили на кладбище и клали на могилки. Деды изображались в виде «болванов» с лучиной. В Белоруссии во время обряда хозяин трижды обносил зажженную лучину вокруг стола, совершая окуривание душ умерших.

Для тех, кто считали, что ведут свой род от Перуна (Ольговичи и др.), Дед — еще и синоним Перуна. Дед — хранитель рода и, прежде всего, детей. В любом клане есть старший мужчина, представитель родового старейшинства, который усмиряет страсти внутри клана, хранит основные принципы морали рода, строго следя за их исполнением. Беларусы, украинцы и др. называли дедом (дидом) домовое божество, охраняющее домашний очаг (уклад), печной огонь, как бы малый Перунов огонь, в отличие от большого — на небе. Дедом называли и лесное божество — хранителя Перуно-

ва клада (золота, серебра, т.е. молний, грозы, дождя серебряного). Деда молили об указании, открытии клада. По преданиям, где огонек блеснет, там клад этот (дождь с грозою), который жизненно важен для людей (для рода, дома Перуновых потомков).

Купало

Купало — русское божество, коего истукан стоял в Киеве. Бог плодов, причисленный к знатнейшим богам. В начале жатвы, т.е. 24 июня (ст. ст.), приносили ему жертвы — на полях зажигали большие костры, а юноши и девушки, цветами увенчанные и препоясанные, плясали около огня при радостном пении; наконец, скакали они и гнали свое стадо через огонь, думая через то обезопасить свое стадо от леших, или лесных духов. Прыжки через костры были одновременно испытанием ловкости и испытанием судьбы, гаданием: высокий прыжок означал удачу в замыслах. От костра к реке откатывали колесо — символический знак солнца, выражая таким образом поворот солнца вниз — на зиму. На рассвете все участвовавшие в празднике купались, чтобы снять с себя злые немощи и болезни. В купальскую ночь, по преданиям, происходили всякие чудеса: цвели редкие загадочные травы (разрыв-трава, папоротник и т.д.); открывались невиданные клады. Нечисть — ведьмы и колдуны — тоже предавались всяческому разгулу, скрадывали звезды, месяц и т.д. Из слияния названия языческого славянского праздника Купало и христианского Иванов день (день рождества Иоанна Предтечи Господня) явилось новое название праздника — Иван Купала.

Лада

Лада — богиня любви, красоты, очарования. Все безбрачные приносили Ладе жертвы, думая через то получить себе счастие для будущего супружества. С наступлением весны, когда сама природа вступает в союз с Ярилой, наступали и Ладины праздники. В эти дни играли в горелки. Гореть — любить. Любовь сравнивали с красным цветом, огнем, жаром. С корнем «лад» связаны многие слова брачного значения. Лад — супружеское согласие, основанное на любви; ладить — жить любовно; ладковать — сватать; лады — помолвка; ладило — сват; ладники — уговор о приданом; ладканя — свадебная песня; ладный — хороший, красивый.

В начале лета, на «зеленой неделе», справляли семик — девичий праздник. Называли семик честной, подобно масленице, — это один из наиболее почитаемых народных праздников. На семик особая честь воздавалась березе. Она у древних славян считалась священным деревом, олицетворяла богиню Ладу.

Лада изображалась в виде молодой прекрасной женщины, в розовом венке; волосы у нее были золотоцветные; одетая в русскую одежду, опоясанная золотым поясом и убранная жемчугами. Она держала за руку младенца, который есть бог любви Лель.

Макошь

Макошь (Мокань) — славянское божество, покровительница женских работ, прядения и ткачества, также земледельческое божество, мать урожая, богиня изобилия. Обязательный атрибут при ее изображении — рог изобилия. Эта богиня связывала отвлеченное понятие счастливой удачливой судьбы с конкретным понятием изобилия, покровительствовала домашнему хозяйству, стригла овец, пряла; наказывала нерадивых. По белорусскому поверью, негоже оставлять на ночь кудель, а то «Мокоша опряде». Макошь покровительствовала браку и семейному счастью. Конкретное понятие «пряха» связывалось с метафорическим: «прядение нити судьбы». Судьба — сречa. Сербы говорят: «Несреча тонко пряде», т.е., если нить судьбы слишком тонка, счастье (и жизнь) в любой момент может оборваться.

Макошь — единственное женское божество, чей идол стоял на вершине холма в пантеоне князя Владимира. В русском православии Макошь перевоплотилась в св. Параскеву Пятницу. Поскольку в ее распоряжении были все плоды земные, она ведала и судьбой урожая, покровительствовала торговле. В Новгороде в 1207 г. выстроена церковь Пятницы на Торгу, такие же храмы были возведены в ХП-ХШ вв. в Чернигове, Москве; Пятница — на Руси торговый день. Известен особый апокрифический пятничный календарь из 12 пятниц. Это хорошо осмысленная цепь сменных праздников. Ни одному божеству христианского мира не оказано столько внимания. Праздник св. Параскевы — 28 октября (ст. ст.), когда собран урожай, скот не гоняют в поле, начинаются зимние домашние работы — прядение, ткачество, подготовка приданого и т.д.

Перун

Перун — верховный бог Киевской Руси; грозный бог, повелевающий небесными явлениями; бой войны. Название его восходит к сарматскому слову «торым», что переводится как всевышнее существо, богодух. Изображался высоким, плечистым, черноволосым, златобородым (мед по бороде течет), с луком в правой руке и с колчаном со стрелами в левой. Истукан сего божества в пантеоне князя Владимира был сделан не из одного вещества: стан его был вырезан из дерева, голова вылита из серебра, уши и усы изваяны из золота, ноги же выкованы из железа; в руке он держал нечто, похожее на молнию, которую представляли вместе составленные рубины и карбункулы. Пред ним горел неугасимый пламень, за небрежение коего жрец наказывался смертью, состоящею в сожжении его как врага божества сего. У Перуна была огромная свита из родственников и помощников: Гром, Молния (тетушка Маланьица), Град, Дождь, русалки и водяные. Ветры-сыновья, имеющие порой собственные имена. Иногда их четыре (по сторонам света). Отсюда день Перуна — четвергоду. Перуну служат богатыри, боги сезонной смерти природы Вий, Кащей, Мара, змеи и др. В христианстве праздник, соответствующий громовержцу Перуну, известен как Ильин день — 20 июля (ст. ст.).

Проно

Проно (Пров, Прове) — бог правосудия. Изображался в облике старца в длинных одеждах с большим числом складок и цепями на груди. В складках — тайны мудрых решений, которые принимает Проно, предугадать их никому не дано. Цепь, которую ему суждено носить вечно, — символ последовательности и завершенности каждого дела, за которое принимается бог правосудия. Он никогда не останавливается на полпути, не оставляет ни одного дела незаконченным. И если судья, которому покровительствует Проно, примет нечестное решение, бог правосудия со временем накажет его.

Светид

Светид (Световид, Святович) — бог войны, солнца, победы. Он изображался четырехголовым. Рог, седло, меч — символы этого бога. По ночам Светид ездит на белом коне и борется *с* нечистой силой.

Боится его нечисть, потому как победить не может. Если уж она и насядет, собравшись в большую стаю для решающей битвы, то достает Светид рог и трубит зарю, кличет дневных богов. А сам он становится днем невидимым, почивает, готовится к новым сражениям.

Светид — верховный бог у большинства племен западных славян, хранитель и продолжатель рода, предок, прародитель, давший свет и жизнь (vita — жизнь). Он, как и Даждьбог, обозначал то, что мы привыкли называть «весь белый свет». Отсюда — святки, игры в честь бога Светида. Четыре его лица — «на все четыре стороны» — указывают на регионы распространения его власти.

Семаргл

Семаргл (от слова «семя») — бог семян, ростков, корней растений, охранитель зелени; древнейшее божество, восходящее к берегиням, священная крылатая собака, охранявшая посевы, как бы олицетворение вооружейного добра. Обладал благой и демонической натурой, посланец небес, посредник между богами неба и духами земли. Имел способность исцелять, ибо он принес с неба на землю побег древа жизни. Бог пантеона князя Владимира. Культ Семаргла справлялся в русальную неделю с 19 по 24 июня (ст. ст.).

Стрибог

Стрибог — бог воздушных стихий, древнее верховное божество неба и Вселенной. Представляется в образе гусляра, перебирающего струны, с луком за спиной, а на поясе — колчан со стрелами. Стрибог — преодолевающий преграды; ветры — его внуки. Один из богов пантеона князя Владимира. (В исследовании Глинки «Древняя религия славян», 1807 г., дается иное толкование сего божества: Стрибог — божество, наказывающее беззаконников в преисподней, бич злодеяний в сем мире. Его мести предавались заслужившие проклятие.)

Хорс

Хоре — бог солнца. Не случайно от древних корней «хоро» и «коло», означавших круг, солярный знак солнца, образуются слова хоровод, хоромы (круговая застройка двора), колесо. Скифы-пахари (праславяне) называли себя потомками солнца — сколотами. Самый известный сколотский царь носил имя Колоксай, т.е. царь

солнечного народа. В «Слове о полку Игореве» князь Всеслав, пробираясь ночью в Тьмутаракань, «великому Хорсови волком путь перерыскаше», т.е. успевал до восхода солнца.

Чудо морское

Чудо морское — служитель и вестник Царя морского. *Царь морской* — владыка морей. Будучи столь же древен, как и самое море, имеет венец из морского папоротника; разъезжает по морям в раковине, везомой морскими псами; в одной руке у него весло, знак укрощения волн, в другой — острога, знак их возбуждения. Обиталище его — чертоги и престол — во глубине океана. Его особенно чтили поморские славяне, варяги, т.е. морские наездники, умоляя о счастливом по волнам плавании.

Чур

Чур — божество границ, одно из древнейших божеств-берегинь. Чур был у русских то, что Терминус (божество границ) у римлян. Римский бог, изображаемый сперва четырехугольным камнем, впоследствии получил, однако же, голову, а наш Терминус, напротив того, остался навсегда безголовым: чурка — деревянное изображение Чура.

Земля, в которой покоились предки (пращуры) какого-либо рода и которая переходила, наследуясь, из рода в род, считалась неприкосновенной. По поверьям многих племен, души тех, кто не уважает святости границ, передвигает межевые камни (столбы), хозяйничает на земле чужих предков, подвергаются проклятию, а после смерти блуждают без пристанища; или такие люди вечно принуждены таскать камни и носиться по полям, нигде не находя покоя; или носиться по полям блуждающим огоньком. Чур связан с миром. Он освящает право собственности, защищает ее (очаг и теплая изба — место обитания Чура), утверждает оседлость человека на земле, гуманные нравственные принципы (ср. «чур, мое!», «чур, пополам!», «чур, вместе!»). Со словом «чур» связаны слова черт, очерт, очерчивать. Праславянское «чърт» — проклятый, возможно, нарушивший границы географические, а затем — неизбежно — и нравственные, подменяющий добро злом.

Краткий хронограф земли ростовской IX-XVII веков

861 – первое упоминание в летописи города Ростова.

937 – согласно местным летописям основан Углич.

1010 – окончательно признанный год основания Ярославля. Прежде называлась несколько более поздняя дата, но это мнение было опровергнуто, ибо княжение основателя города Ярослава Мудрого в Ростово-Суздальской земле продолжалось лишь до 1010 г.

1024 – первое известное по летописи восстание крестьян-смердов на территории края. Причиной его послужил голод после нескольких неурожайных лет в Верхнем Поволжье. Подобное восстание вспыхнуло затем в 1071 г.

1137 – первое упоминание в летописи о Рыбинске.

1152 – дата основания Переяславля. В этом году князь Юрий Долгорукий перенес город Клещин в более удобное место в устье реки Трубеж и назвал его Переяславлем (в более позднее время буква «я» из названия выпала, и с XV в. город стал называться Переславль).

1175 – Переяславль-Залесский становится столицей обширного Переяславского удельного княжества, которое просуществовало 126 лет. Наивысшего расцвета город достиг при князе Ярославе Всеволодовиче. При нем в городе жил летописец, который составил свод записей с 852 по 1219г.

1218 – год образования Ярославского княжества, в состав которого вошли также Углече поле, Молога и «страны Заволжские до Кубенского озера».

1220 – 30 мая (ст. ст.) у князя переяславского Ярослава Всеволодовича, сына князя Всеволода Большое Гнездо, родился второй сын, названный при святом

крещении Александром — будущий князь Александр Невский.

1223 – в битве с монголо-татарами на реке Калке погиб легендарный русский богатырь, ростовчанин Алеша Попович.

ок. 1230 г. – в Переяславле-Залесском, по утверждению ученых, создано знаменитое «Моление (слово) Даниила Заточника» — одно из самых своеобразных и загадочных в древнерусской литературе произведений, а во Владимире после 1246 г. — «Слово о погибели Русской земли».

1238 – 4 марта на берегах реки Сити (на территории современного Некоузского района) произошло кровопролитное сражение с монголо-татарскими захватчиками. В составе рати князя Юрия Всеволодовича сражались ростовские, ярославские, угличские воины. Битва закончилась поражением русских дружин и установлением на Руси власти Большой Орды.

1257 – одно из первых народных восстаний против ордынского ига. Сражение под Ярославлем на Туговой горе, в которой погиб юный ярославский князь Константин.

1262 – крупное восстание против захватчиков в Ростове. Подобные восстания происходили здесь также в 1289, 1294, 1307 гг. и позднее.

1302 – Переяславское княжество одним из первых присоединяется к Москве.

1328 – к Москве присоединился Углич.

1463 – в состав Русского централизованного государства вошло Ярославское княжество.

1474 – присоединен к Москве Ростов.

1538 – основание города Любима.

1551 – год «рождения» уникального города Свияжска. Он был срублен в угличских лесах под руководством

талантливого мастера Выродкова, затем разобран, плотами спущен вниз по Волге и вновь собран близ Казани. Из Свияжска началось наступление русских войск на Казань.

1591 – 15 мая в Угличе был найден мертвым малолетний царевич Димитрий. Мятеж угличан и последовавшая затем жестокая расправа над зачинщиками.

1608 – взятие и разграбление Ярославля польскими интервентами.

1608 героическое противостояние угличан иноземным захватчикам. За три с половиной года Углич несколько раз переходил из рук в руки. Оборону города возглавляли патриоты Богдан Неведров, Иван Лаптев, Елизар Корсаков и Богдан Нагин.

1609 – новый штурм Ярославля. Непрерывные ожесточенные бои с интервентами продолжались более двадцати дней. 22 мая захватчики были отбиты, осада города снята.

1612 – Минин и Пожарский во главе с «земской ратью» в Ярославле. Здесь образован «Совет всея земли». Этот Совет «из всех чинов и людей Московского государства» становится временным (1 апреля — 28 июля) общерусским правительством, а Ярославль — временной столицей России.

1619 – патриарх Филарет строит в Ярославле в Спасском монастыре каменный храм Федора, Давида и Константина — местных святых, в память о пребывании здесь царя Михаила Романова после избрания его на царство в Костроме в 1613 г.

1670 – начато строительство Ростовского кремля. Завершено через 30 лет.

Словарь древнерусских и диалектных слов и выражений

Адамант – алмаз
Аер – воздух
Анафема – церковное проклятие
Баласы – пустяки
Безвременный – несвоевременный, напрасный
Белорусская земля – здесь: свободная Русская земля
Беседа – кушетка
Бесстудне – бесстыдство
Бирюч – посланник
Бить под микитки – бить в поддых
Благостыня – милостыня, здесь: взятка
Блаженный – юродивый, святой
Больма – более всего
Бранный – военный
Братина – большая чаша с накладной крышкой
Буерак – сухой овраг (татар.)
Бука – шум, смятение; здесь: страшилище
Булат – кинжал закаленной стали (татар.)
Вассал – зависимый владетель
Веверица – пушной зверек, горностай или белка
Век вековать – жить в одиночестве
Велий – большой
Великодневные – пасхальные
Вем – знаю (от *ведать – знать*)
Вено – доля, выкуп
Вервь – веревка
Вериги – железные цепи
Верста – мера длины, равная 1066,8 м
Вертоград – сад
Вече – народное собрание

Вещебник – предсказатель
Влагалище – ножны
Владыка – епископ
Возглавие – подушка
Воймовать – обольщать, завлекать
Волот – исполин, чудовище
Волхв – служитель языческого бога
Волхвование – колдовство
Волчья сыть – пища волка
Вольящетый – витой, украшенный
Вотчина – наследственная собственность
Вретище – грубая бедная одежда
Говяда – корова
Головашки – верхняя часть чего-либо; здесь: дровней
Гость – купец
Гривна (или цята) – шейное украшений
Гридица, гридня – комната для княжеской стражи, или приемная зала
Груздырь – собиратель грибов – груздей
Гяур – неверный (араб.)
Дебелый – толстый
Дебовый – запасной
Дебрь – лес, заросли
Девки-чернавки – домашние чернорабочие
Дедина-отчина – происхождение, родина
Детинец – укрепление или двор внутри укрепления; также: детина, парень
Дивь – удивление
Добре – очень, хорошо
Добывать с лезвия – грабить
Долгомерное – длинное
Дородный – толстый, большой, достойный
Досюль – прежде, до сих пор
Дровни – сани

Душегрея – теплая кофта
Ехать ступою бредучей – ехать быстро
Жезл – посох церковный
Жеребий – жребий
Жрец – служитель языческого бога
Закут – скрытое место
Зане – так как
Заповедь – наказ, завет, запрещение
Зараз – сразу, быстро
Затворник – монах-схимник
Затомлять – загрустить
Заушение – пощечина, оплеуха
Захожее – стороннее
Зачатии – начать
Зелено вино – водка
Зело – очень
Зилант – крылатое чудовище (татар.)
Зыбка – колыбель
Иверки – осколки
Иерей – священник
Излюб – полюбить, понравиться
Инок – монах
Инуде – на стороне
Искони – от начала
Истома – усталость
Кабан – тур, дикий вепрь
Каган – князь (евр.)
Казак – вольный наездник
Калантарь – безрукавный панцирь
Калачи крупитчаты – калачи из крупы
Калика, калика перехожая – странник, паломник
Калугер, колугер – монах, инок
Камка – шелк
Камка хрущатая – шелковая цветная плотная ткань

Каноны – церковные песнопения
Канцлер – начальник государственной канцелярии (лат.)
Капище – языческий алтарь или храм
Келья – монастырская комната
Кивот – поставец для святых икон
Кика – женский головной убор
Киновня – общежительный монастырь
Киоск – беседка
Киса – кошелек
Киян – океан
Клеть – кладовая, чулан
Клюка – посох; также: хитрость
Ключ – отряд, рота
Ков – коварство, заговор
Ковач – кузнец
Когорта – отряд, батальон
Корабленники – золотые монеты с изображением корабля
Корань – магометане
Кормчий – штурман
Коротать – жить
Корысть – богатства
Костел – католическая церковь (польск.)
Кощунничать – скоморошничать, балагурить
Крен горючий – каменный уголь
Кречатник – смотритель за кречетами для княжеской охоты
Кромешный – темный
Крутояр – крутой берег, обрыв
Кряковистый – кряжистый
Кумир – идол
Курная изба – изба с печью без трубы
Курнос – курносый нос
Курные печи – закрытые печи
Куртаг – приемный день (нем.); здесь: пирушка
Лад – согласие

Лада – любимая
Ладушки – ладоши
Ланита – щека
Легион – отряд, полк
Леторасль – ветвь
Лицедеи – актеры
Личина – маска
Лобызать – целовать
Логовище – жилище диких зверей
Локоть – мера длины, равная 46 или 47 см
Луда – плащ; здесь: дно реки, мель, на которой ловят рыбу
Лук разрывчатый – далеко стреляющий лук
Луна – лунный месяц, равный 28 дням
Лях – поляк
Лютость – жестокость
Малахит – зеленый камень
Маститый – уважаемый, солидный, опытный
Матерый – опытный, старый
Меженный – средний
Мета – цель
Москаль – москвич (польск.)
Мошна – кошелек
Мрежа – сеть
Мурава – трава
Муравленый – пестрый, узорчатый
Мурза – князь (татар.)
Нагорный – верхний
Надоть – надо бы
Назола – назло, надоедливость
Найти – подойти, набрести, повстречать
Намёт – шатер или палатка
Непопятный – неотступный, неотступающий
Непраздная – беременная
Нераленые поля – непаханые поля

Неторный путь – непроложенный путь
Неуносная – постоянная
Ни в сон, ни в чох – ни во что
Ногата – мелкая монета
Обереганье – защита, охрана
Обинуться – отказаться
Оный – этот, тот
Опала – немилость
Осерчать – рассердиться
Отреченные книги – апокрифы, запрещенные церковью
Палаты – дворец
Папист – сторонник римского папы, католик
Паства – прихожане, люди, посещающие храм
Патер – отец (лат.)
Перевязка девичья – лента вокруг головы
Пестуницы – няни
Плещи – плечи
Поволить – пожелать
Под мякишки – под ребра
Поимать – захватить
Покой – комната
Полог – завеса над постелью
Полтретья – два с половиной
Поляница – богатырь-пограничник в поле
Понт – море (лат.)
Порфира – драгоценная одежда
Посажёная мать – мать на свадьбе (*посага – свадьба*)
Послуга – служба
Послух – свидетель, помощник
Потёк – побежал
Потрава – съедение
Потчевать – угощать
Пошиб – удар
Пошибка – схватка

Преподобный – святой
Престать – пристанище
Притча – короткий поучительный рассказ
Притча во языцех – широкая известность чего-либо
Пряженое – жареное
Путы – веревки или цепи, которые опутывают
Пядь – мера длины, равняя 22 см
Радетель – старатель
Ражий – здоровый, сильный
Рало – плуг
Расчуровать – расколдовать
Ратевище – ссора, война
Ратиться – воевать
Роздых – отдых
Росстани, росстанье – расставание
Рыбий зуб – кость мамонта
Рында – младший придворный титул
Ряд – договор
Ряженая – данная по ряду; здесь: невеста
Ряженый – жених
Сажень косая – мера длины, равная 2,4-2,5 м
Сажень мерная – мера длины, равная 2,13 м
Светлица – парадная комната
Селянка – крестьянка
Сем-ка – ну-ка, дай-ка
Сенные девки – прислужницы
Сирый – сирота, бедный
Скатерти браные – скатерти, накрывающиеся сами собой
Скоморохи – шуты, плясуны, гудошники, фокусники и забавники
Скоротеча – скороход
Скрижали – камни с надписями
Скудельный – глиняный; скуделя – изделие из глины
Словущий – известный
Служка – слуга

Смежить – закрыть
Смурый – серый
Сноси – роды; на сносях – накануне родов
Сокольник – смотритель за соколами для княжеской охоты
Солочина – солонина
Сонм – собрание
Сочиво – кушанье из семян бобовых, чечевицы
Сполохаться – сполошиться, испугаться
Срачица – рубашка, нижняя одежда
Сребреник – серебряная монета
Сродич – родственник
Стан – жилище, лагерь
Стесниться – стесняться
Стремянный – придворный чин: служитель у стремени князя
Сугубо – вдвойне
Суженая – невеста
Суженый – жених
Сыновец – племянник
Сыта – сыченая медом вода, медовый взвар
Сыть – еда
Тартараты – ад
Тать – вор
Телец – бык
Течь – бежать
Торная тропа – проложенная тропа
Туземный – местный
Тур – зубр, бык
Турить – упираться, опускать
Тысяцкий – градодержатель, начальник войска города
Убиться – расшибиться, упасть
Уда-херлица – разновидность удочки с крючком
Уткнуть – уткнуть, уколоть
Укруг – каравай
Уланы – знатные (татар.)

Улем – член мусульманского религиозного совета (араб.)
Улус – владение (татар.)
Урочище – местность
Урочная – заданная, определенная
Усилки – силачи
Уханье – шум
Ушкуй – узкая лодка
Ушкуйник – участник походов по рекам на ушкуях, разбойник
Ферязь – верхняя женская длинная одежда (перс.)
Ходебщик – продавец товаров в разнос
Холопы – слуги
Цевница – струнный музыкальный инструмент
Чародей – волшебник
Чаять – ждать
Чело – лоб
Челобитье – просьба
Челядь – слуги
Черлён, червлён – красный
Чертог – богатая комната
Четверть – мера длины, равная 17,7 см
Четья Божия – Священное Писание
Шадравить – теребить
Шапка-мурманка – норвежская шапка
Шаровой – красочный
Шипки – цветки и плоды шиповника
Шлейф – стелящаяся по полу часть парадной женской одежды
Юрод – юродивый, т.е. человек, избравший особый путь спасения, через внешнее безумство, телесное страдание, вещание правды людям.
Ярл – граф (швед.)
Ярлык – грамота или указ хана (татар.)
Ярый – белый, блестящий

Книги издательства **«БЕЛЫЕ АЛЬВЫ»**
можно приобрести:
в Москве – в книжных магазинах «Молодая Гвардия», «Библио-Глобус», «Дом книги», «Москва», «Русское зарубежье», «Путь к себе», *в книжном клубе* в СК «Олимпийский» (места 129, 131, 16, ковровый зал места 27, 28), в книготорговых оптовых фирмах «У Сытина», «Мастер-книга», «Юрайт», «Кнорус», «Академкнига», «Топ-книга» (Новосибирск), «Когорта» (Краснодар).
в С-Петербурге – через редакцию газеты «За русское дело» (198103, С.-Петербург, а/я 170, e-mail: zrd@rol.ru);
в Екатеринбурге — тел. 8-908-903-6207;
в Вологде – тел. 8-911-502-43-88, (8172) 75-4322, 75-2143;
в Архангельске – (8182) 65-38-02; в книжном магазине при типографии «Правда Севера», Новгородский пр-т, 32

Представитель издательства в Книжном клубе
«Олимпийский» (Москва): 2 этаж, место 259

Сказания Ростова Великого,
записанные Александром Артыновым

Редактор С. Удалова
Художник М. Пресняков
Компьютерная верстка и обложка: В. Санкин
Дизайн обложки М. Пресняков

Подписано в печать 22.06.2007 Формат 84 x108 / 32
Печать офсетная Печ. л. 11,5 Тираж 2000 экз. Заказ 2748

Издательство «Белые альвы»
109542, Москва, а/я 44, Светлане Николаевне Удаловой
Тел./факс **(495) 235-8797**
E-mail: **lebedy@online.ru support@influx.ru zakaz@influx.ru**
Интернет-магазин: **www.eshop.influx.ru**

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера»
163002, Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс: (8182) 64-14-54, тел.: 65-37-65, 65-38-78
E-mail: zakaz@ippps.ru, www.ippps.ru

ISBN 5-7619-0266-4

Белые альвы

Издательство «Белые альвы»
Тел.: (495) 235-87-97
Интернет-магазин:
www.eshop.influx.ru

9 795761 90266 3